

ПРУТЦКОВ Г.В.
ВВЕДЕНИЕ В МИРОВУЮ ЖУРНАЛИСТИКУ
Антология в двух томах

ТОМ 2

Учебное пособие по курсу «История зарубежной журналистики. Введение в мировую журналистику»

Во второй том антологии включены произведения виднейших германских, английских, американских, французских публицистов, созданные в период с начала XVI до конца XVIII в. Антология составлена в соответствии с программой курса «Введение в мировую журналистику».

Текстовый материал предваряется биографическими справками об авторах и сопровождается краткими комментариями.

Многие тексты, вошедшие во второй том настоящего учебного пособия, давно не переиздавались, практически недоступны студентам и являются библиографической редкостью.

Составитель

ГЕРМАНСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РЕФОРМАЦИИ (XVI ВЕК)

МАРТИН ЛЮТЕР (1483–1546)

95 тезисов. Диспут о прояснении действительности индульгенции

К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства

**МАРТИН ЛЮТЕР
(1483–1546)**

Мартин Лютер – один из наиболее известных деятелей Реформации в Германии, учился в Эрфуртском университете, получил степень магистра. Отказавшись от светской карьеры, Лютер постригся в монахи и в 1512г. получил степень доктора библеистики в Виттенбергском университете.

В 1517 г. в знак протеста против продажи индульгенций в Германии Лютер послал архиепископу Майнцскому, а затем обнародовал «95 тезисов», которые и положили начало Реформации. Лютер отверг обвинения Рима в ереси и в 1520 г. публично сжег папскую буллу, отлучавшую его от церкви. Постепенно Лютер разработал основы протестантизма, перевел на немецкий язык Библию.

С развитием противоречий внутри движения Реформации Лютер перешел на консервативные позиции, требуя, например, жестокой расправы над крестьянами как над разбойниками, проявляя нетерпимость к другим реформаторам.

95 тезисов. Диспут о прояснении действительности индульгенции

** «95 тезисов» были написаны Лютером в ноябре 1517 г. и направлены архиепископу Майнцскому. Лютер выступил против распространившейся практики продажи католической церковью индульгенций. Впоследствии Лютер был отлучен римским папой от церкви и стал у истоков протестантизма, точнее – одной из ее ветвей, лютеранства, названного в честь автора «95 тезисов».*

Печатается по: Лютер Мартин. Диспут о прояснении действительности индульгенций (95 тезисов) / Пер. с латинского А.И. Рубана. Под ред. Ю.А. Голубца. СПб, 1996.

Во имя любви к истине и стремления разъяснить ее, нижеследующее будет предложено на обсуждение в Виттенберге под председательством достопочтенного отца Мартина Лютера, магистра свободных искусств и святого богословия, а также ординарного профессора в этом городе. Посему он просит, дабы те, которые не могут присутствовать и лично вступить с нами в дискуссию, сделали это ввиду отсутствия письменно. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

1. Господь и Учитель наш Иисус Христос, говоря: «Покайтесь...», заповедовал, чтобы вся жизнь верующих была покаянием.
2. Это слово [«покайтесь»] не может быть понято как относящееся к таинству покаяния (то есть к исповеди и отпущению грехов, что совершается служением священника).
3. Однако относится оно не только к внутреннему покаянию; напротив, внутреннее покаяние – ничто, если во внешней жизни не влечет всецелого умерщвления плоти.
4. Поэтому наказание остается до тех пор, пока остается ненависть человека к нему (это и есть истинное внутреннее покаяние), иными словами – вплоть до вхождения в Царствие Небесное.
5. Папа не хочет и не может прощать какие-либо наказания, кроме тех, что он наложил либо своей властью, либо по церковному праву.

6. Папа не имеет власти отпустить ни одного греха, не объявляя и не подтверждая отпущение именем Господа; кроме того, он дает отпущение только в определенных ему случаях. Если он пренебрегает этим, то грех пребывает и далее.
7. Никому Бог не прощает греха, не заставив в то же время покориться во всем священнику, Своему наместнику.
8. Церковные правила покаяния налагались только на живых и, в соответствии с ними, не должны налагаться на умерших.
9. Посему во благо нам Святой Дух, действующий в папе, в декретах коего всегда исключен пункт о смерти и крайних обстоятельствах .
10. Невежественно и нечестиво поступают те священники, которые и в Чистилище оставляют на умерших церковные наказания.
11. Плевелы этого учения – об изменении наказания церковного в наказание Чистилищем – определенно посеяны тогда, когда спали епископы.
12. Прежде церковные наказания налагались не после, но перед отпущением грехов, как испытания истинного покаяния.
13. Умершие все искупают смертью, и они, будучи уже мертвы согласно церковным канонам, по закону имеют от них освобождение.
14. Несовершенное сознание, или благодать умершего, неизбежно несет с собой большой страх; и он тем больше, чем меньше сама благодать.
15. Этот страх и ужас уже сами по себе достаточны (ибо о других вещах я умолчу), чтобы приуготовить к страданию в Чистилище, ведь они – ближайšie к ужасу отчаяния.
16. Представляется, что Ад, Чистилище и Небеса – различны меж собой, как различны отчаяние, близость отчаяния и безмятежность.
17. Представляется, что как неизбежно в душах умягается страх в Чистилище, так прирастает благодать.
18. Представляется, что не доказано ни разумными основаниями, ни Священным Писанием, что они пребывают вне состояния [приобретения] заслуг или причащения благодати.
19. Представляется также недоказанным и то, что все они уверены и спокойны о своем блаженстве, хотя мы в этом совершенно убеждены.
20. Итак, папа, давая «полное прощение всех наказаний», не подразумевает исключительно все, но единственно им самим наложенные.
21. Поэтому ошибаются те проповедники индульгенций, которые объявляют, что посредством папских индульгенций человек избавляется от всякого наказания и спасается.
22. И даже души, пребывающие в Чистилище, он не освобождает от того наказания, которое им надлежало, согласно церковному праву, искупить в земной жизни.

23. Если кому-либо может быть дано полное прощение всех наказаний, несомненно, что оно дается наиправеднейшим, то есть немногим.
24. Следовательно, большую часть народа обманывают этим равным для всех и напыщенным обещанием освобождения от наказания.
25. Какую власть папа имеет над Чистилищем вообще, такую всякий епископ или священник имеет в своем диоцезе или приходе в частности.
26. Папа очень хорошо поступает, что не властью ключей (каковой он вовсе не имеет), но заступничеством дает душам [в Чистилище] прощение.
27. Человеческие мысли проповедуют те, которые учат, что тотчас, как только монета зазвенит в ящике, душа вылетает из Чистилища.
28. Воистину звон золота в ящике способен увеличить лишь прибыль и корыстолюбие, церковное же заступничество – единственно в Божьем произволении.
29. Кто знает, все ли души, пребывающие в Чистилище, желают быть выкупленными, как случилось, рассказывают, со св. Северином и Пасхалием.
30. Никто не может быть уверен в истинности своего раскаяния и – много меньше – в получении полного прощения.
31. Сколь редок истинно раскаявшийся, столь же редок по правилам покупающий индульгенции, иными словами – в высшей степени редок.
32. Навеки будут осуждены со своими учителями те, которые уверовали, что посредством отпустительных грамот они обрели спасение.
33. Особенно следует остерегаться тех, которые учат, что папские индульгенции – это бесценное Божие сокровище, посредством которого человек примиряется с Богом.
34. Ибо их простительная благодать обращена только на наказания церковного покаяния, установленные по-человечески.
35. Не по христиански проповедуют те, которые учат, что для выкупа душ из Чистилища или для получения исповедальной грамоты не требуется раскаяния.
36. Всякий истинно раскаявшийся христианин получает полное освобождение от наказания и вины, уготованное ему даже без индульгенций.
37. Всякий истинный христианин, и живой, и мертвый, принимает участие во всех благах Христа и Церкви, дарованное ему Богом, даже без отпустительных грамот.
38. Папским прощением и участием не следует ни в коем случае пренебрегать, ибо оно (как я уже сказал) есть объявление Божьего прощения.
39. Непосильным трудом стало даже для наиболее ученых богословов одновременно восхвалять перед народом и щедрость индульгенций и истинность раскаяния.
40. Истинное раскаяние ищет и любит наказания, щедрость же индульгенций ослабляет это стремление и внушает ненависть к ним или, по крайней мере, дает повод к этому.

41. Осмотрительно надлежит проповедовать папские отпущения, чтобы народ не понял ложно, будто они предпочтительнее всех прочих дел благодеяния.
42. Должно учить христиан: папа не считает покупку индульгенций даже в малой степени сопоставимой с делами милосердия.
43. Должно учить христиан: подающий нищему или одалживающий нуждающемуся поступает лучше, нежели покупающий индульгенции.
44. Ибо благодеяниями приумножается благодать, и человек становится лучше; посредством же индульгенций он не становится лучше, но лишь свободнее от наказания.
45. Должно учить христиан: тот, кто, видя нищего и пренебрегая им, покупает индульгенции, не папское получит прощение, но гнев Божий навлечет на себя.
46. Должно учить христиан: если они не обладают достатком, им вменяется в обязанность оставлять необходимое в своем доме и ни в коем случае не тратить достояние на индульгенции.
47. Должно учить христиан: покупка индульгенций – дело добровольное, а не принудительное.
48. Должно учить христиан: папе как более нужна, так и более желанна – при продаже отпущений – благочестивая за него молитва, нежели вырученные деньги.
49. Должно учить христиан: папские отпущения полезны, если они не возлагают на них упования, но весьма вредоносны, если через них они теряют страх перед Богом.
50. Должно учить христиан: если бы папа узнал о злоупотреблениях проповедников отпущений, он счел бы за лучшее сжечь дотла храм св. Петра, чем возводить его из кожи, мяса и костей своих овец.
51. Должно учить христиан: папа, как к тому обязывает его долг, так и на самом деле хочет – даже если необходимо продать храм св. Петра, отдать из своих денег многим из тех, у кого деньги выманили некоторые проповедники отпущений.
52. Тщетно упование спасения посредством отпустительных грамот, даже если комиссар, мало того – сам папа отдаст за них в заклад собственную душу.
53. Враги Христа и папы суть те, кто ради проповедования отпущений приказывают, чтобы слово Божие совершенно умолкло в других церквях.
54. Вред наносится слову Божию, если в одной проповеди одинаково или долее времени тратится на отпущение, нежели на него.
55. Мнение папы, безусловно, состоит в том, что если индульгенции – ничтожнейшее благо – славят с одним колоколом, одной процессией и молебствием, то Евангелие – высшее благо – надлежит проповедовать с сотней колоколов, сотней процессий и сотней молебствий.
56. Сокровища Церкви, откуда папа раздает индульгенции, и не названы достаточно, и неизвестны христианам.

57. Несомненно, что ценность их – и это очевидно – непреходяща, ибо многие проповедники не так щедро их раздают, сколь охотно собирают.
58. Также не являются они заслугами Христа и святых, ибо они постоянно – без содействия папы – даруют благодать внутреннему человеку и крест, смерть и Ад – внешнему человеку.
59. «Сокровища Церкви, – сказал св. Лаврентий, – это бедняки Церкви», но он употребил это слово по обыкновению своего времени.
60. Мы по опрометчивости заявляем, что ключи Церкви, дарованные служением Христа, – вот то сокровище.
61. Ибо явствует, что для освобождения от наказаний и для прощения в определенных ему случаях достаточно власти папы.
62. Истинное сокровище Церкви – это пресвятое Евангелие (Благовестие) о славе и благодати Бога.
63. Но оно заслуженно очень ненавистно, ибо первых делает последними.
64. Сокровище же индульгенций заслуженно очень любимо, ибо последних делает первыми.
65. Итак, сокровища Евангелия – это сети, коими прежде улавливались люди от богатств.
66. Сокровища же индульгенций – это сети, коими ныне улавливаются богатства людей.
67. Индульгенции, которые, как возглашают проповедники, имеют «высшую благодать» истинно таковы, поскольку приносят прибыль.
68. В действительности же они в наименьшей степени могут быть сравнимы с Божией благодатью и милосердием Креста.
69. Епископам и священникам вменяется в обязанность принимать комиссаров папских отпущений со всяческим благоговением.
70. Но еще более им вменяется в обязанность смотреть во все глаза, слушать во все уши, дабы вместо папского поручения они не проповедовали собственные выдумки.
71. Кто говорит против истины папских отпущений – да будет тот предан анафеме и проклят.
72. Но кто стоит на страже против разнузданной и наглой речи проповедника – да будет тот благословен.
73. Как по справедливости папа поражает отлучением тех, кто во вред торговле отпущениями замышляет всяческие уловки.
74. Так гораздо страшнее он намерен поразить отлучением тех, кто под предлогом отпущений замышляет нанести урон святой благодати и истине.
75. Надеяться, что папские отпущения таковы, что могут простить грех человеку, даже если он – предполагая невозможное – обесчестит Матерь Божию, – значит лишиться разума.

76. Мы говорим против этого, что папские отпущения не могут устранить ни малейшего простительного греха, что касается вины.
77. Утверждать, что св. Петр, если бы был папой, не мог бы даровать больше благодеяний – есть хула на св. Петра и папу.
78. Мы говорим против этого, что этот и вообще всякий папа дарует больше благодеяний, а именно: Евангелие, силы чудодейственные, дары исцелений и прочее – как сказано в Первом послании к Коринфянам, 12 глава.
79. Утверждать, что пышно водруженный крест с папским гербом равномочен кресту Христову, значит богохульствовать.
80. Епископы, священники и богословы, позволяющие вести такие речи перед народом, ответят за это.
81. Это дерзкое проповедование отпущений приводит к тому, что почтение к папе даже ученым людям нелегко защищать от клевет и, более того, коварных вопросов мирян.
82. Например: почему папа не освободит Чистилище ради пресвятой любви к ближнему и крайне бедственного положения душ, то есть по причине наиглавнейшей, если он в то же время неисчислимо количество душ спасает ради презренных денег на постройку храма – то есть по причине наиничтожнейшей?
83. Или: почему панихиды и ежегодные поминовения умерших продолжают совершаться и почему папа не возвращает или не позволяет изъять пожертвованные на них средства, в то время как грешно молиться за уже искупленных их Чистилища?
84. Или: в чем состоит эта новая благодать Бога и папы, что за деньги безбожнику и врагу Божию они позволяют приобрести душу благочестивую и Богу любезную, однако за страдание такую же благочестивую и любимую душу они не спасают бескорыстно, из милосердия?
85. Или: почему церковные правила покаяния, на самом деле уже давно от неупотребления себя отменившие и мертвые, до сих пор еще оплачиваются деньгами за предоставленные индульгенции, словно они еще в силе и живы?
86. Или: почему папа, который ныне богаче, чем богатейший Крез, возводит этот единственный храм св. Петра охотнее не на свои деньги, но на деньги нищих верующих?
87. Или: что папа прощает или отпускает тем, кто посредством истинного покаяния имеет право на полное прощение и отпущение?
88. Или: что могло добавить Церкви больше блага, если папа то, что он делает теперь единожды, совершал сто раз в день, наделяя всякого верующего этим прощением и отпущением?
89. Если папа стремится спасти души скорее отпущениями, нежели деньгами, почему он отменяет дарованные прежде буллы и отпущения, меж тем как они одинаково действенны?

90. Подавлять только силой эти весьма лукавые доводы мирян, а не разрешать на разумном основании – значит выставлять Церковь и папу на осмеяние врагам и делать несчастными христиан.
91. Итак, если индульгенции проповедуются в духе и по мысли папы, все эти доводы легко уничтожаются, более того – просто не существуют.
92. Посему да рассеются все пророки, проповедующие народу Христову: «Мир, мир!», – а мира нет.
93. Благо несут все пророки, проповедующие народу Христову: «Крест, крест!», – а креста нет.
94. Надлежит призывать христиан, чтобы они с радостью стремились следовать за своим главой Христом через наказания, смерть и ад.
95. И более уповали многими скорбями войти на небо, нежели безмятежным спокойствием.

**К христианскому дворянству немецкой нации
об исправлении христианства**

**«К христианскому дворянству...» – одно из важнейших посланий Лютера. Оно опубликовано в августе 1520 г. В нем Лютер предлагает план коренного преобразования католической церкви, вследствие которого должна измениться и жизнь германского общества.*

Печатается по: Мартин Лютер. Избранные произведения / Пер. Ю. Голубкина. СПб, 1994.

Досточтимому
господину Николаусу фон Амсдорфу,
лиценциату Священного Писания
и канонику в Виттенберге,
моему самому близкому другу.

Доктор Мартин Лютер

Прежде всего, благодать и мир от Бога, досточтимый, дорогой господин и друг! Время молчания прошло, и время говорить настало, как возвещено в третьей главе Екклесиаста. Я соединил, согласно нашему намерению, несколько заметок, касающихся исправления христианства, чтобы предложить их христианскому дворянству немецкой нации; может быть, Бог все-таки захочет помочь Своей церкви посредством мирян, поскольку духовенство, которому это более подобает, ни на что не обращает внимания. Посылаю все это Вашей милости для правки и, где требуется, улучшения. Я вполне осознаю: после

[выхода в свет] этого [сочинения] на меня посыпятся упреки в том, что, воспарив слишком высоко, я – презируемый, отрекшийся от мира монах – осмеливаюсь обращаться к столь высоким и могущественным сословиям по поводу очень важных, больших дел; как будто бы в мире нет никого, кроме доктора Лютера, кто позаботился бы о христианстве и дал совет таким мудрым людям. Но я повременю с оправданиями; пусть выговаривают мне за это, кому вздумается. Я, пожалуй, виноват перед моим Богом и миром еще в одной глупости – в том, что ради успеха предпринимаемого мной дела готов заплатить, даже превратиться на время в придворного шута. Но нет худа без добра. Если меня постигнет неудача, я утешусь тем, что никто не сможет купить мне дурацкий колпак и, [как придворному шуту], выстричь затылок. Ведь все зависит от того, кто кому привязывает колокольчик. Я должен подтвердить поговорку: если в мире затевается что-либо, то при этом должен находиться монах, даже если бы его пришлось нарисовать. Не единожды бывало, что дурак говорил мудро, и не раз мудрецы творили глупости. [Апостол] Павел [однажды] заметил: «Если кто думает быть мудрым, то будь безумным». А поскольку я не только дурак, но и доктор Священного Писания, дававший присягу, то неплохо, что мне представляется возможность выполнить свою клятву как раз таким дурацким способом. Я прошу оправдать меня перед умеренно разумными, ибо у чрезмерно разумных я не смог заслужить благосклонности и милости, которых добивался так часто и с таким большим старанием, а впредь не хочу ни Добиваться этого, ни дорожить им.

Да поможет нам Господь искать не своей, а только Его славы. Аминь.

Виттенберг, августинский монастырь, вечер праздника Святого Иоанна Крестителя, тысяча пятьсот двадцатый год.

Пресветлейшему, могущественнейшему
Императорскому Величеству
и христианскому дворянству немецкой нации.

Доктор Мартин Лютер

Прежде всего, благодать и могущество от Бога, пресветлейшие, милостивейшие, любезные господа! Не по моей нескромности или непростительному легкомыслию произошло то, что я, далекий от державных дел, незнатный человек, решился обратиться к Вашим Высоким Светлостям: нужда и притеснения, отягощающие все христианство, и прежде всего немецкую землю, побуждали не только меня, а и каждого не один раз раздражаться стенаниями и вызывать о помощи; и сейчас [они] заставили меня обратиться с призывом: не захочет ли Бог вдохнуть в кого-нибудь мужество, чтобы он протянул свою руку несчастной нации. Нередко [церковные] соборы предлагали разные реформы, но их

проведению всякий раз препятствовала хитрость некоторых людей, – и их козни и злодеяния (поскольку после соборов все становилось еще хуже) я намерен теперь, да поможет мне Господь, не мешкая, обнародовать, чтобы они, став общеизвестными, не могли в дальнейшем так мешать и вредить. Бог поставил над нами главой благородного юношу и пробудил во многих сердцах большие благие упования; но наряду с этим необходимо и наше содействие, чтобы извлечь пользу из [благоприятного] момента и [императорской] благосклонности.

Первое и самое важное в этом деле заключается в том, чтобы мы всегда серьезно обдумывали свои начинания и не затевали ничего в надежде на великую силу или разум, даже если в наших руках была вся власть земная; ибо Бог не может и не хочет допускать, чтобы доброе дело начиналось в надежде на собственную силу и разум. А если Бог не одобряет затею, то тогда не поможет ничто, как отмечается в 33 Псалме: «Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила». Это объясняет, считаю я, почему в давние времена знаменитые государи Фридрих I, Фридрих II и многие другие германские императоры, перед которыми трепетал мир, потеряли все свое величие и были попорчены ногами пап. Скорее всего, они больше надеялись на свое могущество, чем на Бога, и поэтому должны были пасть. И в наши дни кровопийцу Юлия II вознесло столь высоко, по моему мнению, не что иное, как то, что Франция, Германия и Венеция рассчитывали лишь на самих себя. И дети Вениаминов поразили сорок две тысячи израильтян, потому что последние уверовали в свою непобедимость (Суд. 20, 21).

Чтобы и у нас не произошло того же с нашим благородным Карлом, мы должны проникнуться уверенностью, что в данном случае мы имеем дело не с людьми, а с князьями ада (Еф. 6, 12), которые запросто могут ввергнуть мир в войну и кровопролитие, но победить себя этими средствами не дадут. Нам же, невзирая на то, что злодеи достойны наказания, следует отказаться от насилия, в смиренном уповании препоручить дело Богу, с праведной молитвой надеяться на Божию помощь и не обращать внимания ни на что, кроме горя и бедствий несчастного христианства; в противном случае затея, пожалуй, может начаться с большим блеском, но если увлечься ею, то дьяволы могут устроить такую круговерть, что весь мир будет плавать в крови, и все-таки этим ничего не добьешься; поэтому нужно действовать со страхом Божиим и благоразумием. Чем больше насилия, тем больше горя, если не действовать со страхом Божиим и смирением. Папы и римляне, которые до сего времени могли с помощью дьявола приводить в замешательство королей, смогут делать это и впредь, если мы без помощи Божией будем рассчитывать лишь на свою силу и сноровку.

Романисты с завидной прытью воздвигли вокруг себя три стены, при помощи которых они до сих пор защищали себя, и никто не смог их реформировать; из-за этого все христианство пришло в ужасный упадок.

Во-первых, если им угрожали светской властью, то они утверждали, что светские законы не для них писаны, более того, что духовное – выше мирского. Во-вторых, если их хотели привлечь к ответственности на основании Священного Писания, то они подчеркивали, что никому, кроме папы, не подобает истолковывать Писание. В-третьих, если им угрожали собором, то они выдумывали, будто бы никто, кроме папы, не имеет права созывать собор. Так они тайно похитили у нас три розги, чтобы иметь возможность оставаться безнаказанными, и, укрывшись за надежными укреплениями этих трех стен, творили всевозможные гнусности и злодеяния, которые мы воочию видим и в наши дни. И даже если их вынуждали созвать [церковный] собор, они все-таки предварительно лишали его силы, обязывая заранее под присягой князей не задевать их, благодаря чему папе предоставлялась безраздельная власть над всем распорядком собора. И поэтому не имело значения: созывалось ли много соборов или же ни одного собора, разве что они одурачивали нас лицемерием и притворством. Ощущая панический страх перед законным свободным собором, они так задержали королей и князей, что последние уверовали, будто бы неповиновение им во всех этих лукавых и хитрых кознях – это неповиновение [Самому] Богу.

Ныне же да поможет нам Господь и даст нам одну из труб, которыми были разрушены иерихонские стены, чтобы и мы смогли пустить по ветру эти соломенные и бумажные препоны, подготовить для покарания греха христианские розги, обнародовать коварство и обман дьявола и, очистив таким образом себя, вновь снискать милость Божию.

Попытаемся прежде всего напасть на первую стену.

Выдумали, будто бы папу, епископа, священников, монахов следует относить к духовному сословию, а князей, господ, ремесленников и крестьян – к светскому сословию. Все это измышление и надувательство. Они не должны никого смущать, и вот почему: ведь все христиане воистину принадлежат к духовному сословию и между ними нет иного различия, кроме разве что различия по должности [и занятию]. Павел (1 Кор. 12) говорит, что все мы вместе составляем одно тело, но каждый член имеет свое особое назначение, которым он служит другим. И поэтому у нас одно крещение, одно Евангелие, одна вера; все мы в равной степени христиане (Еф. 4), ибо только лишь крещение, Евангелие и вера превращают людей в духовных и христиан. А если папа или епископ совершают помазание, делают тонзуру, посвящают в сан, освящают, одеваются не так, как миряне, то все это возносит только лицемеров и болванов, но никогда не превращает в христианина или духовное лицо. Сообразно этому все мы посредством крещения посвящаемся во священники, как свидетельствует святой Петр (1 Пет. 2): «Вы царственное священство, народ святой». [Об этом же говорится в Откровении (Откр. 5): «Ты кровию Своею соделал нас священниками и царями»]. И если бы в нас не было высшего посвящения, чем то, которое совершают папы или епископы, то никогда посвящением папы и епископа не был

бы создан ни один священник, точно так же невозможны были бы ни отправление мессы, ни проповедь, ни отпущение грехов.

Поэтому посвящение епископа равнозначно тому, как если бы он в месте, где собралось множество людей, избрал одного из толпы, в которой все обладают равной властью, и поручил бы ему осуществлять эту самую власть над другими. Точно так же, если бы десять братьев, королевских сыновей, пользующихся равными правами наследования, избрали бы одного, который управлял бы за них наследством, то все они были бы королями, обладающими равной властью, и все же управлять было бы поручено одному. Скажу об этом еще понятнее. Если бы группа благочестивых христиан была захвачена в плен и заточена в пустыне и среди них не было бы священника, рукоположенного епископом, и если бы они единодушно избрали одного из своей среды, независимо от того, женат он или нет, и поручили бы ему крестить, служить мессу, отпускать грехи и проповедовать, то он был бы самым настоящим священником, как будто бы его рукоположили все епископы и папы. Отсюда следует, что в случае необходимости каждому дозволено крестить и отпускать грехи, что было бы невозможным, если бы не все мы были священниками. И столь великую милость, силу крещения и принадлежности к христианству они посредством канонического права почти полностью исказили и утаили от нас. [А ведь] таким образом в старину христиане избирали из числа единоверцев своих епископов и священников, которые после этого утверждались другими епископами без той пышности, которая царит теперь. Так стали епископами святые Августин, Амвросий, Киприан.

Поскольку светские владыки крещены так же, как и мы, и у них та же вера и Евангелие, мы должны позволить им быть священниками и епископами и их обязанности рассматривать как службу, которая связана с христианской общиной и полезна ей. И вообще каждый крестившийся может провозглашать себя рукоположенным во священники, епископы и папы, хотя не каждому из них подобает исполнять такие обязанности. И хотя все мы в равной степени священники, никто не должен ловчить и выдвигаться по своей воле без нашего согласия и избрания, то есть делать то, на что мы все имеем равные права. Ведь то, что принадлежит общине, никто не может, помимо воли и разрешения общины, присвоить себе. И если случится, что кто-нибудь, избранный на такое служение, будет смещен за какие-то злоупотребления, то он снова станет тем, кем был прежде. Поэтому необходимо, чтобы священник у христиан был только должностным лицом. Пока он служит, он возвышается; когда его смещают, он такой же крестьянин или горожанин, как и другие. И точно так же священник ни в коем случае не остается священником, если он смещен. Но они выдумали *characteres indelebiles* и болтают, что смещенный священник все-таки нечто отличающееся от простого мирянина. Они даже лгут, будто бы священник

никогда не может быть никем, кроме священника, а мирянин – никем, кроме мирянина; но все это слова и законы, придуманные людьми.

Из этого следует, что миряне, священники, князья, епископы, или, как они выражаются, духовные и светские лица, в действительности не имеют никаких других существенных различий, кроме службы или занятия. По своему же достоинству они не различаются, потому что все принадлежат к духовному сословию; [все они] истинные священники, епископы и папы, но не у всех у них одинаковая служба, подобно тому, как в среде священников и монахов не все заняты одним и тем же делом. И по свидетельству святого Павла (Рим. 12 и 1 Кор. 12) и Петра (1 Пет. 2), как я упоминал раньше, все мы составляем тело, а глава – Иисус Христос, и каждый является членом тела по отношению к другим. У Христа нет двух тел или тел двоякого рода: одного светского, другого – духовного. Единая глава Он и одно Тело у Него.

Подобно этому, те, кого сейчас называют духовенством, или священниками, епископами и папами, отличаются от остальных христиан не далее и не более того, что они должны иметь дело со словом Божиим и с Таинствами, это их занятие и служба; точно так же в руках у светской власти – меч и розги, чтобы наказывать ими злых, защищать благочестивых. У сапожника, кузнеца, крестьянина и у каждого [человека] есть свое ремесло, должность и дело, и все же все они в одинаковой мере являются посвященными священниками и епископами; и каждый, исполняя свою должность или занимаясь своим ремеслом, обязан приносить пользу другим и служить им. И точно так же, как все члены тела служат друг другу, множество занятий сообща направлены на содействие телу и душе. Посмотрите теперь, христиане ли придумали и пустословили, что светская власть не распространяется на духовенство и не может осуждать его? Это равносильно утверждению: «Если глаз подвергается опасности, рука не должна оказывать помощи». Разве это не противоестественно (не говоря уже – не по-христиански), если один член не должен помогать другому и защищать его от гибели? Нет, чем благороднее член тела, тем больше другие должны ему помогать. И я настаиваю: так как светская власть учреждена Богом для наказания злых и защиты благочестивых, то круг ее обязанностей должен свободно и беспрепятственно охватывать все Тело христианства, без всякого исключения, будь то папа, епископ, священник, монах, монахиня или кто-нибудь еще. И если светскую власть ограничивать только потому, что она среди христианских занятий якобы незначительнее службы проповедника, или исповедника, или [вообще] духовного лица, то точно так же следовало бы наложить запрет на то, чтобы портные, сапожники, каменщики, плотники, кухарки, кельнеры, крестьяне и все живущие в миру ремесленники шили папе, епископам, священникам одежду, тачали обувь, строили дома, готовили пищу, подавали напитки, давали оброк. Но если этим мирянам не препятствуют в их занятиях, то почему же римские писаки, отгородившись при помощи своих законов от светской

христианской власти, смогли лишь безнаказаннее творить зло и подтвердили тем самым высказывание святого Петра: «Будут у вас лжеучители и будут уловлять вас лъстивыми словами, чтобы продать вас в мешке».

Поэтому светская христианская власть должна исполнять свою службу беспрепятственно, не опасаясь затронуть папу, епископа, священника: кто виноват, тот и отвечай. Возражения канонического Права против этого – чистейшей воды самонадеянное римское измышление, ибо святой Павел провозгласил для всех христиан: «Всякая душа (я считаю, и папы тоже) да будет покорна высшим властям; ибо они не напрасно носят меч, они Божий слуги для наказания злых и поощрения благочестивых». И святой Петр [говорил]: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа, ибо такова есть воля Божия». Он возвестил также, что появятся люди, пренебрегающие светской властью (2 Пет. 2), как и произошло впоследствии благодаря церковному праву.

Итак, я полагаю, что эта первая бумажная стена низвергнута; отныне светская власть становится членом христианского Тела, и, занимаясь земными делами, она все же принадлежит к духовному сословию; поэтому сфера ее деятельности должна беспрепятственно касаться всех членов Тела в целом: наказывать виновных и преследовать их в случае необходимости, не обращая внимания на пап, епископов, священников; пусть они угрожают и отлучают, как только им вздумается. Потому-то и происходит, что провинившихся клириков, нарушивших [нормы] светского права, вначале лишают священнического сана, что считалось бы незаконным, если бы раньше по Божественному установлению светский меч не имел над ними власти. А между тем в церковном праве чрезмерно превозносятся свобода, жизнь и имущество священников, как будто бы миряне духовно не такие же добрые христиане, или как будто бы они не принадлежат к церкви. Почему тело, жизнь, имущество и честь твои так свободны, а мои – нет; ведь мы же все христиане, у нас одинаковое Крещение, вера, Дух и все остальное? Если убивают священника, то на местность [где он убит] налагается интердикт. Почему же этого не происходит, если убивают крестьянина? Откуда истекает такое заметное различие между равноправными христианами? Единственно из человеческих законов и измышлений.

Ни в коем случае не может быть добрым духом тот, кто выдумывает такого рода оговорки и беспрепятственно, безнаказанно впадает в грех. Ведь против злого духа, его деяний и слов мы обязаны бороться изо всех сил и изгонять его, как завещали нам Христос и апостолы; как же мы дошли до того, что вынуждены бездействовать? И безмолвствовать в тот момент, когда папа или его приближенные ведут дьявольские речи и дела? Если ради людей мы должны были бы предать забвению Божественные заповеди и справедливость, отстаивать которые не на живот, а на смерть поклялись при крещении, то, воистину, мы несли бы ответственность за все души, которые вследствие этого были бы оставлены на

произвол судьбы и совращены. Поэтому, должно быть, сам глава дьяволов произнес слова, вписанные в церковное право: «Если бы зловерность папы простиралась настолько, что он повел бы души большими толпами прямо к дьяволу, то даже в этом случае его нельзя было бы сместить». На эти проклятые, дьявольские суждения полагаются в Риме и считают, что весь мир должен скорее отправиться к дьяволу, чем воспротивиться их мошенничеству. Если бы того, что один возвышается над другим, было бы достаточно, чтобы не подвергать его наказанию, то ни один христианин не должен бы был наказывать другого, так как Христос заповедал каждому считать себя низшим и незначительнейшим из всех (Мф. 18; Лк. 9). За прегрешением должно неизбежно следовать наказание. И как отмечает святой Григорий, мы, конечно же, все равны, но вина делает одного подвластным другому. Мы, однако, видим, как они обходятся с христианами: нагло предавая забвению Писание, покушаются на свободу тех, кого Бог и апостолы подчинили светскому мечу; так что возникает сомнение – не забавы ли это антихриста или его ближайшего предшественника.

Вторая стена еще более шаткая и неустойчивая: они намереваются быть единственными истолкователями Писания. Не изучив в нем на протяжении жизни ни строчки, они имеют наглость считать себя единственными авторитетами; обманывают нас бесстыдными высказываниями, что папа, независимо от того – злой он или благочестивый, не может заблуждаться в вере, но подтвердить это ссылкой хотя бы на одну букву они не в состоянии. И из-за этого в церковном праве содержится так много еретических и нехристианских, да и противоестественных законов, что сейчас даже отпадает необходимость доказывать это. Пока они будут считать, что Святой Дух не оставляет их, даже если они будут настолько невежественны и зловерны, насколько им это доступно, они смогут возводить в ранг закона все, что только захотят. И если это будет продолжаться, то есть ли нужда или польза в Священном Писании. Сожжем же его и ублаготворим себя невежественными господами из Рима, имеющими в себе Святого Духа, хотя Он может осенить лишь благочестивые сердца. Если бы я не читал об этом, я бы не смог поверить, что дьявол, столь неумело проворачивающий в Риме свои дела, может привлекать к себе единомышленников.

Вместе с тем, стремясь показать, что мы боремся с ними не только нашими словами, сошлемся на Писание. Святой Павел утверждает (1 Кор. 14): «Если же кому из сидящих и слушающих другого о слове Божиим будет откровение, то тот, кто говорит, должен умолкнуть и посторониться». Но какая польза от этой заповеди, если мы должны верить лишь тому, кто говорит сверху или сидит наверху? Христос сказал (Ин. 6), что все христиане будут научены Богом, поэтому вполне может быть, что папа и его приближенные, являясь злыми и неистинными христианами, хотя и наученными Богом, не обладают истинным разумением, и, наоборот, простой человек имеет правильное

разумение. Почему же нельзя ему следовать? Разве папа не заблуждался неоднократно? Но кто захочет помочь христианству, если в случае, когда папа заблуждается, надо все-таки больше верить ему, а не тому, на чьей стороне Писание?

Это кощунственная, лживая басня, и они не могут привести ни одной буквы в доказательство того, что лишь папа может истолковывать Писание или утверждать его толкование; они самовольно присвоили это право. И хотя они делают оговорку, будто бы получили власть от святого Петра, которому были переданы ключи, хорошо известно то, что ключи переданы не одному святому Петру, а всей общине; к тому же ключи предназначены не для учения или управления, а единственно для того, чтобы вязать или разрешать грехи. И все остальное, что они придумывают, ссылаясь на ключи, всего-навсего выдумка. Слова Христа: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя», обращенные к Петру, не могут распространяться на папу, поскольку большая часть пап не имела веры, что они и сами должны признать. К тому же Христос молился не только за Петра, но и за всех апостолов и христиан, как свидетельствует Иоанн (Ин. 17): «Отче, Я молю о тех, которых Ты дал Мне, и не только о них, но и обо всех верующих в Меня по слову их». Разве это сказано недостаточно ясно?

Подумай сам: они не могут не признать, что среди нас есть благочестивые христиане, которые прониклись истинной верой, Духом, пониманием слова и мысли Христа. Так почему же надо отвергнуть их слово и суждения и следовать за папой, не имеющим ни веры, ни Духа? Не означало ли бы это отречения от всей веры и христианской церкви? Далее, если справедливо положение: «Верую во святую христианскую церковь», то папа не должен быть единственным авторитетом. В противном случае наша молитва должна сводиться к словам: «Верую в папу римского». А это было бы отождествлением всей христианской церкви с одним человеком и не более чем дьявольским и адским заблуждением.

И самое главное, мы ведь все христиане, как отмечено выше; у всех у нас одна вера, одно Евангелие, одно причащение. Как же можем мы не обладать и властью воспринимать и судить, что истинно или неистинно в вере? К чему же тогда слова Павла (1 Кор. 2): «Духовный человек судит о всем, а о нем никто судить не может» и (1 Кор. 4): «Все мы имеем тот же дух веры». Почему же мы не можем чувствовать в такой же степени, как неверующий папа, что в вере истинно, а что ложно? На основании всех этих и многих других изречений должны мы стать мужественными и свободными и добиться того, чтобы Дух свободы (как писал Павел) не трепетал перед папскими измышлениями, а смело, в соответствии с нашим разумением Писания, проникнутым верой, исправил все, что папа и его сторонники делают или позволяют делать, и принуждал их придерживаться лучшего, а не их собственного разума. Ведь должен же был в старину Авраам слушать свою Сарру, которая тем не менее была подчинена ему больше, чем мы кому-либо на земле.

Точно так же Валаамова ослица была умнее самого пророка. Если Бог посредством ослицы обращался к пророку, то почему Он не может посредством благочестивого человека обличать папу? Далее, святой Павел осуждал святого Петра как заблуждающегося (Гал. 2). Поэтому надлежит всякому и каждому христианину проникнуться верой, понимать и защищать ее и осуждать все заблуждения.

Третья стена падет сама собой, если разрушены эти две первые. Ведь поскольку деятельность папы противоречит Писанию, мы обязаны стать на сторону Писания, наказать папу и воздействовать на него в соответствии со словом Христовым (Мф. 18): «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, если же не послушает их, скажи общине, а если и общины не послушает, то да будет он тебе, как язычник». Здесь каждому заповедается заботиться о других. Насколько же больше мы должны следовать этому, если управитель церкви действует во зло, своими поступками причиняет другим много вреда и вводит их в соблазн. Но, если я призван обличить его перед общиной, мне прежде всего нужно ее собрать.

У них нет никаких свидетельств Писания, что только папе надлежит созывать собор или утверждать [его распорядок]. [У них есть] только их собственные законы, имеющие значение *лишь* в той мере, в какой они не вредят христианству и заповедям Божиим. В случае же, если папа достоин наказания, эти законы теряют силу. И тем, что папа не наказуем посредством собора, христианству наносится вред. Но в Деян. 15 мы читаем, что Апостольский собор созывал не святой Петр, а все апостолы и пресвитеры. Если бы делать это полагалось лишь одному святому Петру, то это был бы не христианский собор, а сборище еретиков. Также достославный Никейский собор созывал и утверждал [его распорядок] не римский епископ, а император Константин. А после него точно так же поступали многие другие императоры, и все-таки это были Вселенские христианские соборы. Однако если бы эту власть имел только папа, то, несомненно, все они были бы еретическими. Поэтому, когда я касаюсь соборов, созванных папством, я не придаю особого значения их решениям.

И если требует обстановка, а папа злонамеренно относится к христианству, то всякий, кто может, обязан, как верный член всего Тела, содействовать созыву поистине свободного собора. А этого никто не в состоянии сделать лучше, чем светский меч; в особенности потому, что светские владыки так же, как и все, являются христианами, духовенством, священниками, обладающими властью во всех делах, и должны, там где это будет нужно и полезно, беспрепятственно применять по отношению к каждому власть, данную им Богом. Если в городе возникает пожар, то разве не противоестественно приказывать его жителям бездействовать, не мешая постепенно воспламеняться всему, что может гореть, единственно потому, что они не обладают властью бургомистра, или потому, что пожар

распространился из дома бургомистра? Разве не обязан в данном случае каждый горожанин будить и созывать других? Но насколько решительнее следует действовать в Духовном Граде Христовом, если в папском правлении или где бы то ни было занимается пламя соблазна! И при нападении врага на город в нем достоин славы и благодарности тот, кто первым поднимет других. Почему же не должен быть увенчан почестями тот, кто возвещает о врагах из преисподней, пробуждает и созывает христиан?!

А то, что они похваляются своей властью, с которой якобы нельзя бороться, то это, по сути дела, не заслуживает упоминания. Никто в христианстве не обладает властью причинять вред или запрещать противиться разрушению. В церкви нет никакой иной власти, кроме власти, направленной на созидание. Поэтому, если папа захочет использовать власть, чтобы воспрепятствовать созыву свободного собора, и тем самым будет приостановлено совершенствование церкви, нам не следует обращать внимание на него и на его власть. Если же он обрушится с отлучениями и бранью, то этим надо пренебрегать, как выходкой сумасшедшего, – и в свою очередь, уповая на Бога, отлучать и преследовать его изо всех сил, потому что такая самонадеянная папская власть ничего не значит. К тому же он ее и не имеет и скоро будет низвергнут одним изречением Писания, ибо Павел сказал в Послании к Коринфянам: «Господь дал нам власть к созиданию, а не к расстройству христианства». Кто осмелился пренебречь этим изречением? Конечно же, власть дьявола и антихриста, препятствующая тому, что служит исправлению христианства. Поэтому не содействовать ей нужно, а сопротивляться, не щадя живота своего, не жалея имущества и всего, что у нас есть.

И если вдруг появится чудесное знамение в пользу папы, против светской власти, или кого-нибудь постигнет бедствие, что, как они болтают, случилось не раз, то это нужно воспринимать не иначе, как происки дьявола из-за нашей недостаточной веры в Бога. Ведь это возвещал еще Христос (Мф. 24): «Придут под именем Моим чудеса и смогут прельстить даже избранных». И святой Павел сказал фессалоникийцам, что антихрист по действию сатаны будет со всякою силою и чудесами ложными.

Поэтому будем придерживаться следующего: христианская власть не желает ничего, не угодного Богу, как заявляет святой Павел: «Мы можем действовать не против Христа, а за Христа». Если же власть учиняет что-то против Христа, то она принадлежит антихристу и дьяволу и должна, как дождем и градом, прикрываться чудесами и бедствиями. Но чудеса и бедствия не доказывают ничего, особенно в наше, предшествующее Страшному суду, недоброе время, о ложных чудесах которого возвещается во многих местах Писания (2 Фес. 2, 9, 10); поэтому должны мы блюсти слово Божие с непоколебимой верой, и тогда дьявол, пожалуй, оставит свои чудеса. Этим, надеюсь, должны быть низвергнуты ложные, призрачные кошмары, которыми на протяжении длительного времени римляне запугивали наши души. Ведь они наряду со всеми нами в равной степени подчинены мечу, не

властны произвольно, без подготовки, истолковывать Писание и не имеют никаких оснований сопротивляться собору, отнимать его вольности или по своей прихоти обязывать его налагать наказания; если же они это делают, то они, без сомнения, сообщники антихриста и дьявола, не имеющие, кроме названия [христиане], ничего общего с Христом.

А теперь рассмотрим предложения, которые, как этого требует справедливость, должны обсуждаться на соборах и которыми папа, кардиналы, епископы и все ученые должны были бы руководствоваться и днем и ночью, если бы любили Христа и Его церковь; но раз они этого не делают, пусть содействуют [осуществлению этих предложений] толпа и светский меч, невзирая на их отлучения или угрозы, ибо одно несправедливое отлучение лучше десяти справедливых отпущений грехов и одно несправедливое отпущение грехов хуже десяти справедливых отлучений. Поэтому пора проснуться, дорогие немцы, и больше бояться Бога, чем людей, чтобы не разделить участи несчастных душ, столь прискорбно потерянных из-за позорного дьявольского правления римлян, чтобы день ото дня не усиливался все более и более дьявол; иначе адское правление римлян может стать настолько зловредным, что я даже не могу ни вообразить, ни представить этого.

Во-первых, [охватывает] омерзение и отвращение, когда видишь, что глава христианства, славословящий себя как наместника Христа и преемника святого Петра, ведет такой светский и пышный образ жизни, достичь и сравняться с которым не в состоянии никакой король, никакой император; и тот, кто повелевает называть себя «пресвятейшим» и «первосвященнейшим», проявляет более мирскую сущность, чем сам мир. Он увенчан трехкоронной митрой, тогда как величайшие государи довольствуются одной короной; если это выдерживает сравнение с неимущим Христом и святым Петром, то это какое-то новое сходство. Пустословят, будто бы обличать это – ересь, и даже не хотят слышать о том, насколько чуждо христианству и безбожно такое поведение. Но я считаю, что если папе подобает в слезах молиться перед Господом, то он должен был бы навсегда сбросить такую корону, так как наш Бог ни в коей мере не может мириться с высокомерием. И служение папы должно быть не чем иным, как ежедневным плачем и мольбой за христианство и образцом безупречного смирения.

Как ему будет угодно, но такая пышность зловредна, и папа, ради спасения своей души, обязан отказаться от нее, следуя словам святого Павла: «Удерживайтесь от всякого рода зла» и (Рим. 12): «Пекитесь о добром не только пред ликом Божиим, но и пред всеми человеками». Папа мог бы довольствоваться обычной епископской короной; возвышаться над другими он должен усердием и святостью, а корону высокомерия оставить антихристу, как это делали его предшественники несколько столетий тому назад. Говорят, что он владыка мира. Это ложь, потому что Христос, за наместника и служителя Которого папа себя выдает, заявил Пилату: «Царство Мое не от мира сего». И никакой наместник

не может обладать более широкими полномочиями, чем его господин. К тому же он наместник не возвысившегося, а распятого Христа, как свидетельствует Павел: «Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Христа, и притом распятого» и (Флп. 2): «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе, Который уничижил Себя Самого, приняв образ раба». Далее (1 Кор. I): «Мы проповедуем Христа распятого». Они же превращают папу в наместника возвысившегося на небесах Христа и позволяют некоторым дьяволам настолько овладеть собой, что считают, будто папа выше ангелов небесных и должен повелевать ими, а это, по сути, доподлинные происки настоящего антихриста.

Во-вторых, какую пользу приносят христианству люди, называемые кардиналами? Отвечу тебе. В итальянских и немецких землях много богатых монастырей, богаделен, ленов и приходов, и в Риме не придумали лучшего способа попользоваться ими, как учредив [должности] кардиналов и передав им епископства, монастыри, прелатуры. Так богослужение пришло в упадок. И сейчас говорят, что итальянские земли превратились едва ли не в пустыню: монастыри разрушены, епископства растранижены, доходы прелатур и всех церквей растаскиваются Римом, города пришли в упадок, страна и люди – на грани гибели, богослужение и проповедь – в полном забвении. Почему? [Потому что] должны обогащаться кардиналы. Никакие турки не смогли бы так истощить Италию и расстроить богослужение.

И вот, обескровив Италию, они появились в Германии и принялись за дело очень осмотрительно; но мы видим, как быстро немецкие земли уподобляются итальянским. У нас уже есть несколько кардиналов; чего добиваются этим римляне, пьяным немцам не дано понять до тех пор, пока у них не останется ни одного епископства, монастыря, прихода, лена, геллера или пфеннига. Как возвещено, антихрист должен собрать сокровища земные. Все идет к тому: уже снимаются пенки с епископств, монастырей и ленов, и хотя они еще не решаются привести в расстройство все, как у итальянцев, но уже прибегают к воистину «святой расторопности»: объединяют десять или двадцать прелатур и с каждой из них ежегодно урывают кусок – и из этого образуется изрядная сумма. Пробство в Вюрцбурге приносит тысячу гульденов; если прибавить кое-что из Бамберга, а тем более – из Майнца, Трира и других мест, то так удастся собрать тысячу или десять тысяч гульденов, чтобы кардинал в Риме жил, не уступая в богатстве королю. Если же они войдут во вкус, то возымеют желание провозглашать кардиналами по тридцать или сорок человек на день и [лишь] одному из них подарят Мюнхенберг под Бабенбергом, а в придачу епископство Вюрцбургское, затем подкинут несколько богатых приходов, пока церкви и города не придут в запустение. А после этого они скажут: мы наместники Христа и пастыри овец Христовых; и потерявшие голову пьяные немцы, пожалуй, проглотят это.

Я же предлагаю назначать меньше кардиналов; или же – пусть папа питает их от щедрот своих. И двенадцати их было бы более чем достаточно с годовым содержанием каждому в тысячу гульденов. Как дошли мы, немцы, до того, что вынуждены терпеть от папы этот разбой и разграбление нашего добра? Французское королевство оградило себя от этого. Почему же мы, немцы, позволяем себя так дурачить и дразнить? Если бы расхищали лишь наше имущество, то это можно было бы еще терпеть; но они вдобавок опустошают церкви и отнимают у овец Христовых их благочестивых пастырей, ниспровергают богослужение и слово Божие. [А что бы произошло], если бы не осталось ни одного кардинала? [Да ничего]. Церковь-то не исчезла бы. Ведь они палец о палец не ударяют ради христианства, занимаются только денежными делами и тяжбами из-за епископств и прелатур, что с успехом мог бы делать и всякий разбойник.

В-третьих, если бы можно было оставить лишь сотую часть папской курии, а девяносто девять частей упразднить, то и этого было бы больше чем достаточно, чтобы решать дела, касающиеся веры. А сейчас в Риме столько пресмыкающихся, и все они так похваляются близостью к папе, что даже в Вавилоне не было ничего подобного. Одних только папских писцов в Риме более трех тысяч, а кто захотел бы посчитать других служащих, то вряд ли смог бы это сделать из-за великого множества должностей. И все служки, как волки на овец, зарятся на богоугодные заведения и лены немецких земель. Я полагаю, что немецкие земли отдают сейчас в Рим папе несравненно больше, чем в старые времена императорам. Некоторые считают, что ежегодно из Германии в Рим совершенно бесполезно и напрасно поступает более трехсот тысяч гульденов, взамен мы не получаем ничего, кроме насмешек и бесчестия. И мы еще удивляемся, что князья, дворянство, города, богоугодные заведения, страна и люди разоряются. Ведь нам скорее нужно изумляться тому, что у нас еще есть пропитание.

Поскольку мы сейчас играем в открытую, давайте на короткое время прервемся и посмотрим, такие уж немцы беспросветные дураки, что они совершенно не знают или не понимают римских делишек. Я здесь не жалею, что в Риме пренебрегают Божественными заповедями и христианским правом, ибо не столь хороши дела в христианстве, особенно в Риме, чтобы мы могли обращать внимание на такие высокие предметы. Я не жалею и на то, что совсем не считаются с естественным или светским правом и разумом, ибо это покоится на еще более глубоких основаниях. Я сетую, что они не соблюдают придуманного ими самими духовного права, которое, по сути, представляет собой неприкрытую тиранию, а корыстолюбие и преходящая роскошь для них значат больше, чем право, и это мы сейчас докажем.

В прошлом немецкие императоры и князья позволили папе взимать со всех ленов немецкой нации аннаты, то есть половину доходов первого года с каждого лена. Но позволение имело своей целью дать папе возможность путем сбора этих значительных

сумм накопить средства для борьбы с турками и язычниками и для защиты христианства, чтобы духовенство также внесло свою лепту в ту тяжелую борьбу, которую дворянство вело в одиночку. И такой добросердечной, безыскусной заботой немецкой нации об общем благе папы воспользовались для того, чтобы в течение более ста лет, прошедших с того момента, взимать эти деньги, и превратили это в узаконенную обязательную подать и статью дохода. При этом они не только ничего не накопили, но учредили за счет этих сборов много званий и должностей в Риме, ежегодно оплачивая их как из какого-то наследственного дохода. Если ныне кто-нибудь проявляет намерение сражаться с турками, то [приближенные папы] снаряжают посланцев для сбора денег; а также под предлогом все той же антитурецкой борьбы издают множество индульгенций, полагая, что выжившие из ума немцы на веки вечные останутся непроходимыми дураками, постоянно дающими деньги для удовлетворения их невообразимого корыстолюбия, хотя в то же время все мы свидетели того, что ни из аннатов, ни из денег за индульгенции, ни из всего другого против турок не используется ни геллера, а все сыпается в бездонный мешок. Они обманывают и двоедушничают, устанавливают и заключают с нами соглашения, которые ни на йоту не собираются соблюдать, [рассчитывая], что все должно списаться за счет святого имени Христа и святого Петра.

Но, в конце концов, немецкая нация, епископы и князья должны сами позаботиться о христианстве и народе, который им вверен, чтобы управлять им и защищать его материальные и духовные блага от этих хищных волков, прикрывающихся овечьими шкурами и выдающих себя за пастырей и правителей. И поскольку аннатами столь постыдно злоупотребляют и не выполняют обещанного, то [властям] не следует допускать, чтобы их страна и люди угнетались беспросветнейшим образом и ставились на грань гибели; но посредством императорского или же всей немецкой нации указа нужно либо оставлять аннаты в стране, либо упразднить. Если они не соблюдают соглашений, то, следовательно, не имеют никакого права на аннаты, а епископы и князья обязаны наказать это воровство и грабеж или воспротивиться ему на основании закона. [Они должны] становиться на сторону папы и поддерживать его в тех случаях, когда он, быть может, слишком слаб, чтобы в одиночку [бороться] с таким безобразием. Если же он вознамерится защищать и поддерживать [бесчинства], то ему надо противодействовать и сопротивляться – как волку и тирану, ибо у него нет никакого права творить зло или потворствовать ему. А если кто-нибудь захочет собрать для борьбы с турками такие значительные суммы, то нам следует всего-навсего взяться за ум и заявить, что немецкая нация сможет сохранить их лучше, чем папа, поскольку при наличии денег у немецкой нации людей для ведения борьбы [с турками] хватит. И со многими другими римскими уловками дело обстоит так же, как и с аннатами.

Далее, год разделен между папой, епископами и главами церковных учреждений так, что папе предоставляется в году шесть месяцев подряд для пожалования ленов, которые в эти месяцы остаются без владельцев. Из-за этого почти все лены достались Риму, в особенности самые лучшие приходы и прелатуры. А те, которые однажды отходят к Риму, уже никогда не возвращаются, даже если они с тех пор никогда не теряли владельца в папский месяц; тем самым церковным учреждениям наносится большой ущерб. И это их начинание – ничего не возвращать из Рима – неприкрытый разбой. Поэтому сейчас настало время для того, чтобы полностью упразднить папские месяцы и вернуть назад все, присвоенное Римом. Князья и дворяне должны настаивать на том, чтобы похищенные богатства были возвращены, воры наказаны, а те, которые злоупотребляли полученными полномочиями, были лишены полномочий. Если соблюдается и признается неприкрытый произвол – издание папской канцелярией на другой день после избрания папы его постановлений и законов, посредством которых грабятся наши церковные учреждения и приходы, – то было бы вполне справедливым, если бы император Карл на следующий день после своей коронации издал постановления и законы, в соответствии с которыми во всей немецкой земле ни один лен и приход больше не отходили бы к Риму в папский месяц, а все захваченное было бы освобождено от римских разбойников и возвращено; на это он имеет право в соответствии со своей службой меча.

Ныне корыстолюбивый, разбойничий римский престол не может дожидаться времени, когда благодаря папскому месяцу все лены постепенно перейдут к нему, и, побуждаемый своим ненасытным брюхом, спешит как можно скорее проглотить их без остатка. Поэтому кроме аннатов и [папских] месяцев он выдумал уловку, с помощью которой лены и приходы удерживаются за Римом еще тремя путями. Во-первых, если имеющий свободный приход умрет в Риме или по пути туда, то его приход становится вечной собственностью римского (я бы сказал разбойничьего) престола. Однако они не хотят признавать себя разбойниками, хотя о таком разбое раньше никому не доводилось ни слышать, ни читать.

Во-вторых, к папской или кардинальской челяди относятся как те, кто [давно] владеет леном или унаследовал его, так и те, которые, приобретя лен [за пределами Рима], затем приблизились к папе или кардиналам. Но кто в состоянии сосчитать папскую и кардинальскую челядь, если папа, превосходя всех императоров и королей, выезжает на обычную прогулку в сопровождении трех или четырех тысяч [приближенных], восседающих на мулах? А Христос и святой Петр не для того ходили пешком, чтобы их заместники состязались в роскоши и пышности. Мудрствуя дальше, корыстолюбие устроило так, что и за пределами Рима многие зачисляются в состав папской курии, как в Риме, чтобы повсеместно при помощи плутовского словечка «папский приближенный» все лены были отданы римскому престолу и закреплены за ним навсегда. Разве не

возмутительна эта дьявольская выдумка? Если мы будем смотреть на это сквозь пальцы, то Майнц, Магдебург, Хальберштадт запросто могут отойти к Риму и кардиналов придется оплачивать довольно дорогой ценой. Затем нас заставят сделать кардиналами всех немецких епископов и дочиста подметут все вокруг.

В-третьих, о том, как в Риме возникает тяжба из-за лена. Это, на мой взгляд, едва ли не самый распространенный и главный способ захвата приходов Римом. Если на местах не возникает тяжб, то в Риме насчитывается бесчисленное множество сутяг, которые из-под земли извлекут [поводы] к тяжбам и набрасываются на приходы, где только захотят, из-за чего многие благочестивые священники вынуждены терять свои приходы или на время откупаться от тяжб деньгами. Такой лен, праведно или неправедно захваченный при помощи тяжбы, также должен стать вечной собственностью римского престола. Поэтому не следует удивляться, что Бог обрушит с неба поток серы и адского пламени и ниспровергнет Рим в бездну, как Он в старину сделал с Содомом и Гоморрой. И для чего христианству папа, если его власть используется лишь для [свершения] таких архизлодейств, а он поддерживает их и содействует им? О благородные князья и господа, до коих же пор вы будете безропотно отдавать свою страну и людей во власть этих хищных волков? Но поскольку захват всех епископов при помощи таких интриг казался алчности слишком медленным, любезное корыстолюбие выдумало, что епископства по их наименованию находятся вне Рима, а по сути – в Риме, и что вследствие этого ни один епископ не может быть утвержден, если он не купит за большие деньги паллий и истово не поклянется быть личным рабом папы. Потому и получается, что ни один епископ не решается действовать против папы. Этого римляне также добились при помощи присяги, и в результате самые богатые епископства отягощены долгами и пришли в упадок. Я слышал, что Майнц задолжал двадцать тысяч гульденов. Это все из-за римлян, как мне кажется.

Некогда в каноническом праве они постановили вручать паллий безвозмездно, сократить чисто папских приближенных, свести на нет тяжбы, сохранить за церковными учреждениями и епископами их вольности. Но это не приносило денег, и тогда они, «перевернув лист», лишили церковные учреждения и епископов их власти – и они [теперь] – ничто, не имеют ни обязанностей, ни власти, ни дела. Главные мошенники из Рима во всех церквях заправляют всем, чуть ли не службой пономаря и звонаря. Все тяжбы переносятся в Рим, и каждый, властью папы, делает что ему вздумается. Что произошло в этом году? Страсбургский епископ решил упорядочить управление своими духовными учреждениями и реформировать богослужение; с этой целью он составил несколько проникнутых Божественным Духом христианских статей. Но мой дорогой папа и святой римский престол по доносу духовенства ниспровергли и предали проклятию этот праведный и духовный порядок. Если это называется пасти овец Христовых, то нужно

натравливать священников на их собственного епископа и их непослушание обосновывать Божественными законами. На такое явное поношение Бога не решится, думаю я, и антихрист. Вот вам и папа! Почему же так [происходит]? Да ведь если бы началось реформирование церкви, то преобразования представляли бы опасность, ибо Рим, конечно же, должен также подвергнуться им. Потому-то и не допускается никакого единения священников друг с другом и по старой [римской] традиции сеются разногласия среди князей и королей, а мир наполняется христианской кровью, чтобы единство христиан не угрожало Реформацией святому римскому престолу.

Мы уже говорили, как они поступают с приходами, которые пришли в упадок и лишились [владельцев]. Но, полагая, что ему достается слишком мало, избалованное корыстолюбие распространило свои претензии и на те лены, которые управляются их владельцами, чтобы превратить их в вакантные, хотя они не являются таковыми; и это [достигается] многими способами.

Во-первых, высматривают богатую пребенду или епископство, возглавляемые стариком, или больным, или недееспособным по какой-нибудь вымышленной причине. К нему святой престол прикрепляет коадьютора без согласия и желания священнослужителя, на благо коадьютору, поскольку он либо принадлежит к приближенным папы, либо за это платит деньги, либо вообще как-то проявил себя на римской барщине. Вслед за этим сводится на нет свободное избрание капитула или права того, кто жаловал приходы, и все предоставляется Риму.

Во-вторых, есть одно словечко – «комменды», смысл которого заключается в том, что папа поручает кардиналу или вообще кому-либо из своих приближенных взять под опеку богатый монастырь или церковь, точно так же, как если бы я дал тебе на хранение сто гульденов. Это не значит дать или пожаловать монастырь, разорить его или упразднить богослужение, а только взять под опеку; не для того, чтобы его охранять или строить, а чтобы изгнать должностное лицо, присвоить пожертвования и оброк и пристроить какого-нибудь беглого монаха-отщепенца, который за пять или шесть гульденов в год будет сидеть день-деньской в церкви, продавать паломникам крестики и образки, совершенно пренебрегая богослужением. И если это называется разорением монастыря и упразднением службы Божией, то тогда папу следовало бы наречь разорителем христианства и упразднителем богослужения, так как он действительно увлеченно занимается этим. Но для Рима такие слова [кажутся] слишком резкими, и потому это должно называться «коммендой», или поручением взять монастырь под опеку. Ежегодно папа может отдать под опеку более четырех таких монастырей, а доходы каждого из них [составляют] более шести тысяч гульденов. Так в Риме поддерживают богослужение и защищают монастыри. Этому также учатся и в немецких землях.

В-третьих, среди ленов есть такие, которые называются *incompatibilia* [«несовместимые»]. В соответствии с каноническим правом они не могут объединяться под властью одного лица, будь то два прихода, два епископства и тому подобное. Здесь святой римский престол и корыстолюбие обходят каноническое право при помощи глосс, которые [в данном случае] называются *unio* и *incorporatio*. Это означает, что несколько *incompatibilia* объединяются в одно целое так, что каждое из них становится составной частью по отношению к другому, и таким образом они характеризуются как один приход, который [уже] перестает быть *incompatibilia*. И так помогают святому каноническому праву не препятствовать никому, исключая лишь тех, кто не платит папе и его датарии за такие глоссы. Такого же рода и *unio*, то есть объединение, которое, подобно охапке дров, включает в себя много ленов, чтобы они благодаря такой [искусственной] общности считались одним леном. И в Риме легко можно найти куртизана, который один владеет двадцатью двумя приходами, семью церковными округами и к тому же еще сорока четырьмя бенефициями; упоминавшиеся искусные оговорки способствуют тому, что все это не считается противоречащим праву. А чем владеют кардиналы и другие прелаты, пусть каждый подумает сам. Так у немцев опустошаются кошельки и развеиваются надежды.

Оговорки распространяются также и на *administratio*. Его суть сводится к тому, что одно лицо наряду с епископством имеет аббатство или пребенду и владеет всем их имуществом, хотя называется лишь *administrator*. Ведь для Рима достаточно, если изменяется лишь наименование, а не [суть] дела. Это похоже на то, если бы я поучал, что содержательницу публичного дома нужно называть бургомистершей, а она оставалась бы такой же благочестивой, как и раньше. О таком римском правлении возвещал святой Петр, говоря (2 Пет. 2): «У вас будут лжеучители, которые из любостяжания будут уловлять вас лъстивыми словами, преследуя свои выгоды».

Любезное римское корыстолюбие придумало также обычай продавать и закладывать приходы и лены с той выгодой для продавца или заимодавца, что они сохраняют право обратного получения имущества. Это значит, что в случае смерти владельца лен беспрепятственно вновь возвращается тому, кто его перед этим продал, заложил или покинул. Тем самым они превратили приходы в наследственные держания, чтобы никто больше не мог занять их, кроме тех, кому продавец захочет их продать, либо, умирая, передаст свои права. Наряду с этим встречается и много таких, которые продают лен другому, только с титулом, не приносящим ни геллера [дохода]. Также давно укоренился [обычай] передавать друг другу лен с условием удержания некоторой суммы годового дохода, что раньше рассматривалось как симония. [Прибегают] и ко многим другим ухищрениям, о которых и не расскажешь, и, осеняя себя крестом, прикрываясь Христовым одеянием, обращаются с приходами бесчестнее, чем язычники.

Однако все, о чем говорилось до сих пор, уже давно стало обычным [явлением] в Риме. Користволюбие же выдумало еще одно, что, надеюсь, должно стать последним и чем оно подавится. Папа прибегает к благородной уловке, которая называется *pectoralis reservatio*, то есть «нравственная оговорка», *et proprius motus* («и власть собственных намерений»). Это сводится к следующему. Кто-нибудь получает в Риме лен, что подтверждается, как принято, законным документом, но тут появляется другой, с деньгами или с заслугами, о которых лучше и не упоминать, и добивается у папы того же самого лена. Папа дает лен ему, отнимая его у первого. Если раздаются упреки, что это несправедливо, то пресвятой отец утверждает, что его нельзя столь грубо и открыто осуждать за такие действия, и оправдывается тем, что в сердце своем и душе он предназначил этот лен для своего собственного полного владения, хотя до этого в течение всей своей жизни он никогда не думал и не слышал о нем. И таким образом обосновывается оговорка, в соответствии с которой он самовольно может лгать, обманывать, дразнить и дурачить всякого, и все это – беззастенчиво и открыто; и тем не менее [он] хочет быть главой христианства, с помощью откровенной лжи делая возможным правление злого духа.

Своеволие и лживые оговорки папы порождают в Риме такие порядки, что никто этого не в состоянии передать. Там – купля, продажа, размен, обмен, суета, ложь, обман, грабеж, воровство, роскошь, блуд, подлость и пренебрежение Богом во всех видах, так что гнуснее не мог бы править и антихрист. Венецию, Антверпен, Каир нельзя даже сравнить с этой ярмаркой, с куплей-продажей в Риме; разве что там руководствуются разумом и правом, здесь же все происходит по воле самого дьявола. И как из моря растекается [оттуда] по всему свету такая добродетель. Разве зря боятся такие люди Реформации и свободного собора и разве не стремятся они перессорить всех королей и князей, чтобы благодаря их единству не был созван собор? Кто же может допустить, чтобы обсуждались такие злоупотребления, свершенные им?

Наконец, для всех этих «благородных» проделок папа учредил собственный торговый дом, то есть палату датария в Риме. Туда должны обращаться все те, кто добивается таким [незаконным] путем ленов и приходов. Там можно покупать упоминавшиеся глоссы и должности и домогаться права заниматься таким архизлодейством. Раньше [просители] в Риме отделялись еще дешево, тогда можно было за деньги покупать или отменять право. Сейчас же там все настолько подорожало, что предварительно за большие деньги покупается разрешение учинять бесчинства. Если это не главный бордель среди всех борделей, какие только можно себе вообразить, то я не знаю, что называть борделем.

Если у тебя есть деньги, то в этом доме ты сможешь заняться всеми делами, о которых рассказывалось, и не только ими; за деньги любая сделка здесь будет оправдана, будет узаконено все наворованное, награбленное имущество. Здесь освобождают от обетов, здесь монахам разрешают выходить из орденов, здесь духовенству продается право на

вступление в брак, здесь дети потаскух могут превратиться в рожденных в браке, здесь всякое бесчестие и позор превращаются в достоинство, здесь все зловредно порочные и низкие посвящаются в рыцари и становятся благородными; здесь признаются браки между близкими родственниками или подлежащие запрету по другим причинам. О, здесь царит такое мздоимство и вымогательство, что создается впечатление, будто бы все духовные законы установлены лишь для того, чтобы увеличить для извлечения денег число ловушек, из которых должен освобождаться всякий, стремящийся остаться христианином. Здесь и дьявол станет святым, даже Богом; и то, что не в силах неба и земли, возможно в этой даже палате. Это называется *compositiones*, однако *compositiones* должны вернее называться *confusiones*. О, как жалко выглядят доходы рейнской таможни в сравнении с этой святой палатой!

Пусть не подумает никто, что я преувеличиваю. Это все происходит открыто, и даже в Риме должны признать, что это намного ужаснее доступного человеческому воображению. Я еще не затронул, да и не хочу затрагивать поистине адской кухни частных пороков. Но и, говоря лишь об обычных, повседневных делах, я тем не менее не нахожу слов. [Поэтому] епископы, священники и прежде всего университетские доктора, которым за это платят, должны в соответствии со своими обязанностями единодушно писать и вопиять об этом. Но переверни лист – и ты увидишь, что это не так.

Да, остается еще последнее, чего я также должен коснуться. Непомерное корыстолюбие, не довольствуясь всеми этими богатствами, которые наверняка удовлетворили бы и трех могущественных королей, затеяло передачу и продажу этих сделок фуггеру из Аугсбурга, так что теперь пожалование, обмен, покупка епископств и ленов и любимое дело торговли духовными имуществами попало как раз в надежные руки, в которых сосредоточились как единое целое духовные и светские богатства. Я с удовольствием послушал бы такого высокоразумного человека, который в состоянии представить, что еще новенького может произойти из-за римского корыстолюбия; скорее всего случится, что Фуггер эти два торговых дела, слившихся в одно, также передаст или продаст кому-нибудь. По моему мнению, в конце концов это и произойдет.

Ведь все, что они похитили в разных странах посредством индульгенций, булл, грамот, касающихся исповеди, «удостоверений о масле» и других *confessionalibus*, все, что разворовывается и в этот момент, я считаю безделицей, подобной тому, когда попадают в ад, где [лишь] один дьявол. Я имею в виду не то, что все это приносит мало [дохода] (ведь на это можно вполне содержать могущественного короля), а то, что эта безделица не идет ни в какое сравнение с описанным выше денежным потоком. До поры до времени я также умолчу, куда поступают деньги от продажи индульгенций. Об этом я попытаюсь рассказать как-нибудь в другой раз; в Кампофлоре, Бельведере и многих других местах осведомлены на этот счет предостаточно.

Поскольку такое дьявольское правление – не только открытый грабеж, обман и тирания врат адовых, а и порча тела и души христианства, мы обязаны приложить все усилия, чтобы воспротивиться такому поруганию и разрушению. Раз мы вознамерились сражаться с турками, то начнем там, где они зловреднее всего. Если мы на законном основании вешаем воров и обезглавливаем грабителей, то почему мы должны давать потачку римскому корыстолюбию – величайшему вору и разбойнику из всех существовавших или могущих существовать на земле, которое прикрывается священными именами Христа и святого Петра? Кто же, в конце концов, в состоянии молча сносить это? Почти все, что имеется в Риме, наворовано и награблено, и это подтверждают все исторические сочинения. Купить все это папа не мог. Ведь его владения настолько обширны, что только за назначения на должности своих служащих он может получить около миллиона дукатов, и это не считая доходов от казначейства и поместий. И Христос со святым Петром не оставили ему наследства, и никто другой не дал и не задолжал ему имущества, и не перешло оно к нему по праву давности. Так скажи же мне, откуда оно могло появиться у него? При этом обрати внимание на то, к чему они стремятся и что имеют в виду, посылая легатов собирать деньги для борьбы с турками.

Хотя я слишком ничтожен для того, чтобы выдвигать предложения, направленные на исправление такого ужасного состояния дел, мне все же хочется разыграть фарс и сказать – насколько хватит моего разума, – что вполне можно и нужно сделать светской власти и всеобщему собору.

Во-первых, пусть каждый князь, дворянин, город решительно запретят своим подданным давать в Рим аннаты и вообще упразднят их. Ведь папа нарушил соглашение и превратил аннаты в грабеж, вызвавший упадок и позор всей немецкой нации; он дает [право собирать] их своим друзьям, продает за большие деньги, на которые учреждает должности. Поэтому он потерял на них право и заслуживает наказания. Светской же власти надлежит защищать невинных и противиться бесправию, в соответствии с поучениями святого Павла (Рим. 13) и святого Петра (1 Пет. 2), а также положениями канонического права (16 qu. 7 de filiis). Обязанности папы и каждого из его приближенных можно выразить в словах: *tu ora* – «ты должен молиться»; императора и каждого дворянина: *tu protege* – «ты должен защищать»; народа: *tu labora* – «ты должен работать». Это не значит, что каждый не должен молиться, защищать, работать, так как все это: и молитва, и защита, и работа – завещано всем, кто занимается своим делом, – а то, что каждому предопределено особое занятие.

Во-вторых, папа со своими римскими интригами, коммендами, адъюториями, резервациями, *gratiis expectativis*, папскими месяцами, инкорпорациями, союзами, пенсиями, паллиями, канцелярскими инструкциями и тому подобными мошенничествами, не имея на то ни права, ни власти, присоединяет к своим владениям немецкие церковные

учреждения и либо раздаривает, либо продает их в Риме иностранцам, которые не делают ничего полезного в немецких землях, а епископства между тем ограничиваются в своих правах. Превращая епископов в нули, в истуканов, папа действует против своего канонического права, против природы и разума. Это в конечном счете приводит к тому, что приходы и лены из-за откровенного корыстолюбия продаются в Риме только грубым, невежественным ослам и негодьям, в то время как благочестивые, образованные люди не поощряются за их заслуги и знания; а бедный народ немецкой нации приближается к гибели вследствие нехватки подходящих просвещенных прелатов. Поэтому христианское дворянство должно выступить против папы как против всеобщего врага и разрушителя христианства, во имя спасения бедных душ, которые страдают из-за такой тирании. Пусть оно установит, потребует и предпишет, чтобы отныне ни один лен больше не переходил к Риму, ни одного [лена] больше не добывалось оттуда [римлянами] разными способами, но чтобы они, освобожденные от тиранической власти, оставались в стране. А для управления наилучшим образом этими ленами в пределах земель немецкой нации епископам должны быть возвращены их права и полномочия. Если же появится какой-нибудь куртизан, пусть ему строжайшим образом будет приказано исчезнуть или же броситься то ли в Рейн, то ли в ближайшую реку, чтобы утопить скрепленную печатью римскую грамоту об отлучении в холодной купели; тогда в Риме убедятся, что не на веки вечные потеряли немцы разум от беспробудного пьянства и однажды могут стать христианами, которые почитают Бога и славу Божию больше, чем власть людей, и не захотят теперь поругания и издевательства над святым именем Христа, под покровом Которого творились такое злодейство и растление душ.

В-третьих, пусть император издаст закон, чтобы отныне утверждение епископов и каких бы то ни было должностей исходило не из Рима, а чтобы было восстановлено решение пресвятейшего и достославного Никейского собора, в соответствии с которым епископ должен утверждаться двумя [епископами] или архиепископом. Если папа намерен порвать решение этого и всех [других] соборов, то какая тогда польза от соборов? А может быть, кто-то дал ему власть не придавать значения соборам и попираť их? В таком случае давайте упраздним всех епископов, архиепископов, примасов, превратим их в простых священников, чтобы над ними возвышался только папа. Ведь все равно он и сейчас решительно не позволяет епископам, архиепископам и примасам пользоваться их законной властью и правами, все присваивает себе, оставляя им лишь имя и бесполезный титул; и это зашло так далеко, что посредством таких его действий епископы отстраняются от предписанной им власти над монастырями, аббатами и прелатами, и поэтому в христианстве не остается даже подобия порядка. А отсюда должно следовать то, что действительно последовало: пренебрежение наказаниями и произвол творить зло во всем мире; так что я, по правде говоря, задумываюсь: не называть ли папу *hominem*

reccati. Кого другого можно обвинить в отсутствии в христианстве повиновения, наказания, управления, порядка, [кого другого], кроме папы, который собственной неограниченной властью связывает руки всем прелатам, отнимает у них розги, развязывая тем самым руки, даруя или продавая уступки своим приближенным.

Однако, чтобы он не жаловался на ограничение своей верховной власти, нужно установить, чтобы случаи, когда примасы или архиепископы не в состоянии решить дело или когда между ними возникли разногласия, передавались на рассмотрение папы, исключая, конечно, всякие мелочи. Так это делалось в старые времена, и так постановил достопамятный Никейский собор. А если что можно решить без папы, то пусть и не обременяют его святейшества такими пустяками, чтобы он мог, как похваляется, опекать все христианство своей молитвой и прилежанием, и заботой, подражая примеру апостолов, говоривших (Деян. 6): «Не хорошо нам, оставивши слово Божие, пещись о столах; мы постоянно пребудем в молитве и служении слова, а для дел созданы другие». Но в теперешнем Риме царит лишь пренебрежение Евангелием и молитвой и попечение о столах, то есть о земных благах. А апостолы и папское правление сочетаются так же, как Христос с Люцифером, небо – с преисподней, день – с ночью; и все-таки римский первосвященник называет себя викарием Христа и преемником апостолов.

В-четвертых, в соответствии с каноническим правом пусть будет установлено, чтобы любое светское дело, которое не соблюдается, рассматривалось светской властью, а не передавалось в Рим. Ведь служение папы должно заключаться в том, что он – начитаннейший в Писании, и в действительности, а не по должности, пресвятейший – управляет делами, относящимися к вере и святой жизни христиан; наставляет в этом примасов и архиепископов и с ними вершит дела и несет заботы – в соответствии с поучением святого Павла (1 Кор. 6), и строжайшим образом наказывает их, если они вмешиваются в светские дела. Ведь всем странам наносится невосполнимый урон тем, что в Риме решают такие [светские] дела, связанные с большими издержками.

К тому же эти судьи не знают нравов, законов, обычаев [той или иной] страны, а потому при решении дел зачастую руководствуются своими законами и личным мнением, что приводит к произволу по отношению к тяжущимся сторонам.

При этом также нужно запретить во всех церковных учреждениях отвратительные злоупотребления официалов, пусть они занимаются делами, относящимися к вере и улучшению нравов, и предоставляют светским судьям все, что касается денег, имущества и личности или чести. А светская власть в случаях, когда не затрагивается вера или добронравная жизнь, не должна допускать отлучений и преследований. Духовная власть должна распоряжаться духовными ценностями, как этому учит разум; духовные же ценности – это не деньги и не преходящие блага, а вера и добрые дела.

Впрочем, можно допустить, чтобы дела, относящиеся к ленам или приходам, рассматривались епископами, архиепископами, примасами. К тому же, если нужно будет удалить раздоры и войны, примас Германии может возглавить обще [германскую] консисторию, включающую в себя ученых-юристов и чиновников и действующую как *signaturas gratiae et iustitiae* в Риме. В эту консисторию посредством апелляций должны постоянно поступать для рассмотрения дела из немецких земель, а должностных лиц нужно вознаградить не как в Риме, то есть подарками и приношениями, из-за чего они привыкают торговать правом и бесправием. Именно так они вынуждены сейчас поступать в Риме: папа не дает им никакого вознаграждения, позволяя им самим кормиться подарками. Ведь в Риме никого нисколько не беспокоит, что законно, а что незаконно, там думают лишь о том, что приносит деньги, а что – нет. [Должностных лиц консисторий можно вознаграждать] за счет аннатов или придумать какой-нибудь иной путь; но это я предоставляю другим, более разумным и более опытным в делах, чем я. Я хотел только привлечь внимание и дать повод для размышления тем, которые могут и стремятся к тому, чтобы помочь немецкой нации вновь стать христианской и свободной от жалкого, языческого и нехристианского правления папы.

В-пятых, чтобы отныне никакие резервации не имели силы и чтобы ни один лен больше не захватывался Римом ни в случае смерти владельца, ни при возникновении тяжбы, ни [при условии], что он [раньше] принадлежал кардиналу или кому-нибудь из папской челяди. И пусть строго предпишут и проследят за тем, чтобы ни один куртизан не начинал тяжбы ни из-за какого лена, не вызывал [в суд] благочестивых священников, не мучил и не изгонял их посредством денежных взысканий. А если в Риме в таких случаях прибегнут к отлучению или духовному принуждению, пусть это презирают, как отлучение жулика, которому не позволяют воровать. Да, их нужно строго карать за то, что они так преступно злоупотребляют отлучением и именем Божиим, усиливают свой разбой и лживыми, беспочвенными угрозами хотят довести нас до того, чтобы мы терпели и восхваляли такое поношение имени Божиего и злоупотребление христианской властью, становясь перед Богом соучастниками их мошенничеств, в то время как мы обязаны противиться им во имя Божие, в соответствии с высказыванием святого Павла (Рим. I): «Делающие такие дела достойны смерти не только за то, что их делают, но и делающих одобряют». Однако прежде всего нетерпимо лживое *reservatio pectoralis*, которое позорно подвергло публичному бесчестию и издевательствам христианство, ибо его глава у всех на виду распространяет ложь и ради проклятых денег и [земных] благ бесстыдно обманывает и дурачит [каждого].

В-шестых, пусть также будут упразднены *casus reservati*, посредством которых у людей не только вымогается уйма денег, но и многие несчастные души вводятся лютым тираном в соблазн и заблуждение, что влечет за собой невосполнимый ущерб для их веры в Бога. В

особенности же это касается забавных детских проделок, по поводу которых они сгущают краски в булле *In Coena Domini*, но которые нельзя рассматривать даже как повседневные грехи. Что же говорить о таких значительных проступках, которые не прощаются никаким папским отпущением, например, создание препятствий для паломничества в Рим, продажа туркам оружия, подделка папских посланий? Ну разве не водят они нас за нос при помощи такого грубого, нелепого, неловкого шарлатанства? Содом и Гоморра и все прегрешения против Божественных заповедей, которые совершались и могут быть совершены, не относятся к *casus reservati*, но то, чего Бог не заповедал и что они сами выдумали, может считаться *casus reservati*, лишь бы никому не препятствовали доставлять в Рим деньги, лишь бы защищенные от турок [папа и его сторонники] наслаждались жизнью, подчиняя мир своей тирании при помощи пустых, бесполезных булл и посланий.

Поэтому справедливо было бы сделать это свидетельство достоянием всех священников или ввести всеобщий порядок, при котором ни один тайный, сокрытый грех не считался бы «оговоренным случаем», но чтобы каждый священник был вправе отпускать всяческие грехи, как бы они ни назывались, когда были тайными; и чтобы вместе с тем ни аббат, ни епископ, ни папа не обладали властью прибегать к оговоркам при рассмотрении какого-нибудь греха. Если они станут это делать, то не стоит придавать этому никакого значения, а они пусть будут подвергнуты наказанию, как вторгающиеся без позволения в область Божиего суда и беспричинно губящие и отягощающие бедные, неразумные души. В случаях же тяжкого, открытого греха, особенно против заповедей Божиих, есть, конечно, основания для *casus reservati*, но также не для слишком многих, и не по собственному произволу, без причины. Ведь Христос, как свидетельствует святой Петр (1 Пет. 5), назначил в своей церкви не тиранов, а пастырей.

В-седьмых, пусть римский престол упразднит оффиции, уменьшит число пресмыкающихся и лебезящих в Риме, а папская челядь пусть содержится за счет средств самого папы; и двор его не должен превосходить пышностью и расточительством дворы всех королей, ибо такой образ жизни не только не служит делу христианской веры, но и препятствует ученым занятиям и молитве до такой степени, что они сами уже почти не знают, что говорить о вере. Это они бесцеремонно подтвердили на последнем римском соборе, где наряду с принятием многих детских легкомысленных статей было также решено, что душа человеческая бессмертна и что священник по меньшей мере раз в месяц обязан молиться, если он не хочет потерять свой лен. Как могут судить о христианстве и делах веры закоснелые люди, которые, ослепнув от чрезмерного корыстолюбия, богатства и светской роскоши, только теперь впервые постановляют, что душа бессмертна? Немалым позором для всего христианства является то, что в Риме так оскорбительно обходятся с верой. Если бы у них было меньше богатств и роскоши, они могли бы больше учиться и

молиться, чтобы стать достойными и способными к решению дел, касающихся веры. Ведь такими они были в старые времена, когда стремились быть епископами, а не королями всех королей.

В-восьмых, пусть будут упразднены тягостные, мучительные клятвы, к которым папа безо всяких на то оснований принуждает епископов, чтобы подчинить их себе как рабов, и что по его собственному произволу и великому недоразумению установлено в негодной, невежественной главе *Significasti*. Разве недостаточно обременять наше имущество, тело и душу многими безумными законами, посредством чего ослаблена вера и пришло в упадок христианство? Они, кроме того, поработили личность, ее службу и работу, [присвоили] инвеституру, [право], которым раньше обладали немецкие императоры и еще ныне обладают короли Франции и некоторых [других] королевств. Из-за инвеституры они вступали с императорами в ожесточенные войны и распри, длившиеся до тех пор, пока не захватили ее посредством наглого насилия, и удерживают до настоящего времени, как будто изо всех христиан на земле одни немцы должны быть козлами отпущения для папства и римского престола и сносить то, чего уже никто не хочет ни терпеть, ни допускать. И поскольку эти действия представляют собой неприкрытое насилие и разбой, препятствуют законной епископской власти и наносят вред бедным душам, император со своим дворянством обязан защитить их от такой тирании и покарать ее.

В-девятых, пусть папа не имеет над императором никакой власти, кроме [права] помазывать его перед алтарем и короновать, как епископ коронует короля, и отныне пусть никогда не допускается дьявольское чванство – чтобы император целовал ногу папе, или преклонял перед ним колени, или, как рассказывают, держал стремя и уздечку его мула, когда он садится в седло, отправляясь на прогулку; и тем более пусть он не клянется папе в благоволении и верноподданничестве, чего бесцеремонно требуют папы, как будто бы они имеют на это право. И глава *Solite*, в которой папская власть превозносится над императорской властью, не стоит и одного геллера, как и все те, кто ссылаются на нее или трепещут перед ней, поскольку в ней не содержится ничего, кроме подавления священного слова Божия и вытеснения его истинного смысла собственными домыслами, как я это показал в сочинении, написанном на латинском языке.

Такие чрезмернейшие, высокомернейшие, беззаконнейшие затеи папы придумал дьявол, чтобы приблизить время антихриста и вознести папу выше Бога, для чего уже многое делалось и делается. Но не подобает папе возвышаться над светской властью, исключая лишь духовное служение, к которому относятся проповедь и отпущение грехов. В других же делах он должен быть ниже, как учат Павел (Рим. 13) и Петр (1 Пет. 3), что было уже отмечено мною. Он наместник не Христа на небесах, но только – Христа на земле. Ведь Христос на небесах, в царствующем образе, не нуждается ни в каком наместнике, но восседает, созерцает, творит и может все. Папа должен был бы подражать Тому Христу –

служителю, Который был на земле: Его трудам, проповедям, страданиям и смерти. А они все извратили: отняли у Христа небесный царственный образ и наделили им папу, предав образ служителя полному забвению. А между тем папу, скорее, следует считать врагом Христовым, называемым в Писании «антихристом». Ведь вся его сущность, все его дела и начинания противоречат Христу и лишь разрушают и уничтожают смысл деяний Христовых.

Смешным и ребяческим представляется и то, что папа, прибегая к подтасовкам, похвально в своих декретах *Pastoralis*, будто бы он законный наследник освобождающегося императорского престола. Кто позволил ему это? Уж не Христос ли. Который изрек: «Господин язычников – князь, но так не должно быть между вами». А может, он унаследовал такие притязания от святого Петра? Меня также возмущает, что бесстыдная, грубая, невероятная ложь, дьявольское измышление, содержащееся в каноническом праве, навязывается нам как христианское учение. Атакой фальшивки, как *De donatione Constantini*, и свет не видывал! Это, должно быть, особая кара Божия, что многие разумные люди поддаются внушению и верят написанному, хотя ложь настолько примитивна, что, мне думается: пьяный крестьянин – и тот смог бы соврать более ловко и умело. Разве можно совместить с управлением империей проповедь, молитву, ученые занятия, заботу о бедных, то есть такие обязанности, которые непосредственным образом касаются папы? Ведь Христос строго-настрого запретил владеть имуществом и деньгами и управлять даже одним-единственным домом тем, кто притязает на такое служение (Мф. 10, 10). А папы хотят управлять империей, оставаясь при этом папами. Все это происки мошенников, которые, прикрываясь папским титулом, не прочь стать господами над миром и посредством папской власти и имени Христова вновь восстановить в прежнем виде разрушенную Римскую империю.

В-десятых, пусть папа умерит свой аппетит и не точит зубы на чужой караван – не присваивает себе никаких титулов королевств.

Неаполитанского и Сицилийского. Обладая на них такими же правами, как и я, он тем не менее хочет быть их ленным владыкой. Это разбой и произвол. [И таким путем] приобретены почти все его владения. Поэтому император не должен позволять ему [захватывать] такие лены, а если это произойдет, не одобрять более, но, сославшись на Библию и молитвенник, указать, что он должен предоставить светским властям право управления странами и землями, в особенности теми, которых ему не давал, а его дело – проповедь и молитва.

Такой подход должен также соблюдаться по отношению к Болонье, Имоле, Виченце, Равенне и всему, что папство захватило при помощи насилия в Анконе, Романье и многих землях Италии. [Всеми этими] землями оно владеет не по праву, к тому же вмешивается в их дела, что противоречит всем заповедям Христа и святого Павла. Ведь святой Павел

сказал: «Никто да не вмешивается в дела житейские, кто должен блюсти Божественное воинство». А папа, который должен быть главой и первым в этом воинстве, занимается светскими делами больше, чем какой бы то ни было император или король. Значит, нужно помочь ему избавиться от этого и дать возможность блюсти свое воинство. Христос, наместником Которого провозглашает себя папа, не хотел иметь никаких дел со светским правлением и сказал требовавшему у него осуждения брата своего: «Кто поставил меня судьей?» Папа же, не внемля увещаниям, вторгается в светское правление, как Бог берется за все дела, совсем забывая о Христе, наместником Которого он себя объявляет. В-одиннадцатых, пусть будет прекращен обряд целования ног у папы. И то, что жалкий, грешный человек дает целовать свою ногу тому, кто во сто раз лучше его, – образец нехристианских, более того, дьявольских нравов. Если это творится из-за уважения к власти, то почему тогда папа не делает того же по отношению к другим, ради почитания святости. Сравните их, Христа и папу: Христос омыл и отер ноги Своим ученикам, а ученики никогда не омывали Ему ног; папа, как стоящий выше Христа, переиначивает это и, позволяя целовать свою ногу, выдает это за великую милость. Да если даже кто-то и добивался бы от него этого, то нужно было бы противиться этому изо всех сил, подражая святому Петру и Варнаве, которые, не позволив в Листре почитать себя как богов, сказали: «Мы – подобные вам человеки». А наши льстецы сотворили нам идола. И это привело к тому, что перед Богом трепещут меньше, чем перед папой, и никто не воздает Ему таких почестей, [как папе]. И ни в коем случае не допускается умаление папского величия. Если бы они были христианами и почитали славу Божию более, чем свою, то папа не радовался бы, замечая, что слава Божия пренебрегается, а его собственная увеличивается, и никому не позволил бы восхвалять себя и добился бы того, чтобы слава Божия вновь воссияла и стала ярче его славы.

Это чудовищное, возмутительное высокомерие достигло таких пределов, что папа уже не довольствуется ездой верхом или в карете, но, хотя он вполне крепок и здоров, заставляет людей нести себя, как идола, с неслыханным великолепием. Любезный, как же сравнивать такое люциферовское чванство с образом жизни Христа, Который ходил пешком наравне со всеми своими апостолами? И был ли где-нибудь светский правитель, который выезжал бы так по-светски и с такой пышностью, как выезжает тот, кто хочет быть главой всех презирающих светское великолепие и избегающих его, то есть христиан? Это, конечно, не значит, что мы особенно беспокоимся о нем самом [то есть, о папе]. Но если мы станем льстить такому высокомерию и не будем проявлять своего негодования, то праведный гнев Божий не минет и нас. Мы сыты по горло папскими неистовствами и безумством, и хватит одобрять их и способствовать им.

А какие чувства может или должен испытывать христианин при виде папы, который во время причащения преспокойно восседает, как вельможный дворянин, и принимает

причащение, подаваемое ему коленопреклоненным кардиналом на позолоченном тростнике, как будто бы святое причащение недостойно того, чтобы папа – жалкий, смрадный грешник – стоя воздал хвалу своему Господу; в то время как все другие христиане, которые намного святее пресвятейшего отца – папы, принимают причащение с величайшим благоговением! Поэтому не стоит удивляться, если Бог покарает всех нас, примирившихся с Его поношением, восхваляющих наших прелатов. Ведь наша робость и наша лесть способствуют их проклятому высокомерию.

Теперь посмотрим на папу, когда он несет святыне дары в процессии: несут его, а святыне дары стоят перед ним, как кубок с вином, на столе. Короче говоря, Христос в Риме – ничто, папа – все. А нас между тем уговаривают и принуждают, вопреки Богу и всему христианскому учению, одобрять, восхвалять и почитать такой противохристианский обычай. Да поможет Бог свободному собору указать папе, что он тоже человек, а не Бог, подчиненный Самому Себе.

В-двенадцатых, пусть будут упразднены паломничества в Рим или пусть никому не разрешается отправляться туда ради любопытства или показного благочестия; разве что предварительно его священник, город или господин признают, что для паломничества имеются веские и добропорядочные основания. Я говорю это не потому, что паломничество – зло, но потому, что в наше время оно способствует порче нравов. Ведь в Риме паломники видят не добронравие, а лишь суетные соблазны. И они сами сложили поговорку: «Чем ближе Рим, тем порочнее христианин». Оттуда приносят они пренебрежительное отношение к Богу и к Божиим заповедям. Говорят, что кто впервые отправляется в Рим, ищет там соблазна, во второй раз он его находит, в третий раз – приносит его с собой. А сейчас они так наловчились, что намеченное на три паломничества осуществляют в течение одного и, воистину, доставляют нам из Рима такие штучки, что лучше было бы, если бы они никогда не видели Рима и не знали о нем.

Но даже если бы и не было этих штучек, все-таки остается еще самое существенное, а именно то, что простодушных людей паломничества приводят к обманчивым упованиям и к неверию в Божий заповеди. Ведь они считают, что такое паломничество представляет собой полезное, доброе дело, но это не так. Оно – доброе дело лишь в ничтожной степени, а совершаемое многократно – злое, вводящее в соблазн занятие, потому что Бог не заповедал его. Заповедал же Он, чтобы муж заботился о своей жене и детях и обо всем, что подобает пребывающему в браке, и при этом еще служил и помогал своим ближним. А в наше время бывает, что совершающий паломничество в Рим расходует от пятидесяти до ста или более гульденов ради того, чего ему никто не предписывал, а его жена и дети или кто-то из его ближних в это время дома терпят нужду. Неразумный же муж считает, что он может искупить свое непослушание и пренебрежение Божиими заповедями предпринятым самовольно паломничеством, тогда как на самом деле оно –

праздное любопытство или дьявольский соблазн. Папы поощряют [паломничество] и тем, что провозглашают дурацкие «золотые годы». Тем самым они будоражат народ, отвлекают его от Божиих заповедей, прельщая своими собственными порочными затеями, осуществляя то, что должны были бы запретить. Но это приносит деньги и укрепляет ложную власть, а потому-то они продолжают свои затеи, даже если последние направлены против Бога или святости душ.

Чтобы искоренить такую ложную веру, вводящую в соблазн простых христиан, и вновь установить истинное понимание добрых дел, нужно отказаться от всяческих паломничеств, так как в них нет ничего хорошего – ни следования заповеди, ни послушания, а лишь бесчисленные поводы к прегрешению и пренебрежению Божиими заповедями. Отсюда и такое множество нищих, которые во время паломничеств беспрестанно занимаются жульничеством, без нужды учатся попрошайничать и привыкают к этому. Отсюда берут начало также бродяжничество и столько бедствий, что я сейчас не в состоянии перечислить все это.

Но отныне тому, кто захочет идти на поклонение или дать обет паломничества, подобало бы предварительно указать мотивы своему священнику или господину. Если окажется, что в основе этого – стремление свершить «доброе дело», то пусть этот обет и это «дело» будут без раздумий отклонены священником или господином, как дьявольское наваждение, а паломнику пусть будет указано, что деньги и усилия, связанные с паломничеством, должны быть использованы во имя выполнения Божиих заповедей и ради свершения в тысячу раз лучших дел, а именно: для содержания его семьи и для помощи нуждающимся ближним. Если же он [пускается в путь] из-за любознательности, чтобы увидеть страны и города, то это можно предоставить на его усмотрение. Но если он, заболев, дает обет совершить паломничество, то надо освободить его от этого обета. И, возвеличивая Божий заповеди, надо переубедить [паломника], чтобы он довольствовался данным при крещении обетом соблюдения Божиих заповедей. Правда, чтобы успокоить его совесть, можно позволить ему единожды исполнить несуразный обет. Ведь никто не хочет держаться столбовой дороги Божественных заповедей: каждый проторивает себе новый путь и [создает новые] обеты, как будто бы все Божий заповеди уже выполнены им.

В-тринадцатых, коснемся великого множества тех, которые, давая много обетов, исполняют лишь немногие. Не гневайтесь, любезные господа, я говорю об этом с благими намерениями. Эта горькая и вместе с тем сладкая истина заключается в том, чтобы отныне не позволять больше строить нищенствующие монастыри; помилуй Боже, их и так слишком много. Да, то воля Божия, чтобы все они были упразднены или сохранены в двух-трех местах. Ничего хорошего не приносит и никогда не приносило бродяжничанье по стране с протянутой рукой. Поэтому я советую объединить десять [монастырей], или

сколько необходимо, в один, достаточно обеспеченный, который не смел бы заниматься нищенством. Ведь так будет намного основательнее предусмотрено все необходимое для святости общины, чем это установили святые Франциск, Доминик, Августин или кто бы то ни было. К тому же эти установления не соблюдались.

И пусть монахи больше не проповедуют и не исповедуют, за исключением случаев, когда их позовут и попросят об этом епископы, священники, община или власти. Ведь такие проповеди и исповеди вызывают лишь суетную вражду и зависть между священниками и монахами, а среди простого народа возникают раздоры и волнения. Упразднить это – правильная и своевременная [мера], а потому она может быть рекомендована. Представляется, что умножение этих полчищ [монахов] римским престолом не останется без последствий; духовенство и епископства, выведенные из себя его тиранией, однажды настолько усилятся, что начнут Реформацию, которой его святейшество не вынесет.

К тому же должны быть упразднены и многочисленные секты и группировки в одном и том же ордене, которые иногда возникают по совершенно ничтожным поводам и еще большими мелочами поддерживаются в борьбе, ведущейся с невыразимой ненавистью и завистью, в то время как христианская вера, достаточно прочная и безо всех этих словопрений, приходит в упадок в двух [враждующих] станах. Праведную же христианскую жизнь сводят к внешним законам, делам и поведению, следствием чего является лишь лицемерие и порча душ; и это наблюдает каждый.

Следует также запретить папе учреждать или утверждать новые ордена; кроме того, он должен отдать распоряжение, чтобы некоторые из них упразднили или свели к меньшему количеству, поскольку христианская вера, которая сама по себе – высшее благо, не зависящее от поддержки любых орденов, подвергается немалой опасности из-за того, что люди легко вводятся в заблуждение многочисленными делами и обрядами и начинают уделять большее внимание этим делам и обрядам, чем вере. И если в монастырях нет мудрых прелатов, которые отдадут предпочтение вере перед орденскими уставами, то невозможно, чтобы орден не совратил и не ввел в соблазн неискушенные души, которые уделяют внимание лишь делам.

Однако сейчас, в наше время, почти повсюду исчезли прелаты, похожие на тех, которые основывали ордена, придерживаясь веры. В старину дети Израилевы вскоре после смерти патриархов, познавших деяния и чудеса Божий, из-за непонимания Божественного промысла и веры начали обучать своих детей идолопоклонству и [превозносить] свои, человеческие дела. И сейчас некоторые [монашеские] ордена, к несчастью, перестав понимать Божественные деяния и веру, стоически изводят себя своими собственными правилами, уставами и распорядками, стараются и трудятся и все же никак не могут приблизиться к истинному пониманию духовной, праведной жизни, как возвестил апостол Павел (2 Тим. 3), говоря: «Они будут иметь вид благочестия и ничего более; [они] всегда

учащиеся и никогда не могущие дойти до познания того, что такое истинно духовная жизнь». Поэтому в тех местах, где нет осененного Духом, осведомленного в делах христианской веры настоятеля, лучше вообще не учреждать ни одного монастыря. Ведь иные [настоятели] приносят своим управлением только вред и гибель, усиливающиеся в такой степени, в какой они усердствуют в святой и праведной жизни, выражающейся в их внешних делах.

По моему мнению, следовало бы, особенно в наше тревожное время, восстановить в устройстве духовных учреждений и монастырей тот порядок, который был вначале введен апостолами и сохранялся долгое время после них. Тогда каждый мог свободно оставаться в любом из них, сколько ему заблагорассудится. Ведь чем иным были духовные заведения и монастыри, как не христианскими школами, где учили [пониманию] Писания и христианскому послушанию и где воспитывали людей для управления и проповеди? [Из книг] мы узнаем, что святая Агнесса училась в школе. Такое же можно еще и сейчас видеть в некоторых женских монастырях, например в Кведлинбурге и других местах. Воистину, все духовные учреждения и монастыри должны быть настолько свободными, чтобы служить Богу добровольно, а не принудительно.

Но впоследствии [монастыри] превратили в вечную тюрьму, навязав им обеты, которые почитаются больше, чем Крещение. А какие плоды это приносит, мы видим, слышим, читаем и узнаем день ото дня все чаще и чаще. Я хорошо понимаю, что этот мой совет можно расценивать, как совершенно неразумный, но это меня сейчас не волнует. Я предлагаю то, что мне кажется полезным; кому не угодно, пусть [мои предложения] отвергнет. Я достаточно насмотрелся на то, как соблюдаются обеты, особенно [обет] целомудрия, обязательный для монастырей и вместе с тем Христом не заповеданный, а предназначенный лишь для немногих, как свидетельствует Он сам и святой Павел. Я очень хотел бы помочь каждому не отягощать свою христианскую душу человеческими, произвольно придуманными правилами поведения и уставами.

В-четыредесятых, мы видим также, как происходит порча духовенства и [как] некоторые бедные священники, обремененные сожительницами и детьми, отягощают свою совесть, и все-таки никто не пытается им помочь, хотя помочь стоило бы. Если папа и епископы предоставляют это воле случая, позволяя погибать тому, что погибает, то я, стремясь спасти свою совесть, хочу свободно высказаться и, несмотря на возмущение папы, епископов или кого бы то ни было, сказать следующее. По установлениям Христа и апостолов в каждом городе должен быть приходской священник или епископ. Об этом однозначно пишет Павел (Тит. 1). Этот священник не принуждается жить без законной жены и может жениться. Ведь святой Павел провозглашает (1 Тим. 3 и Тит. 1): «Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, детей содержащий в послушании со всякою честностью». А у святого Павла священник и епископ одно и то же, как это удостоверяет

святый Иероним. Теперешние же епископы, о которых Писание не упоминает, утверждают в соответствии с общепринятыми в христианстве правилами, чтобы распоряжаться многими священниками.

Таким образом, апостол недвусмысленно показывает нам, что организация христианства должна быть следующей: жители каждого города из своей среды выбирают образованного, благочестивого горожанина, поручают ему пастырское служение и содержат его за счет общины, предоставляя на его свободное усмотрение, жениться ему или нет. При нем должно быть несколько духовных лиц, или диаконов, которые также по собственному желанию могут и жениться, и оставаться холостыми. Они помогают воспитывать прихожан и общину посредством проповедей и таинств, как это сохранилось доньше в греческой церкви. Сохранилось, несмотря на то, что были неоднократные преследования еретиков и споры с ними; и многие святые отцы добровольно отказывались от брачного состояния, чтобы учиться с большим прилежанием и в любое время быть готовыми к смерти и к борьбе.

Но римский престол эти исключения произвольно возвел в ранг всеобщей заповеди и запретил духовному сословию вступать в брак. Такое ему внушил дьявол. А святый Павел предвидел это (1 Тим. 4): «Придут учителя и принесут дьявольское учение, запрещающее вступать в брак» и т.д. Из-за этого, к несчастью, возникло столько бедствий, что их и не описать. Этим греческой церкви был дан повод для отделения, к тому же, как происходит со всем, что затевает и творит дьявол, умножились до бесконечности раздоры, прегрешения, бесчестие и соблазны. Так что же нам делать?

Я советую вновь сделать свободным и предоставить на усмотрение каждого отдельно взятого духовного лица вступление в брак или безбрачие. Но в этом случае должно значительно измениться [духовное] правление и порядок [владения духовными] имуществами; все каноническое право нужно предать забвению, да и количество ленов, отходящих к Риму, должно быть сокращено. Я думаю, что причиной установления жалкого, ложного целомудрия [духовенства] было корыстолюбие, которое ведет к тому, что каждый хочет стать священником и каждый готовит к этому своих детей, но не с намерением вести целомудренную жизнь – этого можно достичь и без принадлежности к духовному сословию, – а лишь ради преходящей святости, достигнутой без труда и забот, что противоречит заповеди Божией (Быт. 3): «В поте лица твоего будешь есть хлеб». [Но это изречение духовенство] истолковало так, что будто бы его работа – молитвы и мессы. Я не касаюсь здесь папы, епископов, аббатов, священников и монахов, [служение] которых Бог не заповедал. Если они сами возложили на себя бремя, то пусть и несут его. Мне хочется поговорить [только] об учрежденном Богом служении проповедников, которые должны посредством проповедей и Таинств наставлять общину, жить в одном месте с прихожанами и содержать дома свои. А христианскому собору надлежит

предоставить им право свободного вступления в брак, во избежание соблазнов и прегрешений. Ведь если Бог не обязывал их [оставаться холостыми], то никто – даже уподобившийся ангелу небесному, не говоря уже о папе, – не должен и не может никого из них принуждать [к целибату]. И то, что, вопреки этому, установлено в каноническом праве, – всего-навсего басня и благоглупость. Далее советую я, чтобы отныне тот, кто посвящается в проповедники или вообще [принимает духовный сан], ни в коем случае не давал епископу обета блюсти целомудрие, а, напротив, возражал ему, что принуждать к такому обету – не в его власти и что подобные действия – дьявольская тирания. Если же он, [давая обет целомудрия], должен или хочет, как некоторые, добавить: *quantum fragilitas humana permittit*, то каждое из этих слов следует понимать как свободное *negative*, *id est: non promitto casti-tateni* потому что *fragilitas humana non permittit caste vivere*. Ведь только *angelica fortitude et caelestis virtus*, благодаря чему он сохраняет незапятнанной совесть и безо всяких обетов.

Я не хочу ни советовать, ни запрещать каждому отдельно взятому [священнику], у которого еще нет жены, ни вступать в брак, ни оставаться в безбрачии; пусть он придерживается общепринятого христианского порядка и своего собственного доброго разума. Но от страждущей общины я не намерен скрывать свой доверительный совет. Я не хочу воздерживаться и от утешения тех, кто, связанный по рукам и ногам сожителями и детьми, переживает позор и муки совести из-за того, что их поносят как «поповских наложниц» и «поповских детей», – и открыто скажу, по своему праву придворного шута, следующее.

Можно встретить многих благочестивых священников, которых тем не менее никто не считает добродетельными, потому что по своей слабости они вступили с женщиной в связь, расцениваемую как позор, хотя в глубине сердца они решили навсегда остаться рядом в истинной супружеской верности. И если они смогли следовать этому с чистой совестью, невзирая на публичные насмешки, то воистину их брак угоден Богу. И я считаю, что если они приняли такое решение и живут вместе, то да спасут они совесть свою: пусть священник считает ее законной женой, заботится о ней и вообще добропорядочно живет с ней как законный супруг, невзирая на одобрение или несогласие папы и несоответствие духовному или светскому закону. [Вступление в брак] больше зависит от святости твоей души, чем от тиранических, самовластных, кощунственных законов, которые и для святости не нужны, и Богом не заповеданы. И нужно действовать, как дети Израилевы, которые похитили у египтян причитающуюся им плату, или как раб, укравший у своего злонамеренного господина заработанное; точно так же похищай и ты у папы свою законную жену и детей.

У кого есть вера, чтобы решиться на это, пусть смело следует за мной; я не обману его. Если я не имею такой власти, как папа, то все же во власти моей, как христианина, помочь

своему ближнему и дать обоснованный совет, касающийся его грехов и опасений. Во-первых, не каждый священник может обойтись без жены, которая [нужна ему] не только как женщина, но в гораздо большей степени ради ведения домашнего хозяйства. В состоянии ли он взять в услужение женщину, как ему позволяет папа, не вступая с ней в брачные отношения? Что же это творится? Оставляют вместе мужчину и женщину и в то же время предостерегают их от падения. Не равнозначно ли это тому, чтобы, соединив солому с огнем, запретить им дымиться и гореть? Во-вторых, папа не властен запретить это, точно так же, как не в его власти запретить есть, пить, отправлять вечные надобности или прибавлять в весе. Поэтому никто не обязан [соблюдать безбрачие], а папа несет ответственность за все грехи, которые отсюда следуют, за все потерянные вследствие этого души, за корчащуюся в муках совесть [людей], сбитых им с толку. И было бы правильным, если бы уже давно его кто-нибудь изгнал бы из мира. Ведь он толкнул бесчисленное множество душ на путь дьявольской гибели, хотя я надеюсь, что многим из них Бог на том свете будет милостивее, чем папа в их земной жизни. Не было еще и никогда не будет ничего хорошего от папства и от его законов. В-третьих, несмотря на папский закон и вопреки ему, браки все же заключаются – с его законом уже покончено и он не имеет никакого значения. Ведь заповедь Божия о том, что никто не должен разлучать мужчину с женщиной (Мф. 19, 6), намного превосходит папский закон, и нельзя ради папского приказа предать забвению заповедь Божию, хотя многие выжившие из ума юристы совместно с папой выдумали *impedimenta*, при помощи которых, упразднив заповедь Божию, усложнили, запутали и затруднили брачное состояние. Что тут можно сказать? Разве во всем папском духовном законодательстве найдется хотя бы две строки, которые могли бы направить на путь истинный благочестивого христианства, и разве в нем, к несчастью, нет такого множества ошибочных и опасных предписаний, что лучше всего было бы бросить их в навозную кучу.

Но если ты скажешь, что [вступление в брак] вызовет возмущение и что предварительно нужно получить диспенсацію у папы, то я отвечу, что возмущаться нужно действиями римского престола, который без права и вопреки Богу установил такой закон. А Бог и Священное Писание не осуждают вступление в брак. К тому же если папа может освободить за деньги от своих корыстолюбивых, тиранических законов, то тогда и каждый христианин может дать такое же освобождение ради Бога и спасения души. Ведь Христос освободил нас от всех человеческих законов, в особенности если они направлены против Бога и спасения души, как учит святой Павел (Гал. 5 и 1 Кор. 9).

В-пятнадцатых, я не забыл и о бедных монастырях. Злой дух, который в наше время сбивает с пути истинного все сословия человеческими законами и делает их невыносимыми, почил также на некоторых аббатах, аббатисах и прелатах, и они, подобно всем мучителям – подручным дьявола, так управляют своими братьями и сестрами [во

Христе], что те скоро прямым путем попадут в ад и будут влачить там жалкое существование. Они приписали себе [право] исповедовать все или только некоторые сокровенные смертные грехи, которые ни один брат не может отпустить другому, связанный обетом послушания и из-за опасения быть отлученным. А сейчас во всех монастырях можно найти не только ангелов, но и [людей] во плоти, которые скорее претерпят все отлучения и угрозы, чем захотят покаяться в своих сокровенных грехах прелатам и некоторым духовникам; затем с такой совестью они идут к причастию, вследствие чего становятся irregulares и ввергаются в еще большую скорбь. О, слепые пастыри, о, потерявшие разум прелаты, о, хищные волки!

В таком случае я говорю: если грех совершен открыто или стал известным, то лишь одному прелату подобает налагать епитимью и лишь эти и никакие другие [грехи] он может исповедовать и отпускать. Над сокровенными прегрешениями у него нет власти, хотя бы это были тягчайшие из всех существующих грехов. И если прелат их отпускает, то он – тиран, не имеющий на это права и вторгающийся в Суд Божий. Поэтому я советую этим чадам – братьям и сестрам: если начальствующие не дают разрешения исповедаться в сокровенных грехах тому, кому ты хочешь, то решишь на это сам и покаяйся своему брату или сестре, кому угодно – пусть дадут тебе отпущение и утешение, а затем иди и делай, что захочешь и что надо, и твердо верь в то, что ты освобожден от греха и что он не довлеет над тобой. А отлучение, исключение из ордена и другие кары пусть тебя не тревожат и не вводят в заблуждение; они распространяются не далее, чем на совершенные открыто или на ставшие известными грехи, в которых некоторые не хотят признаваться. Но тебя это не касается. Что же ты берешь на себя, слепой прелат, намереваясь своими угрозами бороться с сокровенными грехами? Оставь то, чего ты не можешь оберегать открыто, пусть Суд и Милость Божий тоже коснутся [чад] твоих. Ведь он поручил их тебе не настолько, чтобы самому не иметь на них никакого влияния. Нет, твоя власть далеко не беспредельна; пусть твой статут остается статутом, но не переноси его на небеса, в [область] Суда Божия!

В-шестнадцатых, нужно было бы также совершенно упразднить или, по крайней мере, сократить юбилейные годы, праздники в честь святых и заупокойные мессы, потому что, как мы видим, их превратили в насмешку и проводят только ради денег, обжорства и пьянства. А это несказанно гневит Бога. И вряд ли ублаговоряют Бога, когда [во время] убогих ночных богослужений и месс [слышится] лишь жалкое бормотание и монотонное пение, но нет ни чтения, ни молитвы, а если и проводят моление, то не из-за бескорыстной любви к Богу, а ради денег и по обязанности. Но ведь это немыслимо, чтобы Бог был ублаговорен или у Него можно было бы чего-нибудь добиться при помощи действия, свершаемого не из чувства бескорыстной любви. И будет по-христиански, если мы упраздним или хотя бы сократим все, что, как мы видим, стало употребляться во зло и

более гневит, чем умилоствует Бога. Для меня было бы отрадней, Богу угодней, а для всех намного лучше, если бы духовные учреждения, церкви или монастыри собрали в кучу все свои годовые мессы и ночные службы и в течение суток с сердечной строгостью, набожностью и верой во всех своих заступников отравляли бы [только] одну полноценную ночную службу и [одну] мессу, вместо того чтобы служить их по много тысяч в году: каждому [человеку] – особую, отправляемую без надлежащего благоговения и веры. О, любезные христиане! Богу нужно молиться немного, но всей душой, ибо Он порицает долгие и частые моления (Мф. 6) и подчеркивает, что награда за них – лишь еще большие мучения. Но корыстолюбие, которое не может доверительно относиться к Богу, отправляет богослужение по-своему и [всячески] поддерживает его, иначе оно умерло бы с голоду.

В-семнадцатых, следует также отменить некоторые взыскания или наказания канонического права, в особенности интердикт, который, безо всякого сомнения, придуман злым духом. Разве это не затея дьявола, что один грех хотят искупить при помощи многих, более тяжких грехов? Ведь замалчивать или ниспровергать Божье слово и службу – это гораздо больший грех, чем если бы кто-нибудь задушил сразу двадцать пап, не говоря уже об [убийстве] простого священника или о хищении духовного имущества. Последнее также относится к числу изысканных добродетелей, о которых упоминается в каноническом праве; ведь каноническое право называется духовным потому, что оно исходит от духа, но не от Святого Духа, а от духа злого.

Отлучение следует применять лишь в тех случаях, которые отмечены в Писании: то есть по отношению к тем, кто не придерживается истинной веры, или к тем, о чьей грешной жизни известно каждому. Но нельзя [отлучать от церкви] за земные дела. Однако сейчас все это извращено: каждый и верит, и живет, как хочет. Большей частью [это относится] к тем, которые мучают и бесчестят других людей при помощи отлучений. И теперь все отлучения свершаются ради земных благ, за что мы должны быть благодарны не кому иному, как святому духовному бесправью. Об этом я подробно говорил раньше в своей проповеди.

Другие наказания и взыскания: отстранение от должности, исключение из ордена, отягощение церковных кар, усиленное отягощение, громы и молнии, проклятия, осуждения и все прочие выдумки [церковников] – следовало бы закопать на десять локтей в землю, чтобы на свете не оставалось ни их названия, ни воспоминания о них. Злой дух, освобожденный при помощи канонического права, принес много ужасных несчастий и бедствий в Небесное Царство святого христианства, следствием чего явилась порча душ и ухудшение прав; так что, скорее всего, именно это подразумевалось в словах Христа (Мф. 23): «Горе вам, книжники, присвоившие себе власть поучать, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо не входите и хотящих войти не допускаете».

В-восемнадцатых, пусть будут отменены все праздники, за исключением воскресенья. Если же захотят сохранить праздники Богородицы и Великих Святых, то пусть перенесут их все на воскресенье или же отмечают только утром, во время мессы, а затем весь день пусть будет рабочим днем. Основанием для этого служит то, что [празднику] сопутствуют неумеренное пьянство, [азартные] игры, безделье и всяческие прегрешения; вследствие чего мы больше гневим Бога в святые дни, чем в будни. И получается как раз наоборот: святой день – не святой, а рабочий день – святой. И от великого множества святых дней не только не усиливается поклонение Богу и Его святым, но происходит великое бесчестие, хотя некоторые выжившие из ума прелаты считают, что, отмечая по своей слепой набожности праздники в честь святой Оттилии, святой Барбары и подобных им, каждый свершает в высшей степени доброе дело; между тем как он поступил бы намного лучше, если бы для почитания святого превратил святой день в рабочий день.

Сверх этих духовных потерь простой человек испытывает и материальный ущерб, состоящий в том, что он прогуливает свою работу, и в том, что потребляет [пищи и напитков] больше, чем в другое время, ослабляя свое тело и снижая способность к работе. Это мы наблюдаем ежедневно, но все-таки никто не проявляет стремления к преобразованиям. А между тем не имеет никакого значения, учрежден ли праздник папой, или же для того, [чтобы его отметить], нужно разрешение, освобождающее [от работы]. То, что направлено против Бога и причиняет вред телу и душе человека, не только может быть, без ведома и одобрения папы или епископа, враждебно воспринято и упразднено каждой общиной, [городским] советом или светской властью, но они даже обязаны, ради спасения души, не допускать этого, даже если папа и епископ, которым подобает первыми упразднить [праздники], не захотят [сделать этого].

И прежде всего нужно совсем искоренить престольные праздники, поскольку они стали уподобляться не чему иному, как взавправдашним тавернам, ярмаркам и игорным домам и лишь способствуют умножению бесчестия Божиего и гибели души. В данном случае не поможет, если начнут, преувеличивая, [утверждать], что [у этого установления] было доброе начало и поэтому [его следует считать] добрым делом. Да отменит Бог Свой собственный закон, данный Им с небес, ибо обратилось во зло и ежедневно извращается заповеданное Им, разрушается Им сотворенное ради этого извращенного злоупотребления. [И да сбудется] написанное в 18 Псалме: «С лукавым [ты поступаешь] по лукавству его».

В-девятнадцатых, пусть будут изменены ступени, или колена, родства, в которых запрещается вступление в брак, как, например, крестное родство, четвертая и третья степени [кровного] родства, чтобы [в случаях], когда папа бесстыдно продает за деньги разрешения на брак, каждый священник мог давать разрешение сам – безвозмездно и ради спасения души. Да, Богу угодно, чтобы была разорвана денежная сеть – духовный

закон – и чтобы все, что нужно покупать в Риме, – отпущения, индульгенции, «грамоты о масле», грамоты о мессах и все прочие римские *confessionalia*, или безобразия, при помощи которых обманывают и лишают денег бедный народ, – мог бесплатно делать и разрешать любой священник. Ведь если у папы есть полномочия продавать за деньги свои силки и духовные сети (я имею в виду законы), то, безусловно, у священника намного больше полномочий для того, чтобы разорвать их и во имя Божие попать ногами; если у него нет на это власти, то и у папы также нет никакой власти продавать их на своих гнусных ярмарках.

Сюда же относится и то, чтобы соблюдение постов зависело от свободного усмотрения каждого и чтобы можно было употреблять любую пищу, как отмечено в Евангелии (Мф. 15, 11). Ведь они сами в Риме насмеются над постами, а нас в Германии заставляют трескать постное масло, которым они себе не позволили бы смазывать даже обувь. Они также продают нам разрешение есть [в пост] сливочное масло и все прочее, между тем как святой апостол Павел возвестил (1 Кор. 10, 25), что нам издревле в Евангелии предоставлена свобода относительно всего этого. Но они пленили нас своим каноническим правом и похитили нашу [свободу], вынуждая нас выкупать ее за деньги; сделали нашу совесть такой робкой и запуганной, что стало считаться предосудительным проповедовать об этой свободе. Ведь простой народ сильно возмущается такими [проповедями] и считает употребление масла большим грехом, чем ложь, лжеприсяга или даже прелюбодеяние. Однако узаконенное людьми все-таки остается человеческим делом, как бы это ни представляли, и никогда из этого не бывает ничего хорошего.

В-двадцатых, пусть будут разрушены до основания безнадзорные часовни и церкви, ставшие новыми центрами паломничества, как, например, в Вильснаке, Штернберге, Трире, Гримментале, Регенсбурге и во многих других [местах]. О, как тяжело будет дать жалкий отчет епископам, которые допускают такое дьявольское наваждение и испытывают от этого удовлетворение; они должны быть первыми в борьбе против этого, а они считают, что это богоугодное святое дело, не замечая, что такие [штучки] выкидывает дьявол для укрепления корыстолюбия, насаждения ложной, измышленной веры, ослабления приходских церквей, умножения кабаков и разврата, бесполезных затрат денег и труда и для того, чтобы водить за нос бедный народ. Если бы они Писание читали столь же усердно, как проклятое каноническое право, они могли бы лучше судить о делах. Ничего не доказывает и то, что там [в центре паломничества] бывают знамения, ибо злой дух без особых усилий может творить чудеса, как возвестил нам Христос (Мф. 24). Если бы они отнеслись к этому серьезно и запретили подобные вещи, то чудеса вскоре бы прекратились; если же чудеса от Бога, то запрет не помешает им (Деян. 5, 39). И даже если бы не было никакого другого свидетельства, что они не от Бога, то было бы достаточно и того, что они побуждают толпы людей безрассудно бежать [в места

паломничеств], как скот; а это не может быть от Бога, ибо Бог ничего подобного не заповедал; в этом нет никакого послушания, никакой заслуги. Поэтому нужно решительно взяться за дело и защитить народ. Ведь все незаповеданное и свершенное в обход заповедей Божиих наверняка исходит от самого дьявола. [Из-за паломничеств] меньше почитаются и приходские церкви, чем им наносится ущерб. И общий итог: все это признаки большого неверия среди народа; ведь если бы он истинно веровал, то [находил бы религиозное утешение] в своих приходских церквях, которые заповедано посещать.

О чем же следует мне повести речь дальше? Каждый помышляет лишь о том, как бы организовать и поддержать такие паломничества в своем округе, почти не обременяя себя заботами об истинной вере и жизни народа. Правители уподобляются народу: один слепой ведет другого. И в местах, куда не хотят стекаться паломники, начинают провозглашать святых – не ради возвеличения самих святых, которые достаточно почитаются и без этой шумихи, а ради [притока] паломников и денежных приношений. И этому ныне способствуют папа и епископы. [В местах паломничеств] дождем изливаются отпущения, и на это хватает денег; но о том, что заповедано Богом, никто не заботится, к этому никто не стремится, на это ни у кого нет денег. Ах, мы настолько слепы, что не только позволяем своевольничать дьяволу с его наваждениями, но также укрепляем и умножаем их. Я хочу, чтобы любезных святых оставили в покое и не совращали бедный народ. Какой дух дал папе власть провозглашать святых? Кто сообщил ему, святые они или нет? Неужели на земле так мало греха, что нужно еще пытаться вторгнуться в решения Божий и водрузить любезных святых на мешки с деньгами?

Поэтому советую я, чтобы прославление святых зависело от них самих. А провозглашать их должен лишь Сам Бог; каждый же [верующий] пусть остается в своем приходе; там он найдет больше, чем во всех вместе взятых церквях, куда стекаются паломники. [Приходская церковь] связана с Крещением, Таинствами, проповедью и твоими ближними, и все это превосходит всех святых на небесах, ибо освящено словом Божиим и Таинствами. Но поскольку мы пренебрегаем этими первостепенными ценностями, Бог, справедливый в Своем праведном осуждении, развязал руки дьяволу, который водит нас вокруг да около, побуждает к паломничествам, воздвигает часовни и церкви, возводит в святые и [заставляет] делать множество других глупостей, чтобы мы поменяли истинную веру на новое ложное суеверие. Ведь так же он поступил в старину с израильским народом, отвратив его от Иерусалимского храма к многочисленным местам [поклонения], [прикрываясь] при этом Божиим именем и искусно изображенной видимостью святости, против чего проповедовали все пророки, претерпевшие за это мучения. Но ныне никто не проповедует против этого, ибо епископы, папа, священники и монахи, скорее всего, также сделали бы таковых мучениками. А между тем Антоний Флорентийский и многие другие недавно были провозглашены святыми и возвеличены, чтобы их святость могла стать

[источником] славословия и денег, в то время как она должна была бы служить славе Божией и благому подражанию.

И хотя возвышение святых в старые времена могло производиться из добрых [побуждений], теперь в этом никогда не бывает ничего хорошего, подобно тому как множество других вещей в старину было стоящим, а сейчас стало соблазнительным и вредным – вроде праздников, сокровищ церквей и их украшений. Ведь не подлежит сомнению, что, возвышая святых, стремятся не к славе Божией и не к улучшению христиан, а к деньгам и почестям; каждая церковь хочет быть обладательницей чего-то особенного по сравнению с другими и страдает, если у других [церквей] есть то же самое и ее преимущество превращается в общую норму. В наше полное соблазнов время духовные блага до такой степени подчинены злоупотреблениям и стяжанию мирских благ, что все, относящееся даже к Самому Богу, должно служить корыстолюбию. А преимущества [одной церкви по сравнению с другой] ведут лишь к двоякого рода [последствиям]: к сектантским расколам и к высокомерию. В то время как все божественные блага, равно общие для всех, должны служить к единению, непохожесть одной церкви на другую [вызывает] взаимное презрение и [стремление] к первенству. А это по душе папе, который страдал бы, если бы все христиане были равными и едиными. Сюда же относится требование отменить, или отвергнуть, или сделать общими для всех церквей те привилегии и буллы и все, что папа продает в Риме на своей живодерне. Ведь если он продает или предоставляет Виттенбергу, Галле, Венеции и, прежде всего, своему Риму *indulta*, привилегии, отпущения, милости, преимущества, *facilitates*, то почему он предоставляет это не всем церквам в целом? Разве он не обязан делать безвозмездно всем христианам во имя Божие все, что в его силах, даже пролить за них свою кровь? Так ответь [тогда] мне, почему он предоставляет или продает [привилегии] этой церкви, а другой – нет? И разве должны презренные деньги создавать в глазах Его Святейшества такие разительные различия среди христиан, у которых одно и то же Крещение, одни и те же: слово [Божие], вера, Христос, Бог и все [духовные] ценности? Да, папа пастырь, но лишь для тех, у кого есть деньги, не более того. И не стыдясь нисколько такого мошенничества, [он] своими буллами водит нас за нос. А действовать его побуждают лишь пробитые деньги – и ничего больше. Я же советую: если не будет устранено такое шарлатанство, пусть каждый благочестивый христианин откроет свои глаза и не позволяет обманывать себя римскими буллами, печатями и лицемерием; пусть остается в родных местах, в своей церкви и считает свое Крещение, Евангелие, веру, Христа и Бога, которые одинаковы во всех местах, лучшими, а папа пусть остается поводырем слепых. Ни ангел, ни папа не могут дать тебе столько, сколько дает тебе Бог в твоём приходе; папа же отвращает тебя от Даров Божиих, которыми ты обладаешь безвозмездно, к своим дарам, которые ты должен покупать, и продает тебе свинец – за золото, шкуру – за мясо,

шнурок – за кошелек, воск – за мед, слово – за товар, буквы – за дух. Все это творится у тебя на глазах, а ты тем не менее не хочешь ничего замечать. Если ты намерен на его пергаменте и воске вознестись на небо, то твоя колесница очень быстро разрушится и ты низвергнешься в преисподнюю, – [конечно же], не во имя Божие. Поэтому придержишься только одного твердого правила: то, что ты должен покупать у папы, бесполезно и не от Бога; ибо исходящее от Бога не только даруется безвозмездно, но, более того, весь мир наказывается и проклиняется, если он не хочет принять безвозмездно этот [дар], то есть Евангелие и творение Божие. Такое заблуждение мы заслужили у Бога потому, что презрели Его святое слово и милость крещения, как отметил святой Павел: «И пошлет Бог действие заблуждения всем тем, которые не приняли истины для своего спасения, так что они будут верить лжи и низости и следовать [им]». И этого они [вполне] достойны.

В-двадцать первых, крайне необходимо упразднить во всем христианстве все [разновидности] нищенства. Никто из христиан не должен просить милостыню. Если решительно и серьезно взяться за это, то можно без особых затруднений установить следующий порядок: пусть каждый город обеспечивает своих бедных и не допускает никого из пришлых попрошайек, как бы они ни называли себя: странствующими братьями или монахами нищенствующих орденов. По-видимому, каждый город может прокормить своих [бедных], а если он слишком мал, то можно обратиться с просьбой о помощи к крестьянам близлежащих деревень; ведь [сейчас] им приходится кормить множество бродяг и зловредных скоморохов, прикрывающихся именем нищих. [Идя по такому пути], также можно будет составить представление о том, кто действительно нуждается, а кто нет. В [городе] должен быть попечитель или опекун, который обязан знать всех бедных и сообщать совету или приходскому священнику об их нуждах или [предлагать] меры по их лучшему устройству. По моим наблюдениям, ни одному занятию не присуще такое мошенничество и ложь, как попрошайничеству, хотя его легко можно было бы целиком и полностью устранить. А между тем простой народ [продолжает] бедствовать из-за неограниченного, всеобщего попрошайничества. Я полагаю, что в каждую местность ежегодно является пять или шесть нищенствующих [монашеских] орденов (каждый – более шести-семи раз); добавим сюда обычных нищих, сборщиков пожертвований, монахов, совершающих паломничества. Сохранился подсчет, согласно которому один из городов около шестидесяти раз в год выделял суммы [для подаяний], не считая выплат светским властям, налогов и податей и того, что грабил и бесполезно проматывая Рим, [продававший] свой [святой] товар. Поэтому мне представляется великим чудом Божиим, что мы еще можем оставаться в живых и кое-как питаться.

Я вполне согласен с теми, которые считают, что таким способом нельзя в достаточной мере обеспечить бедных и что [из-за нехватки средств] для них нельзя будет построить слишком большие и богатые каменные дома и монастыри. Но это не так уж необходимо.

Кто хочет быть бедным, не должен быть богатым; а если он хочет быть богатым, то пусть берет в руки плуг и добывает [богатство] от земли. Достаточно обеспечивать бедных в такой степени, чтобы им не грозила смерть из-за голода и холода. [Вместе с тем] никуда не годится извращенное злоупотребление нашего времени – чтобы один за счет труда другого бездельничал, богател и благоденствовал и чтобы это сочеталось с нищетой других. Ведь святой Павел сказал: «Кто не хочет трудиться, тот пусть и не ест». Богом установлено, что никому не подобает жить за счет другого, исключая лишь проповедующих и управляющих священников, [которые получают содержание] за свой духовный труд, как [отмечал] святой Павел (1 Кор. 9) и как говорил Христос апостолам: «Каждый работник достоин платы своей».

В-двадцать вторых, вызывает беспокойство и то, что от многочисленных месс, установленных в церквах и монастырях, не только мало проку, но они еще и возбуждают великий гнев Божий. Поэтому было бы полезным не увеличивать их число, а, наоборот, отменить большинство из установленных [месс], поскольку видно, что их расценивают как жертву и «доброе дело», в то время как они, подобно крещению и покаянию, представляют собой таинство, благотворное не для других, а для тех, кто его принимает. Но сейчас принято служить мессы за живых и мертвых и класть их в основу своего богослужения; потому-то их и установили так много и довели до такого состояния, какое мы теперь созерцаем. Но это, очевидно, слишком новые и неслыханные рассуждения, в особенности для тех, кто участвует в таком отправлении мессы, ведь [в случае упразднения таких месс] они лишатся своей службы и пропитания. Но я повременю развивать свою мысль об этом до тех пор, пока вновь не возникнет правильное понимание того, что такое месса и для чего она нужна. К сожалению, уже на протяжении многих лет из нее делают ремесло для земного пропитания. И мне хотелось бы посоветовать, чтобы впредь пастух или вообще работник, перед тем как стать священником или монахом, основательно осведомлялся о том, что такое служение мессы. Я здесь отнюдь не затрагиваю древних монастырей и кафедральных соборов, которые, без сомнения, утверждались вот для чего: поскольку по обычаям немецкой нации не каждый сын дворянина мог унаследовать землю и власть, то в этих самых заведениях [лишенные наследства дети] могли обеспечиваться и отдаваться служению Богу, учиться, становиться и делаться учеными людьми. Я говорю о новых духовных заведениях, которые учреждены лишь для молитвы и отправления месс. А по их примеру и возникшие в старину [духовные заведения] обременяют себя такими же молитвами и мессами – и вследствие этого и от них либо никакой, либо совсем мало пользы; ведь она также зависит от милости Божией. А они в конце своей почтенной [деятельности] опустились до самого низкого уровня, то есть до пения хоралов и рева органов и до вялых, холодных месс, чтобы только собрать и промотать преходящие духовные подати. Эх, за такими

делами должны бы надзирать и письменно порицать их папа, епископы, доктора, а они как раз и есть те, кто преимущественно этим занимаются: дают разрешения, вмешиваются во все, что только приносит деньги; ведь всегда один слепой ведет другого. Вот что творит корыстолюбие и каноническое право!

Также недопустимо в дальнейшем, чтобы одно лицо [служило] более чем в одном соборе или приходе; надо довольствоваться скромным положением, чтобы и у другого тоже было бы что-нибудь. Такими доводами надо отвергать оправдания тех, которые утверждают, что они для поддержания приличного образа жизни должны иметь более одной синекуры. Но приличный образ жизни можно измерять такими мерками, что целой страны не хватит для его поддерживания.

В-двадцать третьих, [средства] братств, а также отпущения, индульгенции, «грамоты о масле», грамоты о мессах, диспенсации и подобные вещи – все это пропивается и губится, и в этом нет ничего хорошего. Если папа разрешает тебе есть [в пост] масло и освобождает от посещения мессы, то он должен также предоставить это [право диспенсаций] и приходскому священнику, и лишать его этого не в его власти. Я говорю и о братствах, которых обременяют отпущениями, мессами и «добрыми делами». Любезный, во время крещения ты вступил в братство с Христом, со всеми ангелами, святыми и христианами, [живущими] на земле; держись его и довольствуйся им, вот и хватит тебе братьев. Предоставь другим лицемерить, как им угодно, и пусть они будут как разменный пфенниг по сравнению с гульденом. Но если бы и были братства, которые собирали бы деньги для того, чтобы прокормить бедняков или чтобы вообще помогать кому-нибудь, то они получили бы одобрение, отпущение и воздаяние на небесах. А сейчас их превратили в места, где пьют и закусывают.

Прежде всего нужно изгнать из немецких земель папских посланцев с их полномочиями на диспенсаций, которые они нам продают за большие деньги, что представляет собой явное мошенничество. Ведь они за деньги незаконное имущество делают законным, освобождают от клятв, обетов и союзов, нарушают и этим учат нас нарушать верность и доверие, условленные взаимным договором, и утверждают, что у папы есть на это власть. Это значит, что они говорят по [наущению] злого духа, продают нам архидьявольское учение и берут деньги за то, что они учат нас грешить и направляют в ад.

Если бы не было никаких других зловредных козней, доказывающих, что папа – настоящий антихрист, то лишь одного этого примера было бы достаточно, чтобы доказать это. Слышишь ли ты, папа, не всесвятейший, а всегреховнейший, вскоре Бог с небес разрушит твой престол и низвергнет его в бездну преисподней! Кто дал тебе власть возвыситься над своим Богом, разрушать и ломать заповеданное Им и учить христиан – особенно [христиан] немецкой нации, которые восхваляются во всех исторических сочинениях за благородство натуры, постоянство и верность, – быть непостоянными, преступать клятву,

предавать, злодействовать, нарушать верность? Бог заповедал, что надо соблюдать присягу и верность даже по отношению к врагам, а ты изворачиваешься, чтобы освободить от этой заповеди, и утверждаешь в своих еретических, антихристовых декретах, что у тебя своя власть, и сатана посредством твоего голоса и пера лжет так, как он еще никогда не лгал; а ты душишь и неволишь Писание по своему произволу. О, Христос, мой Владыка, устремил взгляд с небес, приблизь день Страшного суда Твоего и разрушь гнездо дьявола в Риме! Там восседает человек, о котором Павел сказал, что он возвысится над Тобой и воссядет в Твоей церкви, поставит себя как Бога, будучи человеком греха и сыном погибели. И разве папское владычество представляет собой что-либо иное, как не обучение греху и злу, направляющее души к проклятию под прикрытием имени и света Твоего?

В старину дети Израилевы должны были сохранять верность клятве, которую неосознанно, будучи обманутыми, они дали гаваонитянам, врагам своим. И царь Седекия должен был бесславно погибнуть со всем своим народом, ибо нарушил клятву, данную царю вавилонскому. И сто лет тому назад Владислав, славный король поляков и венгров, вместе с множеством отважных людей, к сожалению, был убит турками, потому что позволил папским подданным и кардиналу ввести себя в заблуждение, [нарушил] клятву и расторг священный, выгодный договор с турками. [И] благочестивому императору Сигизмунду не было больше удач после Констанцского собора, на котором он позволил шутам нарушить охранную грамоту, данную Яну Гусу и Иерониму, из-за чего и последовали всяческие недоразумения между богемцами и нами. И в наше время, помилуй Боже, сколько христианской крови пролито из-за договора и союза, нарушенных папой Юлием после того, как он заключил их с императором Максимилианом и французским королем Людовиком! Но я не в силах рассказать обо всех невзгодах, которые принесли папы, сводя с поистине дьявольской самонадеянностью на нет присягу и взаимные обязательства великих государей, насмехаясь над ними и беря за это деньги. Я надеюсь, что Страшный суд уже у порога, ибо не может уже быть ничего худшего по сравнению с тем, что творит римский престол. Подавляя заповедь Божию, он утверждает вместо нее свою заповедь; если это не антихрист, то пусть объяснит [кто-нибудь] другой, каким он может быть. Но об этом в другой раз – подробнее и обстоятельнее.

В двадцать четвертых, пришла наконец пора еще раз серьезно и здраво заняться делом богемцев, чтобы им объединиться с нами, а нам – с ними, и чтобы раз и навсегда покончить с ужасным злословием, с ненавистью и завистью с той и с другой стороны. Мне хотелось бы, по простоте своей, первым изложить свое мнение, с оговоркой на то, что кто-то понимает дело лучше меня. Прежде всего, мы должны откровенно признать правду и отвергнуть наше осуждение, признав кое-что перед богемцами. А именно, что Ян Гус и Иероним Пражский были сожжены в Констанце – вопреки папской, христианской,

императорской охранной грамоте и клятве, а тем самым была нарушена заповедь Божия, что вызвало у богемцев чувство глубокой горечи. И даже если бы они целиком и полностью заслуживали того, чтобы претерпеть от нас столь тяжкую несправедливость, [противоречащую заповеди] послушания Богу, то все равно они не обязаны одобрять это и признавать законным. Нет, они не обязаны одобрять это и признавать законным. Нет, они и поныне должны скорее положить живот свой, чем признать, что было справедливым нарушать императорскую, папскую, христианскую охранную грамоту, действуя вероломно вопреки ей. Поэтому, хотя богемцы и не проявили сдержанности, все-таки на папу и его приближенных ложится большая доля вины за бедствия, всяческие заблуждения и порчу нравов, которые последовали за этим самым собором.

Я не намерен здесь ни осуждать положения Яна Гуса, ни защищать его заблуждений. Правда, поразмыслив, я не нашел у него ничего ложного. И я с чистой совестью могу считать, что преступившие посредством своих вероломных действий христианскую охранную грамоту и Божию заповедь приняли никудышное решение и осудили [Гуса] несправедливо; несомненно, они больше были одержимы злым духом, чем Духом Святым. Ведь никто не станет сомневаться в том, что Святой Дух не действует вопреки Божией заповеди; и никто не может быть настолько простодушным, [чтобы не подозревать], как не согласуется с Божией заповедью нарушение охранной грамоты и заверений, даже если бы они были даны самому дьяволу, не говоря уже о еретике. Но всем известно, что охранная грамота, данная Гусу и богемцам, не была принята во внимание, и он был сожжен. Я вовсе не намерен превращать Яна Гуса в святого и мученика, как некоторые богемцы, хотя в то же время я признаю, что по отношению к нему поступили незаконно, а его книги и учение преданы проклятию несправедливо, – ибо Суд Божий ужасен и неисповедим и никто, кроме Самого Бога, не может возвещать и осуществлять его. Я хочу сказать лишь одно: пусть Гус был еретиком, и настолько зловредным, насколько это можно представить, и все же его сожгли незаконно и против воли Божией, и не следует принуждать богемцев, чтобы они одобрили это; в противном случае мы никогда не придем к единению с ними. Нас должна объединять общепризнанная правда, а не упрямство. [Папистам] не поможет выдвинутый ими тогда предлог, будто бы по отношению к еретiku можно не придерживаться [условий], [оговоренных] в охранной грамоте. Это равносильно утверждению: «Чтобы выполнять заповеди Божий, надо не выполнять заповеди Божий». Дьявол превратил их в безумных дурней, не ведавших, что они говорили или делали. Соблюдение [условий], [оговоренных] в охранной грамоте, заповедано Богом, и их надо было соблюдать, даже если бы при этом должен был погибнуть мир, не говоря уже об освобождении одного еретика. Еретиков надо преодолевать Писанием, как делали в старину Отцы [церкви], а не огнем. Если бы преодоление еретиков огнем относилось к числу искусств, то тогда палачи были бы

ученейшими докторами на земле; тогда мы могли бы больше не учиться, а [жить по правилу]: кто превосходит другого силой, тот может его сжечь.

Далее, пусть император и князья пошлют [в Богемию] нескольких благочестивых, благоразумных епископов и ученых. (В их числе не должно быть ни кардинала, ни папского посланника, ни инквизитора, потому что эти люди более чем невежественны в христианских делах и стремятся не к спасению душ, а, уподобляясь папским лицемерам, делают все лишь ради собственной власти, пользы и славы. Ведь они-то и были зачинщиками констанцкого несчастья.) И эти искусные [в христианских делах епископы и ученые] должны будут выяснить у богемцев, как обстоят дела с их верой; возможно ли объединить все их секты. А папа должен, ради спасения душ, на время отказаться от своей власти и в соответствии со статутом Вселенского Concillii Niceni разрешить богемцам самим избрать архиепископа Пражского, которого рукоположили бы епископ Оломоуцкий в Моравии, или епископ Эгерский в Венгрии, или епископ Гнезненский в Польше, или епископ Магдебургский в Германии. Достаточно, если он будет рукоположен одним или двумя из них, как это было во времена святого Киприана; и против этого папа никоим образом не может возражать, а если он это сделает, то поступит как волк и тиран, и тогда его никто не должен поддерживать, а на его отлучение надо ответить своим отлучением.

Впрочем, если престол святого Петра, ради восстановления репутации, [рукоположит епископа сам], с ведома папы, то это можно допустить. Пусть только богемцы не платят за это ни геллера и пусть даже не думают обещать подчиниться его тирании путем заключения скрепленного клятвой союза, как это происходит вопреки справедливости и Богу со всеми другими епископами. Если же [папа] не проявит желания довольствоваться честью, что по этому поводу обращаются к его совести, то да выпадет ему, [обремененному] клятвами, правами, законами и тиранией, счастливый год и [пусть он], пренебрегающий [рукоположением Пражского епископа] и кровью всех душ, пребывает на грани гибели и изливается в сетованиях, пока не надорвет глотку. Ведь никто не обязан одобрять несправедливость, а тирании хватит оказывать честь. И если не может быть иного решения, то избрание и рукоположение [Пражского епископа] простым народом может и должно расцениваться как равнозначное тираническому [папскому] рукоположению. Но я все же надеюсь, что в этом не будет надобности, ибо в конце концов некоторые римляне или благочестивые епископы и ученые обратят внимание на папскую тиранию и воспротивятся ей.

Я также не хочу советовать, чтобы [богемцев] принуждали отказаться от причащения [мирян] под обоими видами, так как его нельзя считать ни нехристианским, ни еретическим; если они хотят, пусть продолжают придерживаться того же обряда, лишь бы не возражал новый епископ, иначе по поводу этого таинства могут возникнуть

разногласия. Пусть он по-доброму разъяснит им, что ни [тот, ни другой способ причащения] нельзя считать заблуждением, подобно тому как не следует учинять раздора из-за того, что священники одеты и подстрижены не так, как миряне. Точно так же, если они не хотят принимать римских духовных законов, их нужно не принуждать, а прежде всего увещевать, чтобы они жили праведно в вере и [следовали] Божественному Писанию, ибо христианская вера и христиане вполне могут существовать и без невыносимых законов папы, а он не сможет жить в довольстве, если уменьшить или вообще упразднить римские законы. Благодаря крещению мы становимся свободными и [обязаны] подчиняться лишь словам Божиим; так почему же один человек должен брать нас в плен своими словами? Ведь святой Павел сказал: «Вам дана свобода, так не будьте рабами людей», то есть тех, кто управляет посредством человеческих законов.

Если бы я был убежден, что у пикартов нет никакого заблуждения в [понимании сущности] таинства причащения, кроме того, что они верят, будто бы [при отправлении этого таинства] в алтаре реально присутствуют обыкновенные хлеб и вино, а не подлинные Тело и Кровь Христа, то я не стал бы их отвергать, а позволил бы им стать под начало епископа Пражского. Ведь в Символе веры говорится не о том, что хлеб и вино присутствуют в таинстве причащения не по существу или нереально – это измышление святого Фомы и папы, – а в Символе веры утверждается, что в обыкновенном хлебе и вине действительно реально присутствуют Тело и Кровь Христовы. И следует мириться с заблуждениями обеих сторон, пока они не придут к единому мнению, так как нет никакой опасности в том, если ты сомневаешься, хлеб или не хлеб присутствует [во время отправления таинства причащения]. Ведь мы должны допускать разнообразные мнения и направления, которые не приносят вреда вере; и если бы [пикарты] верили не так, [как мы], я бы счел за благо не знать их. Но они проповедуют истину.

Если же у богемцев обнаружатся и другие заблуждения и противоречия, то с этим следует мириться до тех пор, пока опять восстановят архиепископа [Пражского] и он постепенно вновь сплотит общину, [которая будет придерживаться] единого учения. Но, воистину, хотелось бы, чтобы они были объединены не насильно, не самоуправно и не поспешно. Для этого нужно некоторое время и всепрощение. Должен же был Христос в течение долгого времени знаться со Своими учениками и переносить их неверие, чтобы они уверовали в Его Воскресение. И я думаю, что как только [в Богемии] будут восстановлены законный епископ и [духовное] правление и исчезнет римская тирания, то там наверняка все пойдет на лад.

Не следует строжайшим образом требовать [от богемцев] возвращения церкви принадлежавших ей имуществ, но поскольку мы христиане и каждый обязан помогать другому, мы вполне обладаем властью оставить их ради единства [богемцам] и позволить [пользоваться ими] перед Богом и миром. Ибо Христос сказал: «Где двое собраны на

земле, там Я посреди их». Если будет на то воля Божья, мы с обеих сторон будем содействовать этому, и с братским смирением протянем друг другу руки, и утвердимся не на своей силе или праве; любовь важнее и нужнее, чем папство в Риме, ибо оно может существовать без любви, а любовь – без папства. Я хочу приложить к этому и свои усилия. Если папа или его приближенные воспрепятствуют этому, то они ответят за то, что вопреки Божией [заповеди] любви они заботились больше о себе, чем о своем ближнем. Папа был бы обязан отдать свою власть, все свое имущество и почести, если бы он этим мог спасти хоть одну душу. А в наше время он скорее даст погибнуть миру, чем позволит хотя бы чуть-чуть подорвать свою самонадеянную власть. Но, несмотря на это, он хочет, чтобы его считали святейшим. [Поэтому] мое выступление правомерно.

В-двадцать пятых, в университетах также, пожалуй, стоит [провести] глубокие основательные преобразования. Я обязан сказать это, а там пусть негодует, кто хочет. Дело в том, что все, учрежденное и предписанное папой, направлено лишь на умножение греха и заблуждений. И если университеты учреждаются по старым образцам, то они представляют собой лишь *Gymnasia Epheborum et Grece glorie*, как говорится в книге Маккавеев. В них царит распущенность, Священному Писанию и христианской вере уделяется мало внимания; в них единолично властвует – затмевая Христа – слепой языческий наставник Аристотель. И я советовал бы полностью изъять книги Аристотеля: *Physicorum*, *Metaphysice*, *De anima*, *Ethicorum*, которые до сих пор считались лучшими, вместе со всеми другими, славословящими естественные вещи, хотя на основании их нельзя изучить ни естественные, ни духовные предметы. К тому же для усвоения взглядов Аристотеля, в которых до сих пор никто не смог [разобраться], попусту [растрачивались] труд, прилежание, средства, драгоценное время и понапрасну обременялись души. Я осмеливаюсь сказать, что [любой] гончар имеет более глубокие знания о естественных вещах, чем можно почерпнуть из книг Аристотеля. Мое сердце скорбит, что проклятый, высокомерный, лукавый язычник своими лживыми словами совратил и одурачил столь многих истинных христиан. Так Бог изводит нас Аристотелем из-за наших грехов.

И несмотря на то, что этот жалкий человек в своей лучшей книге *De anima* учит, что душа умирает вместе с телом, многие при помощи бесполезных рассуждений пытались его оправдать, как будто бы у нас нет Священного Писания, где нам исчерпывающим образом растолковываются все вещи, даже малейшего аромата которых не уловил Аристотель; но тем не менее мертвый язычник победил, затмил и почти подавил книги живого Господа. И когда я размышляю об этом бедствии, то не могу утверждать ничего иного, как только то, что изучение [Аристотеля] ввел злой дух. Такова и книга *Ethicorum*, зловреднейшая из всех книг, резко противоречащая милости Божией и христианским добродетелям и, несмотря на это, считающаяся одной из лучших. О, подальше с такими книгами от всех христиан! Никто не может упрекнуть меня, что я много говорю об этом или отвергаю то,

чего не знаю. Дорогой друг, я хорошо знаю то, о чем говорю; Аристотеля я знаю так же хорошо, как ты и тебе подобные; я и слушал о нем, и читал его с большим пониманием, чем святой Фома или Скотт. Похваляюсь этим безо [всякого] высокомерия, и если возникнет необходимость, вполне смогу доказать это. Меня не смущает то, что на протяжении многих столетий бесчисленное множество пытливых умов ломало голову над Аристотелем. Доводы такого рода, которые порой приводятся, никогда не действовали на меня, поскольку очевидно, что в течение многих столетий много заблуждений сохранялось в повседневной жизни и в университетах.

Я могу охотно примириться с тем, чтобы оставить книги Аристотеля по логике, риторике, поэтике или чтобы они, изложенные в сокращенной форме, с пользой читались молодежью для упражнений в красноречии и в [произнесении] проповедей. Но комментарии и интерпретации надо упразднить, и, подобно тому как «Риторика» Цицерона [читается] без комментариев и интерпретаций, в такой же простой форме, без таких обширных комментариев следует читать и «Логику» Аристотеля. Но в наше время по этим [произведениям] не обучают ни [искусству] речи, ни [произнесению] проповедей, а лишь сводят все это к диспутам и словопрениям. Наряду с [произведениями Цицерона и Аристотеля] [преподавание в университетах должно включать в себя] латинский, [древнегреческий и [древне]еврейский языки, математические дисциплины, историю. [Реформу образования] я возлагаю на знатоков, да она произойдет и сама по себе, если серьезно стремиться к изменениям. И действительно, от нее зависит очень многое, ибо [в университетах] учится и получает подготовку христианское юношество, благороднейшая часть нашего народа, составляющая опору христианства. Поэтому я считаю, что никакое – ни папское, ни императорское – начинание не может осуществиться иначе, как через посредство основательно преобразованных университетов, и, наоборот, никакая дьявольская, вводящая в соблазн затея [не может осуществиться иначе], как через посредство нереформированных университетов.

Врачам я предоставляю преобразование их факультетов; юристов и теологов я беру на себя и прежде всего заявляю, что недурно было бы в корне уничтожить каноническое право, особенно декреталии, от первой буквы до последней. В Библии для нас [содержится] более чем достаточно предписаний, как нам поступать в любых обстоятельствах. Таким образом, изучение [канонического права] только мешает [восприятию] Священного Писания; к тому же большая часть [канонического] права пропитана корыстолюбием и высокомерием. И даже если бы в нем содержалось немало полезного, оно тем не менее, как ему и подобает, должно пойти прахом, ибо папа пленил все каноническое право в «шкатулке своего сердца», так что отныне в нем лишь обман и изучать его бесполезно. Ныне каноническое право [сводится] не к книгам, а к произволу папы и его льстецов. Если ты в связи с каким-нибудь [судебным] делом приведешь

основательные доводы из канонического права, то у папы на это есть *scrinium pectoris*, перед которым должно склониться любое право и весь мир. Теперь этим *scrinium* зачастую распоряжается какой-нибудь мошенник и сам дьявол, похваляющийся тем, что он одержим Святым Духом. Так обращаются с многострадальным народом Христовым: навязывают ему множество законов, [сами] ни одного из них не соблюдают, заставляя [людей] придерживаться их или откупаться [за их нарушение] деньгами. И вот, поскольку папа и его приближенные сами свели на нет все церковное право и, не обращая на него внимания, руководствуются в отношениях со всем миром лишь своеволием, то и мы должны взять с них пример и тоже отвергнуть книги [канонического права]. Почему мы обязаны понапрасну штудировать их? Ведь мы никогда не сможем разобраться в папском произволе, к которому свелось теперь каноническое право. Ну и ладно! Да падет отныне во имя Божие то, что возвышалось во имя дьявола! И да не останется больше на земле ни одного *Doctores Decretorum*, но [да будут они называться] *Doctores scrinii Papalis*, то есть папскими лицемерами! Говорят, что нет нигде наилучшего светского правления, чем у турок, которые вместе с тем не имеют ни духовного, ни светского права, но только свой Алькоран. И мы должны признать, что нет более постыдного правления, чем у нас, ибо из-за [нашего] канонического и светского права [жизнь] всех сословий не сообразуется не только со Священным Писанием, но и с естественным разумом.

Светское право, помощи Боже, в какую пустыню оно превратилось, хотя оно и намного лучше, искусней, справедливей духовного, в котором, кроме названия, нет ничего стоящего, да и оно, [то есть слово «духовное»], стало включать в себя слишком многое.

Воистину, разумным правителям наряду со Священным Писанием надо бы воздать должное праву, как говорит святой Павел (1 Кор. 6): «Вы судитесь пред неверными. [Но] неужели нет между вами ни одного [разумного], который мог бы рассудить между ближними своими?» Мне также кажется, что надо отдать предпочтение праву земель и местным обычаям перед имперским общим правом и пользоваться последним только в крайних случаях. И Богу угодно, чтобы каждая земля, имеющая присущие только ей образ и условия жизни, и управлялась [на основе] собственного, не слишком обширного права, как она и управлялась до введения этого [имперского] права, без которого и сейчас управляются многие страны. Пространное и слишком замысловатое право, скорее препятствующее, чем способствующее [решению] дел – лишь обуза для людей. Вместе с тем надеюсь, что другие уже обдумали и рассмотрели эту тему лучше, чем я это смог изложить.

Мои любезные теологи, надрываясь от усердия, занимаются чтением *Sententias* и не обращают внимания на Библию. Я считаю, что к *Sententias* должны приступать начинающие теологи, а Библия пусть остается *Doctoribus* [докторам]; но поступают как раз наоборот: Библия – это первое, с чего начинают бакалавры, а *Sententias* – это последнее,

что на веки вечные предназначено для докторов. К тому же [существует] святейшее предписание, что Библию запросто могут преподавать [бакалавры], не посвященные во священники, а священникам вменяется в обязанность чтение [лекций по] *Sententias*. И как я замечаю, женатый человек может быть доктором, читающим лекции по Библии, но никоим образом не по *Sententias*. Какая же участь суждена нам, если мы так неправильно поступаем, оттесняя Библию, священное слово Божие, на задний план? К тому же папа многословно и строго предписывает преподавать его законы в школах и использовать в судах. И, конечно же, об Евангелии будут редко вспоминать. Ведь получается так, что его за ненужностью забросили в пыль под скамейку, чтобы могли управлять только посредством пагубных папских законов.

Если мы носим звание и титул учителей Священного Писания, то в соответствии со званием должны на самом деле наставлять в Священном Писании — и ни в чем другом. А между тем высокомерного, напыщенного титула бывает вполне достаточно, чтобы человек, бахвалясь, называл себя учителем Священного

Писания. С этим можно было бы еще мириться, если бы титул подтверждался делом. Но сейчас, когда единовластно господствуют *Sententias*, в теологах более обнаруживается языческое и человеческое невежество, чем [знание] священного, ясного учения Писания. Как же помочь этому? Я не знаю другого пути, кроме смиренной молитвы к Богу, чтобы Он дал нам настоящих *Doctores Theologiae*. *Doctores* искусств, медицины, права, *Sententias* могут готовить папа, император и университеты. В то же время не вызывает сомнения, что доктором Священного Писания тебя не сделает никто, за исключением Святого Духа, пребывающего на небесах. Ведь Христос говорит (Ин. 6): «И будут все научены Богом». А Святому Духу безразличны красные и коричневые береты или показной блеск; [не спрашивает Он] и о том, молод ли кто-то или стар, мирянин или священник, монах или живет в миру, девушка ли то или замужняя женщина. Ведь в старые времена Он говорил посредством ослицы с пророком, ехавшим на ней. Бог стремится сделать нас достойными ниспослания таких [истинных] *doctores*: мирян или священников, состоящих в браке или холостых. Правда, в наши дни стремятся доказать, что папа, епископы и *doctores* осенены Святым Духом, но, увы, нет никаких знамений и признаков, что Он почил на них.

Следует также сократить число [богословских] книг и изучать лишь лучшие, ибо множество книг, а также и многочасовое чтение не делают [человека] образованным. Добрый нрав и частое обращение к книгам, как бы кратковременно оно ни было, — вот что делает [человека] осведомленным в Писании, да к тому же еще и благочестивым. Конечно, следует читать и сочинения всех святых отцов [церкви], но только некоторое время, а затем приходиться к [изучению] Писания. Мы же читаем только [сочинения Отцов церкви], ограничиваемся только ими и никогда глубоко не изучаем Писание. И этим мы уподобляемся тем, которые смотрят на придорожные вехи, но по дороге тем не менее не

идут. Досточтимые отцы [церкви] своими сочинениями хотели нас подвести к [пониманию] Писания, но, [читая] их, мы [на самом деле] удаляемся от него. Ведь только Писание – наш виноградник, где все мы должны проявлять усердие и трудиться.

Прежде всего в высших и начальных школах предпочтение должно отдаваться ординарным лекциям по Священному Писанию, а для детей – по Евангелию. И да поможет Господь, чтобы в каждом городе [наряду со школами для мальчиков] была бы открыта школа и для девочек, в которой по часу в день им читали бы Евангелие то ли на немецком языке, то ли на латыни. Учреждая в давние времена первые школы, мужские и женские монастыри, [их основатели] руководствовались похвальными христианскими убеждениями. Когда мы читаем о святой Агнессе и о многих других святых, то [видим], что тогда [населенниками монастырей] были святые девы и мученики, и все в христианстве обстояло вполне благополучно. А теперь [школы и монастыри] превратились в [места], где занимаются молитвами и [церковными] песнопениями. Но не лучше ли было бы, если бы каждый христианин девяти или десяти лет от роду знал все святое Евангелие, в котором говорится об его призвании и жизни? Учат же пряжи и швеи дочерей с детских лет своему ремеслу. А вот Евангелия сейчас не знают даже важные ученые прелаты и сами епископы.

О, как беспечно мы относимся к брошенной на произвол судьбы молодежи, наставлять и просвещать которую нам заповедано! И тяжелой должна быть расплата за это. А поскольку мы не излагаем [молодежи] слова Божьего, то живет она, как описал Иеремия (Пл. 2): «Истощились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя от гибели дщери народа моего, когда дети и грудные младенцы умирают от голода среди городских улиц. Матерям своим говорят они: «Где хлеб и вино?» – умирая, подобно раненым, на улицах городских, изливая души свои в лоно матерей своих». Но мы не замечаем этого тяжелого бедствия. А между тем теперешняя молодежь изнемогает и погибает на глазах у всех христиан, потому что Евангелие, изучением которого нужно постоянно с нею заниматься, выходит из употребления.

Если же в высших школах станут усердно [изучать] Священное Писание, то мы должны направлять туда не кого попало, как бывает сейчас, когда заботятся лишь о количестве и когда каждый хочет получить [степень] доктора, а лишь самых способных, предварительно получивших хорошую подготовку в низших школах. Князья и городские советы должны следить за этим и направлять в [высшие школы] лишь лучших. А туда, где не царит Священное Писание, я вообще никому не советую определять своих детей. Все [школы], где не занимаются неустанно изучением слова Божиего, обречены на гибель. Поэтому мы и видим, что за народ [сейчас] в высших школах и во что там превращается [человек]. А в этом виноваты только папа, епископы и прелаты, ибо им заповедано [беспокойство] о благополучии молодежи. Ведь высшие школы должны воспитывать

людей, исключительно глубоко понимающих Писание, способных стать епископами и священниками и возвышаться над еретиками и дьяволами и всем мирским. Но где встретишь это? И мне внушает большие опасения то, что высшие школы, в которых не проявляют усердия для того, чтобы преподносить и истолковывать молодежи Священное Писание, [по сути] превратились в великие врата ада.

В-двадцать шестых, мне хорошо известно, как римская клика выдумала и раздула [историю] о том, будто греческий император подарил папе Священную Римскую империю, [а тот] передал ее немцам. И за эту почесть и милость папа [якобы] должен заслуженно пользоваться в Германии всяческими благами, а немцы обязаны благодарить его и подчиняться ему. Скорее всего поэтому [папа и его сторонники] осмеливаются пускать по ветру любые попытки реформировать их и постоянно напоминают об этом пожаловании Римской империи. На этом основании они до сих пор так преднамеренно и заносчиво преследовали и притесняли некоторых прославленных императоров, что горестно и вспомнить об этом. И с таким же проворством они поставили себя выше всех светских властей и владык. [А поскольку они действовали] вопреки святому Евангелию, я должен говорить и об этом.

Не подлежит сомнению, что та римская держава, о которой было возведено Даниилом и в книге пророка (Чис. 24), уже давно разрушена и канула в небытие, как определенно предсказал Валаам (Чис. 24): «Придут римляне и разрушат евреев, но и сами погибнут». Это и произошло благодаря готам, а именно за тысячу лет до возникновения турецкой империи, а со временем [от Римской империи] отпали Азия и Африка, затем возвысились Франция и Испания, наконец – Венеция; и от прежнего величия у Рима ничего не осталось.

Так как папа не мог подчинить своему произволу греков и [пребывавшего] в Константинополе императора, который был наследным римским императором, то он и выдумал эту подделку. [Благодаря ей] он захватил у [императора] его империю и титул и предоставил их немцам, которые в то время были широко известны как отважные воины. Таким путем [папа и его приближенные] присвоили себе власть над Римской империей и она из их рук [была передана нам] в качестве лена. Так все и происходило: [папа] отнял у императора в Константинополе лавры и титул и пожаловал их немцам, которые благодаря этому превратились в рабов папы, и теперь существует новая Римская держава, созданная папой на немецкой основе, ибо та, первая [держава], как говорилось, уже давно погибла.

А ныне римский престол учинил беззаконие: завладел Римом, изгнал оттуда немецкого императора, который вынужден был поклясться не делать Рим местом своего постоянного пребывания. Он должен быть римским императором и в то же время не [может] владеть Римом; к тому же он постоянно зависит от произвола папы и его приближенных. Так [и

получилось], что у нас – название [Священной Римской империи], а у них – земли и города. Ведь они из-за присущей им спеси и [приверженности] к тирании всегда злоупотребляли нашим простосердечием, называя нас глупыми немцами, которые позволяют водить себя за нос и дурачить, как вздумается римлянам. Ну да ладно! Для Господа Бога сущая безделица – распорядиться так или иначе державами или княжествами. Он [иногда] может расщедриться и отдать королевство какому-нибудь злому негодяю, забрав его у благочестивого: иногда – посредством предательства недобрых, вероломных людей, иногда – посредством наследования. Такое бывало в Персидском царстве, в Греции и почти во всех державах. И Даниил говорит (Дан. 2 и 4): «Он обитает на небесах, властвует надо всем, и лишь Он один перемещает царства, бросает их туда и сюда и создает [их]». Поэтому как никто не должен кичиться пожалованной [ему] державой, – особенно если он христианин, – так же и нам, немцам, не подобает заноситься из-за того, что нам пожаловали новую Римскую державу, ибо в Божиих глазах это незавидный дар, который Он чаще всего вручает самым бесталанным. Ведь Даниил говорит (Дан. 4): «Все, живущие на земле, пред ликом Его [Божиим] ничего не значат, и Он властвует над царством человеческим и дает его, кому хочет».

И хотя папа посредством насилия и произвола отобрал у законного императора Римскую империю или титул Римской империи и передал его нам – немцам, все же не вызывает сомнения, что на самом деле папское злопыхательство было [лишь] использовано Богом, дабы дать немецкой нации такую империю и после падения первой Римской империи создать другую, существующую и поныне. Мы, конечно, не были причастны к папским злодеяниям и не понимаем его лживых устремлений и намерений. Но коварные и склонные к плутовству папы [заставили] нас заплатить за эту империю невероятным кровопролитием, подавлением нашей свободы, захватом и разграблением всех наших ценностей, в особенности – церковей и приходов, [принуждением] претерпевать несказанное надувательство и позор. [То есть плата], к несчастью, была слишком дорогой. У нас – название империи, а у папы – наше имущество, честь, тело, жизнь, душа и все, что мы имеем. Вот так должны производить обмен немцы: обмениваясь – обманываться. Этого-то и добивались папы: стремясь стать императорами, но не обладая для этого способностями, они все-таки поставили себя над императорами.

Хотя империя досталась нам без нашего ведома, благодаря Божиему провидению и проискам злых людей, я хотел бы посоветовать не махать на нее рукой, а – в страхе Божиим и пока будет на то Его [Божия] воля – управлять ею по справедливости. Ведь, как говорилось, хотя для Бога безразлично, как нам досталась империя, Он все-таки хочет, чтобы ею управляли. Папы, правда, несправедливо отняли ее у других, но это не значит, что мы незаконно ее приняли. Она перешла к нам из рук злонамеренных людей, но по воле Божией, которая для нас значит намного больше, чем ложное мнение пап,

намеревавшихся стать императорами и более чем императорами, а нас дурачить только названием [империи] и издеваться [над нами]. Царь вавилонский тоже захватил свое царство путем грабежа и насилия. Но Бог все-таки возжелал, чтобы оно управлялось святыми правителями Даниилом, Ананией, Азарией и Мисаилом. И гораздо больше хочет Он, чтобы эта [Римская] империя управлялась христианскими немецкими государями, невзирая на то, украдена ли она папой, или присвоена путем захвата, или создана законно. Ведь все происходящее вначале свершается по воле Божией, а уж потом мы узнаем об этом.

Папа и его приближенные не могут похвалиться тем, что пожалованием этой Римской империи они несказанно облагодетельствовали немецкую нацию. Во-первых, потому, что они не желали нам никаких благ, а лишь злоупотребляли нашей доверчивостью для усиления своей заносчивости по отношению к [пребывавшему] в Константинополе законному римскому императору, у которого папа, вопреки Богу и справедливости, отнял то, на что не имел никакого права. Во-вторых, потому, что таким образом папа намеревался не [передать] нам империю, а присвоить ее, [лишить нас] свободы, имущества, тела и души, покорить все наши владения, а посредством нас (если бы Бог не воспрепятствовал этому) – весь мир. Об этом он недвусмысленно заявлял в своих декретах, [и это] он пытался [осуществить], [вовлекая] в разные злые козни многих немецких императоров. Так нас, немцев, превосходно воспитали в немецком духе: намереваясь стать господами, мы стали рабами коварнейших тиранов; у нас – название, титул и герб империи, а ее сокровища, власть, право и свобода – у папы. Итак, папа пожирает ядра [орехов], а мы забавляемся пустой скорлупой.

Да поможет нам Господь, Который (как отмечалось) при посредничестве коварных тиранов передал нам эту империю с названием, титулом и гербом и повелел управлять ею, спасти нашу свободу и показать однажды римлянам, что [в действительности] мы получили от Бога при их посредничестве. Они бахвалятся, что передали нам империю. Хорошо, пусть будет так! Но тогда пусть папа присовокупит сюда Рим и все, что у него есть от империи, пусть освободит нашу страну от своих невыносимых поборов и угнетения, пусть возвратит нашу свободу, права, честь, тело и душу и позволит, в соответствии со своими словами и многочисленными обещаниями, стать империи тем, чем ей подобает быть. А если он не хочет делать этого, так почему же тогда он с пеной у рта пускается в лицемерные, лживые, надуманные рассуждения? Неужели он не убоготворился тем, что в течение многих сотен лет без устали, беззастенчиво водил за нос благородную нацию? Из того, что папа коронует или посвящает императора, еще не следует, что первый должен возвышаться над вторым. Ведь святой пророк Самуил по Божию повелению помазал на царство и короновал Саула и Давида и остался, несмотря на это, их подданным. И пророк Нафан помазал на царство Соломона, но из-за этого не

возвысился над ним. Далее, святой Елисей повелел одному из своих слуг помазать на царствование в Израиле Ииуя, [слугу Ахава], и жители безоговорочно подчинились ему. И никогда не было такого, чтобы тот, кто посвящает или коронует царя, возвышался над ним. Единственное исключение здесь – папа. Его венчают на папство трое подвластных ему кардиналов, и [после коронации] он, [вполне справедливо], не подчиняется им. Почему же, вопреки своему собственному примеру, [вопреки] опыту всего мира и учению Писания, он должен возвышать себя над светской властью или императором? Разве только потому, что он его коронует или посвящает? Достаточно и того, что он выше императора в Божественных делах: таких, как проповедь, вероучение, свершение таинств. Но в этом над каждым возвышается и любой епископ и священник; подобно тому, как святой Амвросий у престола [алтаря] был выше императора Феодосия, пророк Нафан – выше Давида, а Самуил – выше Саула. Поэтому пусть немецкий император станет настоящим и независимым императором и пусть его власть и меч не подавляются лживыми заявлениями папских льстецов о том, что они во всех делах должны возвышаться над светским мечом.

В-двадцать седьмых, на этом закончим говорить об изъятиях в духовных [делах]. Если приглядеться повнимательней, то их можно обнаружить намного больше. [Сейчас же] укажем на некоторые недостатки в светской [жизни]. Прежде всего ощущается крайняя необходимость во всеобщем постановлении немецкой нации, запрещающем чрезмерное изобилие дорогостоящих одежд, которое приводит к разорению многих дворян и богачей. Бог наделил нас, как и другие страны, в достаточной степени шерстью, мехами, льном и всем, что используется для [изготовления] вполне приличного одеяния для каждого сословия. Поэтому нет нужды в том, чтобы безумно транжирить такие невообразимые сокровища на шелк, бархат, парчу и другие заграничные товары. Мне кажется, что даже если бы папа не грабил и безмерно не угнетал нас, немцев, для нас вполне хватило бы этих местных разбойников – торговцев шелком и бархатом. И мы видим, что из-за этой [торговли] каждый стремится сравняться с другими и что поэтому среди нас, как мы того и заслуживаем, возбуждается и умножается высокомерие и зависть. А поскольку это горше всех других несчастий, то пусть благоразумие заставит нас с благодарностью довольствоваться благами, ниспосланными Богом.

Точно так же следовало бы сократить [поставку] пряностей, которые можно уподобить большому кораблю, вывозящему из немецких земель деньги. По милости Божией у нас, как ни в какой другой стране, увеличивается потребление дорогой и изысканной пищи и напитков. Я, наверное, предлагаю здесь несуразную и невозможную вещь, рекомендуя отказаться от крупной торговли и [упразднить] купеческие компании. Но я делаю свое; если это не будет улучшено всеми сообща, то пусть улучшает себя самого всякий, кто захочет. Я не замечаю того, чтобы купцы приносили в страну множество хороших

обычаев. И Бог по этой причине в старину повелел народу Израиля жить вдали от моря и не слишком увлекаться торговлей.

Но самое большое несчастье немецкой нации – это, несомненно, ростовщичество. Если бы его не существовало, то многие наверняка не смогли бы продать свои шелка, бархат, украшения из золота, специи и предметы роскоши всякого рода. Оно возникло [в Германии] не более ста лет тому назад и уже ввергло почти всех князей, духовенство, горожан, дворян и их наследников в бедность, несчастья и гибель. Если оно просуществует еще сто лет, то вряд ли в Германии останется хоть один пфенниг, а мы, скорее всего, вынуждены будем пожирать друг друга. [Ростовщичество] выдумал дьявол, а папа, утвердив его, подверг бедствиям весь мир. Поэтому я сейчас прошу и взываю: пусть каждый поразмышляет о своей собственной гибели, о [гибели] своих детей и наследников, которая не только [находится] у его порога, но уже не дает покоя в доме. И пусть император, князь, господа и горожане сделают все для того, чтобы ростовщичество строжайшим образом было подвергнуто проклятию и немедленно запрещено, не обращая внимания на то, что против этого папа и все его право или несправедливость и что на этом держатся лены и монастыри. Лучше, если в каком-нибудь городе будет один лен [на основе] справедливого наследования или арендной платы, чем сто – [на основе] ссуды. Не подлежит сомнению, что один лен, [за который нужно] выплачивать проценты, хуже и обременительней, чем двадцать наследственных владений. Воистину ростовщичество, в одно и то же время способствующее обветшанию наших как земных, так и духовных ценностей, стало свидетельством того, что мир, [погрязший] в тяжких грехах, продался дьяволу. А мы все еще ничего не предпринимаем!

По правде говоря, есть необходимость и в том, чтобы обуздать фуггера и другие компании такого же рода. Разве может считаться Божественным и справедливым то, что на протяжении человеческой жизни одна [торгово-ростовщическая] компания наживает такие огромные, королевские богатства? Не будучи знаком с торговыми расчетами, я не понимаю, как можно, имея сто гульденов, заработать в течение года двадцать, и даже [имея] один, [заработать] еще один, и все это – не занимаясь земледелием или скотоводством: ведь в этих занятиях благосостояние зависит не от сметливости человека, а от щедрот Божиих. Но пусть займутся этим осведомленные в мирских делах. Я же как теолог могу в данном случае порицать лишь преуспевающих во зле и вводящих в заблуждение. Ведь святой Павел говорил: «Удаляйся имеющих вид благочестия, [силы же его отречшихся]». Я глубоко убежден в том, что намного благочестивее было бы умножать земледелие и сокращать торговлю. И достойны похвалы те, которые, в соответствии с Писанием, обрабатывают землю и этим добывают себе пропитание. Ведь к нам и ко всем обращены слова, сказанные Адаму: «Проклята земля [за тебя]; когда будешь на ней

работать, терние и волчцы произрастит она тебе; и в поте лица своего будешь есть хлеб свой». И как много еще невспаханной и необработанной земли!

Теперь перейдем к злоупотреблению обжорством и пьянством, из-за которого нас, немцев, всячески поносят в чужих краях и которое считается особым, только нам присущим пороком. Он сейчас настолько укоренился и распространился, что проповеди, осуждающие его, [не помогают]. Конечно, можно было бы не говорить об имущественном ущербе от него, если бы за ним не следовали другие пороки: убийство, прелюбодеяние, жульничество, богохульство и разнообразные дурные наклонности. Светскому мечу подобает предпринять против этого некоторые меры, иначе, как возвестил Христос, может случиться, что Страшный суд наступит внезапно, когда они будут пить и есть, жениться и выходить замуж, строить и сеять, покупать и продавать. А сейчас во всем этом настолько усердствуют, что я воочию убеждаюсь: Страшный суд – уже на пороге, хотя о нем меньше всего думают.

И последнее: разве не прискорбно, что мы, христиане, позволяем содержать у нас общедоступные публичные дома, в то время как все мы крестились для целомудрия? Мне хорошо знакомы возражения некоторых, утверждающих по этому поводу, что народ привык к этому и что лучше [посещать] такие [заведения], чем опозорить девушку, или замужнюю, или вообще порядочную [женщину]. Разве не стоит светским и духовным правителям задуматься над тем, как воспротивиться такому языческому поведению? Если народ Израиля смог искоренить такое безобразие, то почему не могут поступить так же христиане? Да и вообще, ведь многие местности, города, ярмарки и деревни обходятся без таких домов. Так почему же не могут обойтись без них большие города? Давая этот и отмеченные выше советы, я хотел показать, сколько добрых дел могла бы свершить светская власть и, вообще, в чем заключаются обязанности любой власти. А исходя из этого, каждый может уяснить, какая тяжкая ответственность лежит на тех, кто восседает наверху и правит. Какая польза от того, что правитель сам по себе так же свят, как святой Петр? Ведь если он даже не помышляет о том, чтобы заботливо помочь своим подданным в делах, [которые мы обсуждаем], то они проклянут его правление, ибо власти обязаны печься о благе подданных. И если бы власти заботились о молодежи, вступающей в брак, то надежда на [обеспеченную] жизнь в браке, несомненно, помогла бы каждому сопротивляться искушениям и преодолевать их. А теперь получается так, что каждого [молодого человека] воспитывают для принятия сана священника или монаха. И я беспокоюсь, что каждый сотый из их числа не имеет никаких иных побуждений [для вступления в духовное сословие], кроме заботы о пропитании и сомнения в том, что, вступив в брак, он сможет содержать свою [семью]. Поэтому они смолоду распутничают вдоволь, желая (как говорится) перебеситься, но на самом деле, как учит опыт, еще больше втягиваются в разврат. Я считаю справедливой поговорку: «Отчаяние создает

большую часть монахов и священников». Потому-то и ведут они такое [порочное] жите-бытие, какое нам доводится наблюдать.

Но я хотел бы от всей души посоветовать: чтобы избежать множества необычайно распространенных прегрешений, ни юноши, ни девушки до тридцати лет не должны связывать себя обетом целомудрия или духовной жизни. Ведь это особая милость, как говорит святой Павел. Поэтому тот, кто не [ощущает] особого Божественного призвания к этому, должен повременить с принятием сана священника и обетов. Скажу больше: если ты почти не надеешься на Бога, [сомневаясь] в том, что, вступая в брак, ты сможешь прокормить [семью], и только из-за этого маловерия хочешь стать духовным, то я прошу тебя ради твоей собственной души – не стремись сразу стать духовным, а стань прежде крестьянином или займись тем, к чему у тебя есть склонность. Ведь если нужно доверчиво уповать на Бога, чтобы добывать пищу земную, то, несомненно, для пребывания в духовном сословии нужно десятикратное упование [на Бога]. Если ты не веришь, что Бог может дать тебе пищу земную, то разве ты можешь уверовать, что Он поддержит тебя духовно? Ах, неверие и недоверчивость губят все, ввергают нас во всяческие бедствия! И это относится ко всем сословиям. Еще очень многое нужно было бы сказать о жалком положении молодежи. Ведь о ней некому позаботиться. Все идет, как и встарь, и от властей [молодежи] столько проку, как если бы их вообще не было. А ведь это должно быть первейшей заботой папы, епископов, власть имущих и соборов. Но они, не принося никакой пользы, [стремятся лишь к тому], чтобы обладать безграничной властью. О, какой редкостью из-за этого будет на небесах господин и владыка, даже если он сам построит сто церквей и воскресит всех покойников.

На этот раз довольно. Ведь о том, как подобает действовать светской власти и дворянству, я, на мой взгляд, обстоятельно рассказал в книжке «О добрых делах». Им подобало бы жить, да и управлять лучше, чем они это делают. Но все-таки, как я отмечал в той [книге], нет никакого сравнения между светскими и духовными злоупотреблениями. Я также хорошо понимаю, что повел песню слишком высоко, добавил много предложений, которые покажутся невыполнимыми, на многое нападал слишком резко. Но что мне оставалось делать? Я должен был сказать это. Если бы у меня была возможность, то мне хотелось бы это и свершить. Пусть лучше на меня гневается мир, чем Бог. Ведь ничего, кроме жизни, меня лишить не смогут. Раньше я не раз предлагал мир своим противникам. Но, как я вижу, Бог посредством их вынуждает меня говорить все громче, а им, поскольку они постоянно должны что-то делать, дает возможность говорить, лаять, кричать и писать. Ну да ладно, я знаю еще одну песенку о Риме и о них, [то есть о папе и его сторонниках]. И хотя у них зудит в ушах, я намереваюсь спеть и ее, причем на самых высоких нотах. Вполне ли понимаешь, любезный Рим, что я имею в виду?

Я также неоднократно предлагал обсудить мои сочинения, но все это не помогло. Я, правда, знаю, что поскольку мое дело правое, то оно подлежит проклятию на земле и будет оправдано только Христом на небесах. Ведь все Писание свидетельствует о том, что христиане и их дело должны быть оправданы лишь Богом. На земле же еще никогда ни один из людей не был оправдан, ибо во все времена противник был слишком велик и могуществен. Я также особенно сильно беспокоюсь и опасаюсь того, что мое дело может не подвергнуться проклятию. В таком случае я бы уверился в том, что оно не угодно Богу. Поэтому пусть смелее выступают [против него] папа, епископы, священники, монахи или ученые. Они воистину те люди, которые обязаны преследовать правду. Ведь во все времена они именно так и поступали.

Дай, Боже, всем нам христианское благоразумие, а христианскому дворянству немецкой нации наряду с этим и истинное духовное мужество для того, чтобы принести пользу бедной церкви. Аминь.

ПУБЛИЦИСТИКА АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (XVII ВЕК)

ДЖОН МИЛЬТОН

(1608–1674)

Поэт и писатель, публицист и политический деятель, Мильтон получил широкую известность в годы Английской революции. В 1644 г. он опубликовал без разрешения цензуры памфлет «О свободе печати. Речь к английскому парламенту (Ареопагитика)». Опираясь на творческое наследие античных публицистов, прежде всего Исократы, Мильтон дал гневную отповедь цензуре, доказывая ее вредность и бессилие помешать развитию свободной мысли.

Будучи страстным противником цензуры, Мильтон во времена Кромвеля тем не менее работал цензором. В памфлетах того времени (например, «Защита английского народа») он выступал как антимонархист и убежденный республиканец.

Идеи Мильтона легли в основу английской концепции свободы печати, разработанной в Билле о правах в 1689 г. Эта концепция также называется мильтоновской.

Ареопагитика

** «Ареопагитика, или Речь к английскому парламенту о свободе печати» была написана и опубликована в 1644 г. и направлена против закона о цензуре и системы предварительной цензуры. Мильтон стал фактически родоначальником либертарианской (мильтоновской) концепции прессы.*

(Речь к английскому парламенту о свободе печати)

Высокий парламент! Те, кто обращают свою речь к сословиям и правителям государства или, не имея такой возможности, как частные люди письменно высказываются о том, что, по их мнению, может содействовать общему благу, приступая к столь важному делу, испытывают, мне думается, в глубине души своей немало колебаний и волнений, одни – сомневаясь в успехе, другие – боясь осуждения; одни – надеясь, другие – веря в то, что они хотят сказать. И мною, быть может, в другое время могло бы овладеть каждое из этих настроений, смотря по предмету, которого я касался; да и теперь, вероятно, с первых же слов моих обнаружилось бы, какое настроение владеет мною всего сильнее, если бы самая попытка этой речи, начатой при таких условиях, и мысль о тех, к кому она обращена, не возбудили сил души моей для чувства, которое гораздо более желанно, чем обычно в предисловии.

Хотя я и поведал об этом, не дожидаясь ничьих вопросов, но я не заслужу упрека, ибо это чувство есть не что иное, как восторженный привет всем желающим споспешествовать свободе своей родины – свободе, которой верным свидетельством, если не трофеем, явится вся эта речь.

Без сомнения, свобода, на которую мы можем надеяться, состоит не в том, чтобы в государстве не было никаких обид – в нашем мире ждать этого нельзя, – но когда жалобы с готовностью выслушиваются, тщательно разбираются и быстро удовлетворяются, тогда достигнут высший предел гражданской свободы, какого только могут желать рассудительные люди. Если же я в настоящее время самой речью своей свидетельствую о том, что мы уже в значительной степени приблизились к такому положению, если мы избавились от бедствий тирании и суеверия, заложенного в наших принципах, превзойдя мужеством эпоху римского возрождения, то приписать это следует прежде всего, как и подобает, могучей помощи Господа, нашего избавителя, а затем – вашему верному руководству и вашей неустрашимой мудрости, лорды и общины Англии! Хвалебные речи в честь хороших людей и доблестных правителей не служат пред лицом Господа умалением Его славы; но если бы я только теперь стал хвалить вас, после такого блестящего успеха ваших славных деяний и после того, как государство так долго было обязано вашей неустанной доблести, то меня по справедливости следовало бы причислить к тем, кто слишком поздно и нерадиво воздает вам хвалу.

Существуют, однако, три главных условия, без которых всякую похвалу следует считать только вежливостью и лестью: во-первых, если хвалят только то, что действительно достойно похвалы; во-вторых, если приводятся самые правдоподобные доказательства, что тем, кого хвалят, действительно присущи приписываемые им качества; наконец, если

тот, кто хвалит, может доказать, что он не льстит, а действительно убежден в своих словах. Два первых условия я уже выполнил ранее, противодействуя человеку, который своей пошлой и зловредной похвалой пытался уменьшить ваши заслуги; последнее же, касающееся моего личного оправдания в том, что я не льстил тем, кого превозносил, осталось как раз для настоящего случая. Ибо тот, кто открыто возвеличивает деяния, совершенные столь славно, и не боится так же открыто заявлять, что можно совершить еще лучшие дела, дает вам лучшее доказательство своей правдивости и искреннейшей готовности с надеждой положиться на вашу деятельность. Его высшая похвала – не лесть, и его чистосердечнейшее мнение – своего рода похвала; вот почему хотя я и стану утверждать и доказывать, что для истины, науки и государства было бы лучше, если бы один изданный вами закон, который я назову, был отменен, однако это только еще более будет способствовать блеску вашего мягкого и справедливого управления, так как благодаря этому частные люди проникнутся уверенностью, что вам гораздо приятнее открыто выраженное мнение, чем, бывало, другим государственным людям открытая лесть. И люди поймут тогда, какова разница между великодушием трехлетнего парламента и ревнивым высокомерием прелатов и государственных сановников, недавних узурпаторов власти, так как убедятся, что вы, среди ваших побед и успехов, гораздо милостивее принимаете возражения против вотированного вами закона, чем другие правительства, оставившие по себе лишь память постыдного тщеславия роскоши, терпели малейшее выражение недовольства каким-нибудь поспешным их указом.

Если я, лорды и общины, до такой степени полагаюсь на вашу доброту, гражданское величие и благородство, что решаюсь прямо противоречить изданному вами закону, то от упреков в неопытности или дерзости я легко могу защитить себя, раз все поймут, насколько, по моему мнению, вам более подходит подражать старой элегантной гуманности Греции, чем варварской гордости гуннского и норвежского тщеславия. Именно из тех времен, тонкой мудрости и знаниям которых мы обязаны тем, что мы уже не готы и не ютландцы, я могу указать человека, обратившегося из своего частного жилища с письменным посланием к афинскому ареопагу с целью убедить его изменить существовавшую тогда демократическую форму правления. В те дни людям, занимавшимся наукой мудрости и красноречия, оказывалась не только в их собственной стране, но и в других землях такая честь, что города и села слушали их охотно и с большим уважением, если они публично обращались с каким-либо увещанием к государству. Так, Дион из Прусы – иностранный оратор и частный человек – давал совет родосцам по поводу одного ранее изданного ими закона; я мог бы привести множество и других примеров, но в этом нет надобности. Однако если их жизнь, посвященная всецело научным занятиям, а также их естественные дарования – которые, к счастью, далеко не из худших при 52° с.ш. – препятствуют мне считать себя равным кому-либо из обладателей

подобных преимуществ, то я хотел бы все же, чтобы меня считали не настолько ниже их, насколько вы превосходите большинство тех, кто выслушивал их советы. Величайшее же доказательство вашего действительного превосходства над ними, лорды и общины, верьте, будет налицо, если ваше благоразумие услышит и последует голосу разума – откуда бы он ни исходил, – и вы под влиянием его отмените изданный вами закон столь же охотно, как любой из законов, изданных вашими предшественниками.

Если вы решите таким образом – а сомневаться в этом было бы оскорблением для вас, – то я не вижу причин, которые бы воспрепятствовали мне прямо указать вам подходящий случай для проявления как свойственной вам в высокой степени любви к истине, так и прямого вашего суждения, беспристрастного и к вам самим; для этого вам нужно только пересмотреть изданный вами закон о печати, согласно которому «ни одна книга, памфлет или газета отныне не могут быть напечатаны иначе, как после предварительного просмотра и одобрения лиц или, по крайней мере, одного из лиц, для того назначенных». Той части закона, которая справедливо сохраняет за каждым право на его рукопись, а также заботится о бедных, я не касаюсь; желаю только, чтобы эта часть не послужила предлогом к обиде и преследованию честных и трудолюбивых людей, не нарушивших ни одной из этих статей. Что же касается статей о книжной цензуре, которую мы считали умершей вместе с прелатами и ее братьями, великопостным и брачным разрешениями, то по поводу этой части закона я постараюсь вам показать, при помощи своих рассуждений, следующее: во-первых, что изобретателями этого закона были люди, которых вы бы неохотно приняли в свою среду; во-вторых, как вообще следует относиться к чтению, каковы бы ни были книги; и, в-третьих, что этот закон ничуть не поможет уничтожению соблазнительных, революционных и клеветнических книг, для чего он главным образом и был издан. Наконец, этот закон прежде всего отнимет энергию у всех ученых и послужит тормозом истины, не только потому, что лишит упражнения и притупит наши способности по отношению к имеющимся уже знаниям, но и потому, что он задержит и урежет возможность дальнейших открытий, как в духовной, так и в светской областях.

Я не отрицаю того, что для церкви и государства в высшей степени важно бдительным оком следить за поведением книг, так же как и за поведением людей, и в случае надобности задерживать их, заключать в темницу и подвергать строжайшему суду как преступников; ибо книги – не мертвые совершенно вещи, а существа, содержащие в себе семена жизни, столь же деятельные, как та душа, порождением которой они являются; мало того, они сохраняют в себе, как в фиале, чистейшую энергию и экстракт того живого разума, который их произвел. Я знаю, что они столь же живучи и плодовиты, как баснословные зубы дракона, и что, будучи рассеяны повсюду, они могут воспрянуть в виде вооруженных людей. Тем не менее если не соблюдать здесь осторожности, то убить хорошую книгу значит почти то же самое, что убить человека: кто убивает человека,

убивает разумное существо, подобие Божие; тот же, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум, убивает образ Божий как бы в зародыше. Многие люди своей жизнью только обременяют землю; хорошая же книга – драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений. Поистине никакое время не может восстановить жизни – да в этом, быть может, и нет большой потери – и длинный ряд веков часто не в состоянии пополнить потери отвергнутой истины, утрата которой приносит ущерб целым народам. Поэтому мы должны быть осторожны, преследуя живые труды общественных деятелей, уничтожая созревшую жизнь человека, накопленную и сбереженную в книгах; в противном случае мы можем совершить своего рода убийство, иногда подвергнуть мученичеству; если же дело идет о всей печати, – то своего рода поголовному избиению, которое не ограничивается просто умерщвлением жизни, но поражает самую квинтэссенцию, самое дыхание разума, поражает бессмертие раньше жизни. Однако чтобы меня не обвинили в том, что я, нападая на цензуру, оправдываю излишнюю вольность, то я не отказываюсь сослаться на историю, поскольку это будет нужно для выяснения мер, принимавшихся в славных древних государствах против литературных непорядков до того времени, пока проект о Цензуре не выполз из инквизиции, не был подхвачен нашими прелатами и не захватил некоторых из наших пресвитеров.

В Афинах, всегда изобиловавших книгами и талантами более, чем остальная Греция, я нахожу только два рода сочинений, за которыми власти считали нужным иметь наблюдение: это – во-первых, сочинения богохульные и безбожные, а во-вторых, клеветнические. Так, по постановлению ареопага, были сожжены книги Протагора и сам он изгнан из пределов государства за сочинение, которое начиналось с заявления, что он не знает, «существуют боги или нет». В предупреждение же клеветы было запрещено прямо называть кого-либо по имени, как это обыкновенно делалось в старой комедии, откуда и можно догадываться, как афиняне относились к клеветническим сочинениям. По свидетельству Цицерона, этого, как показали результаты, было вполне достаточно, чтобы укротить безумные головы атеистов и положить конец открытым оскорблениям. За другими сектами и мнениями, хотя они и вели к чувственным излишествам и отрицанию Божественного Промысла, греки совершенно не следили. Поэтому мы нигде не читаем, чтобы эпикурейцы, или распущенная школа киренцев, или бесстыдство циников когда-либо преследовались законом. Равным образом нигде не упоминается, чтобы не разрешалось чтение комедий старых авторов, хотя представления их и были запрещены. Хорошо также известно, что Платон рекомендовал чтение Аристофана, самого несдержанного из них, своему царственному ученику Дионисию, – и это тем более извинительно, что св. Златоуст, как говорят, весьма внимательно изучал по ночам этого

автора и обладал искусством очищать его грубое вдохновение в пламенном стиле своей проповеди.

Что касается другого главного государства Греции – Лакедемона, то замечательно, как глубоко Ликург, его законодатель, был предан изящной литературе: он первый вывез из Ионии рассеянные по разным местам сочинения Гомера и послал критского поэта Талета своими сладкозвучными песнями и одами подготовить спартанцев и смягчить их грубость, дабы лучше насадить между ними закон и гражданственность. Изумительно поэтому, как мало спартанцы любили муз и книги, думая только о войне. Они совсем не нуждались в цензуре книг, так как не ценили ничего, кроме своих собственных лаконических изречений, и малейшего повода было достаточно, чтобы они изгнали из своего государства Архилоха, – быть может, за то, что его стихотворения были написаны в гораздо более возвышенном тоне, чем их собственные солдатские баллады и круговые песни; если же они поступили так вследствие непристойности его стихотворений, – то ведь в этом отношении сами они не отличались особенной осторожностью; напротив, они были крайне распущены в своих взаимных отношениях, почему Еврипид и утверждает в «Андромахе», что ни одна из их женщин не была целомудренной.

Из сказанного в достаточной степени ясно, какой род книг был запрещен у греков. Римляне, которые также в течение многих веков воспитывались исключительно для суровой военной жизни, во многом походя в данном отношении на лакедемонян, мало что знали из наук, кроме того, чему их учили в области религии и права двенадцать таблиц и коллегия жрецов, вместе с авгурами и фламинами. Они были до того несведущи в других науках, что когда Карнеад и Критолай со стоиком Диогеном, явившись в Рим в качестве послов, воспользовались случаем и попробовали познакомить римлян со своей философией, то были заподозрены в желании развратить народ даже таким человеком, как Катон-цензор, который убеждал сенат отпустить их немедленно обратно и на будущее время изгонять из Италии всех подобных им аттических болтунов. Однако Сципион и другие благороднейшие сенаторы воспротивились его древней сабинской нетерпимости и отдали им должную дань почета и изумления; да и сам цензор под старость отдался изучению того, что ранее возбуждало в нем подозрение. В это же время Невий и Плавт, первые латинские комические поэты, наполнили город сценами, заимствованными у Менандра и Филимона. Тогда возникла мысль о том, какие следует принимать меры против клеветнических книг и их авторов; так, Невий за свое необузданное перо скоро был заключен в темницу, откуда освобожден трибунами лишь после отречения от своих слов; мы читаем также, что при Августе пасквили сжигались, а их авторы подвергались наказанию.

Такая же строгость применялась, без сомнения, в тех случаях, когда сочинения заключали в себе что-либо нечестивое по отношению к богам, чтимым городом. Исключая этих двух

случаев, власти совершенно не заботились о том, что творилось в мире книг. Вот почему Лукреций безнаказанно проповедовал свой эпикуреизм в стихах к Меммию и даже удостоился чести быть вторично изданным Цицероном, этим великим отцом отечества, хотя последний и оспаривал его взгляды в своих собственных сочинениях. Равным образом не встречали никакого препятствия ни сатирическая едкость, ни грубая откровенность Луцилия, Катуллы или Флакка. А что касается политических взглядов, то история Тита Ливия, хотя в ней и превозносилась партия Помпея, не была запрещена Октавием-цезарем, принадлежавшим к другой партии. Если же он изгнал старика Назона за легкомысленные поэмы его юности, то здесь была какая-то тайная причина, лишь прикрытая государственными соображениями; во всяком случае его сочинения не были ни изъяты из обращения, ни запрещены. В дальнейшем мы встречаемся в Римской империи почти исключительно с тиранией; не следует поэтому изумляться, если подвергались запрещению не столько дурные, сколько хорошие книги. Мне думается, однако, что я уже достаточно останавливался на том, сочинение каких книг считалось у древних наказуемым; во всем же остальном была полная свобода слова.

Около этого времени императоры стали христианами, но я не нахожу, чтобы они поступали в данном отношении строже, чем было ранее. Книги тех, которых считали великими еретиками, рассматривались, опровергались и осуждались Вселенскими соборами и лишь тогда, по повелению императора, запрещались или сжигались. Что же касается сочинений языческих авторов, то, если они не были направлены явно против христианства – как, например, сочинения Порфирия и Прокла, – против них нельзя указать ни одного запрещения, вплоть до 400 г., когда на Карфагенском соборе было запрещено самим епископам читать книги язычников, еретические же сочинения читать было дозволено, между тем как ранее, наоборот, более подозрительными казались книги еретиков, а не язычников. А что первые соборы и епископы до 800 г. ограничивались только указанием книг, которых они не рекомендовали, не идя далее и предоставляя совести каждого читать их или нет, об этом свидетельствует уже падре Паоло, великий обличитель Тридентского собора. После этого времени римские папы, захватив в свои руки сколько хотели политической власти, стали простираť свое владычество не только на человеческие суждения, как это было раньше, но и на человеческое зрение, сжигая и запрещая неудобные им книги. Однако первоначально они были умеренны в цензуре, и число запрещенных книг было не велико, пока Мартин V своей буллой не только запретил чтение еретических книг, но и первый стал подвергать за это отлучению от церкви; а так как Уиклиф и Гусе именно около того времени становились опасными для пап, то они первые и побудили папский двор к более строгой политике запрещений. По тому же пути шли Лев X и его преемники до той поры, когда Тридентский собор и испанская инквизиция, родившиеся вместе, создали или усовершенствовали каталоги и индексы

запрещенных книг, роясь в мыслях добрых старых авторов и совершая тем над их могилами самое худшее поругание, какое только можно было совершить.

При этом они не остановились на одних только еретических книгах, а стали запрещать или тащить в новое чистилище индекса все, что им было не по вкусу. В довершение же насилия они издали предписание, чтобы ни одна книга, памфлет или газета – как будто св. Петр доверил им не только ключи от рая, но и от печати – не могли быть напечатаны без одобрения и разрешения двух или трех обжор-монахов. Например:

«Пусть канцлер Чини соизволит рассмотреть, заключает ли в себе настоящее сочинение что-либо, препятствующее к его напечатанию.

Винцент Раббата, флорентийский викарий».

«Я рассмотрел настоящее сочинение и не нашел в нем ничего противного католической вере и добрым нравам. В удостоверение чего я... и т.д.

Николо Чини, канцлер флорентийский».

«Принимая во внимание предыдущее отношение, настоящее сочинение Даванцати печатать разрешается.

Винцент Раббата и проч.».

«Печатать разрешается. Июля 15. Брат Симон Момпеи д'Амелиа, канцлер св. инквизиции во Флоренции».

Они были уверены, что если бы кому-нибудь удалось только что вырваться из заключения в бездонной пропасти, то это четырехкратное заклятие опять низвергло бы его туда же. Боюсь, что в ближайшее время они возьмут под свой надзор разрешение того, что, говорят, имел в виду взять Клавдий, хотя и не привел своего намерения в исполнение. А вот соизволите обратить внимание на другую форму цензуры римского образца:

«Imprimatur, если это будет благоугодно досточтимому настоятелю святого дворца.

Белькастро, наместник». «Imprimatur. Брат Николо Родольфи, настоятель св. дворца».

Иногда на *piazza* заглавного листа можно найти сразу пять *imprimatur*'ов, которые, наподобие диалога, обмениваются друг с другом комплиментами и рассыпаются в выражениях обоюдного бритого уважения лишь затем, чтобы сказать автору, в смущении стоящему у ног своего труда, может ли он его печатать, или должен уничтожить. Эти приятные разговоры, эти сладкие антифоны очаровали недавно наших прелатов и их

капелланов, отозвавшихся на них приятным эхом, и заставили нас поглупеть до того, что мы с легким сердцем подражаем властному *imprimatur*, одному из Ламбетского дворца, другому – с западной стороны церкви св. Павла. Причем обезьянничанье перед Римом достигло того, что приказ этот отдавался обязательно по-латыни, как будто ученое перо, писавшее его, могло писать только по-латыни; или, быть может, это происходило потому, что, по мнению отдававших приказ, ни один обыкновенный язык не мог достойно выразить чистую идею *imprimatur*'а; скорее же всего – как надеюсь я – потому, что в нашем английском языке – языке людей, издавна прославившихся в качестве передовых борцов за свободу, – не нашлось бы достаточного числа рабских букв для выражения столь диктаторских притязаний.

Таким образом, изобретатели цензуры и оригиналы цензурных разрешений налицо, и вы можете по прямой линии проследить их родословную. Как видно, установлением цензуры мы обязаны не какому-либо древнему государству, правительству или церкви, не какому-либо закону, изданному некогда нашими предками, и не новейшей практике какого-либо из реформированных государств или церквей, а самому антихристианскому из соборов и самому тираническому из судилищ – судилищу инквизиции. До этого времени книги так же свободно вступали в мир, как и все, что рождалось; порождения духа появлялись не с большими затруднениями, чем порождения плоти, и ревнивая Юнона, скрестив ноги, не следила завистливо за появлением на свет духовных детей человека; если же при этом рождалось чудовище, то кто станет отрицать, что его по справедливости предавали огню или бросали в море? Но чтобы книга, находясь в худшем положении, чем грешная душа, должна была являться перед судилищем до своего рождения в мир и подвергаться во тьме, прежде своего появления на свет, приговору Радаманта сотоварищи, – об этом никогда не было слышано ранее, пока чудовище несправедливости, вызванное наступлением реформации и смущенное ее успехами, не стало изыскивать новых преддверий ада и адских бездн, куда бы можно было вместе с осужденными заключать и наши книги. Это и был тот лакомый кусок, который столь услужливо подхватили и которым столь дурно воспользовались наши инквизиторствующие епископы и их приспешники, капелланы из францисканцев. Что же касается вас самих, то всякий, знающий чистоту ваших действий и ваше уважение к истине, не усомнится в вашем нерасположении к этим, хорошо известным вам авторам цензурного закона и в отсутствии с вашей стороны всякого злого намерения при издании его.

Быть может, кто-нибудь скажет: что же из того, что изобретатели дурны, их изобретение все же может быть хорошо. Допустим, но если здесь речь идет не об изобретении чрезвычайной глубины, а о таком, которое ясно и понятно для каждого; если лучшие и мудрейшие государства во все времена и при всех обстоятельствах избегали пользоваться им и если его впервые употребили в дело лишь самые лживые

развратители и угнетатели людей с единственной целью противодействовать и мешать реформации, то я присоединяюсь к людям, полагающим, что нужна более хитрая алхимия, чем какую знал Луллий, дабы извлечь из подобного изобретения какую-либо пользу. Этим рассуждением я хочу только показать, что, судя по дереву, и плод на нем должен был вырасти действительно опасный и подозрительный. Я разберу его свойства последовательно одно за другим; теперь же, согласно намеченному себе плану, рассмотрю, как вообще следует думать о чтении всякого рода книг и чего больше они приносят, пользы или вреда.

Не буду долго останавливаться на примерах Моисея, Даниила и Павла, хорошо знавших науки египтян, халдеев и греков, что едва ли было бы возможно без чтения книг этих народов; апостол Павел не счел осквернением для Священного Писания включить в него изречения трех греческих поэтов, в том числе одного трагика. И хотя между первыми церковными учителями данный вопрос вызывал иногда споры, но большинство из них признавали законность и пользу чтения книг; это с очевидностью обнаружилось, когда Юлиан-Отступник, самый тонкий противник нашей веры, издал декрет, запрещающий христианам изучение языческих наук, – ибо, говорил он, они поражают нас нашим собственным оружием и побеждают при помощи наших наук и искусств. Так как этой хитрой мерой христиане были поставлены в безвыходное положение и им грозила опасность впасть в полное невежество, то оба Аполлинария взялись, так сказать, вычеканить все семь свободных наук из Библии, придавая последней различные формы речей, поэм и диалогов и даже помышляя о новой христианской грамматике.

Однако, говорит историк Сократ, Промысел Божий позаботился об этом лучше, нежели Аполлинарий и его сын, уничтожив упомянутый варварский закон вместе с жизнью того, кто его издал. Изъятие греческой науки казалось тогда великим ущербом; все думали, что это гонение гораздо более подрывает и тайно разрушает церковь, чем открытая жестокость Деция или Деоклетиана. И быть может, дьявол потому именно и высек однажды св. Иеронима во сне, во время Великого поста, за чтение Цицерона, если только тут не было просто лихорадочного бреда. Ибо если бы злой дух вздумал поучать его за слишком большое рвение к Цицерону и наказывать не за его суетность, а за самое чтение, то он поступил бы явно пристрастно; во-первых, наказывая его за чтение здравомыслящего Цицерона, а нелегкомысленного Плавта, которого св. Иероним, по его собственному сознанию, читал незадолго перед тем, а во-вторых, подвергая наказанию только его одного, тогда как столь много святых отцов ранее дожили до старости, посвящая свой досуг таким приятным и изящным занятиям и совершенно не нуждаясь в биче подобных поучительных видений. Василий Великий даже указывает, как много пользы можно извлечь из чтения *Маргита*, не существующей в настоящее время

шутливой поэмы Гомера. Почему бы тогда не мог послужить для той же цели и итальянский роман о Моргайте!

Но если допустить, что мы можем доверяться видениям, то вот видение, упоминаемое Евсевием и случившееся, при совершенно нормальных обстоятельствах, значительно раньше того, о котором св. Иероним рассказал монахине Евстохии. Дионисий Александрийский около 240 г. пользовался большим почетом в церкви за свое благочестие и ученость и как человек очень полезный в борьбе с еретиками, вследствие знакомства с их книгами. Но один пресвитер заронил в его совесть сомнение, указав ему, что Он слишком смело возвращается среди таких оскверняющих сочинений. Достойный муж, не желая вызывать соблазна, стал раздумывать о том, как ему поступать. В это время внезапное видение, ниспосланное от Бога (в чем удостоверяет его собственное послание), подкрепило его следующими словами:

«Читай всякие книги, какие только попадут в твои руки, ибо ты можешь сам все правильно обсудить и исследовать». По его собственному свидетельству, он тем охотнее согласился с этим откровением, что оно совпадало со словами апостола к фессалоникийцам: «Испытайте все, но запоминайте только доброе».

Он мог бы присоединить сюда другое замечательное изречение того же автора: «Для чистого – все чисто», не только пища и питье, но и всякого рода знания, хорошие или дурные: знание не может развращать, а следовательно – и книги, если воля и совесть не развращены. Ибо книги, как и пища, одни бывают хорошего, другие – плохого качества; поэтому Господь, уже не в апокрифическом видении, сказал без всякого ограничения: «Встань, Петр, заколи и ешь», предоставляя выбор разумению каждого. Здоровая пища для больного желудка мало чем отличается от нездоровой; равным образом, и самые лучшие книги для развращенного ума могут послужить поводом ко злу. Дурная пища едва ли может составить хорошее питание для самого здорового желудка; напротив того, дурные книги – и в этом их отличие – могут послужить для осторожного, рассудительного читателя во многих отношениях поводом к открытиям, опровержениям, предостережениям и объяснениям. Я едва ли могу привести в пользу этого лучшее доказательство, чем свидетельство одного из ученейших людей нашей страны и члена нашего парламента, мистера Сельдена, сочинение которого о естественном и международном праве показывает, не только путем ссылок на крупные авторитеты, но и путем точных доводов и почти математически доказательных положений, что всякого рода мнения я даже ошибки, какие только когда-либо были известны людям, будучи вычитаны из книг и сопоставлены друг с другом, служат большой подмогой для скорейшего отыскания истины.

Я думаю поэтому, что если Бог предоставил человеку свободу в выборе пищи для своего тела, установив лишь правила умеренности, то он предоставил ему и полную свободу в

заботе о своей умственной пище; вследствие этого каждый взрослый человек может сам заботиться об упражнении своей главной способности. Какая великая добродетель умеренность, какую великую роль играет она в жизни человека! И тем не менее Бог с величайшим доверием предоставляет пользование этим благом каждому взрослому человеку, без какого-либо особого закона или повеления. Вот почему, посылая евреям пищу с неба, Он давал на каждого ежедневно такое количество манны, которого было более чем достаточно для трех хороших едоков. Ибо по отношению к тому, что входит в человека, а не исходит из него и потому не оскверняет, Бог не считает нужным держать его в положении постоянного детства, под постоянным наблюдением, а предоставляет ему, пользуясь даром разума, быть своим собственным судьей; и не много осталось бы на долю проповедников, если бы закон и принуждение должны были так властно касаться того, что до сих пор достигалось простым увещанием. Соломон наставляет нас, что излишнее чтение изнуряет тело; но ни он, ни кто-либо из других боговдохновенных авторов не говорит нам, чтобы какое-либо чтение было недозволительно; и наверное, Бог, если бы только счел за благо наложить на нас в данном случае ограничение, указал бы нам не на то, что изнурительно, а на то, что не дозволено.

Что касается того, что обращенные св. Павлом сожгли эфесские книги, то, судя по сирийскому объяснению, эти книги служили для волшебства. Сожжение их было поэтому частным и добровольным делом и может служить лишь для добровольного подражания: движимые раскаянием, люди сожгли свои собственные книги, власть же была тут ни при чем; одни так поступили с этими книгами, другие, быть может, прочли бы их с известной пользой. Добро и зло, как мы знаем, растут в этом мире вместе и почти неразлучно; познание добра тесно связано и переплетено с познанием зла, и, вследствие обманчивого сходства, различить их друг от друга бывает так же трудно, как те смешанные семена, которые должна была, в непрерывном труде, разбирать и разделять по сортам Психея. От вкушения одного яблока познание добра и зла, как двух связанных между собою близнецов, проникло в мир; и, быть может, осуждение Адама за познание добра и зла в том и состоит, чтобы познавать добро через зло.

И действительно, какой акт мудрости или воздержания может быть совершен при теперешнем состоянии человека без познания зла? Только тот, кто способен понимать и судить о пороке со всеми его приманками и мнимыми удовольствиями и тем не менее воздерживаться от него, тем не менее отличать и предпочитать настоящее добро, – только тот есть истинный воин Христов. Я не могу воздавать хвалу той трусливой монашеской добродетели, которая бежит от испытаний и подвига, никогда не идет открыто навстречу врагу и незаметно уходит с земного поприща, где венок бессмертия нельзя получить иначе, как подвергаясь пыли и зною. Ведь мы приходим в мир не невинными, а уже не чистыми; очищают нас испытания, испытания же имеют место в

борьбе с враждебными силами. Поэтому та добродетель, которая детски наивна в воззрении на зло и отвергает его, не зная всего самого крайнего, что порок сулит своим служителям, – бела, но не чиста. Это – чистота внешняя, и потому наш мудрый и серьезный поэт Спенсер – которого я осмеливаюсь считать лучшим учителем, чем Скотта и Фому Аквинского, – описывая истинную воздержанность в образе Гвиона, ведет последнего, вместе с его спутником, в пещеру Маммона и в приют земных наслаждений, чтобы он все это видел и знал и тем не менее от всего этого отказался.

Таким образом, если познание и зрелище порока в этом мире столь необходимы для человеческой добродетели, а раскрытие заблуждений – для утверждения истины, то каким другим способом можно вернее и безопаснее проникнуть в область греха и лжи, как не при помощи чтения всякого рода трактатов и выслушивания всевозможных доводов? В этом и состоит польза чтения разнообразных книг. Обыкновенно указывают, однако, на проистекающий отсюда тройного рода вред. Во-первых, боятся распространения заразы. Но в таком случае следует устранить из мира всю человеческую науку и споры по религиозным вопросам, более того – самую Библию, так как она часто рассказывает о богохульстве недостаточно пристойно, описывает плотские похоти нечестивых людей не без привлекательности, повествует, как самые благочестивые люди страстно ропщут на Провидение, прибегая к доводам Эпикура; по поводу же других большой важности спорных мест дает для обыкновенного читателя сомнительные и темные ответы; спросите также талмудиста, чем страдает пристойность, почему Моисей и все пророки не могут убедить его изречь написанное в тексте «Хетив» и чем это повредило бы пристойности его «Кери», стоящего на полях. Именно эти причины, как мы все знаем, и побудили папистов поставить Библию на первое место среди запрещенных книг. Но в таком случае нужно уничтожить все сочинения древних отцов церкви, как, например, сочинения Климента Александрийского или книгу Евсевия о приготовлении к Евангелию, которая при помощи целого ряда языческих непристойностей подготавливает наш слух к восприятию Евангелия. Кому неизвестно также, что Иреней, Епифаний, Иероним и другие не столько категорически опровергают ереси, сколько делают их известными, часто принимая при этом за ересь истинное мнение!

Нельзя также по поводу этих и вообще всех наиболее зловредных – если только их следует считать таковыми – языческих писателей, с которыми связана жизнь человеческого знания, успокаивать себя тем, что они писали на неизвестном языке, раз, как мы знаем, язык этот хорошо известен худшим из людей, в высшей степени искусно и усердно прививавшим высосанный ими яд при дворах государей, знакомя последних с утонченнейшими наслаждениями и возбуждениями чувственности. Так, быть может, поступал Петроний, которого Перон называл своим «арбитром», начальником своих пиршеств, а равным образом известный развратник из Ареццо, столь грозный и вместе с

тем столь приятный для итальянских царедворцев. Ради потомства я уже не называю имени человека, которого Генрих VIII в веселую минуту величал своим адским викарием. Таким сокращенным путем зараза от иностранных книг проникнет к народу гораздо скорее и легче, чем можно совершить путешествие в Индию – поедem ли мы туда с севера Китая на восток или из Канады на запад, – хотя бы наша испанская цензура давила английскую печать всеми силами.

С другой стороны, зараза от книг, посвященных религиозным спорам, более рискованна и опасна для людей ученых, чем невежественных, – и тем не менее, эти книги должно выпускать нетронутыми рукой цензора. Трудно привести пример, когда бы невежественный человек был совращен хоть одной папистской книгой на английском языке, без восхваления ее и разъяснения со стороны кого-либо из духовных лиц католической церкви; и действительно, все такие сочинения, истинны они или ложны, «непонятны без руководителя», как были не понятны пророчества Исаяи для евнуха. А сколько наших священников были совращены, благодаря изучению толкований иезуитов и сорбонистов, и как быстро они должны были совратить народ, это мы знаем из своего собственного недавнего и печального опыта. Сказанного не следует забывать, так как остроумный и ясно мыслящий Арминий был совращен исключительно чтением одного написанного в Дельфте анонимного рассуждения, взятого им в руки сначала для опровержения. Таким образом, принимая во внимание, что эти книги и весьма многие из тех, которые всего более способны заразить жизнь и науку, нельзя запрещать без вреда для знания и основательности диспутов; что подобные книги всего более и всего скорее уловляют людей ученых, через которых всякая ересь и безнравственность могут быстро проникнуть и в народ; что дурное можно узнать тысячью других способов, с которыми нельзя бороться, и что дурные учения не могут распространяться посредством книг без помощи учителей, имеющих возможность делать это и помимо книг, а следовательно беспрепятственно, – я совершенно не в состоянии понять, каким образом такое лукавое установление, как цензура, может быть исключено из числа пустых и бесплодных предприятий. Человек веселый не удержится, чтобы не сравнить ее с подвигом того доблестного мужа, который хотел поймать ворон, закрыв ворота своего парка. Кроме того, существует другое затруднение: раз ученые люди первые почерпают из книг и распространяют порок и заблуждения, то каким образом можно полагаться на самих цензоров, если только не приписывать им или если они сами не присваивают себе качеств непогрешимости и несовратимости, сравнительно с другими людьми в государстве? Вместе с тем если верно, что мудрый человек, подобно хорошему металлургу, может извлечь золото из самой дрянной книги как из шлаков, глупец же останется глупцом с самой лучшей книгой, как и без нее, то нет никакого основания лишать мудрого человека выгод его мудрости, стараясь отстранить от глупца то, что все равно не убавит его

глупости. Ибо если стараться со всей точностью удалять от него всякое вредное чтение, то мы не будем в состоянии извлечь для него добрых правил не только из суждений Аристотеля, но и Соломона и нашего Спасителя, а следовательно, должны будем неохотно допускать его до хороших книг, так как известно, что умный человек сделает из пустого памфлета лучшее употребление, чем глупец – из Священного Писания.

Далее, могут указать, что мы не должны подвергать себя искушениям без нужды, а также не тратить своего времени по-пустому. Опираясь на сказанное выше, на оба эти возражения можно дать тот ответ, что подобного рода книги служат для всех людей не искушением и пустой тратой времени, а являются полезным лекарственным материалом, из которого можно извлечь и приготовить сильнодействующие средства, необходимые для жизни человека. Что же касается детей и людей с детским разумом, не обладающих искусством определять и пользоваться этими полезными минералами, то им можно советовать не трогать их; но насильно удерживать их от этого нельзя никакими цензурными запрещениями, сколько бы их ни изобретала святая инквизиция. Своей ближайшей задачей я именно и поставил себе доказать, что цензурный порядок совершенно не ведет к той цели, ради которой он был установлен, – что, впрочем, ясно уже и из предшествующих столь обильных разъяснений. Такова прямота истины, что она раскрывается скорее, действуя свободно и без принуждения, чем при помощи методических рассуждений.

Целью моей с самого начала было показать, что ни один народ, ни одно благоустроенное государство, если только они вообще ценили книги, никогда не вступали на путь цензуры; но могут, однако, возразить, что последняя есть недавно открытая мудрость. На это я в свою очередь отвечу, что хотя и трудно было изобрести цензуру, но так как это – вещь, легко и явно напрашивающаяся на ум, то с давних пор не было недостатка в людях, которые думали о подобном пути; если же они на него не вступили, то этим показали нам пример здравого суждения, так как причиной было не неведение о цензуре, а отрицательное к ней отношение. Платон, человек высокого авторитета, менее всего, однако, в своем «Государстве» – книге о законах, никогда, впрочем, ни в одном государстве не принятых, – питал свою фантазию изданием для своих воображаемых правителей множества указов, которые его поклонники в иных отношениях предпочли бы потопить и искупить в веселых чашах на одном из ночных пиров Академии. По этим законам он не допускает, по-видимому, никакого другого знания, кроме установленного неизменным предписанием и состоящего по большей части из практических традиционных сведений, – знания, для приобретения которого достаточно меньшего количества книг, чем число его собственных диалогов. Он постановляет также, что ни один поэт не должен читать своих произведений ни одному частному лицу, пока судьи и хранители законов не прочтут их и не одобряют. Ясно, однако, что Платон предназначал

этот закон специально для своего воображаемого государства – и не для какого другого. Иначе почему он не был законодателем для самого себя и нарушал свои собственные законы? Ведь его же собственные власти изгнали бы его за написанные им игривые эпиграммы и диалоги, за постоянное чтение Софрона Мима и Аристофана – книг до чрезвычайности непристойных, а также за то, что он рекомендовал чтение последнего тирану Дионисию, злейшим поносителем лучших друзей которого тот был и которому было мало нужды тратить время на подобные пустяки. Но Платон признавал, что подобная цензура поэтических произведений стоит в прямой связи со многими другими условиями жизни в его воображаемом государстве, которому нет места в этом мире. Поэтому ни он сам, ни какое-либо правительство или государство не подражали этому пути, так как сам по себе, без других соответствующих установлений, он должен был бы неизбежно оказаться пустым и бесплодным.

В самом деле, если бы они прибегали только к одному роду строгости, не прилагая таких же забот к регулированию всего прочего, что может развращать умы, то эта отдельная попытка, как они понимали, была бы совершенно бессмысленной работой; это значило бы запираť одни ворота из боязни разврата и в то же время держать открытыми все другие. Если мы хотим регулировать печать и таким способом улучшать нравы, то должны поступать так же и со всеми увеселениями и забавами, со всем, что доставляет человеку наслаждение. В таком случае нельзя слушать никакой музыки, нельзя сложить или пропеть никакой песни, кроме серьезной дорической. Нужно установить наблюдателей за танцами, чтобы наше юношество не могло научиться ни одному жесту, ни одному движению или способу обращения, кроме тех, которые этими наблюдателями считаются приличными. Об этом именно и заботился Платон. Понадобится труд более двадцати цензоров, чтобы проверить все лютни, скрипки и гитары, находящиеся в каждом доме; причем разрешение потребуется не только на то, что говорят эти инструменты, но и на то, что они могут сказать. А кто может заставить умолкнуть все арии и мадригалы, которые нежность нашептывает в укромных уголках? Следует также обратить внимание на окна и балконы; это – самые лукавые книги, с опасными фасадами. Кто запретит их? – Разве двадцать цензоров? Равным образом в деревнях должны быть свои надсмотрщики за тем, что рассказывают волынка и гудок, а также – какие баллады и гаммы разыгрывают деревенские скрипачи, ибо они – «Аркадии» и Монтемайоры поселян. Далее, за какой национальный порок более, чем за наше домашнее обжорство, повсюду идет о нас дурная слава? Кто же будет руководителем наших ежедневных пиршеств? И что нужно сделать, чтобы воспрепятствовать массам посещать дома, где продается и обитает пьянство? Наше платье также должно подлежать цензуре нескольких рассудительных портных, чтобы придать ему менее легкомысленный покррой. Кто должен наблюдать за совместными беседами нашей мужской и женской молодежи, чтобы при этом не были

нарушены обычаи нашей страны? Кто установит точную границу, дальше которой нельзя идти в разговорах и мыслях? Наконец, кто запретит и различит всякого рода вредные сборища и дурные компании? Все названные факты будут и должны быть; но как сделать их наименее вредными и развращающими, это – задача настоящего мудрого управления государством.

Удаляться из этого мира в область атлантидской и утопийской политики, которых никогда нельзя применить на деле, не значит улучшать наше положение; напротив того, надо уметь мудро управляться в этом мире зла, куда, помимо нашей воли, поместил нас Господь. В этом отношении принесут пользу не платоновская цензура книг, которая необходимым образом влечет за собой и разного рода другие цензуры, без всякой пользы выставляющие нас на посмешище и утомляющие нас, а те неписанные или, по крайней мере, не принудительные законы добродетельного воспитания, религиозной и гражданской культуры, которые Платон называет узами, скрепляющими государства, опорой и поддержкой всякого писаного закона. Именно этим законам и принадлежит главная роль в подобных делах, от цензуры же тут легко уклониться. Безнаказанность и нерадивость, без сомнения, губительны для государства, но в том и состоит великое искусство управления, чтобы знать, где должен налагать запрет и наказание закон, а где следует пользоваться исключительно убеждением. Если бы каждое, как хорошее, так и дурное действие зрелого человека подлежало наблюдению, приказанию и побуждению, то чем была бы тогда добродетель, как не одним названием; какой ценой обладали бы тогда хорошие поступки, какой благодарности заслуживали бы рассудительность, справедливость, воздержанность? Многие сетуют на Божественное Провидение за то, что оно попустило Адама согрешить. Безумные уста! Если Бог дал ему разум, то Он дал ему и свободу выбора, ибо разум есть способность выбора; иначе он был бы просто автоматом, наподобие Адама в кукольных комедиях. Мы сами не уважаем такой покорности, такой любви или щедрости, которые совершаются по принуждению; поэтому Бог и оставил ему свободу, поместив предмет соблазна почти перед глазами; в этом и состояла его заслуга, его право на награду, на похвалу за воздержание. Ради чего Бог создал внутри нас страсти и удовольствия вокруг нас, как не для того, чтобы они, подчинившись правильной умеренности, стали настоящими составными частями добродетели? Плохим наблюдателем человеческих дел является тот, кто думает удалить грех, удалив предмет греха; ибо, не говоря уже о том, что грех – огромная масса, растущая во время самого процесса своего уничтожения, если даже допустить, что часть его на время может быть удалена от некоторых людей, то все же не от всех, когда дело идет о такой универсальной вещи, как книги; если же это и будет сделано, то сам грех тем не менее останется невредимым. Отнимите у скупца все его сокровища и оставьте ему один драгоценный камень, вы все же не избавите его от алчности. Уничтожьте все предметы наслаждения,

заприте юношей при строжайшей дисциплине в какой-нибудь монастырь, вы все же не сделаете чистым того, кто не пришел туда таким: столь велики должны быть осторожность и мудрость, необходимые для правильного решения этого вопроса.

Но предположим, что мы изгоним таким способом грех; тогда, изгоняя его, мы изгоним и добродетель, ибо предмет у них один и тот же: с уничтожением последнего уничтожаются и они оба. Это доказывает высокий промысел Господа, который, хотя и повелевает нам умеренность, справедливость и воздержанность, тем не менее ставит перед нами в избытке предметы для наших желаний и дает нам склонности, могущие выйти из границ всякого удовлетворения. Зачем же нам в таком случае стремиться к строгости, противной порядку, установленному Богом и природой, сокращая и ограничивая те средства, которые, при свободном допущении книг, послужат не только к испытанию добродетели, но и к торжеству истины?

Закон, стремящийся наложить ограничение на то, что, не поддаваясь точному учету, тем не менее может способствовать как добру, так и злу, было бы справедливее признать дурным законом. И если бы мне предстояло сделать выбор, то я предпочел бы самое незначительное доброе дело во много раз большему насильственному стеснению зла. Ибо Бог, без сомнения, гораздо более ценит преуспевание и совершенствование одного добродетельного человека, чем обуздание десяти порочных. И если все то, что мы слышим или видим, сидя, гуляя, путешествуя или разговаривая, может быть по справедливости названо нашими книгами и оказывает такое же действие, как и книги, то, очевидно, запрещая лишь одни книги, закон не достигает цели, поставленной им себе. Разве мы не видим, как печатается – и притом не раз или два, а каждую неделю, о чем свидетельствуют влажные листы бумаги, – и распространяется между нами, несмотря на существование цензуры, непрерывный придворный пасквиль на парламент и наш город? А между тем именно здесь закон о цензуре и должен был бы, по-видимому, оправдать себя. Если бы он тут применялся, скажете вы. Но поистине, если применение закона оказывается невозможным или неверным теперь, в этом частном случае, то почему оно будет успешнее потом, по отношению к другим книгам?

Таким образом, если закон о цензуре не должен быть ничтожным и бесплодным, вам предстоит новый труд, лорды и общины, – вы должны запретить и уничтожить все безнравственные и не цензурованные книги, которые уже были напечатаны и опубликованы; вы должны составить их список, чтобы каждый мог знать, какие из них дозволены и какие нет, а также должны отдать приказ, чтобы ни одна иностранная книга не могла поступать в обращение, не пройдя через цензуру. Такое занятие возьмет все время у немалого числа надсмотрщиков и притом людей необычных. Существуют также книги, которые отчасти полезны и хороши, отчасти вредны и пагубны; опять потребуется немалое число чиновников для очищения книг и исключения из них вредных мест, чтобы

не пострадало царство знания. Наконец, если число подобных книг будет все увеличиваться, то вы должны будете составить список всех тех типографов, которые часто нарушают закон, и запретить ввоз книг, не читаемых подозрительными типографиями. Словом, чтобы закон о цензуре был точен и без недостатков, вы должны его совершенно изменить по образцу Тридента и Севильи, что, я уверен, вы погнушаетесь сделать.

Но даже и допустив, что вы дошли бы до этого – от чего сохрани вас Бог, – то все же закон о цензуре был бы бесполезен и не пригоден для цели, к которой вы его предназначаете. Если дело идет о том, чтобы предотвратить возникновение сект и ересей, то кто же настолько несведущ в истории, чтобы не знать о многих сектах, избегавших книг как соблазна и тем не менее на много веков сохранивших свое учение в неприкосновенности, исключительно путем устного предания? Небезызвестно также, что христианская вера (ведь и она была некогда ересью!) распространилась по всей Азии прежде, чем какое-либо из Евангелий и посланий были написаны. Если же дело идет об улучшении нравов, то обратите внимание на Италию и Испанию: сделались ли эти страны сколько-нибудь лучше, честнее, мудрее, целомудреннее с тех пор, как инквизиция стала немилосердно преследовать книги? Другое соображение, делающее ясным непригодность закона о цензуре для предположенной цели, касается тех способностей, которыми должен обладать каждый цензор. Не может подлежать сомнению, что тот, кто поставлен судьей над жизнью и смертью книг, над тем, следует ли допускать их в мир или нет, обязательно должен быть человеком выше общего уровня по своему трудолюбию, учености и практической опытности; в противном случае в его суждениях о том, что допустимо к чтению, а что нет, будет немало ошибок, а потому и немалый вред. Если же он будет обладать нужными для цензора качествами, то такая работа может быть скучнее и неприятнее, где может быть больше потеряно времени, чем при непрерывном чтении негодных книг и памфлетов, часто представляющих собой огромные тома? Ни одну книгу нельзя читать иначе как в свою пору; но быть принужденным во всякое время, в неразборчивых рукописях читать сочинения, из которых и в прекрасной печати не всегда захочешь прочесть три страницы, такое положение, по моему мнению, должно быть решительно невыносимо для человека, ценящего свое время и свой труд или просто обладающего тонким вкусом. Я прошу нынешних цензоров извинить меня за подобный образ мыслей, так как, без сомнения, они приняли на себя цензорскую должность из желания повиноваться парламенту, приказание которого, быть может, заставило их смотреть на свои обязанности как легкие и не многотрудные; но что и это короткое испытание было для них уже утомительно, – о том в достаточной степени свидетельствуют их собственные слова и извинения перед людьми, которые должны были столько дней добиваться от них разрешения. Таким образом, видя, что принявшие на себя

обязанности цензоров несомненно желали бы под благовидным предлогом избавиться от них, что ни один достойный человек, никто, кроме явного расточителя своего досуга, не захочет заместить их, – если только он прямо не рассчитывает на цензорское жалование, – то легко себе представить, какого рода цензоров мы должны ожидать впоследствии: то будут люди невежественные, властные и нерадивые или низко корыстолюбивые. Это именно я и имел в виду, говоря, что закон о цензуре не поведет к той цели, которую преследует.

Наконец, от соображений о том, что закон о цензуре не может способствовать добру, обращаюсь к явно причиняемому им злу, так как, прежде всего, он является величайшим угнетением и оскорблением для науки и ученых. Прелаты всегда жаловались и сетовали на малейшую попытку устранить соединение бенефиции и распределить более правильно церковные доходы, ссылаясь на то, что в таком случае навсегда будет уничтожена и задушена всякая наука. Я должен заметить, однако, по поводу этого мнения, что никогда не видел основания думать, будто хоть одна десятая часть знаний держалась или падала вместе с духовенством: на мой взгляд, это лишь грязные и недостойные речи некоторых духовных лиц, обладающих хорошими доходами. Поэтому, если вы не хотите поселить крайнего уныния и неудовольствия не в праздной толпе ложно претендующих на науку, а в свободном и благородном сословии тех, кто действительно родился для науки и любит ее ради нее самой, не ради прибыли или чего-либо подобного, а во имя служения Богу и истине и, быть может, во имя той прочной славы и постоянной хвалы, которые в глазах Бога и хороших людей служат наградой за обнародование трудов, споспешествующих благу человечества, – то знайте, что не доверять до такой степени разуму и честности лиц, обладающих известностью в науке и в то же время не совершивших ничего позорного, чтобы не разрешать им печатать своих произведений без опекуна и наблюдателя, из страха распространения ереси или заразы, есть величайшая несправедливость и оскорбление, каким только может подвергнуться свободный и просвещенный ум.

Какая выгода быть взрослым человеком, а не школьником, если, избавившись от школьной ферулы, приходится подчиняться указке *imprimatur*'а, если серьезные и стоившие немалых трудов сочинения, подобно грамматическим упражнениям школьников, не могут быть выпущены в свет помимо бдительного ока нерешительного или слишком решительного цензора? Тот, действиям которого не доверяют, хотя в его намерениях нет ничего заведомо дурного и подлежащего уголовным законам, имеет полное основание считать себя в государстве, где он родился, не за кого иного, как за безумца или чужестранца. Когда человек пишет для света, он призывает к себе на помощь весь свой разум, всю силу своей аргументации; он ищет, размышляет, трудится, он советуется и рассуждает со своими разумными друзьями; совершив все это, он считает себя столь же

осведомленным в своем предмете, как и всякий, писавший до него; и если ни годы, ни прилежание, ни прежние доказательства его способностей не могут поставить его, по отношению к этому наиболее совершенному акту его добросовестности и основательности, на ту ступень зрелости, которая исключает недоверие и подозрительность; если тем не менее он должен отдавать свое прилежание, свое ночное бдение, свою трату Палладина масла на поспешный суд заваленного делами цензора, быть может, гораздо более молодого, чем он, быть может, гораздо ниже его стоящего по критической способности, быть может, никогда не написавшего ни одной книги; если его сочинение – раз только оно не будет запрещено или забраковано – должно, точно малолетка с дядькой, появиться в печати с ручательством цензора и его удостоверением на обороте заглавного листа в том, что автор не идиот и не развратитель, – то на все это следует смотреть не иначе, как на бесчестие и унижение для автора, для книги, для прав и достоинства науки.

А что сказать о том случае, когда автор богат воображением и ему приходит на ум многое, чем следовало бы дополнить его сочинение уже после цензуры, при печатании, что нередко случается с лучшими и трудолюбивейшими писателями, и притом, быть может, двадцать раз с одной книгой? Типограф не смеет отступать от цензурованного экземпляра; автор должен поэтому опять тащиться к своему ментору, чтобы он просмотрел его добавления; а так как сделать это должно прежнее лицо, то автору придется не раз прогуляться, прежде чем он отыщет своего цензора или застанет его свободным; в результате – или печатание должно остановиться, в чем уже немалый вред, или автор должен отказаться от своих наиболее зрелых мыслей и выпустить книгу в худшем виде, чем он мог бы сделать это, что для трудолюбивого писателя является величайшим горем и мучением, какие только возможны.

И каким образом человек может учить с авторитетом, этой душой всякого учительства; каким образом может он проявить себя в своей книге настоящим ученым – а он должен им быть, иначе ему лучше молчать, – если все, чему он учит, что излагает, находится под опекой, подвергается исправлениям патриархального цензора; если последний может вычеркнуть или изменить каждое слово, не согласное вполне с его упорством или, как выражается он сам, с его мнением? Если каждый здравомыслящий читатель, при первом же взгляде на педантическую цензурную отметку, будет готов отбросить от себя книгу так далеко, как метательный диск, с такими приблизительно словами: «Я ненавижу учителей-мальчишек; я не терплю наставника, приходящего ко мне под палкой надзирателя; я ничего не знаю о цензоре, кроме того, что его подпись свидетельствует о его самоуверенности, но кто поручится мне за основательность его суждений?» – то книгопродавец может ответить: «Государство, милостивый государь». Читатель, однако, вправе сейчас же возразить на это: «Государство может управлять мной, но не

критиковать меня; оно так же легко может ошибаться в цензуре, как цензор в авторе; это довольно обыденная мысль», и присоединить к сказанному еще следующие слова Фрэнсиса Бэкона: «Разрешенные книги говорят лишь на языке своего времени». Ибо, если бы даже цензор оказался более сведущим, чем то бывает обыкновенно – а это было бы большой опасностью для ближайших поколений, – то все же его должность и характер его деятельности не позволили бы ему пропускать ничего, выходящего из ряда вон.

Но еще печальнее, если творение какого-нибудь умершего автора, сколь ни славен он был при жизни, а равно и в настоящее время, попадет в руки цензора для получения разрешения напечатать его или перепечатать и если в книге этого автора найдется какое-нибудь крайне смелое суждение, высказанное в пылу горячей работы (и кто знает, быть может, продиктованное Божественным вдохновением), но несогласное с низменным и дряхлым настроением самого цензора, то, будь это сам Нокс, преобразователь государства, он не простит ему его суждения, и таким образом мысль этого великого человека будет потеряна для потомства вследствие трусости или самонадеянности небрежного цензора. Я бы мог указать, к какому автору и к какой книге, точное опубликование которой имело величайшую важность, было применено такого рода насилие, но оставляю это для более подходящего времени. Если же на это не обратят серьезного и своевременного внимания те, кто имеет в своем распоряжении средство помощи, и подобная ржавчина будет иметь власть выедать избраннейшие мысли из лучших книг, совершая такого рода вероломство над осиротелым наследием достойнейших людей после их смерти, то много печали предстоит испытать несчастному роду людскому, на свое несчастье обладающему разумом. Отныне пусть ни один человек не ищет знания или не стремится к большему, чем то дает мирская мудрость, ибо отныне быть невеждой и ленивцем в высших материях, быть обыкновенным тупоголовым неучем поистине – единственное средство прожить жизнь приятно и в чести.

И если цензура является чрезвычайным неуважением к каждому ученому при его жизни и в высшей степени оскорбительной для сочинений и могил умерших, то, по моему мнению, она является также унижением и поношением всей нации. Я не могу так низко ставить изобретательность, искусство, остроумие и здравую серьезность суждений англичан, чтобы допустить возможность сосредоточения всех этих качеств всего в двадцати, хотя бы и в высшей степени способных господах; еще менее я могу допустить, чтобы названные качества могли проявляться не иначе, как под верховным наблюдением этих двадцати, и поступать в обращение не иначе, как при условии просеивания и процеживания через их цедилки, с их рукоприкладством. Истина и разум не такие товары, которые можно монополизировать и продавать под ярлыками, по уставам и образцам. Мы не должны стремиться превратить все знание нашей страны в товар, накладывая на него клейма и выдавая торговые свидетельства, подобно тому, как мы делаем это с нашими

сукнами и тюками с шерстью. Разве это не то же, что наложенное филистимлянами рабство, когда нам не позволяют точить своих собственных топоров и плугов, а обязывают нести их со всех кварталов в двадцать разрешительных кузниц?

Если бы кто-нибудь написал и обнародовал что-либо ложное и соблазнительное для частной жизни, обманывая тем доверие и злоупотребляя уважением, которое люди питали к его уму; если бы по обвинении его было принято решение, что отныне он может писать только после предварительного просмотра специального чиновника, дабы последний удостоверил, что после цензуры его сочинение можно читать безвредно, то на это нельзя было бы смотреть иначе, как на позорящее наказание. Отсюда ясно, как унижительно подвергать всю нацию и тех, кто никогда не совершал подобных проступков, столь недоверчивому и подозрительному надзору. Должники и преступники могут разгуливать на свободе, без надзирателя, безобидные же книги не могут появиться в свет, если не видно тюремщика на их заглавном листе. Даже для простого народа это – прямое оскорбление, так как простирает свои заботы о нем до того, чтобы не сметь доверить ему какого-нибудь английского памфлета, не значит ли считать его за народ безрассудный, порочный и легкомысленный, – народ, который находится в болезненном и слабом состоянии веры и разума и может лишь плясать под дудку цензора? Мы не можем утверждать, что в этом проявляется любовь или попечение о народе, так как и в странах папизма, где мирян всего более ненавидят и презирают, по отношению к последним применяется та же строгость. Мудростью мы также не можем назвать это, так как подобная мера препятствует лишь злоупотреблению свободой, да и то плохо: испорченность, которую она старается предотвратить, через другие двери, которых запереть нельзя, проникает скорее.

В конце концов, это бесчестит и наше духовенство, так как от его трудов и знаний, пожинаемых паствой, мы могли бы ожидать большего, чем получается при цензуре: выходит, что, несмотря на просвещение светом Евангелия, которое есть и пребудет, и постоянные проповеди, его паства представляет собой такую беспринципную, неподготовленную и чисто мирскую толпу, которую дуновение каждого нового памфлета может отвратить от катехизиса и христианского пути. Пастырей должно сильно смущать, если об их поучениях и получаемой от того пользе слушателей имеется столь невысокое представление, что последних не считают способными прочесть на свободе, без укаски цензора, хоть три печатных страницы; если все речи, все проповеди, которые произносятся, печатаются и продаются в таком числе и объеме, что делают в настоящее время почти невозможной продажу всех других книг, оказываются недостаточно крепким оплотом против одного какого-нибудь энхиридиона, когда нет замка св. Ангела в виде *imprimatur'a*.

И если бы кто-нибудь стал убеждать вас, лорды и общины, что все эти рассуждения об угнетении ученых людей законом о цензуре представляют собой лишь цветы красноречия, а не действительность, то я мог бы рассказать вам, что видел и слышал сам в других странах, где существует подобного рода тирания инквизиции. Когда я жил среди ученых людей тех стран (мне досталась эта честь), то они провозгласили меня счастливым за то, что я родился в таком крае философской свободы, каким они считали Англию, тогда как сами они должны были лишь оплакивать рабское состояние своей науки, оплакивать, что это рабство помрачило славу итальянского гения, что за последние годы в Италии не написано ничего, кроме льстивых и высокопарных сочинений. Как раз в это время я отыскал и посетил славного Галилея, глубокого старца, который был брошен инквизицией в тюрьму за то, что держался в астрономии иных взглядов, чем францисканские и доминиканские цензоры. И хотя я знал, что Англия в то время громко стонала под игом прелатов, уверенность других народов в ее свободе я все же принял как залог ее будущего счастья.

Тогда я еще и не думал, что ее воздухом уже дышат достойнейшие люди, ее будущие освободители, о деянии которых не заставит забыть никакая превратность времени и самый конец этого мира. Когда началась эта освободительная борьба, я менее всего опасался, что жалобы, слышанные мною от ученых людей других стран по поводу инквизиции, мне придется, в эпоху парламента, услышать от ученых людей своей родины по поводу закона о цензуре. И жалобы эти были настолько распространенными, что когда я сам присоединил свой голос к общему недовольству, то – могу сказать, если только не вызову нареканий – сицилийцы побуждали против Верреса человека, заслужившего их уважение своим честным квесторством, не с такой силой, как доброе мнение обо мне людей, уважающих вас, известных и уважаемых вами, побуждало меня, путем просьб и убеждений, не отчаиваться и высказать все, что правый разум внушит мне в пользу уничтожения незаслуженного рабства науки.

Многое можно привести в пользу того, что в данном случае выразилось не отдельное настроение, а общая печаль всех, кто образовал свой ум и наполнил его знаниями выше обычного уровня, чтобы помогать другим получать истину и самому воспринимать ее от других. Во имя их ни перед другом, ни перед врагом не скрою общего недовольства. В самом деле, если мы опять возвращаемся к инквизиции и цензуре, если мы до того относимся трусливо к самим себе и подозрительно ко всем прочим, что боимся каждой книги и шелеста каждого листа, даже еще не зная их содержания; если люди, которым недавно было почти запрещено проповедовать, теперь будут в состоянии запрещать нам всякое чтение, кроме удобного им, то в результате получится не что иное, как новая тирания над наукой; и скоро будет бесспорным, что епископы и пресвитеры – для нас одно и то же, как по имени, так и по существу.

Зло от прелатства, которое ранее из 25 или 26 епархий ложилось равномерно на весь народ, теперь, несомненно, ляжет исключительно на науку, так как теперь пастор из какого-нибудь маленького невежественного прихода внезапно получит сан архиепископа над обширным книжным округом: мистический собиратель бенефиции, он не покинет своего прежнего прихода, а присоединит к нему новый. Тот, кто еще недавно восставал против единоличного посвящения каждого новичка-бакалавра и единоличной юрисдикции над самым простым прихожанином, теперь у себя дома, в своем кабинете, будет применять и то и другое по отношению к достойнейшим и превосходнейшим книгам и способнейшим авторам, их написавшим. Это не значит соблюдать наши договоры и торжественные клятвы! Это не значит уничтожить прелатство, а лишь изменить форму епископства; это значит только перенести митрополичий дворец из одной области в другую; это – лишь старая каноническая уловка перемены епитимий. Пугаться заблаговременно простого нецензурированного памфлета – значит вскоре начать пугаться каждого сблища, а затем, немного погодя, и в каждом христианском собрании видеть сблище.

Но я уверен, что государство, руководимое правилами справедливости и твердости, и церковь, заложенная и построенная на камне веры и истинного знания, не могут быть так малодушны. В то время, когда религиозные вопросы еще не решены, ограничение свободы печати способом, заимствованным у прелатов, а последними у инквизиции, чтобы вновь заточить нас в совесть цензора, должно, разумеется, послужить поводом к сомнению и унынию для ученых и религиозных людей, которые не могут не понимать коварства подобной политики и не знать, кто ее изобретатели. Когда было предположено низвергнуть епископов, вся печать могла говорить открыто; во время парламента это было прирожденное право и привилегия народа, это была заря нового дня.

Но теперь, когда епископы устранены и изгнаны из церкви, епископские искусства расцветают вновь, как будто наша реформация имела лишь в виду на место одних посадить других, под новыми именами; сосуд истины опять не должен источать масла; свобода печати опять должна быть порабощена комиссии из двадцати прелатов; привилегия народа уничтожена, и, что еще хуже, свобода науки опять должна стенать, заключенная в свои старые цепи; и все это в то время, когда парламент еще заседает! Между тем его собственные недавние рассуждения и борьба с прелатами могли бы ему напомнить, что подобные насильственные стеснения приводят, по большей части, к результатам совершенно противоположным намеренной цели: вместо уничтожения сект и ересей, они их усиливают и облачают славой. «Наказание талантов увеличивает их авторитет, – говорит виконт Сент-Албанский, – и запрещенное сочинение почитается верной искрой истины, которая летит в лицо тех, кто старается ее затоптать». Таким образом, закон о цензуре, являясь родной матерью для всякого рода сект, оказывается,

как я легко покажу, мачехой для истины, и прежде всего тем, что делает нас неспособными сохранить уже приобретенные нами знания. Кто привык наблюдать, хорошо знает, что наша вера и знания развиваются от упражнения, так же как наши члены и наше телосложение. Истина сравнивается в Писании с текущим источником; если его воды не находятся в постоянном движении, то они застаиваются в тинистое болото однообразия и традиции. Можно быть еретиком и в истине; и если кто-нибудь верит лишь потому, что так говорит пастор, или потому, что так постановляет собрание, помимо всяких других оснований, то, хотя бы вера его и была истинной, настоящая истина все же становится его ересью. Для иных людей нет тяжести, которую бы они столь охотно свалили с себя на другого, как бремя религии и заботы о ней. Существуют – кто не знает этого? – протестанты и профессора, которые живут и умирают в такой же ложной и слепой вере, как какой-нибудь мирянин-папист из Лоретто.

Богатый человек, преданный своим наслаждениям и выгодам, считает религию запутанной торговой операцией, требующей такой массы мелких счетов, что ввиду всех ее тайн он никак не может ухитриться открыть лавочку для подобной торговли. Что же ему делать? Он бы охотно получил имя религиозного человека, охотно стал бы соперничать в этом со своими соседями. Ему ничего не остается поэтому, как отказаться от хлопот и найти себе какого-нибудь комиссионера, попечению и заботливости которого он бы мог поручить ведение своих религиозных дел, – какое-нибудь известное и уважаемое духовное лицо. Он прилепляется к последнему и предоставляет ему в распоряжение склад своих религиозных товаров, со всеми замками и ключами; мало того, он отождествляет этого человека с самой религией и считает свой союз с ним достаточным доказательством и рекомендацией своего благочестия. Таким образом, он может сказать, что его религия находится уже не в нем, а стала отдельной движимостью, которая приближается к нему по мере того, как тот достопочтенный муж вступает в его дом. Он беседует с последним, одаряет его, угощает, дает у себя приют; его религия приходит на ночь к нему домой, молится, хорошо ужинает, с удобством ложится спать; на другой день она встает, получает приветствия, угощается мальвазией или другим каким-либо вкусным напитком и, позавтракав сытнее, чем Тот, Кто между Вифанией и Иерусалимом утолил свой утренний голод незрелыми смоквами, выходит в восемь часов из дому, оставляя своего приветливого хозяина торговать весь день в лавке уже без своей религии.

Существует другой сорт людей, которые, слыша, что все подчиняется законам, правилам и уставам, что ничего не должно быть написано иначе, как пройдя через таможеню, под наблюдением соответствующих досмотрщиков, заведующих сбором пошлин с меры и веса всякой свободно высказанной истины, прямо желают отдать себя в ваши руки, дабы вы им выкроили и соорудили религию по вашему усмотрению: тогда они будут наслаждаться, будут устраивать пиры и веселые забавы, которые наполнят их день от

восхода до захода солнца, превращая скучный год в сладкий сон. Какая им нужда ломать свои собственные головы над тем, о чем другие заботятся столь тщательно и неизменно? Вот какие плоды принесут народу неподвижный покой и остановка в науках. Как хорошо и как желательно было бы столь примерное единодушие! К какому прекрасному однообразию привело бы оно всех нас! Образовалось бы, без сомнения, такое прочное и крепкое сооружение, какое может создать только январский мороз.

Не лучшие результаты получатся и для самого духовенства: далеко не нова и не в первый раз высказывается мысль, что приходский священник, имеющий доход и достигший геркулесовых столбов в виде тепленькой бенефиции, если только у него нет никаких других побуждений к занятиям, весьма склонен завершить свое поприще английским библейским словарем и фолиантом, состоящим из общих мест, достижением и сохранением солидной ученой степени, «гармонией» и «катеной», которые протаптывают неизменный круг общепринятых ученых глав, с их обычными применениями, мотивами, примечаниями и приемами; из них, как из алфавита или гаммы, образовывая и преобразовывая, соединяя и разъединяя различными способами, при небольшой ловкости в обращении с книгами и подумав два часа, он может извлечь запас для исполнения обязанности проповедника более чем на неделю, не говоря уже о бесчисленных вспомогательных средствах в виде подстрочников, требников, обзрений и прочего бесполезного вздора. Что же касается массы напечатанных и нагроможденных целыми кучами готовых проповедей на всякий нетрудный текст, то наша лондонская приходская торговля св. Фомы вместе с торговлей св. Мартина и св. Гуго не изготовили в своих освященных пределах большего количества продажного товара всякого сорта; благодаря этому, приходскому священнику нечего бояться недостатка в проповеднических запасах; он всегда найдет, откуда обильно пополнить свой амбар. Но если его тыл и фланги не загорожены, а потайной выход не защищен строгим цензором, если время от времени могут появляться в свет смелые книги и делать нападения на некоторые из его прежних засевших в траншеях коллекций, то ему приходится быть наготове, стоять на страже, ставить караулы и часовых вокруг своих установившихся мнений, устраивать со своими товарищами дозорные обходы и контробоходы, из опасения как бы кто-нибудь из его паствы не был введен во грех и не оказался более осведомленным, опытным и образованным. Да пошлет Господь, чтобы страх перед необходимостью подобного усердия не побудил нас усвоить нерадивость цензующей церкви!

Ибо, если мы уверены в своей правоте и не считаем истину преступной, чего не подобает делать, раз мы сами не судим наше собственное учение как слабое и легкомысленное, а народ как толпу, бродящую во тьме невежества и неверия, то что может быть прекраснее, когда человек рассудительный и ученый, обладающий, насколько мы знаем, столь же

чуткой совестью, как совесть людей, давших нам все наши познания, будет выражать свое мнение, приводить доводы и утверждать неправильность существующих взглядов не тайным образом, переходя из дома в дом, что гораздо опаснее, а открыто, путем обнародования своих сочинений? Христос ссылаясь в свое оправдание на то, что он проповедовал публично; но письменное слово еще более публично, чем проповедь, а опровергать его, в случае нужды, гораздо легче, так как существует много людей, единственным занятием и призванием которых является борьба за истину; если же они отказываются от этого, то в том виноваты исключительно их лень или неспособность.

Так, цензура препятствует истинному знанию того, что мы знаем лишь по-видимому, и отлучает нас от него. Насколько она препятствует и вредит самим цензорам, при исполнении ими своих обязанностей – и притом больше, чем любое светское занятие, если только они будут отправлять свою цензорскую должность как следует, по необходимости делая упущение либо в том, либо в другом занятии, – на этом останавливаться я не буду, так как это их частное дело, решение которого предоставляется их собственной совести.

Кроме всего сказанного выше, следует указать еще на невероятные потери и вред, какие цензурные ковы причиняют нам в большей степени, чем если бы враг обложил с моря все наши гавани, порты и бухты: эти ковы останавливают и замедляют ввоз самого драгоценного товара – истины. Ведь цензура была впервые установлена и введена в практику противохристианской злобой и стремлением к тайне или же ставила себе задачей по возможности затушить свет реформации и водворить неправду, мало чем отличаясь в данном случае от той политики, при помощи которой турки охраняют Алкоран, запрещая книгопечатание. Мы должны не отрицать, а радостно сознаваться, что громче других народов воссылали к Небу наши молитвы и благодарения за ту высокую меру истины, которой наслаждаемся, особенно в важных пунктах столкновения между нами и папой, с его приспешниками-прелатами. Однако тот, кто думает, что мы можем на этом месте разбить свои палатки для отдыха, что мы достигли крайних пределов реформации, какие только может показать нам тленное зеркало, в которое мы смотрим, пока не получили способности блаженного созерцания, – тот обнаруживает этим, как он далек еще от истины.

Ведь истина снизошла однажды в мир вместе со своим Божественным Учителем, являя свою совершенную форму, прекраснейшую для взоров. Но когда Он вознесся на небо и упокоились вслед за Ним и Его апостолы, тогда сейчас же появилось нечестивое поколение людей, которые схватили девственную истину, разрубили ее прекрасное тело на тысячу частей и разбросали их на все четыре ветра, подобно тому как, по рассказам, египетский Тифон и заговорщики поступили с добрым Осирисом. С тех пор печальные друзья истины, те, которые осмеливаются выступать открыто, ходят повсюду и собирают

воедино ее члены, где бы ни нашли их, подобно Изиде, заботливо отыскивавшей разбросанные члены Осириса. Мы еще далеко не все отыскивали их, лорды и общины, и не отыщем до второго пришествия ее Учителя; Он соберет воедино все ее суставы и члены и создаст из них бессмертный образ красоты и совершенства. Не позволяйте же цензурным запрещениям становиться на всяком удобном месте, чтобы задерживать и тревожить тех, кто продолжает искать, продолжает совершать погребальные обряды над раздробленным телом нашего святого мученика.

Мы гордимся своим светом; но если мы неблагоприятно взглянем на солнце, то оно ослепит нас. Кто может рассмотреть те часто сгорающие планеты и те сияющие величием звезды, которые выходят и заходят вместе с солнцем, прежде чем противоположное движение их орбит не приведет их на такое место небесного свода, где их можно видеть утром или вечером? Свет, полученный нами, был дан нам не для того, чтобы непрерывно приковывать наш взор, а затем, чтобы при его помощи открывать вещи, более отдаленные для нашего познания. Не лишение священников сана, епископов митры, не снятие епископского достоинства с плеч пресвитериан сделает нас счастливым народом; нет, если не будет обращено внимание на другие вещи, столь же важные как для церкви, так и для экономической и политической жизни, если здесь не будут произведены надлежащие реформы, то мы, очевидно, так долго смотрели на путеводный огонь, зажженный перед нами Цвингли и Кальвином, что стали совершенно слепыми.

Существуют люди, которые постоянно жалуются на расколы и секты и считают большим бедствием, что некоторые не согласны с их убеждениями. Этих людей смущают их невежество и гордость; они не хотят спокойно выслушать, не могут действовать убеждением и готовы уничтожить все, чего нет в их синтагме. И если кто сеет смуты и вносит раздоры, так это именно они, так как не желают сами и не позволяют другим присоединять к телу истины оторванные и недостающие у нее части. Постоянно отыскивать неизвестное при помощи известного, постоянно присоединять истину к истине, по мере ее нахождения (ибо все тело ее однородно и пропорционально), – таково золотое правило, как в теологии, так и в арифметике; только оно может внести совершенную гармонию в церковь, а не насильственное и внешнее соединение холодных, равнодушных и внутренне чуждых друг другу душ.

Лорды и общины Англии! Подумайте, к какой нации вы принадлежите и какой нацией вы управляете: нацией не ленивой и тупой, а подвижной, даровитой и обладающей острым умом; изобретательной, тонкой и сильной в рассуждениях, способной подняться до высочайших ступеней человеческих способностей. Поэтому ее познания в глубочайших науках столь давни и столь превосходны, что, по мнению весьма древних и основательных писателей, даже пифагорейская философия и персидская мудрость берут свое начало от старой философии нашего острова. А мудрый и образованный римлянин

Юлий Агрикола, который однажды правил здесь вместо Цезаря, предпочитал природный ум британцев трудолюбивым изысканиям французов.

Не лишено также значения то обстоятельство, что серьезные и умеренные трансильванцы посылают к нам ежегодно со своих отдаленнейших гор, граничащих с Россией, и еще дальше, из-за Герцинской пустыни, не только свою молодежь, но и людей почтенного возраста для изучения нашего языка и богословских наук. Но всего важнее для нас иметь прочное основание думать, что благоволение и любовь Неба особенно милостиво и благосклонно покоятся на нас. Разве не избранник перед другими тот народ, от которого, как с Сиона, идут и разносятся по всей Европе первые вести и трубный глас реформации? И если бы не тупая злоба наших прелатов по отношению к божественному и изумительному гению Уиклифа, который был осужден как еретик и новатор, то, быть может, никогда не были бы известны ни богемский Гусс и Иероним, ни имена Лютера и Кальвина: слава религиозной реформы у всех наших соседей всецело принадлежала бы нам. Теперь же, так как наше очерствевшее духовенство сурово отнеслось к делу реформации, мы очутились в положении самых последних и отсталых учеников тех, для кого Бог предназначил нас быть учителями.

А в настоящее время, если судить по совокупности всех предзнаменований и общему предчувствию святых и благочестивых мужей, ежедневно торжественно высказывающих свои мысли, – Бог решил начать некий новый и великий период в своей церкви – реформацию самой реформации. Почему же не открыться Ему рабам своим, и прежде всего, как Он всегда делал, нам – англичанам? Я говорю: «Прежде всего нам, как Он всегда делал», хотя мы и не следуем Его заповедям и не достойны этого. Посмотрите на этот обширный город, город – убежище и жилище свободы, обведенный крепкой стеной Его защиты: в военных мастерских здесь не работают больше наковальни и молоты, чтобы выковать доспехи и орудия вооруженной справедливости для защиты осажденной истины; этому служат теперь перья и головы тех, кто при свете своих труженических лампад размышляет, изыскивает, вырабатывает новые понятия и идеи, дабы одарить ими, в знак своей преданности и верности, приближающуюся реформацию; а другие столь же прилежно читают, все испытуют, подчиняются силе разума и убеждения.

Чего же больше можно требовать от такого гибкого и склонного к поискам знания народа? Что нужно для этой удобной и плодородной почвы, кроме мудрых и честных работников, дабы создать образованных людей, нацию пророков, мудрецов и достойнейших мужей? Мы считаем более пяти месяцев до жатвы, но всякий, имеющий глаза, может видеть, что не нужно и пяти недель, чтобы поля уже пожелтели. Где много желающих учиться, там по необходимости много спорят, много пишут, высказывают много мнений, ибо мнение у хорошего человека есть знание в процессе образования. Из фантастического страха перед сектами и ересями мы поступаем несправедливо с пламенной и искренней жадой

знания и разумения, которую Бог возбудил у этого города. Что некоторые оплакивают, тому мы должны были бы радоваться; мы должны были бы скорее восхвалять это благочестивое стремление людей вновь взять в свои руки заботу о своей религии, попавшей в руки плохих уполномоченных. Сколько-нибудь благородная мудрость, сколько-нибудь снисходительное отношение друг к другу и хоть сколько-нибудь любви к ближнему могли бы соединить и объединить в одном общем и братском искании истины всех преданных ей; мы должны только отказаться для этого от традиции прелатов втискивать свободную совесть и христианские вольности в человеческие каноны и правила. Я не сомневаюсь, что если бы к нам явился какой-нибудь великий и достойный иностранец, могущий понять дух и настроение народа и способный управлять им, то он, узнав наши высокие надежды и цели, увидев неустойчивую живость и широту наших мыслей и суждений при искании истины и свободы, подобно Пирру, изумленному римским послушанием и мужеством, воскликнул бы: «Если бы таковы были мои эпироты, то я не отчаивался бы в достижении величайшей цели – сделать церковь или государство счастливыми!»

А между тем этих людей во всеуслышание провозглашают раскольниками и сектантами, что равносильно тому, как если бы во время постройки храма Господня, когда одни пилили, другие обтесывали мрамор, третьи срубали кедры, нашлись неразумные люди, не способные понять, что нужно было сделать много расколов, много расколов в камнях и строевом лесе, прежде чем дом Господень мог быть окончен. И как бы искусно мы ни прилаживали камни один к другому, они не могут соединиться в одно непрерывное целое: в этом мире они могут лишь соприкасаться друг с другом; не может также каждая часть постройки иметь одну форму; совершенство состоит скорее в том, что из многих умеренных различий и братских несходств, не препятствующих пропорциональности целого, возникает привлекательная и изящная симметрия, господствующая во всей постройке и в расположении ее частей.

Будем поэтому в ожидании великой реформации, более рассудительными строителями, более мудрыми в духовной архитектуре. Ибо теперь, по-видимому, настало время, когда великий пророк Моисей может радостно видеть с небес исполнение своего достопамятного и славного желания, так как не только наши семьдесят старейшин, но и весь народ Господень стали пророками. Не удивительно поэтому, если некоторые люди – и притом, быть может, люди благочестивые, но неопытные в деле благочестия, каким был во времена Моисея Иисус Навин, – завидуют им. Они сетуют и по своей собственной слабости пребывают в смертельном страхе перед тем, как бы эти деления и подразделения не погубили нас. Враги же, напротив, радуются и выжидают удобного часа, говоря себе: когда они разобьются на небольшие партии и группы, тогда наступит наше время. Глупцы! Они не замечают того крепкого корня, от которого мы все

произросли, хотя и в несколько побегов, и не хотят остерегаться, пока не увидят, как наши небольшие и раздробленные отряды врежутся со всех углов в их плохо объединенные и неповоротливые бригады. В том же, что мы должны ожидать от всех этих сект и ересей лучшего, что мы не нуждаемся в чрезвычайно трусливом, хотя бы и честном, беспокойстве тех, кто тревожится этим, что в конце концов мы будем смеяться над злостной радостью по поводу наших разногласий, – в сказанном убеждают меня следующие основания.

Во-первых, если город осажден и обложен со всех сторон, его судоходная река отведена, кругом происходят набеги и нападения, приходят частые вести о вызовах и битвах у самых его стен и подгородных окопов; и если тем не менее народ или значительнейшая часть его, всецело занятый высочайшими и важнейшими вопросами реформы, более чем в другое время спорит, рассуждает, читает, изобретает, держит речи о том, о чем прежде не рассуждали и не писали, являя тем редкую энергию и приводя в изумление, то подобный народ обнаруживает прежде всего чрезвычайно добрую волю, свое довольство и доверие к вашей мудрой осторожности и надежному управлению, лорды и общины! Отсюда сами собой рождаются доблестное мужество и сознательное презрение к врагам, подобно тому как если бы между нами было немало великих душ, как душа того, кто, находясь во время ночной осады Рима Ганнибалом в городе, купил за дорогую цену участок земли, на котором Ганнибал расположился лагерем.

Затем существует одно живое и бодрящее предзнаменование нашего счастливого успеха и победы. Если кровь в теле свежа, если силы чисты и деятельны не только в телесных, но и в умственных способностях, особенно же в самых острых и смелых действиях утонченного ума, это доказывает, как хорошо состояние и сложение тела; точно так же если жизнерадостность народа до такой степени бьет ключом, что у него есть не только то, чем он может обеспечить свою свободу и безопасность, но и то, что он может отложить и потратить на важнейшие и возвышеннейшие предметы спора и новых открытий, это значит, что наш народ не выродился и не обречен на роковую гибель, так как, сбросив с себя старую сморщенную кожу испорченности и пережив связанные с этим страдания, он вновь сделался молодым, вступив на славные стези правды и счастливой добродетели, предназначенный к величию и почету в эти позднейшие времена. Мне кажется, будто перед моими умственными взорами встает славный и могучий народ, подобно сильному мужу, мгновенно стряхивающий с себя сон и потрясающий своими непобедимыми кудрями; мне кажется, я вижу его подобным орлу, вновь одетому оперением могучей молодости, воспламеняющим свои зоркие глаза от полуденного солнца, очищающим и просветляющим свое долго помраченное зрение в самом источнике небесного света; а той порой целая стая птиц, испуганных, сбившихся в кучу,

вместе с птицами, которые любят сумрак, мечется вокруг, со страхом взирая на его намерения и с завистливым шумом предсказывая годину сект и расколов.

Что же вы будете делать, лорды и общины? Наложите ли вы гнет на всю эту цветущую жатву знания и нового света, которая взошла и теперь еще всходит каждый день в нашем городе? Учредите ли вы над ней олигархию двадцати скупщиков, тем вновь заставите голодать наши умы, лишив нас возможности знать что-либо сверх того, что они отмеряют своею мерою? Верьте, лорды и общины, что те, кто советуют вам подобное угнетение, предлагают вам угнетать самих себя, и я покажу сейчас, каким образом. Если бы кто-нибудь пожелал узнать, почему у нас господствует свобода как в письменном, так и устном слове, то нельзя было бы указать другой, более достоверной и непосредственной причины, чем ваше мягкое, свободное и гуманное правление. Лорды и общины, ваши доблестные и удачные советы оберегали нам свободу; свобода – вот кормилица всех великих талантов: она, подобно наитию свыше, очистила и просветила наши души; она сняла оковы с нашего разума, расширила его и высоко подняла над самим собой. Вы не можете сделать нас теперь менее способными, менее знающими, менее ревностными в искании истины, если вы сами, кому мы всем этим обязаны, не станете меньше любить и насаждать истинную свободу. Мы можем опять стать невеждами, глупцами, людьми, гоняющимися за формой, рабами, какими вы нашли нас; но ранее вы сами должны стать – а вы этого не можете – угнетателями, притеснителями, тиранами, каковы были те, от кого вы нас освободили. Если наши сердца стали более восприимчивы, наши умы более склонны к исканию и ожиданию величайших и высочайших истин, это плод вашей собственной добродетели, посеянной в нас; и вы не можете уничтожить этого, если насильно не введете вновь давно отмененный жестокий закон, на основании которого отцы могли произвольно убивать своих детей. Кто же тогда тесно примкнет к вам и воспламенит других? Не тот, кто поднимает оружие из-за герба, предводительства и из-за своих четырех ноблей данегельта. Я не отрицаю справедливых льгот, но прежде всего дорожу своим собственным миром. Дайте мне поэтому свободу знать, свободу выражать свои мысли, а самое главное – свободу судить по своей совести. Что посоветовать как лучшую меру в том случае, если будет признано вредным и несправедливым преследовать мнения за их новизну или несоответствие общепринятым взглядам, это не входит в мою задачу. Я повторю только то, что узнал от одного из уважаемых ваших сочленов, одного поистине благородного и благочестивого лорда, которого мы не потеряли бы в настоящее время и не оплакивали бы как достойного и несомненного судью в этом деле, если бы он не отдал свою жизнь и имущество на служение церкви и государству. Я уверен, что вы догадываетесь, о ком идет речь, но, чтобы почтить его память – и да будет почет этот вечным – я назову его имя: лорд Брук. В своем сочинении о епископстве, где он касается, между прочим, сект и ересей, он оставил нам свой завет

или, вернее сказать, последние слова своей предсмертной заботы, которые, я не сомневаюсь, навсегда останутся для вас дорогими и почтенными: они полны такой кротости и живой любви к ближнему, что, наряду с последним заветом Того, Кто дал своим ученикам заповедь любви и мира, я не слыхал и не читал слов более кротких и миролюбивых.

Он увещевает нас с терпением и кротостью выслушивать людей, хотя и пользующихся дурной славой, но желающих жить чисто, исполняя заповеди Божий согласно велениям своей совести, и относиться к ним с терпимостью, хотя бы они и не во всем были согласны с нами. Обо всем этом гораздо подробнее расскажет нам сама его книга, которая выпущена в свет и посвящена парламенту, – посвящена человеком, заслужившим своей жизнью и смертью того, чтобы преподанные им советы не были оставлены без внимания.

Теперь как раз именно время писать и говорить по преимуществу о том, что может помочь дальнейшему выяснению вопросов, волнующих нас. Храм двуликого Януса было бы далеко не лишним открыть именно теперь. И пусть все ветры разносят беспрепятственно всякие учения по земле: раз истина выступила на борьбу, было бы несправедливо путем цензуры и запрещений ставить преграды ее силе. Пусть она борется с ложью: кто знает хотя один случай, когда бы истина была побеждена в свободной и открытой борьбе? Ее правое слово – лучший и вернейший способ победы над ложью. Тот, кто слышит, как у нас молятся о ниспослании нам света и ясного знания, может подумать, что женеvского учения, переданного в наши руки уже в готовом и стройном виде, недостаточно и что оно должно быть чем-нибудь восполнено.

Однако когда новый свет, о котором мы просим, светит нам, появляются люди, завистливо противящиеся тому, чтобы свет этот попадал прежде всего не в их окна. Мудрые люди учат нас усердно, днем и ночью «искать мудрости, как сокровитного сокровища», а между тем другое распоряжение запрещает нам знать что-нибудь не по статуту; как же согласить это? Если кто-нибудь после тяжелого труда в глубоких рудниках знания выходит оттуда во всеоружии добытых им результатов, выставляет свои доводы, так сказать, в боевом порядке, рассеивает и уничтожает все стоящие на его пути возражения, зовет своего врага в открытый бой, предоставляя ему, по желанию, выгоды положения относительно солнца и ветра, лишь бы он мог разбираться в вопросе при помощи аргументации, то подстерегать в таком случае своего противника, устраивать ему засады, занимать узкие мосты цензуры, через которые должен пройти противник, – все это, служа достаточным доказательством храбрости военного люда, в борьбе за истину было бы лишь слабостью и трусостью. Ибо, кто же не знает, что истина сильна почти как Всемогущий? Для своих побед она не нуждается ни в политической ловкости, ни в военных хитростях, ни в цензуре; все это – уловки и оборонительные средства, употребляемые против нее

заблуждением: дайте ей только простор и не заковывайте ее, когда она спит, ибо она не говорит тогда правды, как то делал старый Протей, который изрекал оракулы лишь в том случае, если его схватывали и связывали; она принимает тогда всевозможные образы, кроме своего собственного, а иногда голос ее звучит, применяясь ко времени, как голос Михея перед Ахавом, пока ее не вызовут в ее собственном образе.

Но ведь возможно, что у нее может быть не один образ. В противном случае, как смотреть на все эти безразличные вещи, в которых истина может находиться на любом месте, не переставая быть сама собой? В противном случае, что такое, как не пустой призрак, уничтожение «тех приказов, которые пригвождали рукописи ко кресту»? В чем особое преимущество христианской свободы, которую так часто хвалил апостол Павел? По его учению, человек, постится он или нет, соблюдает субботу или не соблюдает – и то и другое может делать в Боге. Сколь многое еще можно было бы переносить с мирной терпимостью, предоставляя все совести каждого, если бы только мы обладали любовью к ближнему и если бы главной твердыней нашего лицемерия не было стремление судить друг друга! Я боюсь, что железное иго внешнего однообразия наложило рабскую печать на наши плечи, что дух бесцветной благопристойности еще пребывает в нас. Нас смущает и беспокоит малейшее разногласие между конгрегациями даже по второстепенным вопросам; а в то же время, вследствие своей ревности в притеснениях и медлительности в освобождении поработенной части истины из тисков традиции, мы нерадиво держим истину раздельно от истины, что является самым жестоким из всех разделений и разъединений. Мы не замечаем, что, стремясь всеми силами к строгому внешнему формализму, опять возвращаемся в состояние грубости и невежества, в неподвижную, мертвую, скованную и застывшую массу из «дров, сена и соломы», которая гораздо более будет способствовать внезапному вырождению церкви, чем множество незначительных ересей.

Я говорю это не потому, чтобы считал хорошим каждый легкомысленный раскол или чтобы смотрел на все в церкви как на «золото, серебро и драгоценные камни»: для человека невозможно отделить пшеницу от плевел, хорошую рыбу от прочего улова; это должно быть делом ангела при конце света. Но если все не могут держаться одинаковых убеждений, то кто досмотрит, чтобы они таковых держались? В таком случае, без сомнения, гораздо целесообразнее, благоразумнее и согласнее с христианским учением относиться с терпимостью ко многим, чем подвергать притеснениям всех. Я не считаю возможным терпеть папизм, как явное суеверие, которое, искореняя все религии и гражданские власти, само должно поэтому подлежать искоренению, однако не иначе, как испытав предварительно все средства любви и сострадания для убеждения и возвращения слабых и заблудших. Равным образом, ни один закон, который не стремится прямо к беззаконию, не может допустить того, что нечестиво или безусловно преступно по

отношению к вере или добрым нравам. Но я имею в виду не это, я говорю о тех соседских разногласиях или, лучше сказать, о том равнодушии к некоторым пунктам учения и дисциплины, которые хотя и могут быть многочисленны, но не должны необходимо вести к уничтожению в нас единого духа, если только мы будем в состоянии соединиться друг с другом узами мира.

Между тем если бы кто-нибудь захотел писать и протянуть руку своей помощи медленно подвигающейся реформации, если бы истина открылась ему раньше других или, по крайней мере, по-видимому, открылась, то кто заставляет нас идти по стопам иезуитов и налагать на этого человека обременительную обязанность испрашивать разрешение на столь достойное дело; кто мешает нам обратить внимание на то, что, раз дело дойдет до запрещения, то последнему легко может подвергнуться и сама истина, ибо для наших глаз, омраченных и ослепленных предрассудками и традициями, ее первое появление гораздо менее заметно и вероятно, чем многие заблуждения: так, внешность многих великих людей незначительна и невзрачна на вид. И зачем они попусту распространяются о новых мнениях, когда их собственное мнение, что выслушивать следует лишь тех, кто им угоден, есть самое худшее из новшеств, – главная причина возникновения столь обильных у нас ересей и расколов, а также отсутствия истинного знания, не говоря уже о большей опасности подобного взгляда. Ибо когда Господь потрясает государство сильными, но здоровыми потрясениями, с целью всеобщей реформы, то, без сомнения, в это время многие сектаторы и лжеучители находят обильнейшую жатву для соблазна.

Но еще несомненное то, что Бог избирает для своего дела людей редких способностей и необычайного рвения не только затем, чтобы они оглядывались и пользовались уроками прошлого, но также и затем, чтобы они шли вперед по новым путям к открытию истины. Ибо порядок, в котором Господь просвещает свою церковь, таков, что Он раздает и распределяет свой свет постепенно, дабы наше земное зрение могло вынести его наилучшим образом. Господь не определяет и не ограничивает Себя также в том, где и откуда должен быть впервые услышан голос Его избранных; Он смотрит не человеческими очами, избирает не человеческим избранием, дабы мы не связывали себя определенными местами и собраниями и внешней профессией людей, помещая свою веру то в старом доме собраний, то в Вестминстерской часовне; если нет ясного убеждения и христианской любви, воспитанной на терпении, то всей веры и религии, канонизированных там, недостаточно, чтобы исцелить малейшую рану совести, чтобы наставить ничтожнейшего из христиан, который бы захотел жить по духу, а не по букве человеческого долга, – недостаточно, несмотря на все раздающиеся там голоса, хотя бы даже к этим голосам, для увеличения их числа, сам Генрих VII, окруженный всеми своими вассальными мертвецами, присоединил голоса покойников.

И если люди, являющиеся руководителями ереси, заблуждаются, то разве не наша леность, упрямство и неверие в правое дело мешают нам дружески беседовать с ними и дружески расходиться, обсуждая и исследуя предмет перед свободной и многолюдной аудиторией если не ради них, то ради нас самих. Всякий, вкусивший знания, скажет, сколь великую пользу он получал от тех, кто, не довольствуясь старыми рецептами, оказывались способными устанавливать и проводить в жизнь новые принципы. Если бы даже эти люди были подобны пыли и праху от обуви нашей, то и в таком случае, пока они годны для того, чтобы сделать доспех правды чистым и блестящим, ими не следовало бы пренебрегать совершенно. Но если они принадлежат к числу тех, кого Бог, по нужде этого времени, наделил особо чрезвычайными и обильными дарами, и в то же время не принадлежат, быть может, ни к числу священников, ни к числу фарисеев, а мы, в поспешной ревности, не делая между ними никакого различия, решаем заградить им уста из боязни, как бы они не выступили с новыми и опасными взглядами, то горе нам, так как, думая защищать подобным образом Евангелие, мы становимся его преследователями!

От начала этого парламента немало было лиц, и из пресвитериан, и из других, которые своими книгами, изданными, в знак презрения к *imprimatur*у» без цензуры, пробили тройной лед, скопившийся около наших сердец, и научили народ видеть свет. Я надеюсь, что ни один из них не убеждал возобновить те узы, презирая которые, они совершили столько добра. Но если ни знамение, данное Моисеем юному Навину, ни приказание нашего Спасителя юному Иоанну, который не хотел пускать тех, кого считал нечистыми, недостаточны для того, чтобы убедить наших старейшин, сколь неужгодна Господу их угрюмая склонность к запрещению; если недостаточны их собственные воспоминания о том, как много зла было от цензуры и как много добра они сделали, пренебрегая последней; если они тем не менее хотят навязать нам и выполнить над нами наиболее доминиканскую часть инквизиции и, таким образом, уже стоят одной ногой в стремлении деятельных преследований, то было бы справедливее подвергнуть преследованию прежде всего самих преследователей, так как перемена в положении раздула их гордость в большей степени, чем последний опыт суровых времен научил их мудрости.

Что же касается вопроса о регулировании печати, то пусть никто не думает, будто ему может достаться честь посоветовать вам в этом отношении что-нибудь лучшее, чем вы сами сделали в своем недавнем постановлении, согласно которому «ни одна книга не может быть напечатана иначе, как если будут зарегистрированы имена автора и издателя или, по крайней мере, одного издателя». А для сочинений, появляющихся иным путем, если они будут найдены зловерными или клеветническими, огонь и палач будут наиболее своевременным и действительным средством человеческого предупреждения. Ибо эта чисто испанская политика цензурования книг, если только я что-либо доказал предыдущими рассуждениями, в самом скором времени обнаружит себя хуже самой

недозволенной книги. Она является прямым подобием постановления Звездной палаты, изданного в то время, когда это судилище совершало свои благочестивые деяния, за которые оно вместе с Люцифером изгнано теперь из сонма звезд. Отсюда вы можете понять, сколько государственной мудрости, сколько любви к народу, сколько заботливости о религии и добрых нравах было проявлено в этом постановлении, хотя оно и утверждало с крайним лицемерием, что запрещает книги ради доброго поведения. И когда оно взяло верх над приведенным мною выше столь целесообразным вашим законом о печати, то, если верить наиболее сведущим в силу своей профессии людям, в данном случае можно подозревать обман со стороны некоторых прежних обладателей привилегий и монополий в книжной торговле, которые под видом охраны интересов бедных в своем цехе и аккуратного сохранения многочисленных рукописей (протестовать против чего Боже сохрани!) приводили парламенту разные благовидные предлоги, но именно только предлоги, служившие исключительно цели получения преимущества перед сотоварищами, – людьми, вкладывающими свой труд в почетную профессию, которой обязана вся ученость, не для того, чтобы быть данниками других.

Некоторые же из подававших петицию об издании цензурного закона задавались, по-видимому, другой целью: они рассчитывали, что, имея власть в руках, будут в состоянии легче распространять зловредные книги, как то показывает успешный опыт. Однако в подобного рода софизмах и хитросплетениях торгового дела я не осведомлен; я знаю только, что как хорошие, так и дурные правители одинаково могут ошибаться; ибо какая власть не может быть ложно осведомлена, в особенности если свобода печати предоставлена немногим? Но исправлять охотно и быстро свои ошибки и, находясь на вершине власти, чистосердечные указания ценить дороже, чем иные ценят пышную невесту, это, высокочтимые лорды и общины, – добродетель, соответствующая вашим доблестным деяниям и доступная лишь для людей самых великих и мудрых!

ДЖОН ЛИЛЬБЕРН

(1614–1657)

Лильберн родился в семье мелкопоместного дворянина. Учась торговым делам в Лондоне, он не раз бывал за границей, что оказало большое влияние на формирование мировоззрения будущего публициста. Когда в Англии началась гражданская война, Лильберн участвовал в ней на стороне противников короля, был ранен, пленен и едва избежал расстрела. Вскоре он вышел в отставку, начал писать памфлеты и стал идеологом и руководителем левеллеров – партии мелких торговцев и собственников, выступавших за установление республики и предоставление широкого избирательного права.

За памфлеты «Новые цепи Англии» и «Вторая часть Новых цепей Англии» Лильберн был арестован и заключен в тюрьму. Он выиграл судебный процесс, был оправдан, а затем выслан из страны. По возвращении на родину Лильберна заключили в тюрьму, где он умер.

**Новые цепи Англии,
или Серьезные опасения части народа относительно республики**

** Памфлет «Новые цепи Англии...» написан 26 февраля 1649 г. в форме петиции, обращенной от лица «благочестивых жителей» Лондона и его окрестностей к Долгому парламенту. Лильберн предупреждает об опасности военной диктатуры и требует упразднить Государственный совет, видя в нем угрозу тирании.
Печатается по: Джон Лильберн. Памфлеты / Пер. В. Семенова. М., 1937.*

Представлено высшей власти Англии – народным представителям, собранным в парламенте, – подполковником Джоном Лильберном и разными гражданами города Лондона и предместья Соутворк 26 февраля 1649 г.

До сих пор вы сделали нации много справедливого; вам принадлежит честь объявить, что Божий народ есть источник всякой справедливой власти; тем самым вы дали нам прямые основания надеяться, что вы действительно стремитесь к свободе и счастью народа. Однако, так как путь к этому был часто ошибочен вследствие поспешности и неправильности в суждениях, те, которые желали лучшего, уклонились в сторону, к явному ущербу ваших избирателей и, в конце концов, привели народ в положение, близкое к рабству, в то самое время, когда народ думал, что его ведут к свободе. Так как печальный опыт открыл эту истину, то, кажется, есть основание полагать, что вы серьезно выслушаете то, что мы собираемся теперь представить вам для раскрытия и предупреждения этой великой опасности.

Мы были первыми инициаторами в составлении и борьбе за Народное соглашение, которое содержит верное и справедливое средство для устранения продолжительных и утомительных страданий этой нации, вызванных не чем иным, как незнанием наших правителей. Но Народное соглашение, разработанное и представленное офицерами армии вашей почтенной палате, подвергнуто ими столь значительным изменениям, что мы должны высказать по поводу его наши серьезные опасения.

Мы очень радуемся тому, что Соглашение оказалось приемлемым для вашей почтенной палаты, его превосходительства и офицеров армии. Мы считаем его в принципе хорошим и полезным для республики и не сомневаемся в том, что вы намереваетесь защитить тех

из народа, которые еще не потеряли своего прирожденного права и относятся критически к этому, как и всякому другому, проекту так, как им укажет Бог или их разум.

То же, что мы хотим сказать, касается, скорее, ряда отдельных пунктов этого Соглашения, которые являются неудовлетворительными с точек зрения тех, кто серьезно желает Народного соглашения; кроме того, многие важные требования совсем отсутствуют в проекте и их необходимо включить, а именно:

1. Ваши просители очень обеспокоены тем, что должны быть промежутки между окончанием работ настоящего парламента и началом сессии будущего. Они желают, чтобы настоящий парламент, который недавно, в такое короткое время, совершил столь великие дела в целях освобождения народа, не расходился до тех пор, пока он не сможет с полной безопасностью передать эти свободы в руки другого народного представительства, и не отдавал (хотя бы на короткое время) народ во власть Государственного совета, учреждения совершенно нового и не имеющего прецедента. Ваши просители опасаются, как бы Государственный совет не превратил свою власть в постоянную и не упразднил навсегда самый парламент.

2. Наименьшую опасность они видят в том, что Соглашением, предложенным офицерами, деятельность будущего парламента определяется в 6 месяцев, а Государственного совета – в 18 месяцев. В это время они (члены Государственного совета), если даже будет доказана их коррупция, имея командование на суше и на море, будут иметь полную возможность сделать себя абсолютными и безответственными. Ваши просители высказываются за годичный парламент, ограниченный, как того требует разум, не распускаемый, заседающий по его собственному благоусмотрению в течение года и не более, чтобы после этого немедленно на его место заступали вновь избранные представители, чтобы между сессиями власть поручалась комитету также из членов парламента, ограниченному и связанному, как обычно, специальными инструкциями и ответственному перед ближайшей сессией со стороны Государственного совета, какие имеют место в настоящее время.

3. Ваши просители не удовлетворены фразой, где сказано, что «власть народных представителей будет простираться на учреждение и упразднение судов», так как это может быть истолковано в отношении суда 12 присяжных. Ваши просители находят, что этот суд, такой равный и справедливый, не должен подвергаться никаким изменениям. Неясно также, что понимается под словами «народные представители имеют высшую конечную власть». Ваши просители полагают, что власть депутатов состоит лишь в издании законов, правил и инструкций для судов и лиц, назначенных по закону для исполнения их, которым должны подчиняться одинаково как члены республики, так и парламента. Неразумно, несправедливо и губительно для народа, чтобы законодатели были одновременно и исполнителями законов.

4. Хотя в Народном соглашении предусматривается, что последующими законами будет установлено, что никакое лицо в силу держания, пожалования, хартии, патента, степени или по рождению не будет поставлено в привилегированное положение в отношении подчинения закону или в силу других привилегий и не уничтожает и не отменяет этого покровительства по закону и в силу других привилегий и не делает всех таких лиц, как лордов и других, такими же ответственными лично и имущественно перед законом, как и всех прочих людей, как это должно бы быть согласно разуму и совести.

5. Ваши просители весьма не удовлетворены тем, что в Соглашение внесены оговорки относительно власти народного представительства в делах религии, ибо это приведет лишь к крайней запутанности и неясности в вопросе, где требуется особенная ясность и точность. Ничто еще не причиняло нации в прошлом таких бедствий, как это вмешательство парламента в религиозные дела.

6. Ваши просители считают абсолютно необходимым, чтобы в Соглашении было оговорено об уничтожении навсегда королевской власти и установлении гарантии против восстановления палаты лордов. И того и другого нет в представленном вам Соглашении.

7. Ваши просители считают необходимым уничтожить общеизвестные и тягостные нужды, как-то: десятины, угнетающие промышленность страны и препятствующие улучшению земледелия, акцизы и пошлины, этих тайных воров и разбойников, иссушающих состояние людей бедного и среднего сорта и наиболее разрушающих торговлю, превосходящие своим вредом корабельные деньги, патенты и проекты, существовавшие до настоящего парламента; необходимо уничтожить также все существующие монопольные компании, тормозящие и разрушающие производство и окраску суконных изделий и другие полезные профессии, благодаря которым тысячи бедных людей, готовых теперь умереть с голоду, могли бы найти работу, если бы торговля восстановила свою собственную свободу.

Ваши просители находят равным образом, что три вышеупомянутых бедствия – монопольные компании, акцизы и пошлины – наносят чрезмерный ущерб мореплаванию и судоходству и поэтому обездоливают моряков и прибрежных жителей; именно они имели немалое влияние на последние несчастные мятежи, которые так сильно подвергли опасности нацию и так много способствовали нашим врагам. Они (просители) также желают, чтобы были установлены на будущее время равные и менее тягостные способы взимания налогов, так как существующие способы обложения весьма обременительны, а связанные с ними большое вознаграждение и жалованье для чиновников отнимают большую часть денег, предназначенных на армию, и порождают самую бесчестную коррупцию.

Ваши просители желают уничтожить всякое заключение в тюрьму несостоятельных должников и обеспечить некоторые действительные меры, чтобы принудить к быстрому

платежу всех тех, которые могут платить и не позволять им укрываться в тюрьмах, где они живут в изобилии, в то время как их кредиторы разоряются.

Ваши просители также требуют обеспечения работой и хорошим содержанием всякого рода бедняков, престарелых и больных и установить более скорые и менее тягостные и обременительные способы для решения судебных тяжб, так как теперь целые семьи разоряются, отстаивая свои права. Все это, хотя составляет предмет самого большого и живого беспокойства народа, опущено в Соглашении, которое находится пред вами.

Эти и подобные требования, составляющие содержание Народного соглашения, по мнению ваших просителей, сделали бы невозможным для народных представителей безнаказанно причинять сколько-нибудь значительный вред республике. Ваши просители считают чрезмерно утомительным и вредным, чтобы народ постоянно обращался к своим представителям с петициями для исправления таких зол, которые могут быть уничтожены ими сразу, или бы зависел в своих делах, столь важных для его счастья и свободы, от неверных суждений некоторых членов парламента, готовых возобновлять то, что другие уничтожили.

Что касается пользования правами и свободами, заключающимися в настоящем Народном соглашении и принадлежащими народу, от которого исходит всякая справедливая власть, – ваши просители надеются и ожидают, что вы и армия поможете народу осуществить их. Мы желаем лишь, чтобы вы публично заявили о том, что вы намерены защитить тех, кто еще не потерял своих вольностей, чтобы предоставленное вам Народное соглашение было опубликовано для всеобщего сведения и была назначена комиссия для его рассмотрения и удаления из проекта всего того, что абсолютно противоречит природе свободного Народного соглашения, чтобы мы таким образом были уверены, что вы не намереваетесь допустить насилие во всем этом.

Но хотя мы и представили наши соображения и пожелания, касающиеся этого великого дела Народного соглашения, и готовы убедить самих себя, что ничто не обманет наших надежд, которые мы на нем строили, – все же за последнее время мы видели и слышали немало такого, что не только оправдывает наши опасения по поводу принятия Народного соглашения в такой форме, но и прямо угрожает нам рабством и полною гибелью.

Мы крайне удивлены тем, что, несмотря на величайшие идеи свободы, каких до сих пор не создавал ни этот народ и никакой другой народ в мире; несмотря на огромные потери крови и средств, которые потребовались, чтобы приобрести эти свободы; несмотря на многие замечательные и даже чудесные победы, которыми Богу угодно было ознаменовать это справедливое дело; несмотря на чрезвычайные тягости и мучения народа; несмотря на все это, ваша палата неоднократно оказывалась в руках ваших слуг, лицемерно показывающих вид, будто они намерены защищать эти ваши прирожденные свободы.

В самом деле, когда мы посмотрим, какие мучения и страдания народ испытал от расстройства торговли, дороговизны продуктов и многих других бедствий, например, военных постоев, насилий и прочих тягостей, связанных с войной, то мы найдем, что его поддерживала во всем этом только надежда на свободу и на то, что государство будет в конце концов благоустроено.

Когда народу был указан путь Народного соглашения и это Народное соглашение обсуждалось, в том числе и вами самими, все ждали и надеялись, что скоро получат это дорогое приобретение – и вдруг, о ужас! Мы слышим и видим, что в действительности дело идет к совершенно противоположному, что все эти замечательные свободы направляются теперь и осуществляются некими тайными могущественными влияниями, стремящимися ни к чему другому, как установлению абсолютного господства над республикой. Не имея возможности достичь этого господства другим путем, лишь принятием наших, получивших всеобщее одобрение принципов, они скрывают под их внешней прекрасной формой совсем иные, свои планы, чтобы иметь влияние на возможно большее число добрых и благочестивых людей (действительно стремящихся к добрым целям) и делать их невольным орудием порабощения, их собственного и всей страны.

Ибо, где то благо, где та свобода, о которых так много говорили и за которые так дорого заплачено?

Если мы посмотрим на то, что сделала ваша палата с того времени, как она провозгласила себя верховной властью и освободилась от власти лордов, то мы найдем прежде всего установление высшей судебной палаты. Вследствие этого величайший оплот нашей безопасности – суд 12 присяжных – обесценен; всякая свобода отвода судей заменена судом случайных лиц, выбранных необычным путем. Мы не можем допустить этого, хотя бы в данном случае имелся в виду суд против наших политических врагов, ибо хорошо известно, что это обычная политика всех узурпаторов: сначала вводить определенные меры против врагов, чтобы таким образом легче их можно было провести, а потом, когда они будут допущены, использовать их против всех. Это – первый случай нарушения свободы.

Следующим нарушением является ваш приговор над одним членом палаты за высказанное им суждение в отношении религии. Это прямо противоположно пункту Народного соглашения, где говорится о религии.

Далее акт о принудительной службе матросов противоречит даже офицерскому Народному соглашению.

Новым нарушением свободы было преследование печати. Тщательно выполняются самые суровые и неразумные указы парламентариев, изданные еще при господстве Голлиса и Степльтона, запрещающие нам говорить правду и разоблачать тиранию;

исполнение этих указов, розыск, наложение штрафов, заключение в тюрьму и прочие наказания по делам печати поручены главнокомандующему армией и его военному суду. Таким образом, с нами поступают так, как в старые времена поступали с честными пуританами епископы, которые формально издавали законы против папистов, а в действительности применяли их против пуритан, заставляя их на себе чувствовать всю строгость этих законов. Это осуществлялось ежедневно с величайшей жестокостью, так что никогда еще, начиная со времени созыва настоящего парламента, свободы не подвергались большому нарушению, к великому раздражению солдат армии, как об этом ясно свидетельствует их последняя петиция.

Далее, народ ожидал, что Канцлерский и Вестминстерский суды, их судьи и чиновники будут реформированы, что будет установлен лучший и более справедливый способ разрешения тяжб и будут уничтожены разорительные расходы народа по ведению судебных дел. Вместо этого по старому взимаются высокие служебные пошлины и, кроме того, отпущены новые тысячи фунтов стерлингов в качестве дополнительного жалованья судьям. Из всей той судебной волокиты и бессмыслицы, которая считалась и во времена злейшей коррупции величайшим и несносным бременем, в настоящее время ничего не уничтожено.

А как принимали тех петиционеров, которые вносили предложения от имени народа? Иногда им выражали ничего не значащую благодарность, в то время как их пожелания совсем не рассматривались; а иногда их встречали упреками и угрозами за их настойчивость и упорство в отношении государственных интересов и даже жестокими постановлениями вплоть до того, что петиции присуждались к сожжению рукою палача; иногда же петиционеров совсем не допускали в палату. Так мало считаются с народом даже тогда, когда льстят ему, что он – источник всякой справедливой власти.

Наконец, в завершение этого нового вида свободы, спешно учреждается Государственный совет в качестве опекуна над парламентом, который наделяется властью собирать и располагать всеми военными силами Англии как на суше, так и на море, правом распоряжения государственным казначейством, правом принуждать к присяге любого человека и заключать в тюрьму тех, кто не подчинится его приказаниям или проявит, по его мнению, непокорность.

Что теперь осталось от того права, в силу которого ни один человек не может быть арестован или заключен в тюрьму или каким-либо другим образом лишен свободы и своего владения иначе, как по постановлению суда равных?

Мы умоляем вас позволить нам открыто изложить все это пред вами и обсудить беспристрастно наше, так же как и ваше настоящее положение, которое благодаря суровому и властному влиянию некоторых лиц дошло до такого состояния, что скоро мы будем вынуждены подчиниться им, если не обратим на это должного внимания.

Далее, у нас есть основание жаловаться в отношении отдельных лиц: во-первых, относительно генералов армии, положение которых прямо противоречит тому, что ваши просители подразумевают в своем Народном соглашении; во-вторых, относительно судей и казначеев; далее, относительно пяти бывших членов палаты лордов, которые отказывались одобрить ваши постановления и мероприятия относительно короля и лордов; двое из них были судьями Звездной палаты, принимавшими участие в ее кровавых и тиранических приговорах; наконец, относительно некоторых членов вашей собственной палаты, игравших руководящую роль в переговорах с королем и являющихся виновниками последних событий. Все эти лица, как мы видим, чувствуют себя за последнее время настолько безопасными благодаря могуществу армии и их ежедневным действиям и замыслам, клонящимся к тому, чтобы пленить вашу палату, что они теперь, не опасаясь, могут снять личину со своих планов.

Благодаря Государственному совету вся власть перешла в руки этих немногих лиц – план, который давно и старательно подготовлялся ими; когда им удастся полностью осуществить его, следующим их шагом, под предлогом облегчения положения народа, будет роспуск вашего парламента, итак уже наполовину поглощенного названным советом.

Теперь уже нет более никакого препятствия для полного осуществления их конечных целей, кроме еще не забывших своих старых обязательств и обещаний народу солдат, которых нельзя отвлечь от этого ни угрозами, ни приманками. Вместе с этой частью армии препятствием для проведения офицерских замыслов является сам народ, который также остается стойким в своих требованиях общественного блага, благодаря чему все планы дурных людей до сих пор и находят еще преграду и разоблачение.

Вот почему вышеупомянутые великие конспираторы, которых мы можем перечислить по имени, так злобствуют и обнаруживают такую все более неистовую ненависть против солдат и народа. На собрании офицеров в Уайтхолле от 22 февраля против сознательной части солдат и других были сделаны резкие выпады и, как это мы знаем из достоверных источников, раздавались настойчивые голоса за то, чтобы побудить вашу палату издать закон о наказании смертью всех тех, которые петициями или каким другим способом думают вносить смуту в настоящие события. А когда на это возражали, что это подлежит ведению гражданских судов, на это был дан ответ, что военные власти повесят 20 человек прежде, чем гражданский судья – одного. На этом же собрании настаивали на издании приказов об аресте петиционеров, солдат и других. Эти выступления были явным нарушением ваших верховных прав, хотя офицеры заверяли неоднократно о своей преданности парламенту. Далее командованием армии было издано постановление о запрещении солдатам подавать петиции вам или кому-нибудь другому иначе, как через своих офицеров, и вести с кем-либо корреспонденцию; кроме того, были выданы

отдельные приказы на аресты гражданских лиц и солдат во время митингов. Итак, после столь прекрасных многообещающих цветов свободы обнаружился горький плод самого низкого и самого подлого рабства, под тяжестью которого когда-либо стонали англичане. Тем не менее вследствие этого удалось ясно и, как думаем, своевременно раскрыть источник, откуда получили свое происхождение все бедствия, затеи и планы, которые свыше 18 месяцев внушали подозрение, начиная с первых нарушений обязательств, заключенных офицерами совместно с агитаторами и народом в Нью-Маркете и Триппло-Хизсе. Преследуя свои цели, они (высшие офицеры) нагло выступали против всех тех, кто проявлял ревность к общему праву и уважение к армии, присуждая одних к смерти, других к позорным наказаниям, назначая и смещая офицеров в зависимости от того, насколько те были согласны или не согласны с их планами, вербуя в армию многих таких, кого они считали хорошими и которые на деле выступали с оружием против парламента. Далее, под предлогом облегчения бремени народа они принялись распускать сверхкомплектных солдат, причем выбрасывали таких, которые наиболее искренни и активны в борьбе за общее благо. Переформировывая таким образом армию в своих собственных планах и целях, они применяли с величайшей жестокостью военные законы, чтобы сломить дух солдат и подчинить их своему произволу, а также распространяли свою власть во многих случаях на лиц, не принадлежащих к армии. Потом, во время наступления врага, среди трудных обстоятельств, они чрез своих ставленников пожелали примирения с теми, которых в другое время упрекали, позорили и всячески унижали; при помощи разных хороших обещаний и путем притворных раскаяний им удалось заключить союз и получить помощь к великой выгоде для их дела. Когда же трудности были преодолены и враг был разбит, они забыли свои прежние обещания и возобновили свою ненависть и озлобление против тех, кто им помогал, пороча их такими прозвищами, которые, как они знали, наиболее ненавистны народу, как-то: левеллерами, иезуитами, анархистами и роялистами; все эти клички, противоречивые сами по себе, прилагаются ими без всякого основания к людям, пользующимся доброй репутацией, с явным расчетом на легковерие и доверчивость народа.

Чтобы им было удобнее инсинуировать против нас и чтобы вкрась в доверие народа и преодолеть внешние трудности, они сумели использовать принципы и идеи, выдвинутые теми людьми, которых они так сильно чернили. Поэтому они особенно порочат этих людей теперь больше, чем когда-либо, так как знают, что те догадались об их планах и могут лучше всего разоблачить их обман. И вот теперь, наконец, будучи совершенно уверены в своем положении, после того как король смещен, палата лордов уничтожена, давно замышлявшийся ими Государственный совет установлен, а ваша палата одобрила их планы, они все острие своей злобы обратили против тех, у которых осталось еще настолько мужества, чтобы выступать за устроение свободной жизни.

Но так как Бог сохранил большую часть армии от развращения их коварными замыслами и офицеры не могут без риска для себя применять репрессии по отношению к солдатам, то они решили понудить вашу палату начать набор новых войск, несмотря на то обстоятельство, что, хотя положение республики и опасно и враг еще продолжает действовать, все же эти опасности уравниваются решимостью лучших людей армии отстаивать истинную свободу. Если офицерам удастся осуществить этот план, ваши просители вправе поставить вопрос: не станут ли тогда офицеры абсолютными владыками, господами и хозяевами как парламента, так и народа? Не постигнут ли тогда нас крайние бедствия и не будут ли окончательно погублены вольности нашей родины? На что тогда может рассчитывать еще добрый гражданин?

Но до сих пор Бог хранил нас, и справедливость наших желаний, равно как искренность наших намерений, с каждым днем все более обнаруживается пред беспристрастными и непредубежденными людьми. Во всяком случае для нас является немалым утешением, что, несмотря на все невыгоды нашего положения (когда у нас нет ни власти, ни влияния – этих идолов мира), наше дело и принципы начинают становиться понятными людям, так что там, где год назад был один, усвоивший наши принципы, теперь мы уверены, там их сотни; другими словами, хотя мы терпим неудачи, наша правда торжествует.

Мы не сомневаемся, что потомство пожнет благие результаты наших трудов. Хотя мы бессильны и знаем, что можем за это подвергнуться преследованию, мы все же облегчили нашу совесть и раскрыли пред вами наши сердца, так как хорошо знаем, что если вы используете вашу власть и вооружитесь мужеством, приличествующим людям вашего положения, вы, конечно, сможете, по милости Божией, предотвратить опасность и вред, угрожающие этой поработщенной и обманутой нации, и приведете ее в счастливое состояние.

С этой целью мы прежде всего серьезно желаем и предлагаем:

1. Чтобы вы не распускали палату и не расходились до тех пор, пока не убедитесь, что новые представители готовы на следующий же день занять ваше место; на этом вы можете смело настаивать, так как ни в армии, ни где-либо в другом месте нет сколько-нибудь значительного количества людей, которые были бы настолько низки, чтобы смели помешать вам в этом.
2. Чтобы вы осуществили на деле акт о самоотречении, самый справедливый и полезный акт, который когда-либо был издан и которого постоянно требовал народ; таким образом будет уничтожен повод для худой молвы о влиянии на вас со стороны могущественных лиц и их опасные планы будут лишены тех средств и возможностей, которыми они располагают в настоящее время.
3. Чтобы вы приняли во внимание, как опасно для одного и того же лица быть долго облеченным высшей военной властью, быть наделенным такими долгими и

исключительными полномочиями и в столь чрезвычайных условиях, как это было у нас до сих пор и что в истории часто служило источником возникновения королевской или тиранической власти.

4. Чтобы вы назначили комитет из ваших собственных членов, из тех, которые особенно тверды в правилах свободы (которыми вы теперь руководствуетесь); этот комитет должен выслушивать, исследовать и решать всякие споры, возникающие среди офицеров, а также между офицерами и солдатами, рассмотреть и смягчить военные законы и позаботиться о том, чтобы они не распространялись на гражданских лиц; комитет должен также отпустить и освободить тех, которые несправедливо пострадали, рассмотрев их дело; необходимо отдельно рассмотреть положение простых солдат как в коннице, так и в пехоте в настоящих условиях дороговизны и увеличить им плату, чтобы они могли жить прилично и честно расплачиваться за свои квартиры. Этому комитету должна быть предоставлена и деморализация армии, причем в первую очередь должны быть уволены из армии те, которые служили королю.

5. Чтобы была свободна печать, при помощи которой могут быть всего удобней разоблачены изменнические и тиранические планы; эта свобода имеет наиважнейшее значение для республики, и должно запрещать только то, что касается установления тирании: уста врагов всего лучше будут закрыты, если народ получит ощутительные блага от действий своих правителей.

6. Чтобы вы, насколько у вас есть возможность к этому, уменьшили судебные расходы и понизили жалованье судьям и другим властям и чиновникам в республике до минимума, но до приличного размера, обращая излишки в общественную казну, вследствие чего налоги с народа могут быть значительно снижены.

7. Чтобы был распущен постоянный Государственный совет, который по вышеупомянутым причинам угрожает так явно тиранией, текущая работа впредь должна производиться чрез комитеты, назначаемые на короткий срок и таким образом, чтобы они часто и подробно могли отчитываться пред парламентом в своих поручениях.

8. Чтобы вы опубликовали строгое запрещение и назначили суровое наказание против всех, будь то комитеты, высшие административные власти или офицеры, если они перейдут границы своей должности, правил и инструкций, и ободрили бы всех людей в их жалобах против этих чиновников.

9. Чтобы вы как можно скорее удовлетворили солдат относительно невыплаченного им жалованья и народ в отношении публичного отчета, причем этот отчет не должен быть, как раньше, ловушкой для добросовестных людей и защитой для испорченных людей при исполнении ими общественных обязанностей.

10. Чтобы был издан так много раз требуемый народом указ об отмене десятин вследствие крайнего вреда, причиняемого ими.

Все это вместе с должным уважением, которое вы должны иметь к петиционерам, безотносительно к их числу и силе, укрепит любовь к вам народа, честных офицеров и солдат, так что вам совершенно нечего будет бояться какой бы то ни было враждебной силы. Но вам для этого необходимо самим постоянно пользоваться своей верховной властью, которой вы обладаете лишь по имени, будучи не в состоянии осуществить ваши собственные справедливые мероприятия. Мы же, с своей стороны, не только будем рады показать свою готовность отдать за вас свою жизнь, но и направим все свои усилия и старания на то, чтобы сделать вашу палату славной для будущих поколений.

Вторая часть «Новых цепей Англии»

** Памфлет «Вторая часть Новых цепей Англии» написан 24 марта 1649 г. в продолжение высказанных в первой части мыслей. Лильберн требует созыва нового народного представительства, избранного на справедливых началах. За оба эти памфлета Лильберн и два его единомышленника уже через четыре дня были заключены в тюрьму Тауэр.*

Печатается по: Джон Лильберн. Памфлеты / Пер. В. Семенова. М., 1937.

или Печальное представление о ненадежном и опасном положении республики, направленное к высшей власти Англии – народным представителям, собранным в парламенте, благонамеренными жителями Лондона, Вестминстера, Соутворка, Хемлетса и других окрестных мест, участвовавшими в составлении и подаче прошлой большой петиции от 11 сентября 1648 г.

Лондон, 24 марта 1649 г.

Если бы наши сердца не были обременены ощущением настоящих бедствий и приближающихся несчастий нации, если бы вы хоть немного обратили внимание на наши прошлые серьезные опасения, – мы бы молчали; но бедствия, опасность и рабство угрожают так сильно, очевидно и непосредственно, что пока мы дышим, мы не можем не говорить; напротив, мы должны громко кричать, пока вы не услышите нас или Богу не угодно будет так или иначе помочь нам.

Вы были не правы, не обратив внимания на то, что мы указывали, несмотря на решительный характер нашего представления; что может быть более невероятного, чем то, что парламент, которому поручено было народом освободить его от всякого рода притеснений и за который народ так щедро проливал свою кровь и тратил свое имущество, что этот парламент, став у власти, угнетает его [народ] так же жестоко, как во времена партии Голлиса и Степльтона, и так же обращается к армии, как это делали в свое время король и епископы, чтобы опереться на нее и сделать ее постоянной.

Наши петиции (в которых мы справедливо жаловались на притеснения и предостерегали от угрожающей опасности) теперь сжигаются рукою палача, петиционеров клеймят именами атеистов, еретиков и мятежных сектантов, называют иезуитами и левеллерами.

Клевета – это известное свойство испорченных государственных людей, и обычно она не производит никакого другого результата, как только клеймит самих же клеветников. Все же нашлись многие, которые верили их клевете о нас и ненавидели нас за то, что мы раскрывали их злые и гибельные планы, так же как теперь нас ненавидят другие за то, что мы намерены разоблачать их, так высоко ставших у власти и приобретших столь громкую репутацию. Но теперь совершенно очевидно, что наши враги могут завести нас в еще более опасное положение, чем в каком они нашли нас.

И хотя горький опыт заставил нас понять, что ничего нет более опасного для нашего народа, как терпеть от несправедливости, алчности и честолюбия тех, кого он избрал своими представителями, – все же мы воздерживались выступить со своими замечаниями и противопоставлять свои суждения их планам. Пока они не сделали еще больших шагов к нашему рабству и не обнаружили стремления захватить в свои руки власть в армии, чтобы таким образом установить над нами свою тиранию, так что теперь, быть может, даже поздно ставить преграды их злым намерениям. Как это нам ни неприятно, все же мы должны признать, что эти люди, которые раньше делали вид, что они борются за свободу в целях уничтожения общественных бедствий, оказались способными быстро выродиться и усвоили грубейшие принципы и практику старых тиранов.

Наша совесть свидетель тому, что мы совершенно не хотели верить их дурным намерениям, так как в прошлом они не только в высшей степени мужественно и успешно боролись против нашего общего врага, но и, казалось, были чуткими к несправедливости и измене той партии, которая раньше преобладала в парламенте; они взяли на себя обязательства и выполнили их, насколько могли, так, как будто они действительно стремились освободить нацию от этого опасного рабства, почему мы и доверяли им, решив рисковать своей жизнью, а многие из нас даже и пожертвовали ею.

В самом деле, так могущественны, убедительны и удовлетворяющи были их первые обязательства, представления и протесты, так были они проникнуты принципами самоограничения, так они стремились к миру нации и удовлетворению всех народных интересов, что убаюканный ими и жаждущий мира народ погрузился как бы в сон, возложив всю заботу на Армейский совет. Народ не мог допустить мысли, что они уклонятся от этих принципов или откажутся осуществить столь многие обязательства и обещания, сделанные пред лицом Всевидящего Бога, к Которому они так часто взывали и Который знает все сердца и знает искренность и чистоту каждого человека. Мы сами (хотя всегда относились к ним с некоторой настороженностью) неоднократно готовы были скорее не верить своему собственному разуму, чем делать поспешные заключения из очевидных фактов их измены.

Но вскоре они совершенно перестали считаться с агитаторами и уволили тех офицеров и солдат, которые особенно энергично боролись против пагубных постановлений

парламента, твердо держась обязательств, принятых в Нью-Маркете и Трипло-Хизсе. В то же время командующие офицеры объединились с лицами, посланными от парламента и лондонского Сити, и дошли до того, что оправдывали негативные вето короля и лордов, всячески подавляя тех, кто выступал против.

В то время как мы представляли дело таким образом, что Всеобщий совет армии согласно заключенным обязательствам должен будет состоять из двух офицеров и двух рядовых солдат, выбранных каждым полком, – в действительности этот Совет оказался наполненным полковниками, подполковниками, майорами и другими старшими офицерами, совершенно никем не избранными и совершенно не сочувствующими упомянутым обязательствам. Эти начальствующие лица, проникнув туда в непропорционально большом количестве, фактически захватили в свои руки руководство Советом. И нам теперь совершенно ясно, что создание Государственного совета было хитро задумано не кем иным, как этим Армейским советом.

Потом нам приходилось наблюдать, как генералы не только ухаживали за королем, целуя его руку и пр., но и вели с ним переписку и обменивались взаимными агентами; в конце концов, сближение генералов с королем дошло до того, что король не только одобрял их предложения, но даже редактировал их прежде, чем отсылать их палате, – так они соответствовали его целям и прерогативам. Не ограничиваясь этим, генералы заключили соглашение с враждебно настроенными лондонскими горожанами, не пригласив при этом агитаторов на совещание.

Не удивительно, что после всего того, что мы видели, слышали и наблюдали, мы поколебались в нашей вере в их честность.

Из этих и других многочисленных примеров, о которых мы могли бы подробно рассказать, мы сделали вывод, что Армейский совет управляется не выборными лицами и не в тех целях, которые были провозглашены прошлыми обязательствами, но что им управляют силы, стремящиеся совсем к иным целям, и использующие все средства к тому, чтобы сделать безрезультатными честные стремления добрых людей как в армии, так и вне ее и обратить успех, которым Бог благословил нас, к своей собственной выгоде и господству.

И чем далее шло время, тем становилось все очевиднее, что они стремились только стать у власти, совершенно забыв о выполнении данных когда-то обещаний и обязательств, о надеждах народа на армию, о мире и безопасности государства; они не руководились ни законами, ни принципами, ни честью, ни совестью, но (как настоящие политики) лишь случаем и тем, что может помочь осуществлению их планов. Такое поведение они называют «подчинением провидению», чтобы таким образом ссылкой на религию им было легче обмануть нацию.

И чтобы все это не могло быть сочтено за клевету, мы умоляем вас беспристрастно рассмотреть последние их поступки.

И еще в Кингстоне агитаторы и их друзья в Лондоне, Соутворке и окрестностях предлагали, чтобы Тауэр, Сити и предместья его охранялись их собственными благомыслящими жителями, а не солдатами, чтобы таким образом торговля и промышленность были в полной безопасности. Такое предложение объяснялось как нашим уважением к Лондону и его пригородам, так и нашим опасением тирании, ибо из практики других тиранов мы знаем, что установление гарнизонов в больших городах приводит народ к полной бедности и продолжительному угнетению. Но это предложение, хотя оно и было принято агитаторами, все же было отвергнуто высшими офицерами, и был сформирован новый полк к еще большему отягощению республики, а тех, кто возражал против гарнизонов, осыпали упреками, исключали из числа агитаторов и подвергали другим репрессиям, о которых нельзя было даже узнать.

Но самое любопытное – это то, с каким уважением генералы относились к королю в Хемптон-Корте. Они сами посещали его и позволяли тысячам народа ежедневно приходить и видеть короля, целовать его руку и искать от него исцеления, в результате чего королевская партия в Лондоне и других местах была весьма ободрена, а королевских агентов можно было встретить в главной военной квартире так же часто, как при дворе.

Потом, когда они неожиданно обнаружили, что палата не согласна с их планами, они поспешно постановили, что палата должна быть подвергнута чистке. По этому поводу ими была опубликована большая ремонстранция от 18 августа [1647 года], в которой они доказывали необходимость этого акта; но стоило палате снова пойти навстречу генералам, причем она нисколько не уничтожила коррупцию своих членов, как они нашли, что чистка для них будет невыгодной, они отложили в сторону свое прежнее постановление и продолжают заседать в палате в том виде, как она есть.

После этого они опять занялись королем. Они снова послали ему ньюкестльские предложения, хорошо зная, что он не подпишет их; в то же время они надавали королю так много обещаний, так обнадежили его перспективой реставрации, что он все более склонялся в сторону армии, выражал генералам свое благорасположение и в своем ответе палате отдавал предпочтение предложениям генералов пред предложениями парламента. В действительности гранды армии сами желали возобновить переговоры; некоторые из них в палате яростно выступали против предложения о прекращении всяких переговоров с королем, заявляя, что таково мнение всей армии и что иначе они не гарантируют парламенту поддержки армии; в этом духе они принялись затем обрабатывать людей в армии, составили петицию от имени армии, а добрые, но слабые люди дали себя увлечь, подписав эту петицию, которая затем и была представлена палате.

Эти странные и таинственные события совершенно изменили положение вещей в армии: многие офицеры и целые полки, презрев всякие угрозы, выбрали новых агентов, чтобы

следить за текущим моментом, так как солдаты опасались, что стране угрожает крайняя опасность. Большую часть офицеров нельзя было никакими средствами заставить признать, что армия солидаризируется с королем, а агенты, найдя, что все прежние обязательства, обещания и декларации нарушены и совершенно отвергнуты и что государство дошло до крайней степени опасности, – составили Народное соглашение, основанное на принципах равного права в целях объединения всего неразвращенного народа. Гранды армии вначале всячески возражали против этого, так как Народное соглашение совсем было не в их интересах, но, видя, что оно принято армией, они заявили, что, хотя их взгляды и не совпадают с теми, которые выражены в Соглашении, они тем не менее не будут противиться ему.

После этого весь план их сразу меняется: самым главным для них стало – как бы им выпутаться из положения и отделаться от короля, с другой стороны, они задались целью скомпрометировать и подавить сознательную партию в армии. Для разрешения первой задачи они задумали перевести короля на остров Уайт, где им можно было бы легче изолировать его от других людей и таким образом самим целиком завладеть им. А чтобы он согласился добровольно отправиться туда, они использовали его страх, внушив ему, что на него готовится покушение, и убедив его переменить свою резиденцию. Для большей вероятности они заставили подполковника Генри Лильберна оклеветать своего брата Джона (который тогда особенно стоял на пути грандов), что будто тот замыслил убить короля; для доказательства этого они никогда не осмелились заставить этого клеветника выступить публично (хотя по этому поводу многими благомыслящими людьми и подавались петиции); за эту услугу они продвинули его по службе, назначив его комендантом Тайнмаузского замка, обойдя при этом права другого его брата, Роберта, где этот юноша за свое отступничество, виновниками которого были генералы, потерпел заслуженное наказание, как вероломный изменник. При этом они хотели убить двух зайцев сразу, выдумав для нас имя, которое всего более ненавистно народу и поэтому могло породить веру в предполагаемое убийство. Здесь, между прочим, мы хотели бы отметить, что слово «левеллеры» придумано и присвоено как раз тем в армии (и в других местах), которые борются против всякой тирании, будь то тирания короля, парламента, армии, государственного совета и пр., и хотя не так многие верят этому, как об этом думают сами выдумщики, все же они и их агенты старательно распространяют эту и подобную им клевету в расчете на легковерие и доверчивость народа.

Но вернемся к прерванному. Итак, король был удален; тогда они решили, что настала пора расправиться со сторонниками Народного соглашения, и со всей яростью обрушились на них. На первом же армейском собрании близ Уэра был расстрелян один солдат за то только, что он настаивал на осуществлении нью-маркетских обязательств и на принятии Народного соглашения. Член вашей палаты майор Скотт подвергся

недостойному обращению и был заключен в тюрьму, его и полковника Рейнсборо обвинили в сочувствии Народному соглашению; полковника Эйрса, майора Кобетта, капитана Брея и многих других заключили в тюрьму в Уиндзор, где офицеры, выступая в качестве тяжущихся сторон, судей и жюри, делали что хотели: одних приговаривали к смерти, других – к позорным наказаниям, допуская такой произвол, какого еще никогда не было на свете. Этому можно было бы не поверить, если бы мистер Солтмарш и другие исчерпывающе не засвидетельствовали их жестокости. После этого им удалось провести постановление о заключении в тюрьму пяти честных граждан за то, что они выступали в защиту Народного соглашения и требовали возмездия за кровь солдата, расстрелянного в Уэре; эти граждане были уволены со службы и, по сведениям лондонских агентов, им запрещено было выступать на митингах.

Когда же генералы решили, что армия реорганизована в соответствии с их планами и что поддерживавшие их офицеры удовлетворены жестокими мерами против левеллеров (а левеллерами они прозвали всех, кто выступает в защиту идей общего права), они нашли, что им нечего больше ждать от короля в смысле получения от него богатства, почестей и власти и что им невозможно будет удержать в своем повиновении своих офицеров и солдат в случае союза с королем. Поэтому они сразу опрокидывают все надежды короля и дают перевес в палате предложению о прекращении с ним всяких переговоров; теперь они отбросили свою прежнюю угодливость по отношению к королю и его партии и снова обнаружили притворство и злоупотребление доверием армии; это заставило всех проницательных людей понять, что им надобно порвать с такого рода людьми, у которых нет совести и которые нарушают свое слово.

Следующим их делом была перемена управления в лондонском Сити. Для этой цели они, к великому удовольствию жителей Сити, ввели в Уайтхолл и другие места несколько полков конницы и пехоты; еще раздражение было произведено заключением в Тауэр (без всякого суда и несмотря на поданные петиции) лондонского лорд-мэра и нескольких ольдерменов; арестованные были потом преданы суду лордов вопреки известному закону страны, но после того как они отказались от такой юрисдикции, они были без всякого суда освобождены от ареста. Это было явным террором по отношению к Сити, равно как и смена городских властей, произведенная ими в целях подчинения управления Сити своим целям.

Около этого же времени они начали применять свою военную власть к лицам, не принадлежащим к армии; так, был приговорен к смерти в Уайтхолле мистер Уильям Томпсон. А затем снова началось переформирование армии. С этой целью высшие офицеры под предлогом уменьшения государственных расходов (как будто вновь набранный полк для Тауэра не был тягостью) стали распускать лейб-гвардию. В действительности это было сделано потому, что эти части состояли из наиболее

сознательных лиц, верных своей стране и прежним обещаниям. Подобным же образом многие другие добрые люди были выброшены из других полков. Это был план путем чистки лучших и наиболее решительных людей превратить армию в банду наемников, рабских исполнителей низких желаний и беззаконного произвола кучки людей.

Когда же эти добрые люди отказались быть распущенными, ссылаясь на нью-маркетское соглашение (где говорится, что пока цели не будут вполне достигнуты, армия не должна быть распущена), – генералы стали применять тиранические меры, арестовывая их и приговаривая к смерти. А ведь когда-то они сами отказывались распустить армию (несмотря на приказание парламента) по тем же самым мотивам и в силу того же обязательства! Из всего этого очевидно, что они, согласно принципу политиканов, считают себя совершенно свободными там, где другие люди чувствуют себя связанными, и что для них обязательства имеют только временный характер и характер простой церемонии, а хорошим и справедливым для них является только то, что содействует их коррупции и их ближайшим честолюбивым планам.

Таким образом, наиболее удобный случай, какой когда-либо предоставлялся Англии для восстановления нашей свободы, был упущен благодаря их указанным изменчивым решениям и произвольным, не оправдываемым разумом поступкам. В результате этого борьба партий дошла до крайнего обострения, а над народом прямо издевались, обманывая его красивыми обещаниями, и все это делалось под личиной религии. И вот армия, которая лишь несколько месяцев тому назад была предметом радости и надежды для всех слоев сознательного народа, теперь стала, если так можно выразиться, посмешищем и позором для всей нации. Дело дошло до того, что если раньше для солдат ничего не жалели (в надежде на их добрые обещания и декларации), то теперь этим солдатам стали отказывать даже в хлебе и готовы были забросать их камнями всюду, куда они приходили.

Торговля остановилась, бедность возросла, число недовольных увеличилось и наконец вспыхнул такой пожар, какого еще никогда не было; и нет сомнения, что это было лишь естественным результатом того страшного разочарования, которое охватило нацию и которое ведет к всеобщему восстанию и бунту, то есть к тому, к чему не могли привести даже прежние политики. Нация теперь находится в большей опасности, чем тогда, когда ей угрожали насилие и замыслы ее врагов. И все это должно быть приписано несправедливым, пристрастным и вероломным действиям этих людей.

Но когда они [офицеры] неожиданно увидели, что им угрожает серьезнейшая опасность от врагов, они, которые прежде проявляли величайшее упрямство, теперь серьезно стали раскаиваться (что, как доказывает последующее, впрочем, также было лишь притворством). Видит Бог, как нам хотелось верить им и их искренности. С выражением величайшей скорби они признали, что они руководились гнилыми принципами политиков;

что они заслужили порицания за свои действия против честных людей, что они называли левеллеров иезуитами и другими бранными словами, но что впредь этого от них уже никогда не услышат, и что если нации суждено быть счастливой, то лишь при условии принятия левеллерских принципов. Они призвали всех забыть всякие несогласия, простить взаимные обиды и объединиться всем против общего врага, чтобы, если Богу будет угодно (при наших соединенных усилиях), освободить нас от этого моря опасностей; они торжественно заверяли, что никогда не отступят от справедливых принципов, никогда не будут преследовать честных людей, не будут замыкаться в особую партию и т.д., но будут всецело руководствоваться Народным соглашением для будущего устройства мира этой нации.

Как они выполнили свои обещания, это будет видно, если мы беспристрастно рассмотрим дальнейший ход событий, доказывающий их новое падение и раскрывающий их крайнее лицемерие. Лишь только (по милости Божией и с помощью наших друзей) они закончили кольчестерскую кампанию, они немедленно привлекли к ответственности ряд лиц, выступавших в Сент-Ольбансе в защиту капитана Рейнольдса; последние предпочитали скорее лишиться службы, чем быть под командой жестоких офицеров, которые, кроме того, на коленях пили за здоровье короля и заявляли, что они скорее готовы сражаться против левеллеров, чем против кавалеров. Обвиняемые были приговорены к смерти, но вскоре освобождены. Мы считаем, что такого рода дисциплина ведет лишь к удручению и понижению духа английского народа. Далее, так как полковник Рейнсборо когда-то противодействовал их несправедливым действиям, они выбросили его под благовидным предлогом из армии, предоставив ему номинальное командование морскими силами; здесь, вследствие узких полномочий, предоставленных ему как адмиралу, он не мог управлять ни кораблями, ни офицерами, почему и не был в состоянии подавить мятеж и, по желанию моряков, был удален с должности. По его возвращении высшие офицеры, найдя, что он по-прежнему неуклонно противится их целям, назначили его на опасную и тяжелую службу под Помзрет. Он отправился туда с большой неохотой и недоумевая о причине такого назначения. Своим друзьям он откровенно говорил, что его душа предчувствует несчастье, которое потом действительно и разразилось. Но что особенно заставляет огорчаться его друзей и подозревать, – это то, что его брат не только не получает помощи, но скорее встречает всяческие помехи в поисках и преследовании виновников этого кровавого и бесчеловечного убийства.

На севере ввиду боевых действий и недостатка армии левеллеры (как их называют) сначала пользовались покровительством; они были отправлены в Бузм, где, забыв все прежние обиды и оскорбления, мужественно рисковали своей жизнью, нисколько не подозревая об обмане и вероломстве. Когда же опасность миновала и враги были

подавлены, они снова впали в немилость и стали предметом еще большей ненависти и презрения, чем раньше.

Во-первых, были подвергнуты штрафу многие солдаты за подачу петиции в пользу майора Рейнольдса о том, чтобы он был назначен вместо майора Хентингтона, причем им угрожали раскроить черепа, а некоторых из них подвергли побоям. Далее, был смещен майор Джон Кобетт, несмотря на то, что он с исключительным мужеством отвоевывал Тайнмаузский замок, от каковой опасной операции отказался его непосредственный начальник. Вместо него комендантом замка был назначен один член парламента вопреки акту о самоотречении. Наконец, майор Уайт, который выполнял самые рискованные операции на севере в качестве подполковника и одновременно нес обязанности майора в полку генерала Ферфакса, за то, что он был человеком непоколебимых взглядов, был лишен должности подполковника и получил назначение в другой полк. Так поступали они не только в отношении этих джентльменов, но и всех других, офицеров и солдат, на севере и на юге, так как политика их Совета была одинакова здесь и там.

И как раньше, лишь только был достигнут первый крупный успех против Сити, когда народ с законным правом ожидал, что столь славное и неожиданное благословение Божие будет использовано к благу и выгоде республики (как на это дали право надеяться их последние раскаяния, обещания и заявления), события обнаружили, что генералы стремились к совершенно иному. Они с еще большею наглостью вернулись к своим прежним намерениям стать абсолютными господами над республикой, но здесь они встретили одно существенное препятствие: единодушное и всеобщее выступление жителей Вестминстера, решивших напролом защищать свое дело.

Это особенно выявилось при подаче петиции в сентябре прошлого года, где содержалось требование о принятии Народного соглашения, от которого генералы и офицеры не могли еще отречься.

Тогда офицеры снова закричали о единении и приказали своим агентам собирать митинги и договариваться с теми, которые раньше всех стояли за Народное соглашение и которые включили в петицию 11 сентября основные требования этого Соглашения.

На деле и это было не чем иным, как маневром со стороны офицеров, чтобы ошеломить деятельную и бдительную партию и усыпить ее, в то время как они будут продолжать по частям выполнять свою работу.

Внешне казалось, что они только и заняты Народным соглашением, в действительности же это было только забавой, обманом и надувательством по отношению к тем людям, которые искренне желали проведения Народного соглашения в жизнь. Офицеры затемнили, запутали смысл Народного соглашения, сократили его и извратили во многих отдельных пунктах, хотя постоянно клялись, что очень желают его. Тем временем, отвлекши внимание добрых людей, они тайно и спешно преследовали совершенно другие

цели. Тогда добрые люди, убедившись, что офицеры преследуют чуждые им цели, принялись со всей искренностью вырабатывать свой совершенный и полный проект Народного соглашения, включив в него все основные свободы и все требования об устранении общественных бедствий, как это пространно излагала петиция 11 сентября.

Многие из этих петиционеров выражали желание, чтобы Народное соглашение было принято без каких-либо особенных и жестоких судебных процессов, как это имело место недавно, без введения армии в Лондон, без раздробления палаты, без предания короля суду чрезвычайного трибунала, чего никогда не было в истории английского правления.

Петиционеры правильно предвидели, что офицеры своим мнимым сочувствием к Народному соглашению хотят лишь обмануть народ. Действительно, установление господства в Государственном совете и через него во всей стране – вот что было главным делом, чего домогались и к чему стремились офицеры. Они низлагают короля, уничтожают палату лордов, терроризируют палату общин и сводят ее до роли канала, через который проводятся декреты и постановления тайного совета кучки офицеров. Одновременно с этим они создают свою судебную палату, свой Государственный совет и провозглашают народ верховной властью, а парламент – высшим авторитетом.

Все эти мероприятия (многие из которых были предметом желания благомыслящих людей), однако, были проведены в такой форме, что содействовали исключительно целям офицеров, устраняя все, что стояло на их пути к власти, богатству и господству.

И хотя все это нами предвиделось, все же так показались убедительны их внушения для многих добрых и благомыслящих людей из народа, как солдат, так и других, что они действительно поверили офицерам, стали надеяться на них и сочли, что не могут лучше использовать свое время и способности, как оказывая им всяческую помощь и поддержку. Единственно, чего боялись офицеры, это того, что им помешают наши разоблачения их лицемерия и предательства и что нам будут верить в этом.

С этой целью они прежде всего строгими мерами заставили замолчать печать; далее они обрушились на нас клеветой и всякого рода ложными доносами, какие только могла изобрести их злоба против нас. И как чудовищно низки были они в этой травле, что старались проникнуть во все наши дела, использовали всякое наше знакомство и дружескую близость, и в заключение выставили против нас такие скандальные обвинения, какие обыкновенно выставлялись лишь прежними государственными деятелями и которые, если их исследовать, противоречат друг другу и ни в малейшей степени не соответствуют действительности.

Этими средствами они снова укрепили свою власть, до тех пор, пока Бог не воздвигнет против них наших врагов как заслуженное наказание за их низкое отступничество или пока их многочисленные и жестокие насилия настолько умножатся, что народ сам сбросит их с высоты узурпированного ими величия.

Они уже потеряли любовь народа и держатся теперь одной силой; те немногие добрые люди, которые еще поддерживают их, когда-нибудь поймут, орудием кого они являются; поймут, насколько противоречит их интересам содействие планам кучки этих надменных и властных людей и как легко для них обратить свои способности в силу к лучшему, к целям, преследующим благо общества и выраженным в их прежних обязательствах. И когда жалобы отягощенного народа и их собственное сознание уяснит добрым людям это, они будут жалеть, почему они так долго уклонялись от истинного пути, и тогда они обратят все свое мужество и энергию на то, чтобы освободить свою угнетенную страну от того страха и пленения, под тяжестью которых она теперь стонет.

Правящие офицеры говорят о свободе, но какая это свобода, если они заставили замолчать печать, которая по праву является и считается у всех свободных народов самым существенным признаком свободы? Не напоминают ли они этим Иуду-предателя, величайшего преступника и злодея, которого даже епископы и Звездная палата постыдились бы признать своим.

Какая это свобода, когда честных и достойных уважения солдат присуждают к позорным экзекуциям, заставляют их проезжать публично верхом с лицом, обращенным назад, и ломают мечи над их головами только за то, что они подали петицию, в которой защищали свободу? Разве это не новый способ сокрушить дух английского народа, чего никогда не снилось ни Страффорду, ни архиепископу Лоуду? Мы, право же, не видим никакой разницы между теми и другими.

Также в отношении свободы совести. Что мы можем ожидать здесь, судя по делу одного достойного члена вашей палаты, если будет продолжаться их господство?

Что касается заключения мира, то какого мира можно ждать, если высшие офицеры армии господствуют в вашей палате и в Государственном совете и являются всем во всем в Армейском совете, если военная власть в действительности господствует над властью гражданской? Мы открыто признаем, что мы не видим,

чтобы что-нибудь делалось для достижения мира, мы видим только, что народ ежемесячно облагается громадными налогами, как будто война стала единственным ремеслом страны или как будто народ обязан содержать армию, независимо от того, хорошо у него идут дела или плохо, есть у него хлеб или нет.

И относительно благополучия нации – что сделано в этом направлении? Ничего. С того времени, как офицеры стали у власти, только увеличились злоба, ненависть и вражда, которые породили наши прошлые несчастные разногласия. Офицеры как будто полагали все свое счастье во всеобщем разделении нации, не содействуя ни в малейшей степени делу примирения, не заботясь о том, чтобы сделать народ веселым и довольным, что приводит к успеху в делах и изобилию, не стремясь к тому, чтобы были забыты отдельные печальные воспоминания и устранены различия партий. Ни о чем об этом не заботятся, а

делают лишь то, что ведет к озлоблению народа, этому источнику беспорядков, бедности и нищеты.

Разве не увеличилось бремя налогов оттого, что судьям, являющимся их креатурой, назначено жалование по 1000 фунтов в год, не считая обычных судебных доходов? Судебные пошлины давно уже считаются тяжелым бременем; но было ли произведено какое-либо их сокращение или что было сделано по борьбе с судебной волокитой? Коснулись ли они такого всеобщего бремени, как десятины, разъедающей подобно язве промышленность и сельское хозяйство? Или что они сделали в отношении акцизов, которые за счет желудка трудящихся и бедняков обогащают ростовщиков и прочих жадных червей республики?

А что они сделали для установления свободы торговли, для уничтожения невыносимых таможенных пошлин? Ничего, кроме того, что посадили сотни новых жадных мух на старые язвы народа.

Что существенного предложили они вам в своей последней петиции, за которую вы так много благодарили их? Вы называли их желания умеренными и скромными, когда из ее содержания очевидно, что офицеры намерены только закрыть рты своим солдатам и погрузить их в приятную дремоту, в то время как сами они заняты своими планами установления абсолютного господства. А где их судебное обвинение против исключенных членов вашей палаты? Почему они не находят в своей среде преступников, раздававших должности своим креатурам и родственникам?

Почему они не привлекают к ответственности тех, которые раздавали щедрые подарки с ежегодными доходами в сотни и тысячи фунтов в то самое время, когда государственный кредит поколеблен, а многие семьи вынуждены голодать, до крайности разоренные участием в гражданской войне? Почему они терпят тех, которые незаконно раздавали во владение епископские и роялистские земли? Вместо этого они сами приобрели в короткое время крупнейшие поместья – факт, на который следует особенно обратить внимание.

Почему также они не протестовали против главного судьи и других высших судей за то, что те сохранили за собой свои должности, хотя эти должности были пожалованы им (как и многим другим) парламентом, когда в нем заседали исключенные ныне члены? Почему они не привлекают к ответственности тех вероломных людей, которые бессовестным образом нарушали закон о самоотречении? Не является ли причиной их молчания здесь то, что эти люди – их креатуры и что в этом деле они сами заинтересованы?

О, несчастная Англия, которая видит это и все же терпит своих несносных хозяев!

Чего же можно ожидать от таких офицеров, которые, как это часто обнаруживалось, жаждут крови народа и солдат, наиболее активно борющихся за общую свободу, мир и благоденствие республики?

Или чего можно ожидать от Армейского совета, который требует от верховной власти издания закона, в силу которого совет офицеров мог бы присуждать к смерти всех гражданских лиц, вносящих, по его мнению, смуту в армию?

Конечно, все это только обнаруживает их истинную сущность, их внутренние намерения и стремления, которые со всей очевидностью свидетельствуют перед вами и всем миром о том опаснейшем положении, в котором когда-либо была нация.

Если у вас есть еще совесть, то все, что мы вам здесь сказали и что вам самим прекрасно известно, не может не произвести глубокого впечатления, если только вы не сообщники их планов и не находитесь во власти немногих испорченных личностей.

Впрочем, может быть, наша столь долго обманываемая и несчастная нация находится в столь отчаянном положении, что среди вас не найдется уже и одного, который был бы верен тем известным принципам, какие еще звучат в ушах каждого человека по всей стране и на которые вы из-за страха или низкого пресмыкательства закрываете свои глаза. И все же мы не раскаиваемся в том, что мы изложили здесь или в наших предыдущих петициях. Наоборот, мы особенно радуемся тому, что мы явились свидетелями истины и разоблачителями их обманных и вероломных планов, имеющих целью обмануть и поработить государство их гордости, честолюбию, страстям и жадности и установить тиранию (если не герцогскую или королевскую власть). Из последних их действий можно ясно заключить, что власть, в конце концов, будет единоличной. Какова будет ее форма, это покажет время (если только им в этом не помешают); во всяком случае, для нас одно ясно, что наше будущее так плохо, как это только может быть.

Но мы уверены, что в нашей палате есть еще члены, добросовестно выполняющие обязанности высшего народного представительства, которое действительно и реально принадлежит вам всем в целом.

Кто бы мог против этого возразить? Ни измена, ни насилие не могут лишить вас этого высшего авторитета. Но если даже вы все заражены коррупцией, – чего не дай Бог, – мы и в таком случае не будем жалеть о том, что мы представили здесь и опубликовали. Ведь это откроет глаза и поднимет дух всех добросовестных людей, как солдат, так и народа, и заставит их так остро почувствовать опасность угрожающего им рабства, что эти люди, эта шайка офицеров никогда не посмеет осуществить свои негодные намерения.

Величайшим позором является то, что им [офицерам] позволили зайти так далеко. Ни одна партия не является столь виновной, как эта партия. В самом деле, король и его партия были вовлечены в гражданскую войну вследствие их ложного воспитания, условий их жизни, духа времени (хотя это, конечно, не извиняет его и его партию). Также Голлис и его партия применяли меры насилия против народа, верного республике, из ложной ревности против так называемых сектантов и в целях установления пресвитерианского единообразия (хотя это очень мало извиняет их преступления). Однако ни та, ни другая из

этих партий не нарушала так открыто столь многие и великие обязательства любви и уважения к народу, как сделала эта партия, ибо намерения и стремления этих людей поработить республику и увековечить ее бедствия без обращения малейшего внимания на дороговизну и упадок торговли превосходят по своему характеру и размеру всю порочность обеих первых партий, взятых вместе.

Обсудив это должным образом и перечислив все их вероломные и изменнические действия в отношении армии, парламента и государства, мы, в интересах самих себя и в интересах всего благомыслящего народа, перед всей вашей почтенной палатой и пред лицом Всемогущего Бога протестуем против их [офицеров] вероломного отношения к армии, против роспуска совета агитаторов и против захвата ими власти и распространения влияния армии на парламент и народ; против расстрела солдат в Уэре и жестокостей их по отношению к другим лицам с целью смирить дух солдат и сделать армию послушной исполнительницей их планов; против их безответственной политики по отношению к королю и его партии, – политики, приведшей нацию к новой и опасной войне. Мы протестуем также против их притворного раскаяния, совершенно недостаточного по сравнению с их отвратительными преступлениями, и против их чрезвычайных актов: против введения ими армии в Лондон (к еще большему разорению торговли), против раздробления палаты, причем ни одному члену не было предъявлено обвинение в отдельности. Мы протестуем также против чрезвычайных судов и их смертных приговоров с единственной целью достигнуть таким образом абсолютного господства.

Мы протестуем против создания высшей судебной палаты как учреждения, несправедливого само по себе и опасного в будущем, так же, как и против Государственного совета, считая его противоречащим тексту даже того Народного соглашения, которое представлено вам офицерами.

Мы выступаем, наконец, против всяких митингов офицеров вроде того, который был в четверг 2 февраля [1649 года] и на котором была принята резолюция о кровавом законе, угрожавшем виселицей всякому, кто, по их мнению, вносит смуту в армию. Мы считаем, что совет офицеров не обладает властью ни выражать настроение всей армии, ни судить гражданских лиц, ни вмешиваться каким бы то ни было образом в дела государственного управления в большей степени, чем это могут делать простые солдаты и гражданские лица.

Мы протестуем против всего этого как несправедливого, отвратительного и опасного, и объявляем, что если мы теперь не получим справедливого удовлетворения или помощи, то мы не остановимся перед тем, чтобы, когда сочтем удобным, снова прийти и просить вас об этом справедливом удовлетворении.

В заключение наших суждений мы заявляем, что мы с удовольствием подчинились бы почтенной палате, если бы высокая рука офицеров не владела вами. Поэтому мы и

спешим воззвать к новому представительству, справедливо избранному, как это выражено в наших серьезных пожеланиях, представленных вам. Кроме того, мы желаем, чтобы вы предложили армии выбрать представителей, состоящих из лучших лиц, избранных каждым полком, как это было в Нью-Маркете.

Мы покорнейше просим не принимать решения нескольких офицеров за настроение всей армии; офицеры армии имеют не более власти издавать законы для армии, чем государственные чиновники, назначенные исполнять законы в интересах народа. Те и другие учреждены только для дисциплины и управления.

Мы надеемся, что вы ускорите дело с Народным соглашением и в соответствии с нашими пожеланиями, выраженными в наших петициях, быстро рассмотрите его и осуществите его требования и тем предотвратите угрозу надвигающегося рабства.

ДЖЕРАРД УИНСТЕНЛИ (1609–1653)

До начала Гражданской войны Уинстенли преуспевал в торговле, у него было собственное предприятие в лондонском Сити. В годы революции он разорился, бедствовал, участвовал в различных церковных организациях и сектах. С установлением в Англии республики Уинстенли начал писать памфлеты на злобу дня. Он стал идеологом движения диггеров («истинных левеллеров»), которые выражали интересы городской и особенно деревенской бедноты и выступали за совместную обработку общинных земель. Большинство памфлетов Уинстенли посвящено обоснованию требований диггеров и оправданию их действий.

Уинстенли-публицист близок к идеалам утопического коммунизма. В своем главном произведении «Закон свободы» он предложил план полного переустройства общества на основе ликвидации частной собственности на землю.

Знамя, поднятое истинными левеллерами

** Памфлет был написан в 1649 г., когда диггеры начали коллективные сельскохозяйственные работы на холме святого Георгия в графстве Сёррей, недалеко от Лондона. Вместе с Уинстенли памфлет подписали его единомышленники диггеры, что, по замыслу автора, должно было свидетельствовать о коллективном характере их действий и общности взглядов.*

Печатается по: Джерард Уинстенли. Избранные памфлеты / Пер. с английского Е.Г. Денисовой. М. – Л., 1950.

или Строй общности, открытый и предлагаемый Сыном Человеческим, Вильямом Эверардом, Джерардом Уинстенли, Джоном Пальмером, Ричардом Кудгрумом, Джоном Саутом, Томасом Старром, Джоном Куртоном, Вильямом Хогриллом, Вильямом Тэйлором, Робертом Сойером, Кристофером Клиффордом, Генрихом Биккерстаффом, Джоном Баркером, Джоном Тэйлором и др., начавшими засеивать и удобрять пустошь на холме св. Георгия в приходе Уолтон в графстве Сёррей.

Лондон

Напечатано в году MDCXLIX

КО ВСЕМ МОИМ СОБРАТЬЯМ ПО ТВОРЕНИЮ,
КОТОРЫЕ УЗРЯТ НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ СТРОКИ

Бог сего мира, ослепив очи мирских людей, получил власть над ними и их жизнями, правлениями и царствами и всеми мерами противится вечному духу, царю справедливости, напрягая всю свою хитрость и силу, чтобы уничтожить этот дух во всем творении и погубить тех людей, в коих он обитает, коих он направляет и коими правит, – создавая законы, а также изобретая кары, преследующие ту цель, чтобы все народы, языки и наречия пали ниц и поклонялись этому богу, стали подданными и даже рабами его и тех людей, в коих он пребывает. Но бог мира сего есть гордыня и алчность, корни всякого зла, от которых истекает все зло, свершающееся под солнцем, как коварство, тирания и любоначалие, презрение к своим братьям, убийство и уничтожение тех, кто не хочет, либо не может подчиняться их тирании и поддерживать их господскую власть, гордыню и алчность.

Я провел несколько бесед с автором нижеследующей декларации и лицами, подписавшими ее, и из опыта общения с ними увидел, что они мягкосердечно поступают и что ими руководит вечный дух, князь мира на путях справедливости, дабы они не осмелились посягнуть на несправедливый поступок, но желали бы поступать по отношению ко всем так, как они хотели бы, чтобы поступали по отношению к ним, и чтобы в них царили мир и радость, сопряженные и соединенные в одном духе славы, истины и любви ко всем братьям, довольство пищей и одеждой и проявление смирения и кротости духа. Такие люди будут участниками обетованного царства: «Блаженни кротции, яко тии наследят землю».

Во-вторых, этот их поступок, пахота земли при разработке пустошей, есть поступок, исполненный правоты и справедливости, свидетельство любви и милосердия к своим братьям; в нем нет ничего от бога мира сего, ни от гордыни, ни от алчности, ни от себялюбия, ни от прославления плоти.

Удостоьте прочесть или хотя бы просмотреть нижеследующие строки, вы, властители земли. О, если бы разум царил в сердцах ваших, как судия. Я заверяю вас, что ничто здесь не написано по злобе или ненависти к вашим лицам, но из любви к вам, братьям

по творению, но против того, что принудило ваш собственный дух к рабству; если бы вы могли говорить беспристрастно, то ваша совесть могла бы быть моим свидетелем, а она только вносит колебание в ваше самопринуждение осуществлять тиранию, бичуя и попирая ногами ваших собратьев, особенно тех, чьи глаза открыты и могут ясно видеть великого дьявола, тиранию, гордыню и алчность, владеющих вашим духом и царящих в вас; они приведут вас к гибели: ангелы, не сохранившие своего первоначального состояния, пребывают в цепях тьмы до великого судного дня.

Все творение проникают ангелы вечного духа справедливости, все они – духи наставляющие, внушающие каждому созданию на его языке волю отца. «Сонмы Господни составляют 20000 тысяч ангелов».

Но великие люди земли, властители мира сего, вы – ангелы, не сохранившие своего первоначального состояния и пребывающие ныне в цепях тьмы: вашим первоначальным состоянием были невинность и равенство с вашими собратьями по творению, но ваша господская власть над ними, над их личностями и совестью, ваше гордое плотское самообольщение, ваше преувеличенное мнение о себе, все это – плоды тьмы, в которую вы впали. Все творения стонут в рабстве и поныне, ожидая освобождения и должно ждать до тех пор, пока не будет отстранен тот, кто препятствует ему, этот человек греха, этот Антихрист, восседающий на троне в сердцах людей мира сего, властителей земли, надо всем, что носит имя Божие.

Я знаю, вы высокого мнения о себе, думаете, что вы много знаете и многое видите, но свет, который вы носите в себе, есть тьма. И как велика эта тьма! Те, кто живет в свете духа, различают, что она – мрак, принимаемый вами за свет.

Поистине великий свет, яркая утренняя звезда, просияет и осветит все, светя во мраке, и тьма не сможет объять ее, хотя вы и будете отвергать ее с большим презрением, чем когда-либо.

Я не жду ничего, кроме сопротивления, насилия и глумления от плотского человека, лорда Исава: я знаю, что в глазах плоти это будет принято за глупую попытку и станет предметом гнева и посмешища, но для них утешением и поощрением будет то, что силы жизни и света, дух, повелевающий ими, будет руководить ими, давать им силы и поддерживать их, спасая их от когтей льва и лап медведя.

Ибо велика работа, которая вскоре будет сделана на земле. Не презирайте видений, голосов и откровений; читайте писание, пророчества ныне исполняются; не уподобляйтесь братьям Иосифа и не говорите дурно о вещах, которых вы не знаете. Ибо то, что идет от Бога, устоит; делайте, что можете и хотя бы вы и потерпели неудачу в течение некоторого времени, времена скоро исполнятся; ваше дело снова даст ростки и процветет подобно зеленому лавру: все, что исходит не от Отца, падает, хотя бы вы напрягали весь ваш ум, силу и ловкость для поддержания его, но восстановления этого не

последует. Да просветит вас вечный дух, дабы разум пребывал в вас и вы поступали в согласии с ним, – это желание вашего любящего друга и собрата

Джона Тэйлора

24 апреля 1649 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВЛАСТЯМ АНГЛИИ И ВСЕМ ВЛАСТЯМ В МИРЕ,

обнаруживающая причины, по которым простой народ Англии начал и дает согласие копать и обрабатывать землю, сеять хлеб на холме св. Георгия в Сёррее; от тех, кто подписался и от многих тысяч, дающих свое согласие.

В начале времен великий Творец – разум создал землю, чтобы она была общей сокровищницей, чтобы хранила зверей, птиц, рыб и человека, господина, предназначенного править этими созданиями; ибо человек обладал властью, дарованной ему над зверями, птицами и рыбами; но вначале не было произнесено ни единого слова о том, что одна ветвь человечества будет править другою.

И причина этому та, что каждый отдельный человек, мужчина или женщина, есть сам по себе совершенное создание. И тот же самый дух, который создал земной шар, пребывает в человеке, чтобы он управлял землею. Так как плоть человеческая подчинена разуму, Создатель дал его человеку, чтобы быть учителем и наставником для самого себя, поэтому Он и не нуждается в поисках вовне наставника или правителя, помимо себя, и не нуждается ни в каком человеке для поучения себя, ибо тот же самый, помазанник, который обитал в Сыне Человеческом, научил и Его всем вещам.

Но с тех пор плоть человеческая (этот царь зверей) начала наслаждаться предметами творения больше, чем духом разума и справедливости, который проявляет себя в пяти чувствах – слухе, зрении, вкусе, обонянии и осязании; с течением времени он впал в умственную слепоту и слабость сердца и обращается вовне в поисках наставника и правителя. И таким образом эгоистическое воображение, овладев пятью чувствами и управляя ими, как царь, вместо разума, и работая об руку с алчностью, подстрекнуло одного человека наставлять и управлять другими; и тем самым дух был убит, и человек был ввергнут в рабство и стал большим рабом себе подобных, чем полевые звери были рабами ему. Вслед за тем земля (сотворенная, чтобы быть общей сокровищницей для помощи всем – как зверям, так и людям) была обнесена изгородями и поделена на огороженные участки наставниками и правителями, а остальные люди были превращены в слуг и рабов. И земля, которая по творению была создана как общий фонд для всех, теперь покупается и продается и находится в руках немногих, чем наносится ужасное бесчестие великому Творцу, как будто Он – почитатель отдельных личностей, будто Он

радовался обеспеченной жизни немногих и веселился нищенским существованием и нуждою других. Вначале было не так.

Это наступление рабства называется Адам, потому что эта внешняя управляющая и наставляющая власть образует препятствие для духа мира и свободы; сначала в сердцах, наполняя их рабским страхом перед другими, затем отдавая внешней власти одних людей, тела других – для заключения в тюрьму, применения наказаний и притеснений. И это зло обрушилось на нас из-за его собственной алчности, которая ослепляет его и делает слабым и он уже не видит закона справедливости в своем сердце, являющегося чистым светом разума, но ищет его вовне, и тем самым навлекает на творение рабство и проклятие, а Творец оказывается обманутым: во-первых, наставниками и правителями, которые самовольно вторгаются в область духа, чтобы поучать и править там, где Он один является царем; во-вторых, другими, которые отвергают дух, чтобы быть наставляемыми и управляемыми своими товарищами, и это получило имя «греха Израиля», который отверг Господа и избрал на царство Саула, подобного себе, тогда как они обладали тем же духом разума и правления в самих себе, каким обладал и он, они были только его подданными. А когда Израиль отбросит посторонних учителей и правителей и вернется к господу, чтобы быть наставляемым и руководимым тем справедливым царем, который по пророчеству Иеремии воцарится на новом небе и новой земле в последние дни, тогда настанет и освобождение от рабства (Книга Иеремии, гл. 23, ст. 5, 6).

Но в теперешнем состоянии старого мира, который коробится, как пергамент в огне, и изнашивается, мы видим, как гордая плоть воображения – мудрая змея, подымается во плоти и приобретает власть над некоторыми, чтобы управлять другими и принуждать одну часть творения быть рабами другой. И это убивает дух в обоих. Один смотрит на себя как на наставника и правителя и возносится в гордости над своим собратом; другой рассматривает себя как несовершенного и унижает сам себя в своем духе, а на своего собрата, подобного ему в образе своем, смотрит, как на господина над собою.

И таким образом Исав, человек плотский, олицетворение алчности и гордыни, убил Иакова, духа кротости и справедливого правления в свете разума, и правит им: так земля, сотворенная как общая сокровищница, чтобы все жили в достатке на ней, вследствие несправедливых поступков одних людей по отношению к другим, превратилась в место мучительства одних другими.

Но великий Творец, дух разума, терпел лишь некоторое ограниченное время такое пренебрежение к Нему и попираание Его ногами со стороны алчной и гордой плоти. Поэтому Он изрек: «Семя, от которого произошло творение, в коем обитаю Я, отрубит голову этой змее и снимет с Моего творения снова проклятие и рабство; и когда Я, царь

справедливости, воцарюсь снова в каждом человеке, Я стану благословением земли и веселием всех народов».

Со времени же появления препятствия или Адама, землю стали огораживать и отдали старшему брату Иоаву, плотскому человеку, и ее стали покупать и продавать один другому; а младший брат Иаков, который должен был наследовать или выступить вслед за ним, всемирная произрастающая сила справедливости, несущая свободу всему творению, был превращен в слугу.

А этот старший сын, человек рабства, держал и землю в рабстве себе не кротким законом справедливости, а ловкими эгоистическими советами и открытым грубым насилием. Ибо откуда же взялись подобные войны и слухи о войнах среди народов земли? И откуда взялись такие безумные люди, что уничтожают друг друга? Все это то лыко для того, чтобы поддерживать гражданскую собственность на честь, господство и богатства одних по отношению к другим, а это есть проклятие, под которым стонет творение, ожидая освобождения.

Но когда земля снова станет общей сокровищницей, как ей и подобает, ибо все пророчества писания и разума сходятся на этой общности, и человечество опять восстановит начертанный в сердце его закон справедливости, и все будет сделано единым сердцем и единые умом, тогда прекратится эта враждебность во всех странах, ибо никто не осмелится домогаться господства над другими, и никто не посмеет ни убить другого, ни пожелать себе земли больше, чем у другого. Ибо тот, кто будет господствовать, заключать в тюрьму, угнетать и убивать своих собратьев по творению под любым предлогом, есть «убийца» творения и орудие проклятия и он идет не по пути справедливости («Поступайте так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали с вами, и любите ваших врагов не на словах, а на деле»).

Поэтому вы, властители земли, или старший брат – лорд Исав, вы, которые, по-видимому, правите творением, заметьте себе сначала, что сила, выдвинувшая вас, есть эгоистическая алчность и гордыня, вожделение жить во славе и богатстве, выше Иакова, кроткого духом; а он есть семя, лежащее скрытым среди бедного простого люда или младших братьев, от которых должно произойти благословение, распространяющее освобождение на все народы.

И живой царь справедливости, разум, только взирает на тебя и предоставляет тебя самому себе; в то время как ты сам считаешь себя ангелом света, ты окажешься при свете солнца дьяволом, Адамом и проклятием, под которым стонет творение. Теперь же настало время твоего падения, Иаков должен восстать, а он – всемирный дух любви и справедливости, который наполняет и наполнит всю землю.

Ты, поучающая и правящая сила плоти, у тебя было три периода хвастовства перед братом твоим. Первый был от времени твоего появления, именуемый Адамом или

препятствием, до прихода Моисея, и тогда ты, будучи себялюбцем в Каине, убил твоего брата Авеля, простосердечного человека, любившего справедливость. И ты своей мудростью и звериным правлением отравил всю землю, пока не пришел Ной; и это было время для мира, подобное зарождению жидкого семени в матке для появления на свет человека-ребенка.

И от Ноя до прихода Моисея ты правил при помощи издевательства, гордыни и жестокого гнета; Измаил против Исаака, Исав против Иакова, ибо ты всегда был плотским человеком, преследующим человека справедливости, дух разума.

И затем, во-вторых, от Моисея до прихода Сына Человеческого, когда было такое время на свете, когда человек-дитя не мог говорить, как мужчина, но только лепетал, употребляя знаки для пояснения значения своих речей; так делают многие люди, как мы видим, не умеющие говорить. Ибо закон Моисея был выражен языком символов, жертвоприношений, обрядов и обычаев, и это были времена слабости. А в это время также, о ты, поучающая и правящая сила, ты была угнетательницей; ибо загляни в Писание и скажи, не был ли Аарон и священники первыми, кто стал обманывать народ. Правители, цари и судьи были постоянно главой океана, из власти которого изливались на землю тяготы, гнет и нищета; и обе эти власти с тех пор были проклятием, которое привело землю и человечество в смущение и к смерти своим лицемерным и эгоистическим поучением и правлением, и иначе и не могло быть; ибо пока человек смотрит на себя, как на несовершенное создание, и ищет вовне наставника и правителя, он остается все это время чуждым духу, пребывающему в нем самом.

Но хотя земля находилась во тьме со времени появления Адама, и люди руководствовались светом и законом, вне их находящимися, все же были как бы стражами: их поучал дух, обитавший в них, а не плоть, находившаяся вне их; это были Авраам, Исаак, Иаков и пророки; и эти люди и подобные им были с тех пор мишенью, на которую обрушивалась вся ярость властителей земли во все времена мира, с помощью их эгоистических законов.

И затем, в-третьих, со времени Сына Человеческого, когда человек-дитя начал говорить, как подросток, вырастающий до зрелого возраста, и нашего времени, когда дух подымается в силе своей. О ты, поучающая и правящая власть земного человека, ты угнетала путем заключения в тюрьмы, обнищания и мучений; и вся твоя сила и ум были направлены на то, чтобы издавать законы и направлять их против тех, кто стоит за всеобщую свободу, – это и является восстанием Иакова; и свобода не была совсем уничтожена этими древними порабощающими законами, но сохранилась как оружие против человека-ребенка.

О ты, власть Англии, хотя ты и давала обещание превратить ее народ в свободный народ, но ты так ставила этот вопрос по своей себялюбивой природе, что ввергла нас в еще

большее рабство, и гнет тяготеет над нами еще тяжелее. Ты не только ограничивала твоих собратьев по творению, простых людей, коркой хлеба, но смущая всех людей через посредство своего правительства, делающего что-либо и тут же упраздняющего сделанное.

Во-первых, ты заставила народ принять Ковенант и поклясться добиться Реформации и дать свободу каждому человеку на его месте; однако когда человек действует в соответствии с этим Ковенантом, его заключают в тюрьму, угнетают чиновники, суды и так называемые судьи.

Ты издала указы об отмене угнетающих, папистских, епископальных, деспотических законов и законов о прерогативах, но мы видим, что власть деспотизма и прерогатив есть великий постоянный закон, правящий на деле, тогда как другие правят только на словах. Ты дала много обещаний и заверений сделать страну свободной. Однако и по сей день тот самый народ, которому ты давала заверения дать свободу, угнетен судами, описями, сессиями, мировыми судьями и секретарями, так называемыми бейлифами, комитетами, подвергается тюремному заключению и бывает вынужден растрачивать тот хлеб, который мог бы спасти их жизни от голода.

И все это за то, что они хотят сохранить всеобщую вольность и свободу, которая является не только нашим прирожденным правом, дарованным нам нашим создателем, но которую вы обещали нам восстановить, освободив от прежних угнетающих властей, которые теперь уже устранены; ту свободу, которую мы купили нашими деньгами, уплаченными налогами, постоями и пролитой нами кровью. Все это ты получила из наших рук, но ты до сих пор не выполнила своего обязательства по нашему соглашению.

О ты, Адам, ты, Исав, ты, Каин, ты, лицемерный плотский человек, когда перестанешь ты убивать младшего брата своего. Разумеется, не тебе исполнить это великое дело освобождения творения от рабства; ибо ты погиб совсем и утонул в море алчности, гордости и жестокосердия. Благословение придет от праха, который ты попираешь ногами, а именно – бедный, презираемый народ принесет спасение этой стране и всем странам, а ты будешь посрамлен.

Пока еще наши тела находятся в твоей власти, наш дух ожидает в спокойствии в мире нашего Отца для освобождения; и если Он предает нашу кровь в твои руки, чтобы ты проливал ее, знай, что Он – наш всемогущий руководитель. И если некоторые из вас не осмелятся пролить свою кровь ради сохранения тирании и гнета над творением, знай, что мы охотно отдадим нашу кровь и жизнь, чтобы кротостью укрепить всеобщую свободу, так, чтобы проклятие, падающее на нас, могло быть снято с творения.

Мы достигаем этого не силою оружия, мы ненавидим его, ибо пристало только мадианитянам убивать друг друга, но повинуюсь Господу воинства, открывшегося в нас и нам, обрабатывая землю совместно согласно справедливости, чтобы есть наш хлеб в

поте нашего лица, не платя наемной платы и не получая ее, но работая совместно, питаюсь совместно, как один человек, или как дом Израиля, освобожденный от рабства. Итак, силою разума и закона справедливости в нас мы стремимся восстановить творение из рабства гражданской собственности, под которым оно стенает.

Мы должны предъявить эту декларацию вам, великий совет, и тебе, великая армия страны Англии, чтобы вы знали, что мы хотим иметь и что вы обязаны дать нам по вашим договорам и обещаниям, а также, чтобы вы могли присоединиться к нам в этом деле и обрести мир. Иначе, если вы будете противиться нам, мы обречем мир в нашем труде и в том, что провозгласим эту декларацию: вы же останетесь без оправдания. Работа, к которой мы намерены приступить, заключается в следующем: вскопать холм Георгия и пустоши, прилегающие к нему, посеять хлеб и добывать наш хлеб совместно в поте лица. Первое основание таково: мы должны работать по справедливости и заложить основание превращению земли в общую сокровищницу для всех, для богатого, как и для бедного, чтобы каждый, родившийся в стране, мог бы кормиться от своей матери-земли, которая взрастила его, согласно с разумом, правящим во творении, не вкладывая какую-нибудь часть в чью-либо одну руку, но все, как один, работая вместе и питаюсь совместно, как сыновья одного отца, как члены одной семьи, и ни один не будет господствовать над другим, но все будут смотреть друг на друга как равные во творении, так, чтобы наш Создатель был прославлен в деле рук своих и чтобы каждый мог видеть, что Творец не почитает отдельных лиц, но равно любит все свое создание и ненавидит только змия, т.е. алчность, разрастающуюся в эгоистические самомнения, высокомерие, лицемерие, нечистые помыслы, т.е. во все, что ищет богатства и плотских почестей и борется против духа разума, создавшего все творение; ибо это есть разложение и проклятие, диавол, отец лжи, смерть и рабство, тот змий и дракон, от которого должно быть освобождено творение. И нас движет эта причина, а также другие, открытые нам в видении, гласе и откровении.

Ибо нам было открыто, что пока мы или кто-либо другой признаем землю предметом особых интересов лордов и лэндлордов, а не такой же общей собственностью других, как и их самих, мы заслуживаем проклятия и держим творение в рабстве. И до тех пор, пока мы или кто-либо другой признает за лэндлордами и держателями право для одних называть землю своею, а для других – арендовать у них, или для одних – сдавать в аренду, а для других – работать за аренду, это значит бесчестить дело творения; как будто справедливый Творец взирал на лица и поэтому сотворил землю для немногих, а не для всех. И пока мы или кто-либо другой будем сохранять частную собственность, мы тем самым соглашаемся держать творение в том рабстве, под которым оно стонет, препятствуем делу восстановления и грешим против света, который дан нам, и утрачиваем наш мир из страха перед плотским человеком.

А что эта частная собственность есть проклятие, ясно из того, что те, кто покупает и продает землю и является лэндлордами, получили ее либо путем угнетения, либо убийства, либо воровства; и все лэндлорды живут нарушением седьмой и восьмой заповедей: «Не убий» и «Не укради».

Прежде всего путем угнетения, своими хитрыми вымыслами и алчным умом они обошли простосердечных бедняков или младших братьев и заставили их работать на себя за малую плату, и от их работы получили большую прибыль; ибо бедняки своей работой возвысили тиранов, чтобы они правили ими. Либо же своим алчным хитроумием они вовлекали простых сердцем людей в сделки купли и продажи и тем самым обогатились сами, но разорили других; либо же вследствие своей пронырливости они заняли места, требующие доверия, принудили народ платить деньги на общественные нужды, но большую часть отложили в собственные кошельки, и таким образом они получили ее путем угнетения.

Затем, во-вторых, через убийства. Пользуясь своим изворотливым умом, они стали претендовать на охрану народной безопасности силою меча; от высокого жалованья, многочисленных постоев и других видов добычи, которую они называют своей собственностью, они набирают много денег, покупают на них землю и становятся лэндлордами. А раз став лэндлордами, они возвышаются на должности судей, правителей и государственных чиновников, как показывает опыт: но все это только кровавое и хитрое воровство, поощряемое созданным алчностью законом, и является нарушением седьмой заповеди: «Не убий».

Также и, в-третьих, – нарушением восьмой заповеди: «Не укради». А эти лэндлорды таким образом украли землю у своих собратьев, которые в силу закона разума и творения имеют равную долю с ними.

Подобные этим люди возвышаются к обогащению предметами земли; затем путем своих льстивых слов, внушающих доверие простосердечным людям, которых они обманывают и которые пребывают в смущении и ослеплении, они возвышаются до положения наставников, правителей и законодателей над теми, кто возвысил их; как будто бы земля была сотворена специально для них, а не для благосостояния других. Если вы обратите ваш взгляд несколько назад, вы увидите, что эта внешняя поучающая и направляющая власть есть вавилонское иго, наложенное на древний Израиль при Навуходоносоре, и с того времени последовательно победоносный враг налагал иго на Израиль, чтобы принижать Иакова. Последней порабоощающей победой, которую враг одержал над Израилем, было завоевание нормандцами Англии, и с тех пор короли, лорды, судьи, трибуналы, бейлифы и озлобленные насильники – фригольдеры непрерывно существуют и существовали. Сам нормандский ублюдок Вильгельм, его полковники, капитаны, низшие офицеры и простые солдаты, с того времени и по сей день продолжая пользоваться своей

победой, заключают в тюрьму, грабят, убивают бедных поработанных английских израильтян.

И это совершенно ясно: когда надо избрать доверенное лицо или государственного чиновника, избирателями являются фригольдеры и лэндлорды, а это – простые нормандские солдаты, широко расселившиеся по стране. А кто должен быть избран? Конечно, какой-нибудь очень богатый человек, являющийся преемником нормандских полковников или высших офицеров. А для какой цели они избираются таким образом? Только для того, чтобы еще сильнее укрепить эту нормандскую власть над поработанной Англией и снова придавить ее в то время, как она собирается с духом, чтобы добиваться свободы.

Ибо что такое все эти связывающие и ограничительные законы, издававшиеся во все века после завоевания и теперь поддерживаемые яростью над народом? Я спрашиваю, что они такое? Лишь веревки, узы, кандалы и ярмо, которые поработанные англичане, подобно Ньюгэтским узникам, влечат на руках и ногах, ходя по улицам; которыми угнетатели норманны и их преемники из века в век поработали бедных людей, убивали своих младших братьев и не давали Иакову подняться.

О, в каком ужасном заблуждении живете вы, властители Англии. В то время, когда вы претендуете, что сбросили нормандское иго и вавилонскую власть и обещаете сделать стонающий народ Англии свободным народом, вы все еще влечите это нормандское иго и рабскую тиранию и держите народ в таком же рабстве, как и ублюдок-завоеватель с его военным советом.

Заметьте, что в Англии не будет свободного народа до тех пор, пока бедняки, не имеющие земли, не получают разрешения вскапывать и обрабатывать общинные земли и жить в таком же достатке, как и лэндлорды, живущие в своих огороженных поместьях. Ибо народ не для того выкладывал свои деньги и проливал свою кровь, чтобы их лэндлорды, нормандская власть, по-прежнему пользовались вольностью и свободой править тиранически через своих лордов, лэндлордов, судей, трибуналов, бейлифов и государственных слуг; но для того, чтобы угнетенные были освобождены, двери тюрем открыты и сердца народа успокоены всеобщим согласием превратить землю в общую сокровищницу, чтобы он мог жить, как единый дом Израиля, объединенный братской любовью в едином духе, пользуясь единой матерью – землей, обеспечивающей жизнь в общине.

Если вы присмотритесь к тому, что творится по всей земле, вы увидите, что лэндлорды, наставники и правители являются угнетателями, убийцами и грабителями. Но не так было вначале. И это одна из причин того, что мы совместно вскапываем и обрабатываем землю, дабы мы могли трудиться в справедливости и поднять творение из рабства. Ибо пока мы признаем лэндлордов в этом безнравственном устройстве, мы не можем

работать в справедливости, ибо мы по-прежнему поддерживали бы проклятие и попирали бы творение, обесчестили бы дух всеобщей свободы и препятствовали бы делу восстановления.

Во-вторых, мы начали вскапывать землю на холме св. Георгия, чтобы есть наш хлеб совместно – плод нашей справедливой работы в поте нашего лица, потому что было указано нам видениями во сне и не во сне, что на этом месте мы должны положить начало. И хотя эта земля, с точки зрения плоти, очень бесплодна, но мы должны доверять благословию духа. И не только эта общинная земля или пустошь будет взята и обработана народом, но все общинные земли и пустоши в Англии и во всем мире будут взяты по справедливости людьми, не имеющими собственности. Земля будет взята, как общая сокровищница, чем она и была создана вначале для всех.

В-третьих, нам стало ясно, что все пророчества, видения и откровения писания, пророков и апостолов относительно призвания евреев и восстановления Израиля и превращения этого народа в наследника всей земли, все они относятся к этой задаче превращения земли в общую сокровищницу, как вы можете прочесть об этом у Иезекииля, гл. 24, ст. 26, 27, у Иеремии, гл. 33 и т. д.

И после того, как Сын Человеческий покинул апостолов, Его дух сошел на апостолов и братьев, когда они ожидали Его в Иерусалиме; и богатые люди продали свои владения и отдали часть бедным, и ни один человек не сказал, что то, чем он владел, должно принадлежать ему, ибо у них все было общее («Деяния апостолов», гл. 4, ст. 32).

Ныне эта община подавлена алчной гордой плотью, которая была властью, правившей миром; и справедливый Отец Сам терпел временно подавление, времена и разделение времен, в течение ли 42 месяцев или трех с половиной дней, все это одно и то же, тот же срок времен; а теперь мир пришел к половине дня; и восстал дух Христов, являющийся духом всемирной общины и вольности, он восстает и будет восставать все выше и выше, пока чистые воды Силоама, источники жизни и свободы для всего творения, перельются через Адама и затопят берега зависимости, проклятия и рабства.

В-четвертых, это дело обращения земли в общую сокровищницу было указано нам гласом во время вдохновения и вне его, следующими словами: «Работайте вместе, питайтесь хлебом вместе, возвестите это повсеместно».

Этот глас был слышан трижды. И, повинуясь духу, мы возвестили это словами уст наших, когда представился случай. Во-вторых, мы провозгласили это письменно, что могут прочитать другие. В-третьих, мы начали осуществлять это теперь действиями, вскапывая общинную землю и засеивая ее, чтобы мы могли есть наш хлеб совместно, по справедливости. И всякий, кто придет работать, будет питаться плодами трудов своих, причем каждый будет иметь в плодах равную долю с другими. Другой глас, который слышался, говорил: «Израиль не должен ни получать, ни давать платы за труд».

А если так, то никто не скажет: это моя земля, работай на меня, и я дам тебе заработную плату. Ибо земля Господня, т.е. человека, который является господином творения в каждой ветви человечества; ибо, подобно тому, как разные члены наших человеческих тел дают одно совершенное тело, так каждый отдельный человек есть только член или ветвь человечества, а человечество, живущее в свете и повиновении разуму, царю справедливости, тем самым есть полный и совершенный господин творения, и вся земля принадлежит этому господину – человеку, подданному духа, а не является наследием алчной, гордой плоти, себялюбивой и враждебной духу.

И если земля не принадлежит отдельно одной ветви или ветвям человечества, но есть наследие всех, то она свободная и общая для всех, чтобы работать вместе и вместе питаться.

И поистине вы, советники и властители земли, знаете это. И где бы ни находился народ, объединенный общностью общинного владения жизненными припасами, это будет сильнейшая страна в мире, ибо они все, как один человек, будут защищать свое наследие. Блаженство – а оно есть мир и свобода – вот стены и укрепления той страны или города.

В то время как в противоположных условиях тяжбы из-за собственности и личные интересы делят народ и страны и весь мир на партии и являются причиной войн и кровопролития, повсюду царит раздор.

Другой голос, слышавшийся в трансе, гласил: «Кто обрабатывал землю для одного лица или для многих, возвысившихся до управления другими, и не смотрит на себя, как равного другим в творении, – рука Господня настигнет этого трудящегося. Я, Господь, сказал это и я сделаю это».

Этим объявляется всем трудящимся и тем, кого называют бедными людьми, что они не смеют работать за плату ни на какого лэндлорда, ни на тех, кто возвысился над другими, ибо своими трудами они создали тиранов и тиранию; отказываясь же работать на них за аренду, они снова низринут их. Тот, кто трудится на другого, будь то за заработную плату или вместо ренты, работает несправедливо и продолжает поддерживать проклятие; те же, кто решил трудиться и питаться совместно, превращая землю в общую сокровищницу, соединяют руки свои с Христом, чтобы поднять творение от рабства и освобождают все от проклятия.

В-пятых, то, что побуждает нас продолжать это дело, заключается в следующем: мы ощущаем в сердцах наших источник любви ко всем, к врагам так же, как и к друзьям; мы хотели бы, чтобы никто не жил в нищете, бедности или скорби, но чтобы каждый мог пользоваться всеми благами своего творения. В сердцах наших царит мир и спокойное счастье от нашего труда, они наполнены сладким чувством удовлетворения, хотя пищей нам служит блюдо из корней и хлеб.

И мы уверены, что, будучи крепкими силою того духа, который сам проявился в нас, мы не будем поражены ни тюремным заключением, ни смертью, пока мы находимся на его работе. Мы сели и подсчитали, сколько может нам стоить предпринимаемая нами работа, теперь нам известна вся сумма, и мы решили отдать все, что мы имеем, чтобы купить ту жемчужину, которую мы видим в поле.

Ибо этот труд дает нам уверенность, и разум сделает это ясным и для других, что рабство будет устранено, слезы осушены и все бедные люди получают облегчение от своей справедливой работы и избавление от бедности и нужды, так как при этой работе восстановления в Израиле не будет нищих, ибо, конечно, если нищих не было в подлинном Израиле, то и в его подобии, духовном Израиле, их будет не больше.

В-шестых, у нас есть и другое указание, что работа будет преуспевать, ибо мы видим, что исполняется время. Ибо, как Сын Человеческий, Агнец, пришел, когда исполнилось время, т.е. когда властители мира заставили землю гноиться повсюду, угнетая других под предлогом правильного поклонения духу жертвоприношениями по букве закона Моисеева; священники же стали так ужасающе алчны и высокомерны, что заставили народ отвернуться от жертвоприношений и стонать под тяжестью их угнетающей гордыни.

Так же и теперь, в сей век мира, когда дух приближается к воскресению, подобным же образом исполняется время еще в большей мере. Как раньше, в прежние времена, люди обычно удовлетворялись соблюдением жертвоприношений и буквы закона, но преследовали даже имя духа, так и теперь профессора успокаиваются на голом исполнении форм и обычаев и претендуют на дух и, однако, преследуют, завидуют и ненавидят силу духа; как было раньше, так и теперь: все наполнено смрадом от ужаснейшего себялюбия учителей и правителей. Разве я не вижу, что каждый проповедует ради денег, советует за деньги и за деньги сражается, чтобы поддерживать личные интересы. И ни один из этих троих, претендующих на то, чтобы дать свободу творению, не даст ее на самом деле. Они и не могут дать ее, так как они враги всеобщей свободы. Земля стала смрадной от их лицемерия, алчности, зависти, глупого невежества и высокомерия.

Простой народ накачивается добрыми словами с кафедр и у столов советов, но не добрыми делами. Люди ждут – ждут добра, ждут освобождения, но ни то, ни другое не приходит. В то время как они ожидают свободы, смотри, вместо нее является еще большее рабство – и тяготы, гнет, сборщики податей, сессий, юристы, бейлифы сотен, комитеты, владельцы десятины, секретари мировых судей, так называемые суды правосудия – все это бичует народ при помощи старых папистских вылинявших законов, которые уже давно были отменены договорами, клятвами и приказами и, однако, до сих пор не выброшены, а скорее снова восстановлены, чтобы служить острой занозой в нашем глазу или шипом в нашем теле. Кроме того, военные постои, грабительство

некоторых грубых солдат и изобилие налогов, которые вызывали бы меньше жалоб, если бы поровну распределялись между солдатами, а не слишком прибирались к рукам отдельными офицерами и доверенными лицами. Помимо того, ужасный обман при купле и продаже и жестокий гнет лэндлордов, лордов маноров и квартальных сессий. Многие, бывшие добрыми хозяевами (как говорится), не могут жить, и вынуждены идти в солдаты и таким образом сражаться за поддержание проклятия или, иначе, жить в страшной нужде и нищенстве. А вы, Адамы земли, у вас есть богатая одежда и сытое брюхо, почести и достаток, и вы плюете на это. Но знай, жестокосердый фараон, что день суда уже настал и скоро дело дойдет и до тебя. Иаков был очень унижен, но он поднимается и поднимается, хотя бы ты и делал самое худшее, на что способен. И бедный люд, который ты угнетаешь, будет спасителем страны, ибо благословение почиет на нем, а ты будешь посрамлен.

Таким образом, вам, властители Англии и всего мира, мы объявили о причинах, по которым начали копать землю на холме св. Георгия в Сёррее. Я должен вам сказать еще одно в заключение – то, что было мне открыто также гласом в другое время; и когда я услышал это откровение, мой взор был устремлен на вас. Слова были следующие: «Дай Израилю свободу».

Конечно, подобно тому, как Израиль находился в течение 430 лет в рабстве у фараона, пока не был послан Моисей освободить его, так же и Израиль, его подобие (избранный дух, распространившийся на сынов и дочерей), находится уже трижды такое время под рабством вашим и жестоких сборщиков налогов. Но теперь настало время освобождения, и ты, гордый Исав, и жестокосердая алчность, должны повергнуться и больше не быть господами творения: ибо теперь царь справедливости поднимается править на земле и над нею.

А потому, если ты хочешь пощады, дай свободу Израилю, разбей немедленно оковы частной собственности, отрекись от убийства ради угнетения, от гнета и грабежа, от купли и продажи земли, от прав собственности лэндлордов, от взимания ренты и дай твое свободное согласие на превращение земли в общую сокровищницу без ропота; чтобы младшие братья могли жить в обеспеченности на земле так же, как и старший; чтобы все могли наслаждаться благами собственного творения.

И этим ты почтишь отца твоего и мать твою. Твой отец – дух общины, который создал все и пребывает во всем. Твоя мать – земля – вырастила нас всех и, как истинная мать, любит всех своих детей. Поэтому не препятствуй матери-земле кормить грудью всех ее детей твоими огораживаниями, отдачей их в руки отдельных лиц, поддерживая своей властью это проклятое рабство огораживаний.

А затем ты покаешься в своем грабительстве, в том, что упорно нарушал восьмую заповедь, воруя землю, как я уже говорил, у своих братьев по творению или младших братьев, ты и все твои лэндлорды, вы жили и живете в нарушении этой заповеди.

Затем да не будет у тебя иного бога или правящей власти, кроме единого царя справедливости, царящей и обитающей в каждом человеке и во всех. А теперь у тебя много богов, ибо твои боги – алчность, гордыня и завистливый, убивающий нрав (убиваешь людей, которые мешают тебе, тюрьмою и виселицами, хотя бы дело их было чисто, здраво и право). Твой бог – себялюбие и рабский страх, чтобы другие не служили тебе, как ты служил им, твой бог – лицемерие, плотское вожделение, которое не соблюдает ни обещаний, ни договоров, ни запретов. Твой бог – любовь к деньгам, почестям и достатку. И все это, как и твоя власть правителя, делает тебя слепым и жестокосердным, так что ты не можешь и не хочешь допускать к сердцу своему огорчения других, хотя бы они умирали из-за недостатка хлеба в этом богатом городе, погибая на твоих глазах.

Поэтому, еще раз: дай Израилю свободу, чтобы бедные могли обрабатывать пустоши и питаться грудью своей матери-земли, дабы они не умирали с голода. И, поступая так, ты будешь соблюдать субботний день, который называется днем покоя, сладко вкушая мир духа справедливости, и обретешь мир, обитая среди народа, живущего в мире. Это будет такой день покоя, которого ты до сих пор никогда не знал.

Я не угрожаю тебе, ибо тебе нельзя угрожать, но я говорю во имя Господа, Который подвиг меня на то, чтобы я говорил тебе: я, да, я говорю, я приказываю тебе дать Израилю свободу мирно собраться всем вместе там, где я укажу вам, и не держать его больше в рабстве.

А ты, Адам, держащий землю в рабстве, под проклятием, если ты не дашь Израилю свободы, ибо ты будешь более упорен и силен, чем древний фараон, подобием которого ты являешься, то знай, раз я порастил его десятью казнями, я умножу эти казни и поражу ими тебя, пока я не сделаю тебя бессильным и посрамленным жалким образом. И я выведу мой народ могучей десницей и с распростертыми дланями.

Таким образом мы облегчили наши души, объяснив причины наших земельных работ на холме св. Георгия в Сёррее, чтобы великий совет и армия страны могли принять во внимание, что здесь нет никаких намерений вызывать шум и столкновение, а только желание получить хлеб для пропитания в поте лица, работая совместно в справедливости и мирно питаясь благословением земли. И если кто из вас, великих мира сего, был нежно воспитан и не может работать, пусть внесет свой вклад в эту общую сокровищницу, как дар на дело справедливости, и мы будем работать на вас и вы будете получать, как мы получаем. Но если вы не захотите, если возопите, подобно фараону: Кто этот Господь, чтобы мы повиновались Ему? – и попытаетесь противиться, знайте: Тот, Кто в древности

освободил Израиль от фараона и до сих пор обладает тем же могуществом, Ему мы доверяем и Ему мы служим, и победа над тобою будет одержана «не мечом или оружием, но духом моим, как изрек Господь воинств».

Вильям Эверард, Джерард Уинстенли, Джон Полмер, Ричард Гудгрум, Джон Саус, Томас Стар, Джон Куртон, Вильям Хогрилл, Вильям Тэйлор, Роберт Сойер, Кристофер Клиффорд, Томас Эдир, Джон Баркер, Генри Бикерстафф, Джон Тэйлор и т. д.

Декларация бедного угнетенного люда Англии

** Памфлет, подписанный Дж. Уинстенли и его 44 единомышленниками, датирован 1 июня 1649 г. Его цель – предупредить захватчиков общинных земель и пустошей, начавших вырубать леса в захваченных владениях.*

Печатается по: Джерард Уинстенли. Избранные памфлеты / Пер. с английского Е.Г. Денисовой. М. – Л., 1950.

обращенная ко всем именующимся или именуемым лордами маноров во всей нации, которые приступили к вырубке или, побуждаемые страхом и алчностью, намереваются рубить леса и деревья, произрастающие на общинных землях и пустошах.

Мы, подписавшие свои имена, действуем от имени всего бедного угнетенного люда Англии и объявляем вам, именующим себя лордами маноров и лордами страны, что Царь справедливости, наш Создатель, просветил настолько сердца наши, чтобы видеть, что земля не была создана специально для вас, чтобы вы были господами ее, а мы – вашими рабами, слугами и нищими, но она была сотворена, чтобы быть общим жизненным достоянием для всех, невзирая на лица; и что ваши покупки и продажи земли и плодов ее друг другу – дело проклятое, которое было принесено войной и которое утвердило и до сих пор утверждает право на убийство и воровство для одной части человечества по отношению ко всем остальным, что является величайшим внешним гнетом и несправедливой властью, под которой ропщет творение. Ибо власть огораживать землю и владеть ею как собственностью была принесена в творение вашими предками силою меча, которым они сначала поражали смертью своих собратьев по творению, людей, а затем грабили и крали у них землю, а затем оставляли эту землю по наследству вам, своим детям. Поэтому, если вы сами не убивали и не крали, вы держите это проклятое право в ваших руках силою меча, и тем самым вы оправдываете злые дела ваших отцов, и этот грех отцов ваших падет на ваши головы и на детей ваших до третьего и четвертого колена и еще дальше, пока ваша кровавая и воровская власть не будет исторгнута с корнем из этой земли.

Далее, поскольку Царь справедливости сделал нас чувствительными к нашему гнету, вопли и ропот сердец наших дошли до него: мы принимаем за свидетельство его любви к нам то, что наши сердца начинают освобождаться от рабского страха перед людьми, подобными вам, и что мы обрели в себе решимость, основывающуюся на внутреннем законе любви друг к другу, вскапывать и пахать общинные земли и пустоши по всей Англии, и что наши речи находятся настолько вне порицаний, что ваши законы более не смогут достигнуть нас для дальнейшего угнетения, если только вы, по вашим законам, не прольете невинную кровь, текущую в наших жилах.

И хотя вы и ваши предки получили вашу собственность путем убийства и воровства и той же силой удерживаете ее от нас, имеющих на землю равное право с вами по справедливому закону творения, но у нас не будет повода для ссор (как у вас) из-за этого беспокойного диавола, именуемого частной собственностью, ибо земля со всеми ее плодами, злаками и скотом и тому подобным была сотворена как общая сокровищница жизненных припасов для всего человечества, для друзей и врагов без исключения.

А чтобы предупредить все ваши мелочные возражения, знайте, что мы не должны ни покупать, ни продавать. Деньги больше не должны быть (после того, как осуществится наше дело с общностью земли) великим богом, который одних пускает внутрь изгороди, а других выбрасывает из нее вон, ибо деньги – это только часть земли. И, разумеется, справедливый Творец, являющийся царем, никогда не повелевал одной части человечества захватывать эти руды (серебро и золото) в свои руки, а другим людям того же рода никогда не быть ни сытыми, ни одетыми. Конечно, нет, потому что это была мысль тиранической плоти, отпрыском которой являются лэндлорды, поместить его изображение на деньгах. И они установили несправедливый закон, по которому никто из людей не будет покупать или продавать, питаться или одеваться или иметь достаточные жизненные средства, если не принесет в своих руках этого изображения, отпечатанного на золоте или серебре.

И хотя Писание говорит, что печать зверя есть 666, число человека, и что те, кто не будет носить этой печати на своих руках или на своем челе, не будут ни покупать, ни продавать (Откровение Иоанна, гл. 13, ст. 16); видя, что подсчет букв вокруг английской монеты дает сумму 666, т.е. число царской власти и славы (именуемой человеком), видя, что век творения подошел ныне к образу зверя или к половине дня и что печать его – 666, мы надеемся, что это будет последней тиранической властью, которая будет царствовать, и что народ будет жить свободно, пользуясь землею, не принося печати зверя в своих руках или в своих обещаниях, и что все будут покупать вино и молоко без денег или без цены, как говорит Исая.

Ибо, после того как продвинется наше дело общности земли, мы должны будем употреблять золото и серебро так же, как мы делали это с другими металлами, но не для

того, чтобы покупать и продавать на них, ибо купля и продажа есть великий обман, посредством которого грабят и крадут землю друг у друга; он делает одних – лордами, других – нищими; одних – правителями, других – управляемыми и великих убийц и воров делает тюремщиками и палачами малых или чистосердечных людей.

И раз мы стали обрабатывать землю совместно, с единодушного согласия и с единодушными помыслами, и раз мы стали свободными, чтобы каждый, друг или враг, пользовался благами творения, т.е. получал пищу и одежду от земли, своей матери, ни один подданный не был бы обязан отдавать отчет в своих помыслах, речах или поступках никому, кроме единственного справедливого Судии, князя мира, духа справедливости, пребывающего и ныне восстающего, чтобы править в каждом творении и на всем земном шаре. Да, говорим мы, раз мы не собираемся препятствовать ни одному человеку пользоваться теми привилегиями, которые даны ему при сотворении его, равными как для одного, так и для другого, то какой же закон можете издать вы, чтобы захватить власть над нами, кроме закона угнетения и тирании, которые поработят или прольют кровь невинного. И тем самым вы сами, судьи, юристы и трибуналы окажетесь величайшими преступниками человечества и против него.

Но подойдем ближе к изложению нашего мнения о том, чего мы хотим и что мы стремимся более всего получить, как направляет нас умеренный и справедливый разум: мы желаем видеть, чтобы были даны нам наши привилегии, дарованные нам при создании нашем и до сих пор не признаваемые за нами и за отцами нашими, с тех пор как править начала сила меча, и тайны творения были замкнуты шаблонной, наподобие попугая, болтовней в университетах и колледжах для школьников, и с тех пор как власть убивающего и грабящего меча, как прежде, так и теперь, в последние годы, возвела правительство и поддерживает его; ибо что такое тюрьмы и смертные приговоры, как не власть меча принуждать народ к этому правлению, которое было захвачено завоеванием и мечом и не может держаться само по себе, а только при помощи той же самой убивающей власти. То правление, которое захвачено над народом силою меча и поддерживается мечом, не установлено Царем справедливости в качестве Его закона, но утверждено алчностью, великим богом мира сего; ему было дозволено царствовать на время, времена и часть времени, и его правление приближается к последнему сроку дозволенного времени, а затем народы узрят славу того правления, которое будет править по справедливости, без меча и копья.

И далее, чувствуя власть справедливости в сердцах наших и стремясь к обеспечению жизненных средств для других, как и для самих себя, мы воспрянули телом и начали копать и пахать на общинных землях и пустошах по причинам, уже объявленным, и, видя себя бедными, нуждающимися в пище для пропитания в течение того времени, когда мы будем обрабатывать землю, засеивать ее и ожидать первого урожая, и, нуждаясь в

плугах, телегах и злаках и тому подобном материале для обработки общинных земель, мы согласились изложить наши условия вам и всем, обладающим сокровищем земли, запертым в ваших мешках, сундуках и амбарах, из которых вы не хотите дать ничего в общественную казну, но скорее согласитесь видеть, как умирают с голоду, не имея хлеба, ваши собратья по творению, имеющие на нее равные права с вами по закону творения. Но это мы объявляем только мимоходом вам и всем, кто следует хитрому искусству купли и продажи земли и ее плодов, только для того, чтобы забрать в свои руки плоды ее и запереть их под замок от тех, кому они принадлежат, чтобы вы знали, что такая алчная, гордая, несправедливая и себялюбивая плоть не получит оправдания в день суда.

А поэтому главное, к чему мы стремимся и ради чего мы объявляем наше решение выступить и действовать, это – наложить нашу руку на леса и, так как мы находимся в нужде, валить и рубить и использовать, как мы лучше сможем, леса и деревья, произрастающие на общинных землях, в качестве материала для себя и для наших бедных братьев по всей стране Англии для поселения на общинных землях, и для того, чтобы обеспечить себя хлебом, пока плоды трудов наших на земле не принесут прироста. Мы не будем касаться ваших владений, но только тех, которые называются общинными, до тех пор, пока дух, обитающий в вас, не заставит вас отрешиться от ваших земель и имущества, которые были приобретены и теперь удерживаются в ваших руках убийством и воровством; а тогда мы получим их от духа, который победит вас, а не от наших мечей, что было бы отвратительной и несправедливой властью, губящей творение: но Сын Человеческий приходит не губить, а спасать.

И мы должны разослать эту декларацию в чужие края, довести ее до сведения всех и каждого, кого она касается, принимая во внимание, что мы видим и слышим, что некоторые из вас, бывшие лорды маноров, приказывают для своего собственного пользования вырубать деревья и леса, растущие на общинных землях, которые, по вашим утверждениям, якобы тоже находятся в распоряжении королевской власти. А это приводит к оскудению общинные земли, которые, по признанию собственных уст ваших, принадлежат бедным, и у бедного, угнетенного люда крадут его права, обманывая его и рассказывая некоторым из наших бедных, угнетенных братьев, что те из нас, которые уже начали копать и пахать на общинной земле, хотят мешать бедным людям. И этим вы ослепляете очи их так, что они не видят своих привилегий, в то время как вы и богатые фригольдеры извлекаете максимальную выгоду из общинных земель, переполняя их вашими овцами и скотом, а бедные люди, которые по имени владеют общинными землями, имеют в них самую малую долю. Да их еще и задерживаете вы, если они рубят лес, либо кустарник, либо собирают торф или вереск в местах, принадлежащих к общинным землям, где вы запрещаете это делать.

Поэтому мы решили не поддаваться дольше обману и не позволять вам держать нас в рабском страхе перед вами, ввиду того, что земля была создана в такой же мере для нас, как и для вас. И если общинные земли принадлежат нам, бедным и угнетенным, то, конечно, и леса, растущие на общинных землях, принадлежат также нам. Поэтому мы решили испробовать все до последнего средства, какие указывает нам разум, чтобы знать, станем ли мы свободными людьми или рабами. Если мы не будем ничего предпринимать и позволим вам украсть у нас наши прирожденные права, мы погибнем, и если мы подадим петицию, мы также погибнем, хотя мы и платили налоги, предоставляли дома для постоя и так же, как и вы, рисковали нашей жизнью в борьбе за свободу народа, и поэтому, по закону и соглашению с вами, свобода в стране в такой же мере наш удел, как и ваш, наравне с вами. И если мы умираем с голоду ради свободы, а ваши убивающие господствующие законы уничтожают нас, мы можем только погибнуть.

Поэтому мы требуем и мы решили взять и общинные земли и общинные леса, чтобы иметь средства к жизни для себя, и смотреть на вас как на равных нам, а не как на стоящих выше нас, зная прекрасно, что наша родина Англия должна быть общей сокровищницей средств к жизни для всех, невзирая на лица.

А засим мы объявляем вам, намеревающимся сводить общинные леса и деревья, что вы не должны этого делать, за исключением заготовок материала для нас, как было уже раньше сказано, и мы должны быть поставлены в известность об этом повсеместным публичным извещением, дабы бедные, угнетенные люди, живущие поблизости, могли брать и употреблять его для своих общественных надобностей. Поэтому заметьте, что мы потребовали этого от имени общин Англии и всех народов мира, так как в этом – справедливая свобода творения.

Мы объявляем также вам: если кто приступил уже к вырубке общинных лесов и деревьев, валит и увозит их для своего частного употребления, то вы должны прекратить это и не идти дальше; мы надеемся, что никто из друзей английской республики не пожелает покупать ничего из этих общинных деревьев и лесов у этих так называемых лордов маноров, укравших, благодаря своим убийственным и обманным законам, землю у младших братьев, которые по закону творения имеют свою твердую долю в земле, равную доле других. Поэтому мы надеемся, что все лесоторговцы откажутся от всех подобных частных товаров, так как они награблены у бедных, угнетенных людей, и примут во внимание сообщенное нами решение. Но если кто-нибудь из вас, лесоторговцы, купит у бедных или для их пользы, для общинных земель, или у тех, кто нами может быть назначен для продажи их, то вы можете владеть им спокойно, без ущерба. Но если вы обманете нас в этом деле, то не порицайте нас, если мы остановим посланные вами телеги и используем лес для собственного потребления, как требуют наши нужды, так как он – наша собственность, одинаково с тем, кто называет себя лордом манора и кто не

обладает никаким особым правом изгонять нас, но должен делиться с нами, как с его собратьями по творению.

Ибо, говорим мы, нашей целью является взять эти общинные леса и продавать их, прежде всего чтобы были запасы для нас самих и для наших детей после нас, чтобы возделывать и засеивать общинные земли, ибо мы будем стремиться нашими справедливыми действиями к тому, чтобы не оставить землю нашим детям опутанной своекорыстными собственниками, но свободным фондом и общей сокровищницей для всех, невзирая на лица. И мы считаем нашим долгом стремиться изо всех сил, чтобы каждый человек был на своем месте (в соответствии с национальным договором, утвержденным парламентом), к реформации, чтобы сохранить свободы народа, как тех, кто платил налоги и давал дом для постоя, так и тех, кто носил меч или брал наши деньги для использования их на общественные нужды: ибо, если реформация должна совершиться по слову Божию, то каждый должен пользоваться благами и вольностями согласно своему творению, невзирая на лица. Мы считаем нашим долгом, говорим мы, напрочь для этого все усилия и поэтому оставим без оправдания в день суда тех, кто поднимется против нас; и нашей драгоценной кровью мы не будем дорожить, мы охотно отдадим нашу жизнь у дверей тюрьмы или у подножия виселицы во имя этого справедливого дела, если те, кто взял наши деньги и обещал дать нам за них свободу, обратятся в тиранов против нас, ибо мы должны не сражаться, а терпеть.

И далее мы предполагаем, что не один, не два и не несколько человек из нас будут продавать или обменивать упомянутые леса, но публично, через печать или письменно будет объявлено всем, за сколько продана та или другая часть леса и во что она обращена – в съестные ли припасы, в злаки, плуги или другие необходимые материалы.

И мы надеемся, что можем не сомневаться (по крайней мере, мы этого ожидаем) в тех, кого именуют великим советом и властителями Англии, кто так часто объявлял в обещаниях и договорах и подтверждал их множеством постных дней и благочестивых заверений сделать Англию свободным народом, при условии, что народ будет платить деньги и рисковать жизнью в борьбе против преемника нормандского завоевателя, угнетающей властью которого была поработощена Англия. И мы смотрим и на эту обещанную свободу как на наследие всех, невзирая на лица. А этого не может быть, если только земля Англии не будет освобождена от собственников и не станет общей сокровищницей для всех ее детей, как каждый надел земли Ханаанской был общей житницей для такого-то и такого-то колена и для каждого члена этого колена, без исключения и без всякого огораживания земли и изгнания из огороженных владений.

Мы говорим – надеемся, что нам не придется сомневаться в их искренности по отношению к нам, и что они не станут противоречить нашему решительному движению; как бы то ни было, их поступки ясно докажут на виду у всех либо их искренность, либо их

лицемерие. Мы знаем, что то, о чем мы говорим, есть наша привилегия и что наше дело справедливое, а если они сомневаются в нем, то пусть они пошлют за нами ребенка, чтобы мы пришли к ним, и мы докажем справедливость нашего дела четырьмя способами. Во-первых, ссылаясь на Национальный договор, который и теперь пребывает в силе и обязывает парламент и народ быть верными и искренними перед всемогущим Господом Богом, в котором каждый в своем месте обязался сохранять и стремиться к свободе каждого из других, невзирая на лица.

Во-вторых, в силу последней победы над королем Карлом мы требуем, чтобы нам была мирно дана эта наша привилегия из рук тиранического правительства как условие нашей сделки и договора с ними, ибо парламент обещал, что если мы будем уплачивать налоги, давать дома для постоя и рисковать нашей жизнью в борьбе против Карла и его партии, которых они называли общим врагом, то они сделают нас свободным народом. Эти три условия выполнены нами так же, как и ими, и мы требуем выполнения ими нашей сделки по закону договора, заключенного с ними, быть вместе с ними свободным народом и иметь равную привилегию с ними в общем жизненном довольстве, так как они выбраны нами на специальную работу и на определенное время из нашей среды не для того, чтобы стать угнетающими нас господами, но слугами, помогающими нам. Однако оба эти положения – наши слабейшие доказательства. И все же при помощи их (в свете разума и равенства, обитающих в сердцах человеческих) мы легко свергнем все те прежние порабощающие законы, возобновлявшиеся в царствование каждого короля со времени завоевания, которые подобны тернию в зрачке и занозе в теле нашем и которые именуются правлением Англии в древности.

В-третьих, мы докажем, что мы имеем свободное право на землю Англии, так как родились на ней так же, как и старшие братья, и что это наше равное право с ними так же, как и их с нами, обладать достаточным жизненным довольствием на земле, не имея над собою никого из нашего же рода в качестве лордов или лэндлордов. И мы докажем это простым текстом из Писания, не давая никакого толкования его, о котором ученые и великие мира сего обычно говорят, что это – их манера обращаться с Писанием.

В-четвертых, мы докажем справедливым законом творения, что человечество, во всех его разветвлениях, есть господин земли и не должно находиться в подчинении ни у кого из своего же рода, но должно жить в свете закона справедливости и в мире, утвержденном в его сердце.

И таким образом, исполнившись любви, мы чистосердечно изложили устремления сердец наших, без лести, ожидая от вас любви и такой же искренности, без недовольства и ссоры, будучи творениями по образу вашему и подобию, не стремясь ни к чему другому, как к соблюдению закона справедливого действия и желая изгнать из творения проклятое

дело, именуемое частной собственностью, причину всех войн, кровопролитий, воровства и порабощающих законов, которые держат народ в нищете.

Подписано от имени и ради всего бедного угнетенного люда Англии и всего мира:

Кристофер Боннер, Вильям Хогрилл, Ричард Тэйлор Даниэль Уиден, Юриан Вортингтон, Ричард Уилер, Натаниэль Голькомб, Натаниэль Етс, Джайльс Чайльд – ст., Вильям Клиффорд, Джон Вебб, Джон Гаррисон, Томас Ярвел, Вильям Беннигтон, Томас Эдир, Джон Эш, Джерард Уинстенли, Ральф Эйер, Джон Кильтон, Джон Пра, Джон Полмер, Джон Вилькинсон, Томас Стар, Эптон Спайр, Самуэль Вебб, Томас Ист, Джон Хейман, Аллен Браун, Томас Гейден, Эдвард Паррет, Джемс Холл, Ричард Грей, Джемс Мэнли, Джон Морди, Томас Барнард, Джон Бачилор, Джон Саус, Вильям Чайльд, Роберт Сейер, Вильям Хэсэм, Кристофер Клиффорд, Эдвард Уичер, Джон Бичи, Вильям Тенч, Вильям Куме.

АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА НАЧАЛА XVIII ВЕКА ДАНИЭЛЬ ДЕФО (1660–1731)

Дефо родился в семье торговца и получил религиозное образование. Он сменил много профессий: работал купцом, журналистом, издателем, писателем и всегда оставался в гуще событий своего времени.

За памфлет «Простейший способ разделаться с диссидентами», направленный против господства англиканской церкви, Дефо был приговорен к позорному столбу, тюрьме и штрафу. В тюрьме он задумал издавать журнал «Ревью» («Обозрение»), который выходил с 1704 по 1713 г., и написал «Гимн позорному столбу».

Начав свой путь в журналистику искренним борцом за правду, Дефо со временем отступил от прежних идеалов и начал продавать свое перо. Умер он в бедности и забвении.

Опыт о проектах

** «Опыт о проектах» (1698 г.) – одно из первых знаменитых выступлений Дефо как публициста. Памфлет написан на злободневную тему: о судьбе английского языка. Дефо предлагает приспособить язык к нуждам современников и сделать его не менее популярным в Европе, чем французский.*

Печатается по: Англия в памфлете / Пер. Н. Лебедевой. М., 1987.

Оных у нас в Англии меньше, нежели в других странах, – в тех, по крайней мере, где ученость ставится столь же высоко. Недостаток сей восполняют, однако, два наших великих питомника знаний, кои, бесспорно, являются крупнейшими, правда, не скажу, лучшими, в Европе. И хотя здесь многое можно было бы сказать об университетах вообще и об иноземных академиях в особенности, я удовольствуюсь тем, что коснусь лишь предмета, оставшегося у нас без внимания. Гордость французов – знаменитейшая Академия в Европе, блеском своим во многом обязана покровительству, которое оказывали ей французские короли. Произнося речь при избрании в сию Академию, один из членов ее сказал, что «одно из славнейших деяний, совершенных непобедимым монархом Франции, – учреждение сего высокого собрания – средоточия всей сущей в мире учености».

Первейшей целью Парижской Академии является совершенствование и исправление родного языка, в чем добилась она такого успеха, что ныне по-французски говорят при дворе любого христианского монарха, ибо язык сей признан универсальным.

Некогда выпала мне честь быть членом небольшого кружка, поставившего себе, по-видимому, ту же благородную цель относительно английского языка. Однако величие задачи и скромность тех джентльменов, кои взялись за ее исполнение, послужили к тому, что от начинания сего пришлось им отказаться как от непосильного для частных лиц. Поистине для подобного предприятия надобен нам свой Ришелье, ибо нет сомнений, будь в нашем королевстве такой гений, который возглавил бы эти усилия, то последователи у него непременно нашлись бы, сумев стяжать себе славу, достойную предшественников. Язык наш наравне с французским заслуживает, чтобы на благо его трудилось подобное общество, и способен достичь много большего совершенства. Просвещенные французы не могут не признать, что по части глубины, ясности и выразительности английский язык не только не уступает своим соседям, но даже их превосходит. Сие признавали и Рапэн, и Сент-Эвремон, и другие известнейшие французские писатели. А лорд Роскоммон, почитавшийся знатоком английского языка, писавший на нем с наибольшей точностью, выразил ту же мысль в следующих строках:

Как легкость авторов французских далека

От силы нашего родного языка!

Ведь в слитке строчки нашей серебрится

Французской проволоки целая страница.

И если соседи наши вслед за своим величайшим критиком признают наше превосходство в возвышенности и благородстве слога, мы охотно уступим им первенство по части их легковесной живости.

Приходится только сожалеть, что дело столь благородное не нашло у нас столь же благородных приверженцев. Разве не указывает нам путь пример Парижской академии, которая – воздадим должное французам! – стоит первой среди величайших начинаний просвещенного человечества?

Ныне здравствующий король Англии, коему со всех сторон света доносятся хвалы и панегирики и чьи достоинства враги, если только их интересы не зажимают им рта, готовы превозносить даже больше, чем сторонники, – король наш, показавший столь удивительные примеры величия духа на войне, не найдет лучшего случая, осмелюсь заметить, в мирное время увековечить свою память, нежели учредив такую Академию. Сим деянием он имел бы случай затмить славу французского короля на мирном поприще, как затмил он ее своими подвигами на поле брани.

Одна лишь гордыня находит упоение в лести, и не что иное, как порок, закрывает нам глаза на наши несовершенства. Государям, по моему разумению, в этой части выпал жребий особенно несчастливый, ибо добрые их поступки всегда преувеличиваются, меж тем как дурные замалчиваются. Со всем тем королю Вильгельму, уже снискавшему себе хвалу на стезе воинской доблести, видимо, уготовано деяние, похвальное в самой сути своей и стоящее выше лести.

А посему – коль скоро речь идет о деле, каковое, надо полагать, по плечу лишь государю, – я, против обыкновения, не дерзаю в этой части моих опытов, как делал в других, указать на пример разрешения сего вопроса, а просто приведу свои соображения.

Мне представляется ученое Общество, учрежденное самим государем, будь на то его высочайшая воля, состоящее из просвещеннейших людей наших дней; притом надобно, чтобы дворяне сии, будучи страстными приверженцами учености, соединяли в себе благородство рождения с выдающимися природными способностями.

Целью сего Общества должно стать распространение изящной словесности, очищение и совершенствование английского языка, развитие столь пренебрегаемых нами навыков правильного его употребления, забота о чистоте и строгости слога, избавление языка от всяческих искажений, порождаемых невежеством или жеманством, а также от тех, с позволения сказать, нововведений, кои иные чересчур самонадеянные сочинители осмеливаются навязывать нашему языку, словно их авторитет настолько непререкаем, что дает им право на любые причуды.

Такое Общество, смею утверждать, принесло бы подлинную славу английскому языку, и тогда среди просвещенных народов он по праву получил бы признание как наибогороднейший и наиточнейший из всех новых языков.

Членами сего Общества стали бы только лица, известные своей просвещенностью, но отнюдь не те – или очень немногие из тех, – кто посвятил себя ученым занятиям, ибо, позволю себе заметить, встречается немало больших ученых или просто образованных

людей и выпускников университетов, чей язык вовсе не безупречен, поскольку страдает неуклюжестью, искусственностью и тяжеловесностью, изобилует чрезмерно длинными и плохо сочетающимися словами и предложениями, каковые звучат грубо и непривычно, а для читателей трудно произносимы и непонятны.

Словом, среди членов сего Общества я не хотел бы видеть ни священников, ни лекарей, ни стряпчих. Не то что бы я не уважал учености тех, кто упражняется в сих почтенных занятиях, или с пренебрежением относился к ним самим. Но, думаю, я не нанесу этим людям бесчестия, если замечу, что их род занятий неизбежно исподволь накладывает свой отпечаток на речь, чего не терпят интересы дела, о коем я радею. Вполне допускаю, что и в этой среде может встретиться человек, в совершенстве владеющий языком и стилем, истинный знаток английского языка, чью речь мало кто осмелится исправлять. И если найдутся таковые люди, их выдающиеся достоинства должны открыть им двери в помянутое ученое Общество, однако подобные случаи, конечно же, будут редки и должны составлять исключение.

Будущее Общество представляется мне состоящим из истинных джентльменов. В него вошли бы двенадцать пэров, двенадцать джентльменов, не занимающих государственных должностей, и еще следовало бы учредить, хотя бы ради поощрения, двенадцать мест для людей разных званий, кои своим трудом и заслугами приобрели бы право удостоиться подобной чести. Общество было бы достаточным авторитетом для определения правильности употребления слов, изобличало бы нововведения, возникающие по чьей-то прихоти, и тем самым наша словесность обрела бы блюстителя законности, обладающего полномочиями поправлять сочинителей и в особенности переводчиков, запрещая им излишние вольности. Благодаря своему высокому авторитету Общество стало бы признанным законодателем в языке и стиле, и тогда никто из пишущих не дерзал бы изобретать слова без его одобрения. Обычаи языка, которые суть для нас закон в употреблении слов, должны строго оберегаться и неукоснительно соблюдаться. Учреждение Общества положило бы конец изобретению слов и выражений, каковое следует считать таким же преступлением, как печатание фальшивых денег.

Круг занятий Общества охватывал бы чтение трактатов об английском языке, издание трудов о происхождении, природе, употреблении, значениях и различиях слов, о правильности, чистоте и благозвучии слога, а также воспитание у пишущих хорошего вкуса, порицание и исправление распространенных ошибок в языке, словом, все необходимое для того, чтобы привести английский язык к должному совершенству, а наших джентльменов научить писать как подобает их званию, изгнав чванство и педантизм, преградив путь неуместной дерзости и наглости молодых авторов, кои в погоне за известностью готовы жертвовать здравым смыслом.

Позвольте теперь высказать некоторые соображения касательно того потока бранных слов и выражений, который ныне захлестнул нашу речь. Я не могу не остановиться здесь на сем предмете, ибо бессмысленный порок сей настолько среди нас укоренился, что мужчины в беседе между собой почти не обходятся без крепкого словца, а иные даже сетуют – жаль, дескать, что брань почитается неприличной, ибо украшает речь и придает ей выразительность.

Говоря о сквернословии, я имею в виду все те проклятия, божбу, бранные слова, ругательства и как там оные еще именуются, кои в пылу беседы беспрестанно слетают с уст едва ли не всякого мужчины, какого бы звания он ни был.

Привычка сия бессмысленна, безрассудна и нелепа; это глупость ради глупости, чего даже сам дьявол себе не позволяет: дьявол, как известно, творит зло, но всегда с некой целью – либо из стремления ввергнуть нас в соблазн, либо, как говорят богословы, из враждебности к Создателю нашему. Человек крадет из корысти, убивает, дабы удовлетворить свою алчность или мстительность; распутство и поругание женщины, прелюбодеяние и содомский грех служат к утолению порочных вожделений, всегда имеющих свою корыстную цель, как вообще любой порок имеет какую-то причину и какую-то видимую цель, и лишь дурной обычай, о котором я пишу, представляется совершенно бессмысленным и нелепым: он не дает ни удовольствия, ни выгоды, не преследует никакой цели, не удовлетворяет никакую страсть, это просто бешенство языка, рвота мозга, являющая собой насилие над естеством.

Далее. Для других пороков всегда находятся оправдания или извинения: вор ссылагается на нужду, убийца – на ослепление неистовством, немало неуклюжих доводов приводится в извинение распутства; отвратительную же привычку к сквернословию все, включая тех, кому она свойственна, не могут не признать преступлением, и единственное, что можно услышать в оправдание бранного слова, это то, что оно само срывается с языка.

Сверх того, оглушать своих собеседников потоками брани есть непростительная дерзость и нарушение правил приличия, а коль скоро кому-то из присутствующих сие не по душе, то, следственно, попираются и законы вежливости. Все равно что испустить утробный звук на судебном заседании или произносить непристойные речи в присутствии королевы.

В борьбе с таким злом любые законы, постановления парламента и предписания суть не что иное, как игра в бирюльки. Меры сии курам на смех, и, сколько могу судить, они всегда оставались без последствий, тем паче что наши судьи ни разу не пытались требовать их исполнения.

Не наказание, а хороший пример искоренит порок, и, если большинство наших джентльменов откажется от этой дурной привычки, нелепой и бессмысленной, она, став предосудительной, выйдет из моды.

Вот начинание, достойное Академии. Полагаю, ничто не может возыметь большего действия, нежели открытое порицание со стороны столь авторитетного Общества, призванного охранять чистоту языка и нравов. Академии принадлежало бы право решать, сообразуется ли с духом разумности изображение обычаев, нравов и обхождения на театре. Прежде чем ту или иную пьесу увидят зрители, а критики начнут судить о ней и вовсю ругать, она должна быть оценена членами Академии. Тогда на сцене будет процветать подлинное искусство, и два наших театра перестанут ссориться за обладание первенством, признав разум, вкус и истинные достоинства непогрешимыми судьями в сем споре.

Простейший способ разделаться с диссидентами

**Памфлет «Простейший способ разделаться с диссидентами» Дефо написал от имени непримиримого к инакомыслящим энтузиаста. Памфлет был опубликован 1 декабря 1702 г. Совет, который дал Дефо якобы от имени гонителей диссидентов, был принят за чистую монету. Когда мистификация разъяснилась, гнев дошел до королевского дворца. Печатается по: Англия в памфлете / Пер. Т. Казавчинской. М., 1987.*

В собрании басен сэра Роберта Л'Эстренджа есть притча о Петухе и Лошадях. Случилось как-то Петуху попасть в конюшню к Лошадям, и, не увидев ни насеста, ни иного удобного пристанища, он принужден был разместиться на полу. Страшась за свою жизнь, ибо над ним брыкались и переступали Лошади, он принялся их урезонивать с большой серьезностью: «Прошу вас, джентльмены, давайте стоять смирно, в противном случае мы можем растоптать друг друга!»

Сегодня очень многие, лишившись своего высокого насеста и уравнившись с прочими людьми в правах, весьма обеспокоились – и не напрасно! – что с ними обойдутся, как они того заслуживают, и стали восхвалять, подобно эзоповскому Петуху, Мир, Единение и достодолжную христианскую Терпимость, запамятавав, что отнюдь не жаловали эти добродетели, когда стояли у кормила власти сами.

Последние четырнадцать лет не знает славы и покоя чистейшая и самая процветающая церковь в мире, утратившая их из-за ударов и нападков тех, кому Господь, пути которого неисповедимы, дозволил поносить и попираť ее. То было время поругания и бедствий. С незыблемым спокойствием терпела она укóры нечестивцев, но Бог, услышав наконец творимые молитвы, избавил ее от гнета чужеземца.

Отныне эти люди знают, что их пора прошла и власть их миновала; на нашем троне восседает королева-соотечественница, всегда и неизменно принадлежавшая Церкви Англии и искони ее поддерживавшая. И посему, страшась заслуженного гнева церкви, диссиденты кричат: «Мир!», «Единение!», «Кротость», «Милосердие!». Как будто церковь

не укрывала слишком долго это вражеское племя сенью своих крыл и не пригрела на своей груди змеиное отродье, ужалившее ту, что его выкормила.

Нет, джентльмены, дни милосердия и снисхождения кончились! Чтоб уповать теперь на миролюбие, умеренность и благость, вам следовало и самим их прежде соблюдать! Но за последние четырнадцать лет мы ни о чем таком от вас слыхом не слыхали! Вы нас стращали и запугивали своим Актом о веротерпимости, внушали, что ваша церковь – дочь закона, как и прочие, свои молельные дома с их ханжескими песнопениями вы размещали у порога наших храмов! Вы осыпали наших прихожан упреками, одолевали их присягами, союзами и отречениями – и множеством иных досужих измышлений! В чем проявлялось ваше милосердие, любовь и снисходительность к тем самым совестливым членам Церкви Англии, которым было трудно преступить присягу, данную законному и правомочному монарху (к тому же не ушедшему из жизни), дабы с поспешностью – к чему вы понуждали их – поклясться в верности новоиспеченному голландскому правительству, составленному вами из кого придется. Неприсягнувших вы лишили средств к существованию, оставив их с домашними во власти голода и обложив их земли и владения двойною податью, чтобы вести войну, в которой они не участвовали, а вы не дождались прибыли!

Чем сможете вы объяснить противоречащую совести покорность, к которой вы, пуская в ход свою новейшую обманную политику, склонили многих верных, что согрешили, как и многие новообращенные во Франции, лишь убоявшись голода? Зато теперь, когда вы оказались в нашей шкуре, вы говорите, что зазорно вас преследовать, ибо сие не по-христиански!

Вы обагрили руки кровью одного монарха! Другого низложили! Из третьего вы сделали марионетку! И вам еще хватает дерзости надеяться, что следующая венценосная особа подарит вас и службой, и доверием! Те, что не знают нравов вашей партии, должно быть, приписали бы безумию и наглости сии неслыханные упования!

Любому из грядущих повелителей довольно было бы взглянуть, как вы вертели своим Королем-Голландцем (которому досталось править только в клубах), чтоб осознать доподлинную цену ваших убеждений и убояться ваших цепких рук. Благодаренье Богу, наша королева вне опасности, ибо ей ведомо, что вы собою представляете, она вас не оставит без надзора!

Верховному правителю страны даны, вне всякого сомнения, и власть, и полномочия употреблять законы государства по отношению к любым из подданных. Но партия фанатиков-диссидентов ославила религиозными гонениями известные законы нашего отечества, которые к ним применялись очень мягко, крича, что беды гугенотов Франции ничто в сравнении с их бедами. Однако обращать законы государства против тех, кто преступает их, хоть прежде согласился с их введением, есть отправление правосудия, а

не религиозные гонения. К тому же правосудие – всегда насилие для нарушителей, ибо любой невинен в собственных глазах.

Впервые закон против диссидентов был применен на деле в годы правления короля Якова I, и что из этого последовало? Лишь то, что им позволили в ответ на их прошение переселиться в Новую Англию, где, получив значительные привилегии, субсидии и соответствующие полномочия, они сумели основать колонию и где, не собирая с них ни податей, ни пошлин, мы охраняли и оберегали их от всех и всяческих завоевателей, – то была худшая из бед, какие им случилось испытать!

И такова жестокость Церкви Англии. Какая пагубная снисходительность! Она и довела до гибели блистательного государя – короля Карла I. Если бы король Яков услали всех пуритан из Англии в Вест-Индию, мы бы остались единой церковью! Единой, неделимой и не тронутой расколом Церковью Англии!

Дабы воздать отцу за снисходительность, диссиденты пошли войной на сына, повергли его ниц, преследовали по пятам, схватили и отправили в узилище; затем, послав на казнь помазанника Божия, разделились с правительством, разрушив самые его основы, и возвели на трон ничтожнейшего самозванца, не наделенного ни высотой происхождения, ни пониманием того, как должно править, но возмещавшего отсутствие указанных достоинств силою, кровавыми и безрассудными решениями и хитростью, не умеряемой ни каплей совести.

Если бы король Яков I не сдерживал карающую руку правосудия и дал ему свершиться до конца, если б он воздал им должное, страна от них освободилась бы! Тогда они бы не могли убить наследника и не сумели бы попрасть монархию. Избыток его милосердия к ним повлек и гибель его сына, и окончание мирной жизни Англии. Казалось бы, диссидентам, уже вознаградившим нас за дружелюбие братоубийственной войной и тяжкими, неправыми гонениями, не стоит уповать, будто своими льстивыми и жалкими речами они склонят нас к Миру и Терпимости.

Они теперь нас убеждают мягче с ними обходиться, тогда как сами – хотя им, разумеется, не довелось вершить делами церкви – выказывали ей и крайнюю суровость, и презрение и подвергали всяческому порицанию! Во времена расцвета их Республики много ли милосердия и миролюбия вкусили те из джентри, что сохранили верность королю? Взяв выкуп со всего дворянства без разбору, с тех, что сражались, и с тех, что не сражались в войске короля, фанатики пускали по миру чужие семьи. Чего только не вытерпела Церковь Англии, когда они расхитили ее имущество, присвоили ее владения, отдав их солдатне, а пострадавших обрекли на голодное существование! Теперь мы применим к ним их же средства!

Известно, что вероучение Церкви Англии исходит из любви и милосердия, которые она распространяла на диссидентов гораздо больше, чем они того заслуживали, пока в конце

концов не стала нарушать свой долг и обделять своих сынов, виной чему, как говорилось выше, была излишняя терпимость короля Якова I. Сотри он пуритан с лица земли еще вначале, когда к тому представлялся случай, они бы не могли, набравшись сил, тиранить церковь, как делают с тех самых пор.

Чем воздала им церковь за кровавые злодеяния? В те годы, когда на троне восседал Карл II, она ответила диссидентам и милосердием, и снисхождением! Кроме безжалостных цареубийц, входивших в самочинный суд, никто из них не поплатился жизнью за потоки крови, пролитые в противоестественной войне! Карл с самых первых дней оказывал им покровительство, дарил любовью, опекал их, раздавал им должности, оберегал от строгости закона и, не считаясь с мнением парламента, не раз предоставлял свободу веры, за что они воздали ему заговором, замыслив с помощью злодейской хитрости низвергнуть его с трона и уничтожить заодно с преемником!

Правление Якова II, казалось, унаследовавшего милосердие от предков, ознаменовалось редкими благодеяниями для диссидентов, и даже их поддержка герцогу Монмуту не побудила его поквитаться с ними. Желая их привлечь к себе любовью и мягкосердечием, король, в своем безмерном ослеплении, провозгласил для них свободу и предпочел поставить под удар не их, а Церковь Англии! Теперь известно во всем мире, как они на то ответили!

Годы правления последнего монарха еще настолько свежи в памяти, что можно не вдаваться в разъяснения. Довольно лишь сказать, что, сделав вид, будто они хотят соединиться с церковью, чтоб искупить свою вину, диссиденты и прочие примкнувшие к ним лица из сбитых ими с толку опасно накалили обстановку и свергли короля с престола, как будто врачевать обиды, нанесенные стране, нельзя иным путем, чем сокрушив монарха! Вот вам пример их Сдержанности, Миролюбия и Милости!

Чего только они не вытворяли, когда на троне восседал их единоверец! Они проникли на все важные и выгодные должности и, втершись в доверие к королю, в обход всех прочих, получали самые высокие посты! Все, даже министерство, оказалось в их руках, но как они при этом плохо правили! Все это очевидно и не нуждается в напоминании.

Однако свойственный им дух любви, и единения, и милости, столь громко ими ныне восхваляемый, особенно бросается в глаза в Шотландии. Взгляните на Шотландию, и вы увидите, какого они духа. Они забрали силу в местной церкви, согнули в рог священников и одержали, как им кажется, бесповоротную победу над епископальным правительством! Но это мы еще посмотрим!

Хотелось бы узнать у «Наблюдателя», их наглого заступника, много ли кротости и милосердия узнала паства епископальной церкви со стороны шотландского пресвитерианского правительства! В ответ я мог бы поручиться, что и диссидентам окажут в Церкви Англии подобный снисходительный прием, хотя они его и не заслуживают!

Из краткого трактата «Гонения, перенесенные в Шотландии служителями епископальной церкви» становится понятно, что выстрадало наше духовенство! Его не только оставляли без приходов, но зачастую грабили и подвергали оскорблениям. Священников, не отступившихся от своей веры, изгнали вместе с чадами и домочадцами, не уделив и корки хлеба на дорогу, должно быть от избытка милосердия. В таком коротком сочинении не счесть бесчинства этой секты.

А ныне, чтобы отогнать нависшую на горизонте тучу, которая, как они чувствуют, движется на них из Англии, обученные всем уловкам пресвитерианства, они стремятся к Унии народов, желая, чтобы Англия объединила свою церковь с шотландской и чтобы все гнусавое собрание шотландских длиннополых влилось в нашу конвокацию. Бог ведает, что бы могло случиться, останься наши фанатики-виги у кормила власти. Будем надеяться, что ныне можно сего не опасаться.

Пытаясь запугать нас, иные из этой секты заявляют, что, если мы не вступим с ними в Унию, они отложатся от Англии и сами изберут себе монарха после смерти королевы. Если они не примут нашего престолонаследия, мы их к тому принудим, они не раз имели случай убедиться в нашей силе! Короны двух этих государств с недавних пор передаются не по наследственному праву, но, может быть, оно опять к ним возвратится, и если Шотландия намерена его отвергнуть ради того, чтоб избирать себе государя, пусть не забудет, что Англия не обещала предавать законного наследника: она поможет ему возвратиться, что бы ни говорилось в смехотворном «Законе о престолонаследии».

Так выглядят на деле эти джентльмены, и так они чтят церковь на родине и за ее пределами!

Теперь давайте перейдем к тем вымышленным доводам, которые диссиденты приводят в свою пользу; давайте уясним, из-за чего нам следует оказывать им снисхождение и почему нам следует терпеть их.

«Во-первых, – говорят они, – нас очень много». Они-де составляют слишком значительную часть нации, чтобы их можно было воспретить. На это существуют следующие возражения.

Прежде всего, их несравненно меньше, чем французских протестантов, однако тамошний король весьма успешно в одночасье избавил от них нацию, и непохоже, что ему их не хватает!

К тому же я не верю, что их так много, как они о том толкуют. Их ощутимо меньше, нежели числится в их секте, весьма возросшей за счет тех наших верующих, что дали себя одурачить вкрадчивым словом и хитрыми выдумками; но стоит нашему правительству всерьез приняться за работу, как все они оставят чуждое исповедание, подобно грызунам, что покидают тонущий корабль.

Второе. Чем больше среди нас диссидентов, тем больше и опасность, ими представляемая, и тем важнее предотвратить ее! Как жаль в плоть, они ниспосланы нам Богом в наказание за то, что мы не истребили их в зародыше.

И третье соображение. Коль скоро мы должны признать диссидентов лишь потому, что не способны с ними справиться, нам следует себя проверить и узнать, осилим мы их или нет. Я убежден, что это дело легкое, и мог бы указать, как лучше за него приняться, но это было бы нескромностью по отношению к правительству, которое изыщет действенные способы, дабы избавить край от этого проклятия.

Второй их довод сводится к тому, что *«Англия сейчас воюет и всем нам следует сплотиться против общего врага»*.

На это мы отвечаем, что «общий враг» не враждовал бы с нами, если бы они о том не постарались! Наш «враг» жил мирно и спокойно, не беспокоя нас и не вторгаясь в наши земли, и, если бы не диссиденты, у нас бы не возникло повода для ссоры.

К тому же мы и без них способны одолеть его. Однако зададимся следующим вопросом: зачем перед лицом врага вступать в союз с диссидентами? Неужто они перебросятся к противнику, ежели мы не упредим того и не сумеем с ними сговориться? Вот и отлично, тогда мы рассчитаемся со всеми недругами сразу, и в том числе с тем самым «общим», с которым нам без них будет намного легче справиться! К тому же, если нам угрожает враг извне, нам следует освободиться и от внутреннего. Коль скоро у страны имеется противник, тот самый «общий враг», ей ни к чему иметь в тылу другого!

Когда из обращения изымали старую монету, мы часто слышали, как раздавались голоса: «Не стоит проводить такую меру! Необходимо отложить ее до окончания войны, иначе мы рискуем погубить отечество!» Однако польза этой меры не замедлила сказаться и оправдала риск, как оказалось, не такой уж и большой. И удалить диссидентов несколько не труднее и так же важно для страны, как и наладить выпуск новых денег. Мы не узнаем радость прочного, неколебимого единства и крепкого, незыблемого мира, пока не изгоним из страны Дух Вигов, Дух Раздоров и Раскола, как некогда отдали в переплавку старую монету!

Внушать себе, что это очень трудно, – значит запугивать себя химерами и опасаться силы тех, что силы не имеют. Издалека нам многое рисуется гораздо более трудным, чем оно есть на самом деле, но стоит обратиться к доводам рассудка, как мгла рассеивается и призраки уходят.

Мы не должны давать себя стращать! Наш век мудрее прежнего, о чем свидетельствует и наш опыт, и опыт предшествующего поколения. Яви король Карл I больше осмотрительности, он в колыбели уничтожил бы их секту! Как бы то ни было, об их военной силе можно не упоминать – всех их Монмутов, Шефтсбери, Аргайлов больше нет, как больше нет голландского убежища! Бог им уготовал погибель, и, если мы не

подчинимся Вышней воле, пенять придется только на себя, равно как помнить с этих самых пор, что нам предоставлялся случай послужить ко благу церкви, стерева с лица земли ее непримиримого противника; но если мы упустим миг, дарованный нам Небом, то, как показывает жизнь, останется лишь сокрушаться: «Post est occasio calva!».

Мы часто слышим возражения против этой меры и посему рассмотрим самые распространенные из них.

Нередко говорят, что королева обещала сохранить диссидентам дарованную им свободу вероисповедания и упредила нас, что не нарушит данное им слово.

Не в нашей власти направлять поступки королевы, иной вопрос – чего мы ожидаем от нее как от главы церкви. Ее величество обязывалась защищать и ограждать от всяких посягательств Церковь Англии, но если для того, чтоб это выполнить, необходимо истребить диссидентов, значит, ей нужно отступить от одного обещания, чтобы сдержать другое.

Однако вникнем в это возражение подробнее. Ее величество хотя и обещала соблюдать терпимость в отношении диссидентов, но все же не ценою разрушения церкви, а только при условии благополучия и безопасности последней, которые она взялась блюсти. Коль скоро выгоды двух сих сторон пришли в противоречие, понятно, что королева предпочтет отстаивать, хранить, оберегать и утверждать родную церковь, чего, по нашему суждению, она не в силах будет сделать, не отказавшись от терпимости.

На это нам, возможно, возразят, что церкви ныне ничего не угрожает со стороны диссидентов и нас ничто не вынуждает к срочным мерам.

Но это слабый аргумент. Во-первых, если угроза вправду существует, то отдаленность ее не должна нас успокаивать, и это лишний повод торопиться и отвести ее заранее, вместо того чтобы тянуть, пока не станет слишком поздно.

К тому же может статься, что это первый и последний случай, когда у церкви есть возможность добиться безопасности и уничтожить недруга.

Эта возможность дается представителям народа! Настало время, которого так долго ждали лучшие сыны страны! Сегодня они могут оказать услугу своей церкви, ибо их поощряет и поддерживает королева, по праву возглавляющая эту церковь!

Что вам соделать с сестрою вашею, когда будут свататься за нее?

Что вам соделать, если вы желаете утвердить лучшую христианскую церковь в мире?

Если вы желаете изгнать оттуда рвение?

Если вы желаете уничтожить в Англии змеиное отродье, так долго упивавшееся кровью Матери?

Что вы предпримете, желая освободить потомство от раздоров и волнений?

Тогда спешите это сделать! Настало время вырвать с корнем сорняки мятежной ереси, которые так много лет мешали миру в вашей церкви и заглушали доброе зерно!

«Но так мы возродим костры, – мне скажут многие в сердцах или невозмутимо, – и акт *De haeretico comburendo*, а это и жестоко и означает возвращение к варварству».

На это я отвечу так: хоть и жестоко предумышленно давить ногой гадюку или жабу, но мерзость их природы такова, что превращает мой поступок в благо для ближних наших. Их убивают не за вред, который они сотворили, а для того, чтобы его предотвратить! Их убивают не за зло, которое они нам уже причинили, а за то, которое они в себе таят! Вся эта нечисть: жабы, змеи и гадюки – опасна для здоровья и вредна для жизни тела, тогда как те нам отравляют душу, растлевают наше потомство! Заманивают в сети наших чад, подтачивают корни нашего земного счастья и небесного блаженства. И заражают весь народ!

Какой закон способен охранять сих диких тварей? Есть звери, созданные для охоты, за каковыми признается право убегать и укрываться от погони, но есть и те, которым разбивают голову, используя все преимущества внезапности и силы!

Я не прописываю в качестве противоядия сожжение на костре. Я только повторяю вслед за Сципионом: «*Delenda est Carthago!*». И если мы надеемся жить в мире, служить Богу и сохранять свободу и достоинство, диссидентов необходимо уничтожить! Что до того, как лучше это сделать, – решение за теми, кто полномочен отправлять божественное правосудие против врагов страны и церкви!

Но если мы позволим запугать себя упреками в жестокосердии, если мы уклонимся от свершения правосудия, нам не дано будет узнать ни мира, ни свободы! То будет варварство, и несравненно большее, по отношению к нашим чадам и потомкам, которые им попрекнут своих отцов, как мы им попрекаем наших. «У вас был случай под покровительством и при поддержке королевы, стоящей во главе Законной Церкви, искоренить все подлое отродье, а вы, поддавшись неуместной жалости из страха проявить жестокость, помиловали этих мерзких нечестивцев. И нынче они гонят нашу церковь и попирают нашу веру, опустошают наши земли, а нас влекут на плахи и в темницы! Вы пощадили амаликитян и погубили нас! И ваша милость – лишь жестокость к вашим бедным детям!»

Как справедливы будут эти нарекания, когда наши потомки попадутся в лапы к сему не знающему снисхожденья роду, и Церковь Англии охватят смуты и раздоры, дух рвения и хаос, когда правление в стране передоверят иноземцам, которые искоренят монархию и учредят республику!

Коль скоро мы должны щадить их племя, давайте действовать разумно: давайте умертвим своих потомков сами, вместо того чтоб обрекать их гибели от вражеской руки и прикрывать высокими словами свое бездействие и равнодушие, крича, что это милосердие, – ибо рожденные свободными, они тогда свободными покинут этот мир.

Кротчайший, милосердный Моисей промчался в гневе по становищу, сразив мечом три и еще тридцать тысяч любезных его сердцу братьев из народа своего за сотворение себе кумира. Зачем он покарал их? Из милосердия – дабы не допустить до разложения все воинство. Сколь многих из грядущей паствы мы бы спасли от заблуждений и от скверны, срази мы нынче племя нечестивцев!

Недопустимо мешкать с этой мерой! Все эти штрафы, пени и поборы, глупые и легковесные, только идут диссидентам на пользу и помогают им торжествовать! Но если бы за посещение сектантского собрания, молился ли там верный или проповедовал, расплачиваться нужно было не монетами, а виселицей и если бы сектантов присуждали к каторжным работам, а не к штрафам, страдающих за веру было бы гораздо меньше! Теперь перевелись охотники до мученичества, и, если многие диссиденты бывают в церкви для того, чтоб их избрали мэрами и шерифами, они согласны будут посетить и сорок храмов ради того, чтобы не угодить на виселицу!

Достало бы и одного закона, но только строгого и точно соблюдаемого, о том, что всякий посещавший их гнусавые молельни присуждается к изгнанию, а проповедник отправляется на виселицу, и дело было б решено! Диссиденты бы валом повалили в Церковь! Уже при жизни следующего поколения мы стали бы единою церковью!

Взимать пять шиллингов за то, что человек в течение месяца не подходил к причастию, и шиллинг за то, что он не приближался к церкви целую неделю, – это неслыханное средство обращения в истинную веру! Так можно лишь предоставлять за деньги право согрешать!

И если в этом нет злоумышления, то отчего мы не даем им полную свободу? А если есть, какими деньгами его окупишь? Мы продаем им право согрешать и против Господа, и против власти предрешающей!

И если они все же совершают тягчайшее из преступлений, направленное против мира и блага Англии и против славы Божией во поруганье церкви и на пагубу души, пусть это числится среди наиболее страшных злодеяний и получает соответствующую кару!

Мы вешаем людей за пустяки и отправляем в ссылку за безделицы, тогда как от обиды, нанесенной Господу и церкви, достоинству религии и благу человека, нетрудно откупиться за пять шиллингов. Это такое унижение христианского правительства, в котором стыдно дать отчет потомкам!

За то, что люди согрешают против Бога, не соблюдают его заповеди, бунтуют против церкви, не повинуются наказам тех, кого он дал им в управители, им следует назначить наказание, сравнимое по тяжести с проступком! Тогда вновь расцветет наша религия, и наша разделившаяся нация вновь обретет единство.

Что же касается словечек вроде «варварский», «жестокий», которыми вначале нарекут такой закон, то их забудут очень скоро. Я вовсе не хочу сказать, что каждого диссидента

следует приговорить к повешению или к изгнанию из Англии, отнюдь нет. Но для того чтоб подавить мятеж или волнение, достаточно бывает покарать зачинщиков, а прочих можно и простить. И если наказать по всей строгости закона наиболее упорствующих, это, бесспорно, приведет толпу к повиновению.

Чтоб осознать неоспоримую разумность и, более того, заведомую простоту сего решения, давайте разберемся, по какой причине наша страна раздроблена на партии и секты, а также спросим у диссидентов, чем они могут оправдать раскол. И заодно ответим сами, из-за чего мы, паства Церкви Англии, покорно сносим все бесчинства и обиды, какие ей наносит эта братия?

Один из их известных пастырей, такой же грамотей, как большинство их просвещенного сообщества, в своем ответе на памфлет «Исследование случаев частичного согласия с доктриной Церкви Англии» высказывается в следующем роде на странице двадцать седьмой: «Разве мы представляем собой два разных исповедания? Что отличает веру Церкви Англии от вероучения молитвенных собраний? У нас нет расхождений в существе религии, и то, что нас разъединяет, касается лишь менее важных и второстепенных положений»; на странице двадцать восьмой он продолжает в том же роде: «Ваше учение изложено в тридцати девяти догматах, из которых тридцать шесть, с которыми мы все согласны, содержат ее сущность, и только относительно трех дополнительных меж нами нет единодушия».

Итак, по собственному их признанию, они считают нашу церковь истинной, а расхождения меж нами – несколькими несущественными частностями, – не согласятся же они на казни и галеры, на истязания и на разлуку с родиной из-за подобных пустяков? Ну нет, они наверняка окажутся умнее! И даже собственные принципы их не подвигнут на такое!

Не сомневаюсь, что закон и разум возымеют действие! И хоть вначале наши меры могут выглядеть крутыми, уже их дети не ощутят и толики жестокости, ибо с заразой будет навсегда покончено! Когда болезнь исцелена, к больному не зовут хирурга! Но если они будут продолжать упорствовать в грехах и рваться в преисподнюю, пускай весь мир узнает и осудит их упрямство, несовместимое с их собственными принципами.

Тем самым отпадет упрек в жестокости, с их сектой будет навсегда покончено, и дело больше не дойдет до смут и столкновений, в которые они так часто вовлекали Англию.

Их много, и у них тугие кошельки, из-за чего они исполнены высокомерия, которое отнюдь не побуждает нас к ответному терпению и, более того, склоняет к мысли, что нужно торопиться и либо поскорей вернуть их в лоно церкви, либо убрать навеки с нашего пути.

Благодаренье Богу, они теперь совсем не так страшны, как прежде, но если мы позволим им вернуть былую силу, то будет наше собственное упущенье! И Провидение и Церковь Англии, как кажется, желают одного – чтоб мы освободились от смутьянов, мешающих спокойствию страны, и ныне нам дарован к тому случай.

Мы полагаем, что английский трон был уготован нашей королеве ради того, чтобы она своей рукой восстановила права церковные, равно как и гражданские.

Мы полагаем, что по сей причине вся жизнь в стране разительно переменялась в какие-нибудь считанные месяцы; и лучшие мужи, народ и духовенство – все выступают заодно, все сходятся на том, что пробил час освобождения церкви!

Вот для чего нам Промыслитель ныне даровал такой парламент, такую конвокацию, такое джентри! И такую королеву, каких дотоле не было в стране.

А если мы упустим эту редкую возможность, чем может обернуться наше небрежение? Короне предстоят тогда большие испытания. Голландец сядет на престол – и все наши надежды и труды пойдут прахом! Имей все наши будущие государи из его династии наилучшие намерения, они останутся пришельцами! Понадобятся годы на то, чтоб приспособить чуждый дух к особенностям нашего правления, к заботам нашего отечества. Кто знает, сколько нужно поколений, чтобы на нашем троне воцарилось сердце, исполненное столь великой чистоты и пыла, горячего участия и ласки, какие согревают ныне нашу церковь!

Для всех, кто предан Церкви Англии, настало время, не теряя ни минуты, и вознести, и укрепить ее столь основательно, чтоб она больше не могла подпасть под иго чужеземцев или страдать от распрей, заблуждений и раскола!

Я был бы очень рад, если бы к сей заветной цели вели бескровные и мирные пути, но порча слишком далеко зашла, и рана загноилась, затронуты все жизненные центры, и исцеление сулит лишь нож хирурга! Исчерпаны все способы воздействия: и сострадание, и кротость, и увещевания, но тщетно – облегчение не наступило!

Сектантский дух настолько овладел умами, что многие во всеуслышанье бросают вызов церкви! Дом Божий стал им ненавистен! И более того, они внушили своим детям такую предубежденность и отвращение к нашей святой вере, что темная толпа всех нас считает за язычников, творящих культ Ваала! Им кажется грехом переступить пороги наших храмов. Должно быть, даже первые христиане гораздо менее чуждались капищ и кровавых жертвоприношений, сложенных к ногам кумиров, и иудеи меньше избегают есть свинину, нежели многие диссиденты чураются святого храма и отправляемого там богослужения.

Строптивцев вместе с их исповеданием необходимо истребить! Пока их племя что ни день наносит невозбранно оскорбление Господу, пороча его таинства и службу, мы пренебрегаем своим долгом перед ним и перед нашей Матерью – Святою Церковью.

Как сможем мы ответить перед Господом, и перед церковью, и перед нашими потомками за то, что оставляем их в сетях у фанатизма, заблуждений и упрямства, гнездящегося в самом сердце нации? Как мы ответим им за то, что позволяем недругу разгуливать по

улицам страны, чтобы он мог привлечь к себе наших детей? Как оправдаемся за то, что подвергаем нашу веру угрозе полного искоренения?

Чем это лучше, чем тенета, в которые нас уловляла римско-католическая церковь и от которых нас освободила Реформация? То и другое – крайности, хотя и в разном роде, но ведь для истины губительны любые заблуждения, которые нас разделяют. Те и другие равно вредны для нашей церкви и для спокойствия отечества! Скажите, отчего признать иезуита хуже, чем фанатика? И чем папист, который верует в семь таинств, опасней квакера, не верующего ни в одно из них? Мне также невдомек, чем монастырь страшней молитвенного дома!

Увы, о Церковь Англии! Теснимая папистами, гонимая диссидентами, она распята между двух разбойников! Но *пробил час – пора распять разбойников!*

Пусть на костях врагов воздвигнется ее строение! Заблудшие, что захотят вернуться в ее лоно, всегда найдут открытыми врата ее любви и милосердия, но твердолобых пусть сожмет железная рука!

Пусть верные сыны святой, многострадальной Матери, узнав о ее бедствиях, ожесточат свои сердца и ополчатся на ее гонителей!

Пусть Всемогущий Бог вдохнет в сердца всех тех, кто верен правде, решимость объявить войну гордыне и антихристу, дабы изгнать из нашего отечества коснеющих в грехе и не дозволить расплодиться их потомству!

Гимн позорному столбу

** «Гимн позорному столбу» Дефо написал в 1703 г., находясь в тюрьме за памфлет «Простейший способ расправиться с диссидентами». Дефо обличает истинные преступления, совершаемые в английском обществе, и призывает наказать настоящий порок.*

На русском языке публикуется впервые. Пер. М. Баженова.

I. Привет тебе, Великая Махина!

Ты – государства черное бельмо –

Наказываешь грубо без причины

Позора не достойных твоего.

Но кто родился Человеком быть,

Твою надменность стерпит,

И униженья боль не ощутит.

Презренья в ложной фразе «как не стыдно!»

Пугает опорочивших себя,

Но кара мудрому уму посильна,

Злословие – пустая суета.

Здесь, на твоём парадном табурете,
Смотрю на панораму площадей,
Судьбу монархов я увижу в свете
Непостижимых Божеских идей.
Здесь обнажились городские страсти,
Приготовляя дуракам напасти.
Мошенникам есть повод наблюдать.
Здесь злодеяния и люди получают,
Разделенную надвое хвалу.
И преступление порой свершают,
Не мысля славу осветить твою.
И одобрение за это получают.
Здесь ярость улиц беды предвещает,
Когда толпу ведут прямым путем.
И маргиналы грязью обкидают,
Не признавая изданный закон
И прошлые заслуги человека.

Смотрели из твоей петли злодеи
И разносился смрад от их голов,
Но кто накажет преступление
Законом, созданным для дураков?
Здесь правы те, кто знает наперед,
Как русло жизни дальше завернет,
И гнуться, чтоб пройти за поворот.
От времени у нас зависят судьбы:
Почтут что злом, а что почтут добром,
Награды прошлой доблести осудят –
Искусной паутиной стал закон.
Не испугаешь ты позором плута,
Продав он честь свою уже давно,
За человека без порока вступят
Невинность и священное добро.

Хотим мы знать, как занимали место

У твоего высокого столпа
Изгой государственного кресла
За веком век и в наши времена.
Как назывался призрачный порок,
Указывал который срама срок?
Скажи, махина, как всем нам понять,
Или без ропота в сердца принять
Суд, данный властью, совесть очищать.
Твой трон уравнивал в своих правах:
Борцов, чью совесть не сожгло сомненье
(Их ясный разум, и убитый страх
На шаг опережали поколение);
И тружеников современной славы.
Ученый Селден из твоих окон
Рассматривал высокие вершины
Горы, что именуется закон,
И не было достаточной причины
Ему подмости вытирать твои.
Он назывался вечным сыном чести,
Ты не оплатишь все ему долги.

Твое искусство унижать стыдом,
Позором не покроет Человека;
Бывает по утрам туман силен,
Но лишь пока нет солнечного света.
Когда он на твои ступени встанет,
Не осрамится, а душой воспрянет,
А проклят будет, кто его поставит.

Презрение сквозит в твоих глазах,
Грех от смущенья кротко отвернется,
Порок в толпе: на лицах, и в сердцах
Дрожит, молчит и в темный угол жметя.
Пусть кару заслужившие по чести
Появятся герои. Все мы вместе
Довольны будем этим появлением.

II. Поход крестовый возвещая
Трубою мятежа в руке,
Столб Sacheverell освящает
Пусть самым первым на земле.
С церковной кафедры он проклял
Тех братьев, что не стали гнуть
С ним линию его закона,
И это был кратчайший путь.
Мудрейший вице-канцлер сбоку
С ним у столба пускай стоит,
Запрет лицензий понемногу
Задушит наш печатный лид.
Рукою власти благодатной
Укажет четко для кого
Позволено строфою внятной
Расписывать дела его.
Церквам он выдал разрешение
Решать самим свою судьбу,
Как Папа дал благословенье
Отрядам, шедшим на войну.
В событиях подобных рядом
Практиковались доктора,
В усердии искали взглядом
Где прячется в кишках глиста.
И пред тобою отхлебнула
За академии позор
В припадке диком профессура
Площадный бесконечный ор.
А ты украл у них идею
(Как Англии достойный сын):
Изобретать всегда сложнее.
Доказывать привычней им.
На этом принципе ты создан,
Пугающий британцев монстр.

Парадным строем командиры,
Мужи с нетвердою рукой,

Флотов и армий дезертиры,
Пускай нарушат твой покой.
Построятся в ряды солдаты,
Они, как трусы, на войне,
За счет вносимой ими платы,
В бою сидели в стороне.
Придут к ним маршем генералы,
Любители пустой муштры,
Убийцы королевской славы,
Предатели своей страны.
И если капитанов флота,
От страха жмуривших глаза,
Поставить рядом с этой ротой,
Какая будет там толпа!

Они богами Карфагена
Благословенные за то,
Что Поинти бежать из плена
Позволили. Ну а потом
Предали флот турецкий наш,
И оскорбили тем Талмаш.
Они эскадры из Тулона
Заметили побег нескоро
И приходили очень рано,
А иногда и слишком поздно.
Они – герои, их дела
Достойны всякой почести:
На контрэскарпе им нужна
Проверка славной доблести.

Перед тобой занять арену
Героям этим не пришлось.
Поступки их забыло время.
Иль наказания не нашлось?
Поэтому, откинув древность,
Посмотрим мы на современность.
Здесь те, кто правят, не выносят

На прочих горожан равняться.
Здесь деньги корабли увозят
И не рискуют возвращаться.
Эскадры в боевом порядке
Выходят защищать страну
И исправляют неполадки
Когда уже идут ко дну.
Позднее возвратятся с моря
Те, чьи поступки не понять
Нельзя. О славные герои!
Им надо пред тобой стоять.
Для химерических статей
Прекрасной эта будет тема:
Оправдывать судьбу людей,
И защищать морское дело.
За подвиги, что совершили
(На палубах их кораблей)
Они в порту Святой Марии,
Получат выигранный трофей.
Пусть там Ормонде до конца
Им повторит свои слова.
И кистью музой одаренной
Художник пусть изобразит
Всю славу Англии покорной
И весь ее печальный вид:
Разграбленные города,
Потерянные имена
И возвращение с позором.

Сорвут в твоём театре виги
Рукоплесканий целый град:
За нескончаемые сдвиги,
За нестигаемый отряд,
Который в восемьдесят лодок
Сражался против двадцать двух,
Награбив за морями всласть,
Они взглянут на нашу власть.

И те, что их отряд летучий
На берегу сваляют в кучу,
Благое дело сотворят.
Богатств увидим мы несметно,
Когда назад их возвратят.
О, сколько пропадут бесследно!
Когда на эшафот поставят
Воров. Толпа большая гордо
Процессию с лихвой обставит
Инаугурации ленд-лорда.

Пусть каются перед народом
Еще и те твои мужи,
Что наблюдали мимоходом
За грабежами той войны.
Один наместник изначально
Девилем правил. После он
Всего лишился. Как печально!
И был судьбою осужден.
Но, если бы он вешал сразу
Непрошенных гостей своих,
Давно бы эту всю заразу
Изгнали из владений их.

От радости забьешь крылом,
И поприветствуешь ты тех,
Кто недовольства грозный гром
Обрушил на себя за грех.
Оценщики и спекулянты
Владельцы монстра-капитала,
От них компании и банки
Банкротства ждут или обвала.
В руках под сорок тысяч акций.
И, если сильно захотят,
Они без всяких прокламаций
Потопят их или сгноят.
Страны несметное богатство

В расчетных книгах их осядет,
По твердому приказу братства
Цена или растет, иль тает.
Впусти их на вершину замка
С долгов распискою в руке,
Пускай считают спозаранку
И пишут четко на столбе:
Как быстро цены возрастут,
Когда товар переведется,
И как по новой упадут,
Когда торговый флот вернется.

Блюститель древнего закона,
Возвыси голову свою.
И фразу едкую от слова
Отдай парламенту твою.
Спроси их: как бумага стала
Равна по ценности деньгам,
И по процентам вырастала,
И скидки представляла нам;
Когда ирландские долги
Они бы выплатить смогли;
И как им не сжигать мостов;
И не подделывать счетов.
Скажи, что весь английский люд
Желает страстно насладиться,
Когда повинность понесут
Пред ними жирные их лица.

Фемида следующей по кону
Присядет на твою скамью,
Родившись защищать законы,
Она забыла цель свою:
Нельзя преступников прощать,
И беспристрастность нарушать.
Поставь продажного судью
В твою роскошную карету.

Оставив мантию свою,
В триумфе скачет пусть по свету.
И правосудие вершить
Над оргией блудницы первой
Не позволяй тем, кто сидит
В суде в угаре опьянения.
Они достойны, чтобы встать
За то, что не карали грех,
Перед тобой. Позор держать –
За юридический успех.

С трудом передвигая ноги,
Викарий пьяный за пульпит
Поднимется к тебе с дороги
И книгу Бога исказит.
Там на открывшемся просторе
Перед ликующей толпой
Произнесет: «Memento mori»,
И приведет пример простой.
Потом к нему сыны Христовы
В обнимку с похотью придут.
Они сорвали все оковы
И по углам обычно ждут
Когда жена иль чья-то дочка
Случайно мимо пробегут.
И пусть раздастся громкий смех
За совершенный ими грех.

Асгил! Он проповеди ради
Забыл традиции страны,
В расколах посвященной братьи
Он видел сущность темноты.
И был в себе живым примером
Для тех, кто восторгаться мог
Провинциальным лицемером.
Его рукоположил Бог!
Он церкви правила придумал,

По ним мы все должны признать,
Что дураками вечно будем,
Не сможем ничего понять.
Теперь Карон не станет больше
На ниве смерти спину гнуть,
Асгил придумал, что попроще
Нашел он коротчайший путь:
Тщета – и камни, и надгробья;
Тщета – ваш похоронный звон;
Честь для покойника – безмолвье –
Снесите все добро в мой дом.
Так пусть пороки духовенства,
Заменяют черный катафалк
Каретой огненной, как средством,
Не опровергнуть этот факт.
На ней взметнутся в поднебесье
И там у Бога уточнят,
Какие правила на месте
Они исполнить поручат.

Несчастный автор обнимает
Твой теплый деревянный стан.
Он здесь за то его сжимает,
Что не поддался на обман,
Тех, кто самих себя не могут
Понять и упускают нить
В своих суждениях о Боге,
Не стоит жизни их учить.
Они разрушат Вавилон,
Чтобы воздвигнуть древний Рим,
Стремятся совершить пролом,
Велик их руководства ритм.
Сыны борьбы, молясь, крушат
Всего, чего достигнет взгляд.
Так пусть же пред тобой стоят,
Пока вопроса не решат:
Каким путем они смогли

В десентерах разжечь огонь,
Но к несогласию пришли,
Когда дела коснулись войн.
[Пусть ряд священников займут
Твою церковную скамью.
Те, кто терпимость признают
Пока читают речь свою.
Пример ты покажи им всем
Покорности и послушанья,
Они его возьмут, затем
Души исправят состоянье.]

Потом юристов приведут,
И до пришествия Христа
Пускай они побудут тут:
Расплата слишком тяжела.
Не раз они пролили кровь
Своим орудием острейшим,
По средствам едких, грязных слов,
Святое вдруг явится грешным.
Вы – слуги верные порока,
Вас словно дьявол сам учил;
Он в этой части явно дока,
Раз мастеров таких взрастил.
Ничто не свяжет ваши руки,
С покорством служит вам закон:
Один претерпевает муки,
Второй давно уже прощен,
Хотя то зло, что совершили,
Равно по смыслу и по силе.

Сменилась вдруг в глазах картина:
Мы видим новое лицо,
Не называем его имя,
Известно всем оно давно.
Напрасно он боролся словом,
И красноречием блистал.

Не примерился с тем законом,
Который страшно презирал.
И лишь сейчас его шаги
Кристалльны стали и верны,
С тех пор как занял пост судьи,
Их ожидали долго мы.
Позор пускай разделит с ним
Ловел, пока он тих и смирен.
И чашу горького стыда
Он должен выпить всю до дна.

О, если бы герои эти
Имели личный пьедестал
На стертом, высохшем паркете
Твоей арены ты бы стал
Одним из лучших воплощений
Сатиры хлесткой за века,
Но дети власти превращений
Не встретятся с тобой пока.
Поэзию свободы в страхе
Они запрут, иначе та
Расскажет городу о плахе,
Куда привести их всех пора.
Так пусть имеют уваженье
К твоим заоблачным мирам,
А ты рисуй в воображенье,
Как встретишь их однажды там.

Предатель королевской власти.
Пустое дело для него –
Готовить клятвы. В своей страсти
Нарушит слово не одно.
Он, угождая раболепно
Жене любимой, продал честь.
Пусть как мошенник без сомнений
Стоит перед тобою здесь.
Как церкви похотливый пастор

От воздержания далек,
Так он, присяги верный мастер,
Себя сдержать никак не мог.
Кто раз неверен был обету,
Не сдержит боле своих слов,
И разнесет по белу свету,
Что он не клялся – видит Бог!
По совести, его пора
Не ставить с срамом у столпа,
А придушить однажды ночью.
Ты, презирающий порок,
Проклятье наложи на тех,
Трем королям кто клялся в срок,
И предал разом вместе всех.
Нельзя измену им простить.

Вот те, кто на просторе службы
Нещадно грабят государство,
Открой объятия твоей дружбы
И спрячь их подлое коварство.
Не доверяй тем миллионам,
Которые к тебе снесут,
Они перед своим уходом
В два раза больше заберут.
Отстроив славные дворцы,
Где рощи, гроты и сады,
Они в пороке утопают:
Там незаконная любовь,
Гордыня, пьянство, смех и кровь,
Триумф порока и разврата –
И деньги англичан – оплата.
Так пусть скорее на стене
Проявятся судьбы слова,
Они обращены к тебе
То – MENE, TEKEL, FAROS.

Открой свой трон и покажи:

Там на вершине восседают,
Кого мы знать в лицо должны
Кто преступленья совершает.
Они проблемы государства
Решают после дел своих.
На службе кроме просто чванства
Нет больше ничего у них.
Назло двойную платят цену.
Как все похоже на измену!
Пестрящий карнавал спешит,
Сменить испачканную сцену,
Когда он сбросит свой прикид,
Народ увидит на ступенях –
Сафо, которой благоверный
В Фурбуло новые шелка
Приобретал еженедельно,
Срывая силы кошелька.
Так пусть стоит в своих нарядах

Перед тобой она одна,
И не стыдится тысяч взглядов:
Душа ведь все равно пуста.
К тебе Urania в карете
С шестеркой самых верных слуг
Примчится утром, на рассвете,
Уставшая от всех потуг
Достигнуть города почтенья.
Не раз она хотела трон
Лишить ее же уваженья,
И одержать победу в том,
Что называют красотою,
Среди прелестниц городских.
Позволь же ей своей душою
Считать, что победила их.

За нею следом Diadora
Появится перед тобой,

Кто возжелал ее позора
Довольны будут меж собой.
Имеет вряд ли здесь значение
Неясное происхождение
Ее корней. О куртизанка,
Неистинная англичанка!
Блудницы приезжали в город
И из других далеких стран.
Так пусть ты предоставишь повод
Им всем отведасть этот срам.

[Пусть Flettumасу на коне
Освободить спешит блудницу.
Он будет в чувственной волне
Разглядывать народа лица.
Когда на сцене Диадора
Покажет представление им,
От возгласов безумных хора
Он убежит назад к своим.
И разозлится на нее
За то, что глупости полна,
Но скроет вечное свое
Пустое место для ума.]

Бывают странные дела:
Пороку предаются вместе
В одной семье муж и жена.
Пускай присядут в твое кресло.
Посмешищем известный К*
Уж точно станет для народа,
И будет до тех пор, пока
Не объяснит загадку рода:
Как половины две семьи
Такой разврат изобрели:
Порочных связей полон дом.
Давно жена об этом знает.
На стороне гуляет он,

Ее лишь кони забавляют.

III. Какую выдумать еще сатиру,
Чтобы обличье города сменить?
Какую нужно правовую силу,
Чтоб перестали мы грехи водить?
Короткий самый путь для исправленья –
Порокам отнестись к тебе с почтением,
И выставить к столбу глупцов и плутов.
А для других дорога будет новой
Без вычурных друзей и без измен,
Без тех, кто, прикрываясь клятвой твердой,
Не пожелает лучших перемен.
Без оскорбленных авторов, стоящих
На лестнице к позорному столбу,
И без юристов, речь произносящих,
Которые ведут судьбу ко дну.

Закона первое призванье было –
Причину преступления узнать,
А наказание туда входило,
Чтоб будущее зло предотвращать.
Но изменилось все, и справедливость
К нам повернулась явно не лицом.
Святую честность, так уж получилось,
Невыносимо оскорбил закон.
Однако всем ясна твоя задача –
Наказывать порок. Никак иначе.

Твое искусство благородно было:
Уничижать порок. Но времена
Сменились, и оно вдруг натворило
Ужасные, позорные дела.
Преступники юристов нанимают,
Чтоб избежать позорного столба,
Законами порок свой прикрывают
И справедливость душат без стыда.

Какой же прок от твоего террора?
Зачем он душил совесть горожан?
Тебя бояться как бояться вора,
Но продолжают совершать свой срам.
Лицо от твоего позора спрятать
Спешат любым возможным из путей,
Однако сердце за тобою пачкать
Одна из популярнейших идей.
Порок души не страшно показать.

Ты словно бес из пустоты приходишь,
Вдали пугаешь больше, чем вблизи,
Химерское понятие находишь,
Чтоб пристыдить по правилам игры.
Оно – не велико для преступления,
Огромно – для кристальной чистоты,
О мученик, терпящий оскорбления,
Держись! В своих поступках прав был ты!

Так поднимись же, пугало закона:
Пора твое молчание прервать.
Кто там стоит у твоего амвона?
Хотим его историю мы знать.

Ты им скажи: он предан был позору
За то, что удержаться не посмел
От правды, что предстала молча взору,
И в изречениях был слишком смел.
Взнес он добродетель до небес,
И с радостью несет тяжелый крест.
Ты им скажи, что там стоит он в славе
Но худшее пророчит впереди.
Он не изменится, и жить в канаве
Не будет. Господи его спаси!

Раскрыл в сатире едкой автор сущность

Сынов страны, чья жизнь была грешна,
Нарисовал их зло, порок и глупость,
И песнь его к расплате привела.
Но здесь он не получит избавленья
За их творимые повсюду преступленья.

ДЖОНАТАН СВИФТ (1667–1745)

Родом из Ирландии, Свифт рано осиротел и воспитывался в семье дяди. Получив образование в религиозном колледже Святой Троицы, Свифт сдал экзамены в Оксфорде на степень магистра искусств, затем, вернувшись на родину, принял сан. Увлечение литературой привело его в Лондон. Вскоре Свифт получил известность как памфлетист. Тематика его памфлетов широка и злободневна: угнетение ирландского народа («Письма суконщика», «Скромное предложение»), борьба церквей («Сказка бочки»), критика литературных нравов («Битва книг»). «Путешествия Лемюэля Гулливера» также изначально были памфлетом, высмеивавшим борьбу британских политических партий. Как журналист, Свифт издавал политическую газету «Экземинер» («Обозреватель») – официальный орган партии консерваторов, затем принимал участие в журнале «Тэтлер» («Болтун»). Свифт был непримиримым врагом Дефо. Умер Свифт после нескольких лет тяжелой душевной болезни.

Размышления о палке от метлы

** Памфлет «Размышления о палке от метлы» (1703 г.) – пародия на популярные в начале XVIII в. в Англии «Благочестивые размышления» моралиста-проповедника и ученого-химика Роберта Бойля (1627–1691). Впервые опубликовали спустя пять лет в первом сборнике памфлетов Свифта.*

Печатается по: Джонатан Свифт. Памфлеты. / Пер. М. Шерешевской. М., 1955.

Эту одинокую палку, что ныне видите вы бесславно лежащей в забытом углу, я некогда знавал цветущим деревом в лесу. Была она полной соков, убрана листьями и украшена ветвями. А ныне тщетно хлопотливое искусство человека пытается соперничать с природой, привязывая пучок увядших прутьев к высохшему обломку. В лучшем случае она являет собою лишь полную противоположность тому, чем была прежде: выкорчеванное дерево – ветви на земле, корни – в воздухе.

Ныне пользуется ею каждая замызганная девка для своей черной работы; и по капризу судьбы она обречена содержать в чистоте другие вещи, сама оставаясь в грязи. А затем, изношенную дотла на службе у горничных, выбрасывают ее вон либо употребляют ее в

последний раз на растопку. И когда я смотрел на нее, то вздохнул и промолвил: истинно, и человек – это палка от метлы. Природа послала его в мир крепким и сильным, был он цветущим, и голова его была покрыта густыми волосами (сей прирожденной порослью этого мыслящего растения). И вот топор излишеств отсек его зеленые ветви, и стал он поблекшим обломком. Тогда он прибегает к искусству и надевает парик, тщеславясь противоестественной копной густо напудренных волос, которые никогда не росли на его голове. Но, право, если бы наша метла возымела желание выступить перед нами, гордясь похищенным у березы убором, который никогда не украшал ее прежде, вся в пыли, даже если то сор из покоев прелестнейшей дамы, как бы смеялись мы над ней и презирали ее тщеславие, мы – пристрастные судьи собственных достоинств и чужих недостатков!

Но, пожалуй, скажете вы, палка метлы лишь символ дерева, повернутого вниз головою. Подождите, что же такое человек, как не существо, стоящее на голове? Его животные наклонности постоянно одерживают верх над разумными, а голова его пресмыкается во прахе – там, где надлежит быть его каблукам. И все же, при всех своих недостатках, он провозглашает себя великим преобразователем мира и исправителем зла, устранителем всех обид; он копается в каждой грязной дыре естества, извлекая на свет открытые им пороки, и вздымает облака пыли там, где ее прежде не было, вбирая в себя те самые скверны, от которых он мнит очистить мир.

Свои последние дни растрчивает он в рабстве у женщин, и притом наименее достойных. И когда износит себя дотла, то, подобно брату своему, венику, выбрасывается вон либо употребляется на то, чтобы разжечь пламя, у которого могли бы погреться другие.

**Предложение об исправлении, улучшении и закреплении английского языка
в письме к высокочтимому Роберту Оксфорду и Мортимеру,
лорду-казначею Великобритании**

** В 1710 г. в своем журнале «Тэтлер» («Болтун») Свифт осмеял многочисленные искажения английского языка английскими аристократами. «Предложение...» (1712 г.) – более глубокое осмысление высказываний Свифта о родном языке. Памфлет написан в форме проекта, предложенного на рассмотрение одному из влиятельнейших английских чиновников – лорду-казначею графу Роберту Оксфорду.*

Печатается по: Джонатан Свифт. Памфлеты / Пер. М. Шерешевской. М., 1955.

Милорд! То, что я имел честь высказать Вашей светлости в недавней нашей беседе, не было для меня мыслью новой, возникшей случайно и произвольно, но плодом долгих размышлений, и с тех пор суждения некоторых весьма сведущих лиц, к которым я обратился за советом, еще более утвердили меня в справедливости моих соображений. По их общему мнению, ничто не будет столь полезным для развития науки и улучшения

нравов, как действенные меры, рассчитанные на исправление, улучшение и закрепление нашего языка, и они полагают вполне возможным осуществить такого рода предприятие при покровительстве государя, поддержке и поощрении его министров и стараниях надлежащих лиц, для сего избранных. Я с радостью услышал, что ответ Вашей светлости отличается от того, что в последние годы принято говорить в подобных случаях, а именно: что дела такого рода следует отложить до мирного времени – общее место, настаивая на котором иные зашли так далеко, что из-за войны, которую мы ведем за рубежом, рады любыми средствами заставить нас не думать о соблюдении гражданских и религиозных обязанностей.

Милорд, от имени всех ученых и просвещенных лиц нашего государства я жалуюсь Вашей светлости, как главе министерства, что наш язык крайне несовершенен, что повседневное его улучшение ни в коей мере не соответствует повседневной его порче; что те, кто полагает, будто они делают наш язык более отточенным и изысканным, только умножили его неправильности и нелепости и что во многих случаях попираются все законы грамматики. Но дабы Ваша светлость не сочла мой приговор слишком суровым, я позволю себе высказаться подробнее.

Ваша светлость, полагаю, согласится с моим объяснением причин меньшей утонченности нашего языка по сравнению с итальянским, испанским или французским. Совершенно очевидно, что чистый латинский язык никогда не был распространен на этом острове, поскольку не предпринималось, или почти не предпринималось, никаких попыток завоевать его вплоть до времени Клавдия. И в Британии среди народа латинский язык не был в столь общем употреблении, как в Галлии и Испании. Далее мы видим, что римские легионы были отсюда отозваны, чтобы помочь своей стране против нашествия готов и других варваров. Между тем предоставленные сами себе бритты подверглись жестоким набегам пиктов и были вынуждены призвать на помощь саксов. В результате саксы установили свою власть почти над всем островом, оттеснив бриттов в самые отдаленные и горные области, меж тем как остальные части страны приняли обычаи, религию и язык саксов. Это, я полагаю, и послужило причиной того, что в языке бриттов сохранилось больше латинских слов, нежели в древнесаксонском, который, исключая незначительные изменения в правописании, сходен в большинстве своих исконных слов с современным английским, а также немецким и другими северными языками.

Эдуард Исповедник, долго живший во Франции, первый, по-видимому, внес некоторую примесь французского в саксонский язык. Двор стремился угодить своему королю, а все остальные сочли это модным, что происходит у нас и ныне. Вильгельм Завоеватель пошел значительно дальше. Он привез с собой великое множество французов, рассеял их по всем монастырям, раздал им большие земельные наделы, приказал все прошения писать по-французски и попытался ввести этот язык в общее употребление по всему

королевству. Так, во всяком случае, принято думать. Однако Ваша светлость вполне убедили меня в том, что французский язык сделал еще более значительные успехи в нашей стране при Генрихе II, который, получив большие владения на континенте во французской земле как от отца, так и от супруги, совершал туда частые поездки в сопровождении большого числа соотечественников, состоявших при его дворе. В течение нескольких следующих веков продолжались постоянные сношения между Францией и Англией как ради принадлежащих нам во Франции владений, так и ради новых завоеваний. Таким образом, два или три столетия назад в нашем языке было, по-видимому, больше французских слов, нежели сейчас. Многие слова были впоследствии отвергнуты, некоторые уже во времена Спенсера, хотя у нас сохранилось еще немало слов, давно вышедших из употребления во Франции. Я мог бы привести несколько примеров как того, так и другого рода, будь они хоть сколько-нибудь полезны или занимательны.

Исследование различных обстоятельств, в силу которых может изменяться язык страны, увлекло бы меня в весьма пространную область. Отмечу только, что у латинского, французского и английского языков была, по-видимому, сходная судьба. Первый со времен Ромула до Юлия Цезаря подвергался непрерывным изменениям. Из того, что мы читаем у писателей, случайно затронувших сей вопрос, так же как из отдельных отрывков древних законов, ясно, что латинский язык, на котором говорили за три столетия до Туллия, был столь же непонятен в его время, как английский или французский языки трехсотлетней давности непонятны нам сейчас. А со времени Вильгельма Завоевателя (то есть немногим менее чем за семьсот лет) оба эти языка изменились не меньше, чем латинский за такой же период времени. Будет ли наш язык или французский разрушаться с той же быстротой, что и латинский, – вопрос, который может вызвать больше споров, нежели того заслуживает. Порча латинского языка объясняется многими причинами: например, переходом к тираническому образу правления, погубившему красноречие, ибо отпала нужда поощрять народных ораторов; предоставлением жителям многих городов Галлии, Испании и Германии, а также других далеких стран, вплоть до Азии, не только гражданства города Рима, но и права занимать различные должности, что привело в Рим множество чужеземных искателей удачи; раболепством сената и народа, вследствие чего остроумие и красноречие превратились в славословие – пустейшее из всех занятий; величайшей испорченностью нравов и проникновением чужеземных предметов роскоши вместе с чужеземными словами для их обозначения. Можно было бы указать еще на несколько причин, не говоря уже о вторжениях готов и вандалов, значение коих слишком очевидно, чтобы нужно было на них останавливаться особо.

Язык римлян достиг высокого совершенства прежде, чем начал приходить в упадок. А французский язык за последние пятьдесят лет подвергся такой тщательной отделке,

какую только был в состоянии выдержать; тем не менее и он, по-видимому, приходит в упадок вследствие природной непоследовательности французов и из-за особого пристрастия некоторых их авторов, особенно недавнего времени, злоупотреблять жаргонными словами – наипагубнейшее средство исказить язык. Покойный Лабрюйер, прославленный среди французов писатель, пользовался многими новыми словами, коих нет ни в одном из ранее составленных общих словарей. Английский язык, однако, не достиг еще такой степени совершенства, когда следует опасаться его упадка. Если же он достигнет определенного предела утонченности, то, возможно, найдутся способы закрепить его навечно или по крайней мере до той поры, пока мы не подвергнемся вторжению или не окажемся поработченными другим государством. Но даже в последнем случае лучшие наши творения, вероятно, тщательно хранились бы, их приучились бы ценить, а сочинители их приобрели бы бессмертие.

Однако даже и без подобных переворотов (коим, мне думается, мы менее подвержены, нежели континентальные королевства) я не вижу необходимости в том, чтобы язык постоянно менялся, ибо можно привести множество примеров обратного. От Гомера до Плутарха прошло свыше тысячи лет, и можно признать, что по крайней мере в течение этого времени чистота греческого языка сохранялась. Колонии греков располагались по всему побережью Малой Азии вплоть до северных ее областей, расположенных у Черного моря, на всех островах Эгейского и на некоторых – Средиземного, где на протяжении многих веков, даже после того как они стали римскими колониями, греческий язык сохранялся неизменным, пока после падения империи греки не были покорены варварскими народами.

У китайцев есть книги на языке двухтысячелетней давности, и даже частые нашествия татар не смогли его изменить. Немецкий, испанский и итальянский языки за последние несколько веков подверглись незначительным изменениям или не изменились вовсе. Мне ничего не известно о других европейских языках, да и нет особых причин их рассматривать.

Завершив сей обзор, я возвращаюсь к рассуждениям о нашем собственном языке и желал бы смиренно предложить оные вниманию Вашей светлости. По моему мнению, период, в который английский язык достиг своего наибольшего совершенства, начинается с первых лет правления Елизаветы и кончается великим мятежом сорок второго года. Правда, слог и мысли были тогда очень дурного вкуса, в особенности при короле Якове I, но, кажется, обрели пристойность в первые годы правления его преемника, который, помимо многих других качеств превосходного монарха, был великим покровителем просвещения. Я имею основания сомневаться в том, что со времени междоусобной войны порча нашего языка не уравнивала по меньшей мере те улучшения, которые мы в него внесли. Лишь немногие из лучших авторов нашего века полностью избежали этой порчи. В период

узурпации жаргон фанатиков настолько проник во все сочинения, что от него невозможно было избавиться в течение многих лет. Затем последовала пришедшая с Реставрацией распушенность, которая, пагубно отразившись на нашей религии и нравственности, сказала и на нашем языке. Едва ли улучшению языка мог содействовать двор Карла II, состоявший из людей, которые последовали за ним в изгнание, либо из тех, кто слишком наслушался жаргона времен фанатиков, либо молодежи, воспитанной во Франции. Так что двор, который обычно был образцом пристойной и правильной речи, стал, и продолжает с тех пор оставаться, худшей в Англии школой языка. Таковым он пребудет и впредь, если воспитанию дворянской молодежи не будет отдано больше заботы, дабы она могла выходить в свет, владея некоторыми основами словесных наук, и стать образцом просвещенности. В какой мере сей недостаток отразился на нашем языке, можно судить по пьесам и другим развлекательным сочинениям, написанным за последние пятьдесят лет. Они в избытке наполнены жеманными речами, недавно выдуманными словами, заимствованными либо из придворного языка, либо у тех, кто, славя остроумцами и весельчаками, считает себя вправе во всем предписывать законы. Многие из сих утонченностей давно уже устарели и едва ли понятны теперь, что неудивительно, поскольку они были созданы единственно невежеством и прихотью.

Насколько мне известно, еще не бывало, чтобы в этом городе не нашелся один, а то и больше высокопоставленных олухов, пользующихся достаточным весом, чтобы пустить в ход какое-нибудь новое словечко и распространять его при каждом разговоре, хотя оно не содержит в себе ни остроты, ни смысла. Если словечко сие приходилось по вкусу, его тотчас вставляли в пьесы да журнальную писанину, и оно входило в наш язык; а умные и ученые люди, вместо того чтобы сразу же устранять такие нововведения, слишком часто поддавались соблазну подражать им и соглашаться с ними.

Есть другой разряд людей, также немало способствовавших порче английского языка: я имею в виду поэтов времен Реставрации. Эти джентльмены не могли не сознавать, сколь наш язык уже обременен односложными словами, тем не менее, чтобы сберечь себе время и труд, они ввели варварский обычай сокращать слова, чтобы приспособить их к размеру своих стихов. И занимались этим так часто и безрассудно, что создали резкие, нестройные созвучия, какие способно вынести лишь северное ухо. Они соединяли самые жесткие согласные без единой гласной между ними только ради того, чтобы сократить слово на один слог. Со временем их вкус настолько извратился, что они оказывали предпочтение тому, что прежде считалось неоправданной поэтической вольностью, утверждая, что полное слово звучит слабо и вяло. Под этим предлогом такой же обычай был усвоен и в прозе, так что большинство книг, которые мы видим ныне, полны обрубками слов и сокращениями. Примеры таких злоупотреблений бесчисленны. И вот, опуская гласную, чтобы избавиться от лишнего слога, мы образуем созвучия столь

дребезжащие, столь трудно произносимые, что я часто недоумевал, можно ли их вообще выговорить.

Уродованию нашего языка немало способствовала и другая причина (вероятно, связанная с указанной выше); она заключается в странном мнении, сложившемся за последние годы, будто мы должны писать в точности так, как произносим. Не говоря уже об очевидном неудобстве – полном разрушении этимологии нашего языка, изменениям тут не предвиделось бы конца. Не только в отдельных городах и графствах Англии произносят по-разному, но даже и в Лондоне: при дворе комкают слова на один лад, в Сити – на другой, а в предместьях – на третий. И через несколько лет, вполне возможно, все эти выговоры опять переменятся, подчинившись причудам и моде. Перенесенное в письменность, все это окончательно запутает наше правописание. Тем не менее многим эта выдумка настолько нравится, что иногда становится нелегким делом читать современные книги и памфлеты, в которых слова так обрублены и столь отличны от своего исконного написания, что всякий, привыкший к обыкновенному английскому языку, едва ли узнает их по виду.

В университетах некоторые молодые люди, охваченные паническим страхом прослыть педантами, впадают в еще худшую крайность, полагая, что просвещенность состоит в том, чтобы читать каждодневный вздор, который им присылают из Лондона; они называют это знанием света и изучением людей и нравов. С такими познаниями прибывают они в город, считают совершенством свои ошибки, усваивают набор новейших выражений и когда берут в руки перо, то выдают за украшение стиля все необычайные словечки, подобранные в кофейнях и игорных домах, причем в правописании они изощряются до крайних пределов. Вот откуда взялись те чудовищные изделия, которые под именем «Прогулок», «Наблюдений», «Развлечений» и других надуманных заглавий обрушились на нас в последние годы. Вот откуда взялось то странное племя умников, которые уверяют нас, будто пишут в соответствии со склонностями нынешнего века. Я был бы рад, если бы мог сказать, что эти причуды и кривлянья не затронули более серьезных предметов. Словом, я мог бы показать Вашей светлости несколько сочинений, где красоты такого рода столь обильны, что даже Вы, при ваших способностях к языкам, не смогли бы их прочесть или понять.

Но я убежден, что многие из этих мнимых совершенств выросли из принципа, который, если его должным образом осознать и продумать, полностью бы их развенчал. Ибо опасаясь, милорд, при всех наших хороших качествах просвещенность нам по природе не слишком свойственна. Наше беспрестанное стремление укорачивать слова, отбрасывая гласные, есть не что иное, как склонность вернуться к варварству тех северных народов, от которых мы произошли и языки которых страдают тем же недостатком. Нельзя не обратить внимания на то, что испанцы, французы и итальянцы, хотя и ведут свое

происхождение от одних с нами северных предков, с величайшим трудом приучаются произносить наши слова, меж тем как шведы и датчане, а также немцы и голландцы достигают этого с легкостью, потому что наши слова и их сходны по грубости и обилию согласных. Мы боремся с суровым климатом, чтобы вырастить более благородные сорта плодов, и, построив стены, которые задерживают и собирают слабые лучи солнца и защищают от северных ветров, иногда с помощью хорошей почвы получаем такие же плоды, какие выращивают в более теплых странах, где нет нужды в стольких затратах и усилиях. То же относится и к изящным искусствам. Возможно, что недостаток тепла, который делает нас по природе суровыми, способствует и грубости нашего языка, несколько напоминающего терпкие плоды холодных стран. Ибо я не думаю, что мы менее даровиты, чем наши соседи. Ваша светлость, я надеюсь, согласится с тем, что мы должны всеми силами бороться с нашими природными недостатками и быть осмотрительными в выборе тех, кому поручаем их исправление, меж тем как доныне это выполняли люди, наименее к тому пригодные. Если бы выбор был предоставлен мне, я скорее вверил бы исправление нашего языка (там, где дело касается звуков) усмотрению женщин, нежели безграмотным придворным хлыщам, полоумным поэтам и университетским юнцам. Ибо ясно, что женщины, по свойственной им манере коверкать слова, естественно, отбрасывают согласные, как мы – гласные. То, что я сейчас поведаю Вашей светлости, может показаться сущими пустяками. Находясь однажды в смешанном обществе мужчин и женщин, попросил я двух или трех лиц каждого пола взять перо и написать подряд несколько букв, какие придут им в голову. Прочитав сей набор звуков, нашли мы, что написанное мужчинами, из-за частых сочетаний резких согласных, звучит подобно немецкому языку, а написанное женщинами – подобно итальянскому, изобилуя гласными и плавными звуками. И хотя я ни в коем случае не намереваюсь затруднять наших дам, испрашивая у них совета в деле преобразования английского языка, мне думается, что нашей речи нанесен большой вред с тех пор, как они исключены из всех мест, где собирается общество, а появляются лишь на балах и в театрах, да в других местах, где происходит многое еще худшее.

Для того чтобы внести преобразования в наш язык, думается мне, милорд, надобно по здравом размышлении произвести свободный выбор среди лиц, которые всеми признаны наилучшим образом пригодными для такого дела, невзирая на их звания, занятия и принадлежность к той или иной партии. Они, по крайней мере некоторые из их числа, должны собраться в назначенное время и в назначенном месте и установить правила, которыми намереваются руководствоваться. Какими методами они воспользуются – решать не мне.

Лица, взявшие на себя сию задачу, будут иметь перед собой пример французов. Они смогут подражать им в их удачах и попытаются избежать их ошибок. Помимо грамматики,

где мы допускаем очень большие погрешности, они обратят внимание на многие грубые нарушения, которые, хотя и вошли в употребление и стали привычными, должны быть изъяты. Они найдут множество слов, которые заслуживают, чтобы их совершенно выбросили из языка, еще больше – слов, подлежащих исправлению, и, возможно, несколько давно устаревших, которые следует восстановить ради их силы и звучности.

Но более всего я желаю, чтобы обдумали способ, как установить и закрепить наш язык навечно, после того как будут внесены в него те изменения, какие сочтут необходимыми. Ибо, по моему мнению, лучше языку не достичь полного совершенства, нежели постоянно подвергаться изменениям. И мы должны остановиться, в противном случае наш язык в конце концов неизбежно изменится к худшему. Так случилось с римлянами, когда они отказались от простоты стиля ради изощренных тонкостей, какие мы встречаем у Тацита и других авторов, что постепенно привело к употреблению многих варваризмов еще до вторжения готов в Италию.

Слава наших писателей обыкновенно не выходит за пределы этих двух островов, и плохо, если из-за непрерывного изменения нашей речи она окажется ограниченной не только местом, но и временем. Именно Ваша светлость заметили, что, не будь у нас Библии и молитвенника на языке народном, мы вряд ли могли бы понимать что-либо из того, что писалось у нас каких-нибудь сто лет назад. Ибо постоянное чтение этих двух книг в церквах сделало их образцом для языка, особенно простого народа. И я сомневаюсь, чтобы внесенные с той поры изменения способствовали красоте и силе английской речи, хотя они во многом уничтожили ту простоту, которая является одним из величайших совершенств любого языка. Вы, милорд, – лицо, столь сведущее в Священном писании, и такой знаток его оригинала – согласитесь, что ни один перевод, когда-либо выполненный в нашей стране, не может сравниться с переводом Ветхого и Нового завета. И многие прекрасные отрывки, которые я часто удостоивался слышать от Вашей милости, убедили меня в том, что переводчики Священного писания в совершенстве владели английской речью и справились со своей задачей лучше, нежели писатели наших дней, что я приписываю той простоте, которой эта книга целиком проникнута.

Далее, что касается большей части нашей литургии, составленной задолго до перевода Библии, которым мы ныне пользуемся и мало с тех пор измененным, то, по-видимому, мы вряд ли сможем найти в нашем языке более величественные примеры подлинного и возвышенного красноречия; каждый человек с хорошим вкусом найдет их в молитвах причастия, в заупокойной и других церковных службах.

Но когда я говорю, что желал бы сохранить наш язык навеки, я вовсе не хочу сказать, что не следует обогащать его. При условии, что ни одно слово, одобренное вновь созданным обществом, впоследствии не будет исключено и не исчезнет, можно разрешить вводить в язык любые новые слова, какие сочтут нужными. В таком случае старые книги всегда

будут ценить по их истинным достоинствам и не будут пренебрегать ими из-за непонятных слов и выражений, которые кажутся грубыми и неуклюжими единственно потому, что вышли из моды.

Если бы до нашего времени народ в Риме продолжал говорить на латинском языке, внести в него новые слова стало бы совершенно необходимым в силу великих изменений в законах, ремеслах и воинском деле, в силу многих новых открытий, сделанных во всех частях света, широкого распространения мореходства и торговли и множества других обстоятельств; и все же древних авторов читали бы с удовольствием и понимали с легкостью. Греческий язык значительно обогатился со времени Гомера до Плутарха, но, вероятно, в дни Траяна первого из них понимали так же хорошо, как и последнего. Когда Гораций говорит, что слова увядают и гибнут, подобно листьям, и новые занимают их места, он, скорее, сетует по этому поводу, нежели сие одобряет. Но я не вижу, почему это должно быть неизбежным, а если и так, то что случилось бы с его *Monumentum aere perennius*?

Так как сейчас я пишу единственно по памяти, то предпочту ограничиться тем, что твердо знаю, а посему не буду входить в дальнейшие подробности. К тому же я хочу только доказать полезность моего проекта и высказать несколько общих соображений, предоставив все прочее тому обществу, которое, надеюсь, будет учреждено и получит благодаря Вашей светлости поддержку. Кроме того, мне хотелось бы избежать повторений, ибо многое из того, что я имел сказать по данному поводу, уже сообщалось мною читателям при посредничестве некоего остроумного джентльмена, который долгое время трижды на неделе развлекал и поучал сие королевство своими статьями и ныне, как полагают, продолжает свое дело под именем «Зрителя». Сей автор, столь успешно испробовавший силы и возможности нашего языка, полностью согласен с большинством моих суждений, так же как и большая часть тех мудрых и ученых людей, с коими я имел счастье беседовать по этому поводу. А посему, полагаю, такое общество выскажется весьма единодушно по основным вопросам.

Письма суконщика

** Цикл памфлетов «Письма суконщика» создавался в 1724–1725 гг. В основу данного памфлета лег реальный случай. Цель Свифта – сплотить народ Ирландии в его борьбе за независимость от Англии.*

Печатается по: Джонатан Свифт. Памфлеты / Пер. М. Беккера. М., 1955.

ПИСЬМО I

торговцам, лавочникам, фермерам и всем простым людям Ирландии относительно медных полупенсовиков, отчеканенных мистером Вудом с целью пустить их в обращение в нашем королевстве

Братья, друзья и соотечественники.

Обстоятельства, о которых я намерен сообщить вам, уступают по своему величайшему значению лишь долгу вашему перед Богом и заботам о спасении ваших душ, ибо от них всецело зависят хлеб, одежда и все необходимое для жизни вам и вашим детям. Вот почему я самым настойчивым образом призываю вас, как мужчин, как христиан и родителей и как патриотов своего отечества, прочитать это послание с величайшим вниманием или попросить, чтобы вам его прочитали. А для того чтобы на покупку его вы затратили как можно меньше, я приказал типографу продавать его по самой низкой цене. Многие из вас совершают большую оплошность, когда не стараются прочитать советы человека, который пишет, не имея иного намерения, кроме желания сделать вам добро. Одним экземпляром этого послания, который будет стоить не дороже фартинга, смогут воспользоваться не менее двенадцати человек. Какое безрассудство, что вы, даже мудрейшие среди вас, не печетесь о всеобщем благе и к тому же не знаете и не стремитесь узнать, кто ваши друзья, а кто ваши враги.

Около четырех лет назад была написана небольшая брошюра, автор которой советовал всем носить одежду, изготовленную в нашем любезном отечестве. Эта брошюра не преследовала никаких иных целей, в ней не говорилось ничего ни против короля, ни против парламента, ни вообще против кого бы то ни было. Однако несчастный типограф в течение двух лет подвергался жесточайшему судебному преследованию, и, сверх того, некоторые ткачи, ради которых она была написана, будучи в числе присяжных, признали его виновным. Всякий, кто стремится сделать вам добро, опустит руки, коль скоро вы либо пренебрегаете им, либо упрекаете его за его старания, коль скоро ему остается ожидать для себя лишь опасности, штрафа и тюремного заключения, которые, быть может, приведут его к гибели.

Тем не менее я не могу не предостеречь вас еще раз от неминуемой гибели, которая угрожает вам, если вы не будете вести себя так, как должно.

Поэтому я, прежде всего, изложу в простых словах обстоятельства дела, а затем растолкую, как вам следует поступать согласно здравому смыслу и законам вашей страны.

Дело состоит в следующем: прошло немало лет с тех пор, как в нашем королевстве в последний раз чеканились медные полупенсовики и фартинги, вследствие чего в них некоторое время ощущался большой недостаток, а в обращении находилось много фальшивых монет под названием «медные гроши». Не раз обращались мы к Англии с

просьбой дать нам право чеканить новую монету, как в прежние времена, но безуспешно. В конце концов, некий мистер Вуд, человек низкого происхождения, торговец скобяным товаром, получил патент, скрепленный печатью его величества, на чеканку медной монеты для нашего королевства на сумму в сто восемь тысяч фунтов стерлингов. Указанный патент, однако же, не обязывает никого из наших жителей брать эту монету, если они того не пожелают. Вам не мешает знать, что в Англии нарицательная стоимость полупенсовиков и фартингов очень немногим выше их действительной стоимости, и если вы разобьете их на куски и продадите меднику, то потеряете при этом не более пенни с каждого шиллинга. Однако мистер Вуд изготовил свои полупенсовики из такого неблагородного металла и сделал их настолько неполновесными по сравнению с английскими, что медник едва ли даст вам больше пенни полноценных денег за шиллинг мистера Вуда. Таким образом, эту сумму в сто восемь тысяч фунтов стерлингов полноценным золотом и серебром нужно отдать за дрянь, истинная стоимость которой составит не больше восьми или девяти тысяч фунтов. Но это еще не самое худшее, ибо мистер Вуд, если ему вздумается, может тайком переслать сюда еще сто восемь тысяч фунтов и скупить все наши товары по цене на одиннадцать двенадцатых ниже их стоимости. Так, например, если шляпник продает дюжину шляп по пять шиллингов штука, что составляет три фунта, и берет плату монетой мистера Вуда, он на самом деле получит всего лишь пять шиллингов.

Быть может, вам покажется странным, что какой-то мистер Вуд, человек весьма низкого происхождения, сумел приобрести такое большое влияние, чтобы ему удалось скрепить печатью Его величества отправку столь значительной суммы неполноценных денег в нашу несчастную страну, в то время как вся местная знать и все наше дворянство не могли добиться той же милости и получить для нас разрешение чеканить наши собственные полупенсовики как прежде. Я растолкую вам все это чрезвычайно просто. Мы находимся очень далеко от королевского двора, и нет у нас там никого, кто мог бы ходатайствовать за нас, хотя многие лорды и сквайры, чьи имения и чья родина находятся здесь, проводят там всю свою жизнь и тратят там все свое состояние. Мистер Вуд, напротив, имеет возможность постоянно блюсти свои интересы. Он – англичанин, у него есть влиятельные друзья, и он, по-видимому, отлично знает, кому следует дать взятку, с тем чтобы тот шепнул другим, которые смогут замолвить словечко перед королем и рассказать ему разные небылицы. Его величество и, быть может, тот знатный лорд, который давал ему советы в этом деле, могли даже подумать, что это послужит на благо нашей стране, и таким образом, как выражаются юристы, король был обманут при даровании привилегии, что часто случается во всех государствах.

Если указанный патент произведет действие, какого добивается мистер Вуд, это вконец разорит наше королевство, давшее столько доказательств своей лояльности. И я

совершенно уверен, что будь только его величеству об этом известно, он немедленно взял бы этот патент обратно и, пожалуй, выразил бы кой-кому свое неудовольствие. Но для мудрых достаточно одного слова. Большинство из вас слышало, с каким гневом наша высокопочтенная палата общин приняла известие о патенте Вуда. По этому поводу было произнесено множество прекрасных речей и было приведено множество ясных доказательств того, что все это дело от начала до конца не что иное, как наглый обман. Было также опубликовано несколько язвительных суждений, на которые упомянутый Вуд имел наглость ответить также в печати, и притом с такою самоуверенностью, как если бы он был более достойным человеком, чем все члены нашего парламента, вместе взятые. Вышеназванный Вуд, как только его патент был утвержден, или вскоре после этого, посылает множество бочек со своими полупенсовиками в Корк и другие портовые города и, чтобы сбыть их, предлагает сто фунтов своей монетой за семьдесят или восемьдесят фунтов серебром, но сборщики королевских пошлин весьма решительно отказываются принимать ее, и так же поступают почти все остальные. И поскольку парламент признал эту монету негодной и обратился к королю с просьбой изъять ее, то все королевство гнушается ею.

Однако Вуд все еще строит козни с целью навязать нам свои полупенсовики, и если ему с помощью его английских друзей удастся добиться приказа, чтобы чиновники и сборщики королевских пошлин принимали их и чтобы этой монетой выплачивалось жалованье армии, то он сочтет свое дело сделанным. В этом случае вам предстоит следующее затруднение: солдат, придя на рынок или в трактир, предложит эти деньги и, если их не возьмут, примется, быть может, шуметь и буяннить, станет угрожать, что отколотит мясника или трактирщицу, или возьмет товар силой и швырнет им негодные полупенсовики. В этом и в подобных случаях лавочнику, трактирщику или какому-либо иному торговцу ничего не останется делать, как потребовать за свои товары вдесятеро дороже, если за них платят монетой Вуда (например, двадцать пенсов этими деньгами за кварту эля и соответственно за все остальное), и не расставаться со своими товарами до тех пор, пока он не получит денег.

Предположим, что вы приходите с этими негодными деньгами в трактир, и хозяин дает вам кварту эля за четыре таких полупенсовика. Как должен поступить в этом случае трактирщик? Пивовар не захочет, чтобы ему платили этой монетой, а если он будет настолько глуп, что возьмет ее, то фермеры не захотят принимать ее в уплату за свой ячмень. Ведь по условиям своих договоров они обязаны платить аренду полноценными и законными деньгами Англии, каковыми эти деньги не являются, как не являются они и законными деньгами Ирландии. Сквайр, их лендлорд, никогда не будет ослеплен настолько, чтобы принимать такую дрянь за свою землю. Таким образом, все это

непременно должно где-нибудь остановиться, и где бы оно ни остановилось – все равно мы все погибли.

На одну унцию обычно приходится от четырех до пяти этих полупенсовиков; допустим, что пять. Тогда три шиллинга четыре пенса будут весить один фунт, и, следовательно, двадцать шиллингов – добрых шесть фунтов. Существует много сот фермеров, которые платят по двести фунтов аренды в год. Следовательно, когда один из этих фермеров явится с половиной своей годовой аренды, что составляет сто фунтов, то она будет весить по меньшей мере шестьсот фунтов, и ее нужно будет навьючить на трех лошадях. Если сквайру вздумается поехать в город, чтобы купить одежду, вино и пряности для себя и для своей семьи или, быть может, провести там зиму, ему придется захватить с собою пять или шесть лошадей, навьюченных мешками, наподобие того как фермеры возят зерно; а когда его супруга поедет в своей карете к нам в лавки, за нею должна будет следовать повозка, нагруженная деньгами мистера Вуда. И я надеюсь, что учтивость не помешает нам принять их за то, чего они стоят.

Говорят, что сквайр Конолли получает шестнадцать тысяч фунтов годового дохода. Если он пошлет за своей рентой в город (что он, по всей вероятности, сделает), то ему понадобится двести сорок лошадей, чтобы доставить половину своего годового дохода, и два или три больших погреба в своем доме, чтобы хранить ее. Но что будут делать банкиры, этого я сказать не могу. Ибо мне говорили, что некоторые крупные банкиры держат при себе сорок тысяч фунтов наличными, чтобы иметь возможность платить по всем счетам, для перевозки каковой суммы в монете мистера Вуда потребуется тысяча двести лошадей.

Я, со своей стороны, уже решил, что мне делать. У меня недурная лавка, в которой я торгую ирландскими сукнами и шелками. Вместо того чтобы брать негодные медяки мистера Вуда, я стану выменивать товар на товары своих соседей – мясников, пекарей, пивоваров и всех остальных, а то небольшое количество золота и серебра, которое у меня есть, я намерен хранить как зеницу ока до лучших времен или до тех пор, пока не стану умирать с голоду. Тогда я куплю монету мистера Вуда, подобно тому как отец мой покупал медную монету во времена короля Якова. Он мог купить десять фунтов этой монеты за одну гинею, а я надеюсь приобрести столько же за один пистоль и затем купить хлеба у тех, у кого хватит глупости продать его мне.

Если эти полупенсовики поступят в обращение, то их скоро станут подделывать, ибо подделка обойдется очень дешево – настолько негоден материал. Голландцы, по всей вероятности, также примутся подделывать полупенсовики и будут посылать их нам, чтобы расплачиваться за наши товары. Мистер Вуд не успокоится, напротив, он будет чеканить все больше и больше, так что через несколько лет у нас окажется этого хлама не менее, чем сто восемь тысяч фунтов, умноженных на пять. Следует иметь в виду, что в нашем

королевстве в обращении находится всего-навсего не более четырехсот тысяч фунтов разменной монеты, и эти кровопийцы не успокоятся до тех пор, пока у нас не останется ни одного серебряного шестипенсовика.

А чем все это кончится, когда королевство, наконец, будет доведено до такого состояния, я вам сейчас расскажу: помещики выгонят всех арендаторов за неуплату аренды, ибо, как я уже говорил прежде, арендаторы по условиям своих договоров обязаны платить законной монетой, имеющей хождение в Англии; затем они выгонят всех фермеров (что слишком многие из них уже делают), пустят все свои земли под пастбища для овец, оставив, кроме них, лишь такой скот, какой необходим; а затем сами превратятся в купцов и станут отсылать шерсть, масло, шкуры и полотно за море, получая за них плату наличными, вином, пряностями и шелками. Они будут держать на своих землях лишь нескольких жалких коттеров. Фермерам придется грабить, просить милостыню или покинуть свою родину. Лавочникам в нашем городе и во всех остальных городах придется закрыть торговлю и умирать с голоду: ведь благосостояние и купца, и лавочника, и ремесленника зависит от землевладельца.

Когда же сквайр сам превратится в фермера и в купца, он станет копить все полноценные деньги, которые получит из-за границы, чтобы посылать их в Англию, и возьмет к себе в дом какого-нибудь жалкого портного, ткача или других ремесленников, которые рады будут получить хоть кусок хлеба.

Я никогда бы не кончил, если бы мне пришлось перечислить вам все бедствия, которые ожидают нас в случае, если мы окажемся настолько глупыми и злонравными, что станем принимать эту проклятую монету. Было бы очень печально, если бы всю Ирландию положили на одну чашу весов, а этого дрянного Вуда – на другую, – ведь он перетянул бы все наше королевство, из коего Англия ежегодно извлекает и кладет себе в карман свыше миллиона чистой прибыли полноценными деньгами, а это больше, чем англичане получают из всех остальных стран мира.

Но у вас остается одно большое утешение: патент Его величества не обязывает вас принимать эти деньги, равным образом и законы не дают королю права принуждать подданных принимать какие угодно деньги. В противном случае мы на том же основании обязаны были бы считать ходячей монетой булыжник, ракушки или тисненую кожу, доведись нам жить при дурном государе, который равным образом мог бы своею властью заставить нас считать гинею за десять фунтов, шиллинг – за двадцать шиллингов и так далее. Этим способом он за короткое время сосредоточил бы в своих руках золото и серебро со всего королевства, не оставив нам ничего, кроме медяшек, кожи или чего ему заблагорассудилось бы. Самым жестоким и деспотическим в политике французского правительства почитается его обычай изымать из обращения все деньги, предварительно резко понизив их стоимость, а затем перчеканивать их в монету более высокой

стоимости. А ведь в этом нет и тысячной доли той зловерности, какою отличается гнусный проект мистера Вуда. Ибо французы дают своим подданным серебро за серебро и золото за золото, тогда как этот субъект не только не желает дать нам полноценную бронзу или медь за наше золото и серебро, но не дает даже двенадцатой части их стоимости.

Сказав все это, я теперь изложу вам суждения по данному вопросу некоторых известных юристов, которым я заплатил гонорар специально ради вас. Заключение за их подписью я храню у себя, дабы не сомневаться в том, что стою на твердой почве.

Знаменитый свод законов под названием «Зерцало правосудия», излагая хартии (или законы), предписанные нашими древними королями, формулирует закон так: «Повелено было, что ни один король нашего государства не должен менять, или портить деньги, или чеканить деньги из чего бы то ни было, за исключением золота или серебра, без согласия всех графств, что, по словам милорда Кока, означает без согласия парламента».

Это очень старинная книга, и она пользовалась большим авторитетом в те времена, и именно поэтому на нее часто ссылается великий юрист, милорд Кок. Согласно законам Англии все металлы делятся на законные, или истинные, и на незаконные, или фальшивые. Под первыми понимаются серебро и золото, под последними – все неблагородные металлы. То обстоятельство, что лишь первыми следует пользоваться при платежах, явствует из парламентского акта принятого в двадцатый год царствования Эдуарда I под названием «Статут относительно обращения пенса». Я привожу вам его здесь в том переводе на английский язык, который был сделан по моему заказу, ибо в те времена, как мне сказали, некоторые наши законы писались по-латыни: «Всякий, кто при покупке или продаже осмелится отказаться принять полупенсовик или фартинг законных денег с тем чеканом, коему на них быть надлежит, да будет схвачен как хулитель Его королевского величества и брошен в тюрьму».

Согласно этому статуту никто не может быть признан хулителем Его королевского величества и за означенное преступление посажен в тюрьму, кроме человека, который отказывается принимать королевскую монету, отчеканенную из законного металла, под коим, как я уже заметил прежде, понимаются лишь золото и серебро.

Что именно таков истинный смысл акта, следует не только из прямого значения слов, но также из замечания о нем милорда Кока. «Из сего акта явствует, – говорит он, – что подданного нельзя заставить принимать при купле и продаже и при других платежах какие-либо деньги, за исключением отчеканенных из законного металла, то есть из серебра или золота».

Закон Англии предоставляет королю все золотые и серебряные рудники, но не рудники других металлов. Причина сей прерогативы или привилегии, как толкует ее милорд Кок,

заключается в том, что деньги можно чеканить из золота и серебра, но не из других металлов.

Согласно его утверждению, в старину полупенсовики и фартинги чеканились из серебра, что следует из парламентского акта Генриха IV, гл. 4, в которой содержался следующий параграф: «Вследствие большого недостатка в настоящее время серебряных полупенсовиков и фартингов, в английском государстве предписывается и устанавливается, что одну треть всех денег, отчеканенных из подлежащих переплавке серебряных изделий, составят монеты достоинством в полпенни и фартинг». Из чего видно, что под полупенсовиком или фартингом законных денег понимается мелкая серебряная монета, достоинством в полпенни или фартинг.

Это явствует далее из статута, принятого в девятый год царствования Эдуарда III, гл. 3, коим золотых дел мастерам или иным лицам запрещается расплавлять полноценные полупенсовики и фартинги для изготовления сосудов или каких-либо иных предметов, под угрозой конфискации денег, таким способом расплавленных.

Другим актом, принятым в царствование этого короля, в Англии запрещалось обращение черных денег. А согласно акту, данному в одиннадцатый год его царствования, гл. 5, запрещалось обращение галерных полупенсовиков. Что это были за монеты, я не знаю, но полагаю, что они были отчеканены из неблагородного металла. И это были не новые законы, но лишь дальнейшее расширение смысла старых законов о монете.

Таковы положения закона относительно монеты, и нет примеров их нарушения, за исключением одного, приведенного в Сообщениях Дэвиса, который рассказывает нам, что во время восстания Тирона королева Елизавета приказала отчеканить в лондонском Тауэре монету из смеси металлов и послать ее сюда для уплаты жалованья армии, обязав всех жителей принимать ее и повелев, чтобы все серебряные деньги расценивались как серебро в слитках, то есть по весу. Дэвис приводит различные подробности этого дела, которых слишком много, чтобы утомлять ими ваше внимание, и добавляет, что тайный совет нашего королевства обязал одного купца в Англии принимать эти деньги из смеси металлов за присланные сюда товары.

Но эта мера отвергается всеми лучшими юристами как противоречащая закону, ибо тайный совет в этом случае не имел законной власти. И к тому же следует принять во внимание, что королева была в то время в большом затруднении ввиду поддержанного Испанией восстания в нашем королевстве. А то, что предпринимается под давлением крайних обстоятельств и в опасные времена, никогда не должно служить примером для действий в годы мира и спокойствия.

А теперь, любезные друзья мои, дабы не утомлять вашего внимания, я вкратце изложу вам, что закон обязывает вас делать и чего он не обязывает вас делать.

Во-первых, вы обязаны принимать при платежах любые отчеканенные королем деньги, с английской пробой и принятого в Англии веса, при условии, что эти деньги золотые или серебряные.

Во-вторых, вы не обязаны принимать какие бы то ни было деньги, если они не золотые и не серебряные, и это относится не только к английским полупенсовикам и фартингам, но и к деньгам любой другой страны. Если вы вообще соглашаетесь их брать, то это лишь ради удобства. Ведь обычай чеканить серебряные полупенсовики и фартинги давно уже оставлен, вероятно, по той причине, что они легко теряются.

В-третьих, вы тем не менее обязаны принимать негодные полупенсовики вышеназванного Вуда, что при этом вам предстоит потерять почти одиннадцать пенсов на каждый шиллинг.

Посему, друзья мои, все как один, стойте на своем: отказывайтесь от этой гнусной дряни. Противиться мистеру Вуду не значит совершать государственную измену. Его величество в своем патенте не обязывает никого принимать эти полупенсовики. У нашего всемилостивейшего монарха нет таких дурных советников, а если бы даже они и были, то все равно законы не дали королю власти принудить нас принимать какую-либо монету, за исключением законной, соответствующей пробы, золотой или серебряной. Следовательно, бояться вам нечего.

Позвольте мне далее обратиться особо к вам, наименее зажиточные торговцы. Быть может, вы думаете, что не потеряете так много, как богатые, если эти полупенсовики будут находиться в обращении, ибо вам редко попадается серебро, и покупатели приходят в ваши лавки и лавчонки, не имея при себе ничего, кроме медяков, да и они достаются вам нелегко. Но вы можете мне поверить на слово, – как только эти деньги получат хождение среди вас, вы окончательно разорены. Если вы придете с этими полупенсовиками в лавку за табаком, за бренди или за каким-либо иным нужным вам предметом, лавочник соответственно поднимет цены на свои товары – иначе он должен разориться, закрыть свою лавку и оставить ключ под дверью. Неужели вы думаете, что я продам вам ярд ткани, которая стоит десять пенсов, за двадцать полупенсовиков мистера Вуда? Нет, за двести, не меньше, и к тому же я не стану считать их, а просто взвешу их все вместе. Скажу вам еще кое-что, а именно: если проект мистера Вуда осуществится, то он разорит даже наших нищих. Ведь когда я даю нищему полупенсовик, он может утолить свою жажду или хотя бы отчасти набить себе брюхо, а двенадцатая часть полпенни принесет ему не больше пользы, чем три булавки из моего обшлага.

Короче говоря, эти полупенсовики подобны тем нечистым предметам, к которым, согласно священному писанию, сынам Израиля запрещено было прикасаться. Они будут распространяться всюду, как чума, и губить каждого, кто до них дотронется.

Я слышал от ученых об одном человеке, который сказал королю, что придумал способ пытать людей, сажая их в медного быка и разводя под ним огонь. Однако монарх, ради опыта, сначала посадил в медного быка самого изобретателя. Это весьма напоминает проект мистера Вуда, и не исключена возможность, что мистера Вуда постигнет подобная же участь – медяки, которые он изобрел, чтобы терзать ими наше королевство, обратятся в орудие пытки для него самого и в конце концов приведут его к гибели.

Примечание. Люди, которые почитают своей обязанностью быть точными в наблюдениях относительно истинной стоимости этих полупенсовиков, сообщили автору настоящего письма, что каждый может получить кварту двухпенсового эля за тридцать шесть таких монет.

Я желал бы, чтобы это письмо тщательно хранилось во всех семьях, дабы члены их могли, заглядывая в него, освежать свою память всякий раз, как они услышат еще что-либо о полупенсовиках мистера Вуда или иного подобного мошенника.

Скромное предложение

** Памфлет «Скромное предложение...» (1729) написан в год одного из крупнейших за всю историю Ирландии неурожаев. Несмотря на массовый голод, приведший к вымиранию целых районов, английское правительство не предприняло никаких мер, чтобы помочь голодающим. «Скромное предложение...», полное гнева и трагической иронии, скрытых за внешне беспристрастным тоном памфлета, стало тягчайшим обвинением английскому правительству.*

Печатается по: Джонатан Свифт. Памфлеты / Пер. Б. Томашевского. М., 1955.

имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине, и, напротив, сделать их полезными для общества

Печальное зрелище предстает перед теми, кто прогуливается по этому большому городу или путешествует по стране, когда они видят на улицах, на дорогах и у дверей хижин толпы нищих женщин с тремя, четырьмя или шестью детьми в лохмотьях, пристающих к каждому прохожему за милостыней. Эти матери, не имея возможности честным трудом заработать себе на пропитание, вынуждены все время блуждать по улицам, вымаливая подаяния для своих беспомощных младенцев; а те, когда вырастают, или становятся ворами, за отсутствием работы, или покидают свою любимую родину для того, чтобы сражаться за претендента на трон в Испании, или же продают себя на Барбадос.

Я думаю, что все партии согласны с тем, что такое громадное количество детей на руках, на спине или под ногами у матерей, а часто и у отцов, представляет собою лишнюю обузу для нашего королевства в его настоящем плачевном положении. Поэтому всякий, кто мог

бы изыскать хорошее, дешевое и легкое средство превратить этих людей в полезных членов общества, вполне заслужил бы, чтобы ему воздвигли памятник как спасителю отечества.

Но моя задача отнюдь не ограничивается заботой о детях одних только профессиональных нищих; она гораздо шире и распространяется вообще на всех детей определенного возраста, родители которых по существу так же мало способны содержать их, как и те, кто просит милостыню на улицах.

Со своей стороны, обдумывая в течение многих лет этот важный вопрос и зрело взвешивая некоторые предложения наших прожектеров, я всегда находил, что они грубо ошибаются в своих расчетах.

Правда, только что родившийся младенец может прожить целый год, питаясь молоком матери, с незначительным прибавлением другой пищи, которая обойдется не больше, чем два шиллинга. Эту сумму мать, конечно, может добыть или деньгами, или в виде остатков пищи, пользуясь своим законным правом просить милостыню. А по отношению к детям, достигшим года, я именно и предлагаю применить такие меры, благодаря которым они не будут в дальнейшем нуждаться в пище и одежде и не только не станут бременем для своих родителей или для своего прихода, но, напротив, сами будут способствовать тому, чтобы многие тысячи людей получали пищу и отчасти одежду.

Другая важная выгода моего проекта заключается еще и в том, что он положит конец добровольным абортам и ужасному обычаю женщин убивать своих незаконных детей (обычай, увы, очень распространенный у нас!). При этом бедные невинные младенцы несомненно приносятся в жертву с целью избежать не столько позора, сколько расходов, и это обстоятельство способно исторгнуть слезы из глаз и возбудить сострадание в самом жестоком и бесчеловечном сердце.

Поскольку население нашего королевства насчитывает сейчас полтора миллиона, то, по моим расчетам, среди них может оказаться около двухсот тысяч женщин, способных иметь детей. Из этого числа я вычитаю тридцать тысяч супружеских пар, которые в состоянии прокормить своих детей (хотя я не думаю, чтобы их было так много, учитывая нынешнее трудное положение в королевстве). Но если и допустить, что это так, то все же останется еще сто семьдесят тысяч женщин, способных иметь детей. Я вычитаю еще пятьдесят тысяч женщин, в число которых входят женщины с выкидышами или те женщины, чьи дети умерли от несчастных случаев или болезней на первом году жизни. Остается, таким образом, сто двадцать тысяч детей, рождающихся ежегодно от бедных родителей.

Возникает вопрос: как вырастить и обеспечить это количество детей? Как я уже сказал, при настоящем положении вещей это совершенно не представляется возможным с

помощью тех способов, которые до сих пор предлагались. Ибо мы не можем найти для них применения ни в ремеслах, ни в сельском хозяйстве.

Мы не строим домов (я имею в виду в деревне) и не возделываем землю. Эти дети очень редко могут добыть себе пропитание воровством, раньше чем они достигнут шестилетнего возраста, если только они не одарены выдающимися способностями. Впрочем, я должен признать, что они усваивают основы этого занятия гораздо раньше, однако в это время их можно считать только учениками. Как мне сообщило одно ответственное административное лицо из графства Кэйвен, ему не приходилось встречать больше одного-двух случаев воровства в возрасте до шести лет, даже в части королевства, широко известной своими быстрыми успехами в этом искусстве.

Наши купцы убеждали меня в том, что мальчик или девочка в возрасте до двенадцати лет – не ходкий товар; и даже достигнув этого возраста, они оцениваются не свыше трех фунтов или самое большее в три фунта, два шиллинга и шесть пенсов. Это не может возместить затраты родителей или государства, так как пища и лохмотья ребенка стоят по крайней мере в четыре раза дороже.

Поэтому я скромно предлагаю на всеобщее рассмотрение свои мысли по этому поводу, которые, как я надеюсь, не вызовут никаких возражений.

Один очень образованный американец, с которым я познакомился в Лондоне, уверял меня, что маленький здоровый годовалый младенец, за которым был надлежащий уход, представляет собою в высшей степени восхитительное, питательное и полезное для здоровья кушанье, независимо от того, приготовлено оно в тушеном, жареном, печеном или вареном виде. Я не сомневаюсь, что он так же превосходно подойдет и для фрикассе или рагу.

Я беру на себя смелость просить всех обратить внимание и на то обстоятельство, что из учтенных нами ста двадцати тысяч детей двадцать тысяч можно сохранить для дальнейшего воспроизведения потомства, причем только четвертая часть этих младенцев должна быть мужского пола. Это больше, чем обычно оставляется баранов, быков или боровов; я принимаю здесь во внимание, что эти дети редко бывают плодом законного брака, обстоятельство, на которое дикари не обращают особого внимания, и поэтому одного самца будет вполне достаточно, чтобы обслужить четырех самок. Остальные же сто тысяч, достигнув одного года, могут продаваться знатым и богатым лицам по всей стране. Следует только рекомендовать матерям обильно кормить их грудью в течение последнего месяца, с тем чтобы младенцы сделались упитанными и жирными и хорошо годились бы в кушанье для изысканного стола. Из одного ребенка можно приготовить два блюда на обед, если приглашены гости; если же семья обедает одна, то передняя или задняя часть младенца будет вполне приемлемым блюдом, а если еще приправить его

немного перцем или солью, то можно с успехом употреблять его в пищу даже на четвертый день, особенно зимою.

Я рассчитал, что только что родившийся ребенок весит в среднем двенадцать фунтов, а в течение года, при хорошем уходе, достигнет двадцати восьми фунтов.

Я согласен, что это будут несколько дорогие блюда и потому подходящие для помещиков, которые, похвал уже большую часть родителей, по-видимому, имеют полное право и на их потомство.

Детское мясо будет продаваться в течение всего года, но особенно много его будет в марте, а также несколько раньше и немного позже. Ибо один серьезный писатель, знаменитый французский врач, сообщил нам, что так как рыба – пища весьма возбуждающая, то в романских католических странах примерно через девять месяцев после поста рождается гораздо больше детей, чем в любое другое время года. Поэтому приблизительно через год после поста рынки будут завалены детским мясом, так как в нашем королевстве приходится трое детей-католиков на одного протестантского младенца.

Косвенной выгодой всего этого явится уменьшение среди нас числа сторонников папы.

Я уже вычислил, что стоимость содержания ребенка из бедной семьи (в этот список я включаю всех поселян, владеющих хижинкой, чернорабочих и четыре пятых фермеров-арендаторов) равняется примерно двум шиллингам в год, включая сюда и лохмотья. И я думаю, что ни один джентльмен не пожалеет дать десять шиллингов за тельце хорошего, жирного младенца, из которого, как я уже сказал, можно приготовить четыре блюда превосходного питательного мяса и угостить за обедом приятеля или просто подать на стол, когда семья обедает без гостей. Таким образом, помещик научится быть хорошим хозяином и завоюет себе популярность среди своих арендаторов. А мать ребенка получит восемь шиллингов чистой прибыли и будет в состоянии работать, пока не произведет на свет другого младенца.

Люди более бережливые (я должен заметить, что время требует бережливости) могут еще вдобавок содрать и кожу; из надлежащим образом обработанной кожи младенца могут быть изготовлены превосходные дамские перчатки, а также летняя обувь для изящных джентльменов.

Что же касается нашего города Дублина, то бойни могут быть устроены в самых удобных местах, причем можно быть уверенным, что в мясниках недостатка не будет. Я бы все же рекомендовал покупать детей живыми, а не готовить их еще теплыми из-под ножа, как мы жарим поросят.

Один искренне любящий свою родину и весьма почтенный человек, добродетели которого я высоко ценю, недавно, разговаривая со мною на эту тему, соизволил внести в мой проект небольшое дополнение. Он сказал, что многие джентльмены нашего королевства

за последнее время уничтожили во время охоты почти всех своих оленей, и он полагает, что недостаток оленины можно было бы прекрасно возместить мясом подростков, мальчиков и девочек, не старше четырнадцати и не моложе двенадцати лет. Ведь в настоящее время огромному числу людей обоего пола во всех странах грозит голодная смерть из-за отсутствия работы, и родители, если они еще живы, а за неимением их – ближайшие родственники будут рады избавиться от детей. Но, отдавая должное мнению моего достойнейшего друга и столь славного патриота, я все же должен заметить, что не могу с ним полностью согласиться. Ибо что касается мальчиков, то мой знакомый американец на основании своего собственного богатого опыта уверял меня, что их мясо обычно бывает жестким и тощим, как у наших школьников от их большой подвижности, и имеет неприятный привкус, а откармливать их было бы слишком невыгодно, так как не оправдало бы расходов. Что же касается девочек, то здесь я осмелюсь высказать свое скромное соображение в том смысле, что это будет все же некоторая утрата для общества, так как они сами вскоре должны будут стать матерями. К тому же весьма вероятно, что некоторые щепетильные люди станут осуждать это мероприятие (хотя, конечно, совершенно несправедливо), как граничащее с жестокостью, что, по моему мнению, всегда является самым серьезным возражением против любого проекта, как бы хороши ни были его конечные цели.

В оправдание моего друга скажу только, что идею этого мероприятия, по его собственному признанию, ему внушил знаменитый Салманазар, уроженец острова Формоза, который приехал оттуда в Лондон около двадцати лет тому назад. Беседуя с моим другом, он рассказал ему, что на его родине, когда случается казнить людей еще молодых, палач обычно продает тело казненного знатым людям, как самое высшее лакомство, и что в то время, когда он еще жил там, тело одной полненькой пятнадцатилетней девушки, распятой за покушение отравить императора, было прямо с креста продано по частям первому министру его величества и другим знатым придворным мандаринам за четыреста крон. Действительно, я не могу отрицать, что если бы то же самое сделать с некоторыми полненькими молодыми девушками в нашем городе, которые, не имея за душой ни гроша, не показываются в обществе иначе как в паланкине и появляются в театрах и на вечерах в изысканных заграничных туалетах, за которые они никогда не заплатят, – то наше королевство ничего бы от этого не потеряло. Некоторых лиц с мрачным складом характера весьма беспокоит огромное количество старых, больных или искалеченных бедняков, и меня просили подумать о таком средстве, которое могло бы помочь нации освободиться от столь тяжелого бремени. Но меня это совершенно не волнует, так как хорошо известно, что они ежедневно умирают и гниют заживо от холода, голода, грязи и насекомых, и притом с такой быстротой, которая превосходит все возможные ожидания.

Что же касается молодых поденщиков, то они находятся теперь в положении, дающем надежду на такой же исход; они не могут получить работу и вследствие этого постепенно истощаются от недостатка питания до такой степени, что если их и нанимают на какую-нибудь случайную работу, у них нет сил ее выполнить, и таким образом страна и они сами весьма удачно избавляются от дальнейших зол.

Я сделал слишком длинное отступление и поэтому возвращаюсь к своей основной теме.

Я полагаю, что выгоды моего предложения столь очевидны и многочисленны, что, несомненно, будут признаны в высшей степени важными.

Во-первых, как я уже заметил, проведение его в жизнь значительно уменьшит число католиков, которые из года в год наводняют нашу страну, так как они являются основными производителями детей для нации, а вместе с тем – и нашими самыми опасными врагами. Они нарочно не покидают пределов страны, чтобы отдать королевство во власть претендента, надеясь воспользоваться отсутствием большого количества добрых протестантов, которые предпочли лучше покинуть свое отечество, чем остаться дома и платить против своей совести десятину епископальному священнику.

Во-вторых, у самых бедных арендаторов найдется теперь хоть какая-нибудь ценная собственность, которую можно будет, согласно закону, описать и тем помочь уплатить ренту помещику, так как хлеб и скот у них уже отняты, а деньги – вещь в наших краях совершенно неизвестная.

В-третьих, так как содержание ста тысяч детей от двух лет и старше не может быть оценено менее, чем в десять шиллингов ежегодно за душу, то национальный доход тем самым увеличится на пятьдесят тысяч фунтов в год, не говоря уже о стоимости нового блюда, которое появится на столах наших богатых джентльменов с утонченным гастрономическим вкусом. А деньги будут обращаться только среди нас, так как товар полностью выращивается и производится в нашей стране.

В-четвертых, постоянные производители детей, помимо ежегодного заработка в восемь шиллингов за проданного ребенка, по прошествии первого года будут избавлены от забот по его содержанию.

В-пятых, это новое кушанье привлечет много посетителей в таверны, владельцы которых, конечно, постараются достать наилучшие рецепты для приготовления этого блюда самым тонким образом, и в результате их заведения будут посещаться всеми богатыми джентльменами, которые справедливо гордятся своим знанием хорошей кухни, а искусный повар, знающий как угодить гостям, ухитрится сделать это кушанье таким дорогим, что оно им непременно понравится.

В-шестых, это в значительной степени увеличило бы число браков, к заключению которых все разумные государства или поощряют путем денежных наград или понуждают насильственно, с помощью законов и карательных мер. Забота и нежность матерей к

своим детям значительно возрастут, когда они будут уверены, что общество тем или иным путем обеспечит судьбу бедных младенцев, одновременно давая и самим матерям ежегодную прибыль. Мы были бы свидетелями честного соревнования между замужними женщинами: кто из них доставит на рынок самого жирного ребенка. Мужья стали бы проявлять такую же заботливость к своим женам во время их беременности, как сейчас к своим кобылам, готовым ожеребиться, коровам, готовым отелиться, и свиньям, готовым опороситься; и из боязни выкидыша они не станут колотить своих жен кулаками или пинать ногами (как это часто бывает).

Можно было бы перечислить еще ряд выгод. Например, увеличение экспорта говядины на несколько тысяч туш, прирост свиного поголовья и усовершенствование в искусстве приготовления хорошей свиной грудинки, которой нам так не хватает из-за массового истребления поросят, слишком часто красующихся на наших столах, но ни в коем случае не идущих в сравнение ни по вкусу, ни по нарядному виду со здоровым, толстым годовалым младенцем, который, изжаренный целиком, будет замечательным блюдом на банкете лорда-мэра или на любом ином общественном празднестве. Но, стремясь быть кратким, я опускаю это и многое другое.

Предположив, что тысяча семейств в этом городе явятся постоянными потребителями детского мяса, не считая другие семейства, которые смогут приобретать его лишь для особо торжественных случаев, в частности, для свадеб и крестин, я рассчитал, что Дублин будет потреблять ежегодно около двадцати тысяч детских туш, а остальная часть королевства (где они, вероятно, будут продаваться несколько дешевле) – восемьдесят тысяч.

Я не предвижу никаких возражений, которые, возможно, будут выдвинуты против моего предложения, разве только станут утверждать, что тем самым значительно уменьшится население нашего королевства. Я откровенно признаю это, и действительно, именно это обстоятельство и было одной из основных целей моего предложения.

Я хотел бы, чтобы читатель обратил внимание на то, что я предназначаю мое средство исключительно для королевства Ирландии, а не для какого-либо иного государства, которое когда-нибудь существовало, существует и сможет существовать на земле. Поэтому пусть мне не говорят о других средствах, как, например, наложить на проживающих за границей налог в пять шиллингов на каждый заработанный фунт стерлингов, покупать одежду и мебель, сделанные только из отечественных материалов и на отечественных мануфактурах, полностью отказаться от всего, на чем основано развитие у нас иностранной роскоши или что ему способствует, излечить наших женщин от расточительности, связанной с гордостью, тщеславием, праздностью и игрой в карты, развить стремление к бережливости, благоразумию и умеренности, научить граждан любви к своей родине, ибо ее у нас не хватает, и этим мы отличаемся даже от

лапландцев и обитателей Топинамбу, прекратить нашу вражду и внутривластные раздоры и впредь не поступать как евреи, которые убивали друг друга даже в тот самый момент, когда враги ворвались в их город; быть несколько более осторожными и не продавать своей страны и своей совести за чечевичную похлебку, возбудить в помещиках хотя бы в малейшей степени чувство милосердия по отношению к своим арендаторам и, наконец, внушить нашим торговцам дух честности, трудолюбия и предприимчивости; ведь если бы теперь было принято решение покупать только наши отечественные товары, все торговцы немедленно объединились бы для того, чтобы как можно лучше обманывать нас в цене, мере, весе и качестве товаров. И ведь никогда еще они не принимали ни одного разумного предложения, чтобы укрепить честную торговлю, хотя подобные серьезные предложения им делались довольно часто.

Поэтому, повторяю, пусть никто не говорит мне об этих и подобных им мерах, пока ему не блеснет по крайней мере луч надежды на то, что когда-нибудь будет сделана честная и искренняя попытка претворить эти меры в жизнь.

Что касается меня самого, то я в течение ряда лет совершенно измучился, предлагая разные пустые, праздные и иллюзорные идеи. Наконец, совершенно отчаявшись в успехе, я, к счастью, внезапно натолкнулся на мысль об этом предложении, которое, будучи совершенно новым, заключает в себе нечто основательное и реальное, не требует ни особых расходов, ни больших хлопот, находится полностью в пределах наших возможностей и не таит в себе опасности навлечь на нас гнев Англии, поскольку этот сорт товара не может быть использован для экспорта, так как детское мясо слишком нежно по своей природе, чтобы сохраняться долгое время в засоленном виде, хотя я, может быть, а мог бы назвать страну, которая охотно сожрала бы всю нашу нацию даже и без соли.

В конце концов, я не так уж неистово увлечен своей собственной идеей, чтобы отвергнуть всякое другое предложение, сделанное умными людьми, если оно будет в равной степени безвредным, дешевым, удобным и эффективным.

Но прежде чем будет предложено что-либо лучшее в противовес моему проекту, я бы хотел, чтобы автор или авторы этого лучшего предложения согласились здраво обсудить два вопроса. Во-первых, каким образом при настоящем положении вещей они будут в состоянии обеспечить пищу и одежду для ста тысяч бесполезных ртов и тел; во-вторых, – поскольку в нашем королевстве имеется круглым счетом миллион человеческих существ, чьи средства к существованию, взятые вместе, все же оставят за ними долг в два миллиона фунтов стерлингов, – принимая во внимание профессиональных нищих вместе с огромной массой фермеров, крестьян, владеющих лишь хижинкой, и чернорабочих с их женами и детьми, которые тоже фактически являются нищими, – я бы хотел, чтобы те политические деятели, которым не понравится мое предложение и которые, может быть, возьмут на себя смелость попытаться ответить мне, сперва спросили бы родителей этих

детей, не считают ли они теперь, что для них было бы великим счастьем, если бы в свое время их продали и съели в возрасте одного года, как я сейчас предлагаю. Ведь тем самым они избежали бы целого ряда бесконечных несчастий и бедствий, которым они подвергались все это время благодаря гнету помещиков, невозможности уплатить арендную плату без денег и без сбыта для своих продуктов, недостатку элементарного питания, отсутствию жилища и одежды для защиты от непогоды и совершенно неизбежной перспективе навсегда оставить в наследство подобные же или еще большие бедствия своему потомству.

Я с полнейшей искренностью заявляю, что в попытке содействовать этому необходимому начинанию я не преследую ни малейшей личной выгоды, ибо у меня нет иных целей, кроме общественного блага моей родины, развития торговли, обеспечения детей, облегчения участи бедняков и желания доставить удовольствие богатым. У меня нет детей, с продажи которых я мог бы надеяться заработать хоть один пенни, так как моему младшему ребенку уже девять лет, а жена у меня пожилая и детей у нее больше не будет.

РИЧАРД СТИЛ (1672–1729)

Стил происходил из семьи адвоката, во время учебы в Оксфорде познакомился и подружился с Джозефом Аддисоном. После окончания университета Стил написал несколько пьес и получил известность как драматург. Позднее он увлекся журналистикой. Вместе с Аддисоном они издавали журналы «Тэтлер» («Болтун»), «Спектэйтор» («Зритель»), «Инглишмэн» («Англичанин»), «Ридер» («Читатель») и другие.

Статьи Стила в журнале «Инглишмэн» так возмутили королеву Анну, что она пожаловалась на бесчинства прессы в тронной речи 1714 г. Стил, будучи депутатом парламента, был вызван на парламентский суд. Благодаря артистизму и находчивости Стил превратил судебное расследование в фарс.

История удивительных приключений Александра Селькирка, потерпевшего кораблекрушение моряка

**[8] «История Александра Селькирка» была опубликована в № 26 журнала Englishman в 1713 г. В основу очерка легли действительно имевшие место факты из жизни реального человека. «История...» стала источником для сюжета знаменитого романа Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». Выше приводятся отрывки из этого очерка.*

Печатается по: Зарубежная литература XVIII века. Хрестоматия: В 2-х томах / Под ред.

Б.И. Пуришева. Т. 1. Пер. Л. Никитиной. М., 1988.

Мне кажется, что позволительно будет рассказать на страницах журнала с таким названием о человеке, рожденном во владениях Ее величества, и поведать одно приключение из его жизни, столь необычное, что, наверное, ничего подобного не случилось с кем-либо другим. Человек, о котором я намерен рассказать, зовется Александр Селькирк; имя его знакомо людям любопытствующим, ибо он приобрел известность тем, что прожил в одиночестве четыре года и четыре месяца на острове Хуан Фернандес. Я имел удовольствие часто беседовать с ним тотчас по его приезде в Англию в 1711 году. Так как был он человеком разумным, весьма любопытно было слушать его рассказ о переменах, происходивших в душе его за время его длительного одиночества. Вспомнив, как тягостно нам оставаться вдали от людей хотя бы на протяжении одного вечера, мы сможем составить понятие о том, каким мучительным казалось столь неизбежное и постоянное одиночество человеку, с юных лет ставшему моряком и привыкшего наслаждаться и страдать, пить, есть, спать – словом, проводить всю жизнь в обществе товарищей. Он был высажен на берег с корабля, давшего течь, с капитаном коего у него произошла ссора, и он предпочел ввериться своей судьбе на пустынном острове, чем оставаться на ветхом корабле под началом враждебного ему командира. Из вещей его дали ему сундучок, носильное платье и постель, кремневое ружье, фунт пороху, достаточно пуль, кремнь и огниво, несколько фунтов табака, топор, нож, котел, Библию и другие книги духовного содержания, а также сочинения о навигации и математические приборы. Обида на командира, который столь дурно обошелся с ним, заставляла его желать такой перемены участи как блага до того самого мгновения, как он увидел, что корабль его отчаливает; в эту минуту сердце его сжалось и заныло, ибо расставался он не с одними лишь товарищами, но и со всем человечеством. Запасов для поддержания жизни своей имел он на один только день; остров же изобилдовал лишь дикими козами, кошками и крысами. Он полагал, что сможет быстрее и легче удовлетворить свои нужды, подбирая на берегу моллюсков, нежели охотясь с ружьем за дичью. И на самом деле, он нашел великое множество черепашек, чье мясо показалась ему весьма вкусным и которых он первое время часто и в изобилии ел, пока не стали они ему противны, и позже он мог переносить их только приготовленными в виде студня. Потребность в еде и питье служила ему великим отвлечением от размышлений о своем одиночестве. Когда же он сумел удовлетворить эти потребности, тоска по обществу людей охватила его с такой силой, что он стал думать, что был менее несчастлив в то время, когда нуждался в самом необходимом; ибо легко поддержать тело, но желание увидеть вновь лицо человеческое, овладевшее им, когда он на время забывал о телесных нуждах, казалось ему непереносимым. Им овладели уныние, томление и меланхолия, и лишь с трудом удерживался он от того, чтобы не наложить на себя руки, пока мало-помалу, усилиями рассудка и благодаря усердному чтению Священного Писания и

прилежному изучению навигации, по прошествии восемнадцати месяцев он вполне примирился со своей участью. Когда добился он своей победы, то цветущее его здоровье, уединение от мира, всегда безоблачное, приветливое небо и мягкий воздух превратили жизнь его в непрерывное празднество, и жизнь стала для него столь же радостной, сколь раньше была печальной. Находя теперь удовольствие во всех повседневных занятиях, превратил он хижину, где спал, ветвями, срубленными в обширном лесу, на опушке которого хижина эта была расположена, в восхитительную беседку, постоянно обвеваемую ветерком и легким дуновением воздуха; и это сделало его отдых после охоты равным чувственным удовольствиям.

Я забыл упомянуть, что пока пребывал он в унынии, чудовища морских глубин, которые нередко выплывали на берег, увеличивали ужас одиночества; страшные их завывания и звуки их голосов, казалось, были слишком ужасны для человеческого уха; но когда к нему вернулась прежняя его бодрость, он мог не только с приятностью слушать их голоса, но даже приближаться к самим чудовищам с большой отвагой. Он рассказал потом о морских львах, которые своими челюстями и хвостами могли схватить и сокрушить человека, если бы человек к ним приблизился; но в то время духовные и телесные силы его были столь велики, что он часто бестрепетно приближался к ним; лишь потому, что дух его был спокоен, мог он с величайшей легкостью убивать их, ибо заметил, что хотя челюсти и хвосты их были столь устрашающи, животные эти поворачивали свое туловище с необычайной медлительностью, и стоило ему как раз стать против середины их тела и так близко, как только возможно, и ему удавалось с необычайной легкостью умерщвлять их топором.

Дабы не погибнуть от голода в случае болезни, он перерезал сухожилия у молодых козлят; после чего, не потеряв здоровья, они навсегда утратили быстроту ног. Множество таких козлят паслось вокруг его хижины; когда же бывал он в добром здоровье, мог он догнать самую быстроногую козу, и ему всегда удавалось поймать ее, если только она не бежала под гору.

В жилище его чрезвычайно докучали ему крысы, которые грызли его платье и даже ноги его, когда он спал. Чтобы защитить себя от них, он вскормил и приручил множество котят, которые лежали на его постели и защищали его от врагов. Когда платье его совсем обветшало, он высушил и сшил козьи шкуры, в которые и оделся и вскоре научился пробираться сквозь леса, кустарники и заросли столь же свободно и стремительно, как если бы сам был диким животным. Случилось ему однажды, когда он взбегал на вершину холма и сделал прыжок, чтобы схватить козу, свалиться вместе с нею в пропасть; он пролежал там без чувств в течение трех дней, измеряя продолжительность времени по приросту месяца с момента своего последнего наблюдения.

Подобная жизнь стала для него столь восхитительно приятной, что ни одной минуты не тяготился он ею; ночи его были безмятежны, дни радостны благодаря умеренности и упражнениям. Он взял за правило предаваться молитвенным упражнениям в определенные часы и в определенных местах, и он творил свои молитвы вслух, дабы сохранить способность речи и дабы изливать свои чувства с большей силой.

Когда я впервые встретил этого человека, я подумал, что даже не зная я заранее о нраве его и о приключениях, я все равно распознал бы по облику и по манерам, что он надолго был отлучен от людского общества: во взоре его изображались важность глубокая, но бодрая, и какое-то пренебрежение к окружающим его обыденным предметам, как если бы он был погружен в задумчивость. Когда корабль, на котором он вернулся в Англию, подошел к его острову, он встретил с величайшим равнодушием возможность уехать на этом корабле, но с большой радостью оказал помощь морякам и пополнил их запасы. Он часто оплакивал свое возвращение в свет, который, как он говорил, со всеми своими наслаждениями не заменит ему утраченного спокойствия его уединения. Я много раз беседовал с ним, но, повстречав его на улице по прошествии нескольких месяцев, не мог его узнать, хотя он сам ко мне обратился; общение с жителями нашего города стерло следы уединенной жизни с его облика и совсем переменило выражение его лица.

Рассказ этого бесхитростного человека служит назидательным примером того, что счастливее всех тот, кто ограничивает свои желания одними естественными потребностями; у того же, кто поощряет свои прихоти, нужды возрастают наравне с богатством; или, как он сам говорил, «у меня есть теперь 800 фунтов, но никогда не буду я столь счастлив, сколь был тогда, когда не имел за душою ни фартинга».

ДЖОЗЕФ АДДИСОН

(1672–1719)

Аддисон сочетал в себе талант журналиста, драматурга, политика. Он родился в семье священника, получил образование в Оксфорде. Пики его политической карьеры – посты министра по делам колоний и государственного секретаря.

Параллельно с политической и государственной деятельностью Аддисон занимался журналистикой. В соавторстве с Ричардом Стилом он издавал журналы «Тэтлер» («Болтун»), «Спектэйтор» («Зритель»), «Инглишмэн» («Англичанин»), «Ридер» («Читатель») и другие. Журналы Аддисона и Стила пользовались большим успехом в обществе и предопределили развитие английской журналистики в XVIII в. Кроме того, Аддисон известен как драматург.

Из журнала «Спектэйтор» («Зритель»)

** Журнал The Spectator («Зритель») выходил под редакцией Аддисона и Стила с 1 марта 1711 по 6 декабря 1712 г. Журнал представлял собой один лист формата А2. Печатается по: Зарубежная литература XVIII века. Хрестоматия: В 2-х томах / Под ред. Б.И. Пуришева. Т. 1. Пер. В. Лазурского и А. Аникста. М., 1988.*

№ 1, четверг, 1 марта 1711 г.

** В приводимой статье первого номера Аддисон рассказывает от имени вымышленного издателя о новом журнале и его планах.*

Я заметил, что читатель редко станет читать книгу с удовольствием, пока не узнает о писателе, брюнет он или блондин, мягкого или раздражительного характера, женат или холост, а также о других частностях подобного рода, которые весьма способствуют истинному пониманию автора. Чтобы удовлетворить такому любопытству, столь естественному в читателе, я намерен посвятить этот и следующий листки вступительным очеркам к моим будущим сочинениям и расскажу здесь о некоторых лицах, привлеченных к этой работе. Так как главный труд составления, приведения в порядок и исправления выпадет на мою долю, то я должен, по справедливости, позволить себе начать работу собственной историей.

Я родился в небольшом наследственном имении, которое, по местным, деревенским преданиям, со времени Вильгельма Завоевателя огораживалось теми же изгородями и канавами и передавалось от отца к сыну целиком, без потери или прибавки хотя бы одного поля или луга, в течение шестисот лет. В семействе нашем рассказывают, что когда моя мать была тяжела мною на третьем месяце, ей приснилось, будто она разрешилась судьей. Произошло ли это оттого, что наша семья в то время вела процесс, или оттого что мой отец был мировым судьей, не могу решить; ибо я не настолько тщеславен, чтобы считать это предсказанием о каком-то высоком положении, которого я должен бы достигнуть в будущей моей жизни, хотя таково было толкование наших соседей. Солидность моего поведения при первом появлении на свет и во все время, пока я сосал грудь, казалось, была в соответствии со сном моей матери. Ибо, как она часто рассказывала мне, я бросил погремушку прежде чем мне исполнилось два месяца, и я не хотел браться за коралл, пока не сняли с него бубенчиков.

Так как в моем детстве не произошло больше ничего замечательного, то я пройду его молчанием. Оказывается, что во время несовершеннолетия у меня была репутация очень угрюмого малого; но я был всегда любимцем школьного учителя, который обыкновенно говорил, что способности у меня основательные и хорошо вынесут труды. Вскоре после поступления в университет я прославился своим глубочайшим молчанием. В течение восьми лет, если не считать публичных упражнений в коллегии, я едва ли произнес сотню

слов и, поистине, не помню, чтобы во всю свою жизнь сказал три фразы подряд. Принадлежа к ученой корпорации, я с таким великим прилежанием отдавался занятиям, что есть очень мало прославленных книг на классических или современных языках, с которыми я не был бы знаком.

После смерти отца решено было отправить меня путешествовать в чужие страны. Таким образом, я покинул университет странным, непонятным малым, с большим запасом учености, если бы захотел ее показать. Ненасытная жажда знаний повлекла меня во все европейские страны, где было что-нибудь новое или интересное для обозрения. Мало того. Мое любопытство было возбуждено до такой степени, что, прочитавши полемику между некими великими мужами касательно египетских древностей, я совершил путешествие в Великий Каир с целью измерить пирамиду; и как только я составил себе определенное мнение об этом отношении, то вернулся на родину с большим удовольствием.

Последние годы я живу в Лондоне, где меня часто можно видеть в местах, посещаемых публикой, хотя меня знают не больше полдюжины моих избранных друзей, о которых будет рассказано более подробно в следующем листе. Нет места общественных собраний, куда бы я часто не появлялся своей персоной. Иногда в кофейне Вилия можно видеть, как я, просунувши голову в кружок политиков, с большим вниманием прислушиваюсь к тому, что рассказывают среди маленьких групп слушателей. Иногда я курю табак в кофейне Младенца и, углубившись будто бы всецело в «Почтальона», прислушиваюсь к разговору за каждым сбором в комнате. По субботам я появляюсь в кофейне Сент-Джеймс и присоединяюсь иногда к маленькому комитету политиков в задней комнате как человек, который приходит слушать и поучаться. Равным образом мое лицо хорошо известно в Греческой кофейне и в кондитерской «Кокосовое дерево», а также в обоих театрах, что на Друри-Лейн и Гэймаркете. Более десяти лет меня принимали за купца на бирже; иногда я схожу за еврея на собрании маклеров в кофейне Ионафана. Короче говоря, где бы я ни увидел толпу людей, я всегда смешиваюсь с ними, хотя никогда не открываю рта, разве только в нашем клубе.

Итак, я живу на этом свете скорее как Зритель человечества, чем как человеческое существо. Я выработал из себя созерцательного политика, солдата, купца и ремесленника, никогда не вмешиваясь в практическую сторону жизни. Я очень хорошо знаком с теорией супружества или отцовства и могу лучше различать ошибки в хозяйстве, делах и развлечениях других, чем люди, которые этим занимаются, подобно тому, как сторонние наблюдатели открывают промахи, которые могут ускользнуть от играющих. Я никогда страстно не связывался ни с какой партией и решил сохранять строгий нейтралитет между вигами и тори, если враждебное отношение какой-нибудь из сторон не

заставит меня высказаться. Словом, всегда в моей жизни я действовал как наблюдатель и такой же характер намерен сохранить в этом журнале.

Я познакомил читателя со своей историей и своим характером как раз настолько, чтобы он видел, что я не совсем неспособен для того дела, которое предпринял. Что касается других подробностей моей жизни и приключений, то я вставляю их в следующие листки, когда представится случай. Между тем, размышляя о том, как много я видел, читал и слышал, я начинаю бранить себя за молчаливость. Но так как я не имею ни времени, ни склонности рассказывать устно то, чем полна моя душа, то я решил сделать это письменно и напечататься, если возможно, прежде чем умру. Друзья мои очень часто высказывали сожаление, что обладателем стольких полезных открытий, сделанных мною, окажется такой молчаливый человек. Поэтому-то я буду публиковать каждое утро листок с размышлениями на благо современников, и если я могу сколько-нибудь способствовать развлечению или преуспеванию страны, в которой живу, то я оставляю ее, когда буду призван из нее, с тайным чувством удовлетворения, что жил не даром.

Есть три очень существенных пункта, о которых я не говорил в этом листке и которые по многим важным причинам я должен держать про себя, по крайней мере некоторое время: я разумею сведения о моем имени, моем возрасте и моем жилище. Должен сознаться, что готов удовлетворить читателя во всем, что благоразумно; но что касается этих трех частных, я не могу еще решиться сообщить их публике, хотя мне и понятно, что они могли бы очень много способствовать украшению моего журнала. Это, наверное, вывело бы меня из той неизвестности, которой я наслаждался в течение многих лет, и сделало бы меня в общественных местах предметом множества приветствий и учтивости, которые были всегда очень неприятны мне; ибо я испытываю больше всего муки, когда обо мне говорят и таращат на меня глаза. По этой же самой причине я держу под величайшим секретом свою наружность и костюм, хотя нет ничего невозможного в том, что я стану рассказывать и то и другое, по мере того как будет подвигаться предпринятая мною работа.

Остановившись так тщательно на самом себе, я в завтрашнем листке расскажу о тех джентльменах, которые участвуют вместе со мной в этом сочинении. Ибо, как я намекнул раньше, план его составлялся и обсуждался (как это бывает со всеми другими важными материями) в клубе. Однако так как мои друзья уполномочили меня стоять во главе, то те, которые намерены посылать мне корреспонденции, могут направлять свои письма на имя Зрителя к мистеру Бокли, улица Малая Британия. Ибо я должен еще сообщить читателю, что хотя наш клуб собирается лишь по вторникам и четвергам, однако мы избрали комитет, чтобы он заседал каждый вечер и рассматривал все такие бумаги, которые могут содействовать развитию общественного блага.

Мой отец, которого я упомянул в моем первом очерке и о котором я всегда вспоминаю с гордостью и благодарностью, очень часто беседовал со мной по вопросу о браке. В молодые годы я, отчасти по его совету, а отчасти по собственной склонности, ухаживал за одной особой, обладавшей большой красотой, которая в начале моего ухаживания отнюдь не питала ко мне отвращения; но так как в силу своей природной молчаливости я не сумел показать себя с наивыгоднейшей стороны, она постепенно стала смотреть на меня как на очень глупого человека и, отдавая предпочтение внешним качествам перед любыми другими достоинствами, вышла за драгунского капитана, который как раз в это время занимался набором рекрутов в тех краях. Это злосчастное происшествие породило во мне навсегда отвращение к красивым молодым людям и заставило меня отказаться от попыток искать успеха у прекрасного пола. Наблюдения, которые я вывел в связи с этим, и неоднократные советы упомянутого мною выше отца и явились причиной возникновения нижеследующего рассуждения о любви и браке.

Наиболее приятный период в жизни мужчины в большинстве случаев тот, который проходит в ухаживании, при том, конечно, условии, что его чувство искренне, а предмет ухаживания относится к нему с благосклонностью. Его искание возбуждает все красивые движения души – любовь, желание, надежду.

Искусный человек, который не влюблен, гораздо легче убедит в своей страсти особу, за которой он ухаживает, чем тот, кто любит с величайшим неистовством, ибо подлинная любовь приносит тысячи горестей, обид и нетерпение, которые делают человека неприятным в глазах той, чьего расположения он добивается; не говоря уж о том, что любовь заставляет худеть, рождает страхи, опасения, слабость духа и часто заставляет человека казаться смешным как раз тогда, когда он намеревается показать себя с наилучшей стороны.

В браках, которым предшествует долгое ухаживание, обычно царят наибольшие любовь и постоянство. Чувство должно окрепнуть и приобрести силу еще до брака. Долгий путь надежд и ожидания закрепляет чувство в наших сердцах и приучает быть нежными по отношению к любимому человеку. Ничто не может сравниться по своему значению с положительными качествами особы, с которой мы соединяемся на всю жизнь; эти качества не только приносят нам удовлетворение в настоящем, но часто определяют наше счастье в вечности. Когда друзья делают выбор за нас, то их прежде всего интересует вопрос имущественный; когда же мы сами определяем свой выбор, то решающими являются личные качества особы. И те и другие по своему правы. Первые заботятся о достижении удобств и удовольствий жизни для лица, интересы которого им близки, надеясь в то же время, что состояние, приобретенное их другом, послужит также и к их собственной выгоде. Другие же готовят себе непрерывное празднество. Приятная

особа не только возбуждает, но и продлевает любовь, она приносит тайные наслаждения и удовлетворения и тогда, когда пламя первого желания уже потушено. Это вызывает к жене или мужу уважение как друзей, так и незнакомых, и приводит к тому, что семья обретает здоровое и красивое потомство. Я предпочитаю женщину приятную в моих глазах и не уродливую в глазах света, чем самую известную красавицу. Если вы женитесь на замечательной красавице, то должны любить ее с неистовой страстностью, иначе вы не будете отдавать должного ее прелестям; а если вы питаете такую страсть, то почти обязательно она будет отравлена страхами и ревностью.

ПУБЛИЦИСТИКА США КОНЦА XVIII ВЕКА

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

(1743–1826)

Выходец из американской провинции, Джефферсон собирался стать юристом, но вскоре целиком посвятил себя политике. В своем первом памфлете «Общий взгляд на права Британской Америки» (1774) Джефферсон выступал за самоуправление американских колоний. Когда началась революция, ему было поручено составить проект Декларации независимости. Джефферсон стал одним из «отцов-основателей» США. В 1790–1793 гг. он занимал пост государственного секретаря при первом президенте Джордже Вашингтоне, в 1797–1801 гг. был вице-президентом и с 1801 по 1809 г. – третьим по счету президентом США. Занятия публицистикой Джефферсон не оставлял даже на самых высоких государственных постах.

Декларация представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на общий конгресс

** «Декларация представителей...», полностью написанная Джефферсоном, в июле 1776 г. получила второе название – «Декларация независимости». Джефферсон пишет не только о необходимости иметь равный статус с европейскими странами, но и о возможности создания разумного общества на принципиально новой основе, где будет гарантировано процветание каждого человека.*

Печатается по: Американские просветители: В 2-х томах / Пер. Н. Гольдберга. Т. 2. М., 1969.

Когда ход событий принуждает какой-нибудь народ порвать политическую связь, соединяющую его с другим народом, и занять наравне с остальными державами независимое положение, на которое ему дают право естественные и Божественные

законы, то должное уважение к мнению человечества обязывает его изложить причины, побуждающие его к отделению.

Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем «прирожденными и неотчуждаемыми» *очевидными* правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью. Конечно, осторожность советует не менять правительств, существующих с давних пор, из-за маловажных или временных причин. И мы, действительно, видим на деле, что люди скорее готовы терпеть зло до последней возможности, чем восстановить свои права, отменив правительственные формы, к которым они привыкли. Но когда длинный ряд злоупотреблений и узурпации, «начатых в известный период и» неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает намерение предать этот народ во власть неограниченного деспотизма, то он не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство и на будущее времяверить свою безопасность другой охране. Эти колонии также долго и терпеливо переносили разные притеснения, и только необходимость заставляет их теперь «перечеркнуть», *изменить* свою прежнюю форму правления. История нынешнего короля Великобритании полна «неослабных» *беспрестанных* несправедливостей и узурпации, «среди которых не было ни одного факта, противоречившего общему направлению остальных, но» прямо клонившихся к тому, чтобы ввести неограниченную тиранию в этих штатах. В доказательство представляем на суд беспристрастному миру следующие факты, «в истинности которых мы клянемся верой, еще не запятнанной ложью»:

Он отказывался утверждать законы, в высшей степени полезные и необходимые для общего блага.

Он запрещал своим губернаторам проводить некоторые законы неотложной важности иначе как под условием, чтобы действие их было приостановлено до тех пор, пока он даст свое согласие; когда же действие их бывало приостановлено, он уже больше не обращал на них внимания.

Он соглашался проводить некоторые другие законы, важные для интересов обширных областей, только в том случае, если жители этих областей откажутся от права представительства в законодательном собрании, права, неоценимого для них и страшного только для тиранов.

С единственной целью утомить законодательные собрания и этим принудить их к подчинению себе он созывал их в местах, неудобных и непривычных для них, вдали от тех пунктов, где хранятся правительственные документы.

Он неоднократно «и постоянно» распускал палаты представителей за то, что они с мужественной твердостью противились его попыткам нарушить права народа.

Распустив палаты, он в течение долгого времени не позволял выбирать новых представителей, вследствие чего законодательная власть, которая не может совершенно исчезнуть, возвращалась к народной массе, и штат в это время подвергался всем опасностям вторжения извне и внутренних смут.

Он старался препятствовать заселению этих штатов, затрудняя с этой целью проведение законов о натурализации иностранцев, запрещая законы, поощрявшие эмиграцию в Америку, и делая условия приобретения земли здесь более обременительными.

Он «заставлял страдать», *затруднял* отправление правосудия, «полностью прекратившееся в некоторых штатах», отказываясь утверждать законы, которыми устанавливалась судебная власть.

Он поставил «наших» судей в исключительную зависимость от своей воли в том, что касается определения срока их службы и размеров жалованья.

Он создал «присвоенной им властью» множество новых должностей и прислал сюда толпу своих чиновников, разоряющих народ и высасывающих из него все соки.

В мирное время он содержал среди нас постоянную армию «и военные корабли» без согласия наших законодательных собраний.

Он стремился сделать военную власть независимой от гражданской и поставить первую выше второй.

Он соединился с другими лицами, чтобы заодно с ними подчинить нас юрисдикции, чуждой нашей конституции и непризнаваемой нашими законами; он утвердил акты этой мнимой законодательной власти, которыми предписывались следующие меры:

Размещение среди нас значительных вооруженных отрядов.

Предание солдат, совершивших убийство среди жителей этих штатов, особому суду, в котором их судили только для виду с целью избавить от наказания.

Прекращение нашей торговли со всеми частями света.

Обложение нас налогами без нашего согласия.

Лишение нас *во многих случаях* преимуществ суда присяжных.

Отправление нас за море для суда за мнимые преступления.

Уничтожение в соседней с нами провинции свободной системы английских законов и введение в ней неограниченной формы правления одновременно с расширением ее границ для того, чтобы эта провинция служила примером и орудием для распространения такой же неограниченной формы правления и на эти «штаты» *КОЛОНИИ*.

Лишение нас наших хартий, отмена самых дорогих для нас законов и существенное изменение наших правительственных форм.

Приостановление деятельности наших законодательных собраний и предоставление права предписывать нам законы лицам, издавшим эти акты.

Далее король Великобритании отказался от управления нами, «отозвав своих губернаторов и лишив нас своей лояльности и покровительства», *лишив нас своего покровительства и объявив нам войну.*

Он грабил нас на море, опустошал наши берега, сжигал наши города и убивал наших граждан.

В настоящее время он шлет армию чужеземных наемников довершить дело смерти, разорения и тирании, начатое им с такой жестокостью и таким вероломством, какие *едва ли встречались в самые варварские века и совершенно недостойны* глав цивилизованной нации.

Он принуждал наших сограждан, взятых в плен в открытом море, поднять оружие против родной страны и убивать своих друзей и братьев или в свою очередь пасть от их руки.

Он *возбуждал среди нас внутренние восстания* и старался побудить к нападению на жителей наших пограничных областей бесчеловечных диких индейцев, которые, как известно, на войне истребляют всех без различия пола, возраста и положения «существования».

Приманкой конфискации нашего имущества он подстрекал изменнические восстания наших сограждан.

Он вел жестокую войну против самой человеческой природы. Он оскорбил самые священные права – жизни и свободы лиц, принадлежавших к народам, далеко живущим отсюда, которые никогда не причинили ему ничего дурного. Он захватывал их и обращал их в рабство в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью, не выдерживая перевозки. Эту пиратскую войну, позорящую даже языческие государства, вел христианский король Великобритании. Решившись поддерживать торговлю людьми, он использовал свое право для того, чтобы помешать всякой попытке (колоний) прекратить или стеснить эту отвратительную торговлю. И чтобы это собрание ужасов не нуждалось ни в одном факте, отмеченном печатью исключительности, он теперь возбуждает этих самых людей подняться с оружием против нас и, убивая людей, которых сам он навязал им, купить свободу, которой он лишил их. Так, преступлениями, которые он побуждает совершить против *жизней* одних людей, оплачиваются прежние преступления против *свобод* других».

На каждой стадии этих притеснений мы подавали королю петиции, составленные в самых смиренных выражениях, и просили его об оказании нам правосудия; но единственным ответом на все наши петиции были только новые оскорбления.

Государь, характер которого заключает в себе все черты тирана, не способен управлять *свободным* народом, «который желает быть свободным. Будущие века вряд ли поверят этой дерзости одного человека, отваживавшегося в течение короткого предела, только 12 лет, совершить такое большое число актов неприкрытой тирании над народом, воспитанным и укрепившимся в принципах свободы».

Нельзя также сказать, чтобы мы не обращали внимания на наших братьев-британцев. Время от времени мы предостерегали их о попытках их законодательного собрания подчинить нас « – » *незаконной* юрисдикции. Мы напоминали им о тех условиях, при которых мы эмигрировали и поселились здесь, «ни одно из которых не может подтвердить столь странную претензию. Эмиграция и поселение были осуществлены за счет нашей собственной крови и сокровищ, без помощи богатства или силы Великобритании. Создавая несколько форм правления, мы приняли одного общего короля, тем самым положив основание для непрерывного союза и дружбы с ним. Подчинение их парламенту не было частью нашей конституции или даже в идее, если верить истории». Мы взывали к врожденному в них чувству справедливости и великодушию и *заклинали их узами нашего родства с ними выразить* порицание актам узурпации, которые, «вероятно», *неизбежно* должны были разъединить нас и прекратить сношения между нами. Но они также остались глухи к голосу справедливости и кровного родства, «а когда появилась возможность по обычному порядку их законов устранить из их советов нарушителей нашей гармонии, они с помощью свободных выборов восстановили их во власти. В то же самое время они разрешили также своим главным властям послать не только солдат общей с нами крови, но шотландских и иностранных наемников, чтобы вторгнуться к нам и потопить нас в крови. Эти факты нанесли последний удар по агонизировавшей привязанности, и мужественный дух повелел нам навсегда отказаться от этих бесчувственных братьев. Мы должны стараться забыть нашу прежнюю любовь к ним и относиться к ним как к остальному человечеству, как к врагам в войне, как к друзьям в мире. Мы вместе могли быть свободным и великим народом; но связь величия и свободы, кажется, ниже их достоинства. Пусть будет так, если они этого захотели. Для нас также открыт путь к счастью и славе. Мы пойдем к ним независимо от них». Поэтому мы должны подчиниться необходимости, принуждающей нас «навечно» отделиться от них, *и считать их отныне, как и другие народы, врагами во время войны и друзьями во время мира.*

В силу всего этого мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшиеся на общий конгресс, «от имени и по уполномочию народа этих Штатов отвергаем и не признаем какую бы то ни было зависимость от королей Великобритании и подчинение им, а также от всех других, кто до сих пор мог претендовать на это при их помощи, посредством или по их указанию. Мы полностью расторгаем всякую политическую связь, какая до сих пор могла существовать между нами и народом и парламентом Великобритании. И

наконец, мы утверждаем и провозглашаем эти колонии свободными и независимыми Штатами», *призывая верховного судию мира в свидетели правоты наших намерений, объявляем от имени и по уполномочию народа, что эти соединенные колонии суть и по праву должны быть свободные и независимые Штаты. С этого времени они освобождаются от всякого подданства британской короне и всякая политическая связь между ними и великобританским государством совершенно порывается.* В качестве свободных и независимых Штатов они приобретают полное право объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать все то, на что имеет право всякое независимое государство.

Твердо уповая на помощь Божественного провидения, мы взаимно обязываемся друг другу поддерживать эту декларацию жизнью, имуществом и честью.

Билль об установлении религиозной свободы

** «Билль об установлении религиозной свободы» написан и опубликован в печати в 1779 г. Он представляет собой законопроект о религиозной свободе. Джефферсон возглавил в своем штате Вирджиния борьбу за отмену английской государственной церкви. Билль получил силу закона только в 1786 г.*

Печатается по: Американские просветители: В 2-х томах / Пер. Н. Залкинд. Т. 2. М., 1969.

Хорошо понимая, что взгляды и вера людей зависят не от их собственной воли, но невольно подчиняются доказательствам, предложенным их уму, что всемогущий Бог создал ум свободным и выразил своим высшим желанием, чтобы он и впредь оставался свободным, для чего сделал его совершенно невосприимчивым к обузданию; что все попытки воздействовать на ум мирскими наказаниями, или возложением тягот, или лишением гражданской правоспособности приводят лишь к приобретению привычки лицемерить и совершать нечестные поступки, что далеко от намерений Святого Творца нашей религии, Который, являясь господином духа и тела, предпочел, однако, распространять ее не принуждением над тем или другим, что было в Его силах, но распространять ее, воздействуя лишь на разум; что нечестива презумпция законодательной власти и правителей, гражданских и церковных, которые, хотя они могут ошибаться, как простые люди, взяли на себя руководство верой других, выдавая свои собственные взгляды за единственно правильные и безошибочные, начали навязывать их другим, создали и поддерживали ложные религии в большей части мира во все времена; что заставлять человека вносить денежные суммы на распространение взглядов, которых он не разделяет и которые ему ненавистны, – грех и тирания; что даже заставлять [кого-либо] поддерживать того или иного проповедника собственных религиозных убеждений – значит лишать человека утешительной свободы помогать тому пастору, добродетели

которого он хотел бы взять за образец и сила которого ему кажется наиболее убедительной и справедливой, а также лишать духовенство тех мирских вознаграждений, которые, исходя из одобрения личного поведения, являются дополнительным стимулом для серьезного и упорного труда с целью обучения человечества; что наши гражданские права не зависят от наших религиозных взглядов, так же как они не зависят от наших взглядов в области физики или геометрии, а поэтому объявлять гражданина недостойным общественного доверия, лишая его возможности занимать ответственное положение и получать за это вознаграждение, если он не исповедует или не признает то или иное религиозное учение, – значит несправедливо лишать его тех привилегий и преимуществ, на которые он, как и его другие сограждане, имеет естественное право; что это приводит также к искажению основ той самой религии, которую предполагали поддерживать, подкупая монополией на мирские почести и вознаграждение тех, кто внешне исповедует и признает ее; что хотя в действительности преступник тот, кто не противостоит такому соблазну, однако и того нельзя считать невиновным, кто кладет приманку на пути человека; что взгляды людей не подчиняются гражданской власти и не входят в ее юрисдикцию; что позволять гражданским властям вмешиваться в область мировоззрения людей и ограничивать исповедание или распространение принципов, считая их неверными, – опасное заблуждение, которое сразу разрушает всю религиозную свободу, поскольку, являясь, несомненно, судьей такой тенденции, [гражданская власть] сделает свои взгляды критерием суждения и будет одобрять или осуждать взгляды других исключительно по тому, насколько они согласуются с ее собственными или отличаются от них; что в справедливых целях гражданской власти должностным лицам надлежит вмешиваться тогда, когда чьи-либо принципы приводят к открытым действиям, направленным против мира и надлежащего порядка; и наконец, что истина сильна и восторжествует, если ее предоставить самой себе; что она – верный и надежный противник заблуждения и ей нечего опасаться конфликтов, если только людское вмешательство не лишит ее естественного оружия – свободной дискуссии и спора; что ошибки перестают быть опасными, если разрешается их открыто опровергать, – [хорошо понимая все это] мы, Генеральная ассамблея Вирджинии, утверждаем закон, согласно которому никого нельзя заставить регулярно посещать или поддерживать какое-либо религиозное богослужение, место [культа] или священнослужителя, а также нельзя принуждать, ограничивать, досаждать или причинять ущерб его личности или имуществу или заставлять его как-то иначе страдать по причине его религиозных воззрений или убеждений; закон, согласно которому все люди свободны в исповедании веры и вольны отстаивать с помощью доводов свои взгляды в вопросах религии, и это не должно ни в коем случае уменьшать или увеличивать их гражданскую правоспособность или как-то влиять на нее.

И хотя нам хорошо известно, что эта ассамблея, избранная народом исключительно в своих обычных целях законодательства, не имеет власти ограничивать акты последующих ассамблей, наделенных полномочиями, равными нашим, и что поэтому объявлять этот акт непреложным не имело бы законной силы, мы свободны все же заявить и заявляем, что отстаиваемые настоящим документом права – естественные права человека, и, если в будущем будет осуществлен какой-нибудь акт в отмену настоящего или для ограничения его действия, такой акт будет нарушением естественного права.

ТОМАС ПЕЙН (1737–1809)

Пейн родился и вырос в провинциальном английском городке в семье религиозных сектантов – квакеров. В ранней юности он был пиратом, затем занимался самообразованием, сменил множество работ, не задерживаясь подолгу ни на одной из них. Познакомившись с Б. Франклином, Пейн в 1774 г. отправился в Америку. Там он вскоре приобрел известность своими статьями и памфлетами в «Пенсильвания мэгэзин». В памфлете «Здравый смысл» (1776) Пейн впервые сформулировал призыв к независимости. Именно он первым употребил название нового государства – Соединенные Штаты Америки.

Во время Войны за независимость Пейн служил в действующей армии, где создал цикл памфлетов «Американский кризис». После войны он вернулся в Англию, затем в охваченную революцией Францию, где избирался членом конвента и едва избежал казни на гильотине.

Пейн умер в Америке в бедности и одиночестве. За богоборческие взгляды, выраженные в работе «Век разума», его запретили хоронить на церковном кладбище.

Здравый смысл

О происхождении и назначении правительственной власти, с краткими замечаниями по поводу английской конституции

Некоторые авторы настолько смешали [понятия] «общество» и «правительство», что между ними не осталось никакого или почти никакого различия; между тем это вещи не только разные, но и разного происхождения. Общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое – это защитник, второе – каратель.

Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое; ибо, когда мы страдаем или сносим от правительства те же невзгоды, какие можно было бы ожидать в стране без правительства, несчастья наши усугубляются сознанием того, что причины наших страданий созданы нами. Правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие: царские дворцы воздвигнуты на развалинах райских беседок. Ведь если бы веления совести были ясны, определены и беспрекословно исполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе; но раз это не так, человек вынужден отказаться от части своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты остального, и сделать это он вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее. И так как безопасность является подлинным назначением и целью правительственной власти, то отсюда неопровержимо следует, что какой бы ни была его форма, предпочтительнее всех та, которая всего вернее обеспечит нам эту безопасность, с наименьшими затратами и с наибольшей пользой.

Чтобы получить ясное и правильное представление о назначении и цели правительства, предположим, что небольшое число людей поселилось бы в каком-то уединенном уголке земли, не связанном с остальным миром; тогда эти люди будут представлять собой первых жителей какой-либо страны или мира. В этом состоянии естественной свободы они прежде всего помыслят об обществе. К этому их будут побуждать тысячи причин. Сила одного человека настолько не соответствует его потребностям и его сознание настолько не приспособлено к вечному одиночеству, что он вскоре будет вынужден искать помощи и облегчения у другого, который в свою очередь нуждается в том же. Вчетвером или впятером можно соорудить сносное жилище в диких местах, в одиночку же можно трудиться всю свою жизнь, так ничего и не добившись. Срубив дерево, он не смог бы один сдвинуть его или, сдвинув, поднять; голод тем временем погнал бы его от этой работы и каждая другая потребность звала бы в другую сторону; болезнь и просто неудача означали бы для него смерть. Хотя и та, и другая может сама по себе не быть смертельной, он все-таки лишится средств к существованию и впадет в такое состояние, когда о нем скорее можно будет сказать, что он гибнет, нежели просто умирает.

Итак, нужда подобно силе притяжения скоро сплотила бы наших новоприбывших поселенцев в общество, взаимные благодеяния которого заменили бы и сделали излишними обязательства, налагаемые законом и государством, до тех пор, пока эти люди сохраняли бы полную справедливость по отношению друг к другу; но поскольку лишь небо недоступно пороку, то неизбежно по мере преодоления первых трудностей переселения, которые сплачивают их для общего дела, чувства долга и взаимной

привязанности начнут ослабевать, и это ослабление укажет на необходимость установить какую-либо форму правления, дабы возместить недостаток добродетели.

Правительственным зданием послужит им какое-нибудь подходящее дерево, под ветвями которого сможет собраться для обсуждения общественных дел вся колония. Более чем вероятно, что их первые законы будут именоваться лишь правилами и выполняться единственно под страхом общественного порицания. В этом первом парламенте каждый займет место в силу естественного права.

Но по мере роста колонии будет расти и число общественных дел; дальность расстояния между ее членами сделает слишком неудобными их общие встречи по всякому поводу, как это было вначале, когда их численность была невелика, поселения близки друг к другу, а общественные дела малочисленны и маловажны. Это наведет людей на мысль о том, что удобнее поручить законодательство избранным лицам, которые, как предполагается, живут теми же интересами, что и те, кто их назначил, и будут действовать так же, *как* действовало бы все общество, если бы оно присутствовало в полном составе. Если колония продолжает расти, возникнет необходимость увеличить число представителей, а чтобы интерес каждой части колонии был соблюден, сочтут за лучшее разделить целое на соответствующие части, каждая из которых будет посылать нужное число своих представителей; а чтобы у выборных никогда не могли сложиться интересы иные, чем у их избирателей, предусмотрительность укажет на необходимость частых перевыборов. Ввиду того, что выборные таким образом спустя несколько месяцев вернутся и сольются со всей совокупностью избирателей, их верность воле общества будет обеспечена разумной осторожностью, которая подскажет им, что не стоит самим себе готовить розги. И так как это частое чередование установит общность интересов у всех частей общества, люди будут взаимно и естественно поддерживать друг друга; и от этого (а не от бессмысленного имени короля) зависит сила государственного управления и счастье управляемых.

Таким-то образом возникает и вырастает правительство, то есть установление, вызванное к жизни неспособностью добродетели управлять миром. В этом и состоит назначение и цель правительства, то есть свобода и безопасность. И какое бы зрелище ни ослепляло наше зрение, какие бы звуки ни обманывали наш слух и как бы предрассудок ни совращал нашу волю, а своекорыстие ни затуманивало сознание, – простой голос природы и разума подскажет нам – да, это верно.

Мои идеи о форме правления основаны на законе природы, который никакая изощренность не способна поколебать, а именно – чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить, когда она испорчена; исходя из этого положения, я хотел бы сделать несколько замечаний насчет столь хваленой Конституции Англии. Бесспорно, она являла собой нечто благородное в те мрачные времена рабства, когда

была создана. Когда тирания правила миром, малейшее отступление от нее было уже замечательным освобождением. Легко однако показать, что конституция эта несовершенна, подвержена потрясениям и неспособна дать то, что как будто бы обещает. Абсолютные монархии (хотя они и являются позором для человеческой природы) имеют то преимущество, что они просты. Если люди страдают, они знают, кто источник их страданий, знают и лекарство и не теряются в разнообразии причин и целебных средств. Но Конституция Англии настолько сложна, что нация может страдать годами, не будучи в состоянии раскрыть источник своих бед. Одни найдут его в одном, другие – в другом, и каждый политический лекарь будет советовать иное снадобье.

Я знаю, как трудно преодолеть местные или старинные предрассудки; и тем не менее, если мы решимся исследовать составные части английской конституции, то найдем, что они являются порочными остатками двух древних тираний, к которым примешаны кое-какие новые республиканские элементы.

Во-первых, – остатки монархической тирании в лице короля.

Во-вторых, – остатки аристократической тирании в лице пэров.

В-третьих, – новые республиканские элементы в лице членов Палаты общин, от доблести которых зависит свобода Англии.

Оба первых учреждения, будучи наследственными, не зависят от народа; поэтому в конституционном смысле они ничем не способствуют свободе государства.

Утверждать, что Конституция Англии является союзом трех взаимно сдерживающих сил – просто смешно: либо слова эти лишены всякого смысла, либо заключают в себе грубое противоречие.

Утверждать, что Палата общин контролирует короля, можно лишь при двух условиях:

во-первых, что королю нельзя доверять, не следя за ним; или другими словами, что жажда абсолютной власти есть недуг, присущий монархии;

во-вторых, что Палата общин, будучи предназначена для этой цели, или более мудра или скорее достойна доверия, нежели королевская власть.

Но так как та же конституция, которая дает право Палате общин контролировать короля, отказывая ему в налогах, дает затем королю власть над Палатой, позволяя *ему* отвергать другие ее законопроекты, то это в свою очередь предполагает, что король более мудр, нежели те, которые уже были сочтены более мудрыми, чем он сам. Чистый абсурд!

В монархическом устройстве есть нечто крайне смешное: сначала оно лишает человека источников информации, а затем уполномочивает его действовать в тех случаях, когда требуется высшее разумение. Положение короля отгораживает его от мира, обязанности же короля требуют знать его в совершенстве; таким образом, разные части, неестественно противореча и разрушая друг друга, доказывают абсурдность и бесполезность всего установления.

Некоторые авторы объясняют английскую конституцию следующим образом: король, говорят они, это одно, народ – другое; пэры – это палата для блага короля, Палата общин – для блага народа. Но *все* это напоминает дом, расколотый семейной ссорой. И хотя слова благозвучны, однако на поверку они оказываются пустыми и двусмысленными; так всегда и будет, что даже прекраснейшее словосочетание, примененное к описанию того, что или вообще не может существовать, или столь непонятно, что не поддается описанию, окажется лишь звучным пустословием; оно может усладить слух, но не может просветить дух, ибо это объяснение оставляет без ответа предыдущий вопрос, то есть – как же король достиг власти, которой люди боятся доверять и которую они постоянно должны сдерживать? Такая власть не могла быть даром мудрого народа, не может власть, нуждающаяся в узде, исходить и от Бога; и однако же конституция предполагает существование такой власти.

Но то, что предусмотрено [конституцией], не соответствует задаче; средства не служат и не могут служить достижению цели, все это дело есть *felo de se* [самоубийство]; так как больший вес будет всегда нести меньший и так как все колеса машины приводятся в движение одним колесом, остается только узнать, какая власть согласно конституции имеет наибольший вес, ибо она-то и будет править; и хотя другие или часть их могут ей мешать – или, как принято говорить, сдерживать скорость движения, – но пока они не могут ее остановить, их усилия будут напрасны. Первая движущая сила в конечном счете возьмет верх и недостаток скорости восполнит временем [длительностью действия].

Едва ли нужно доказывать, что король представляет собой важнейший элемент английской конституции и что его влияние просто-напросто основывается на том, что от него зависит раздача должностей и пенсий. Таким образом, если мы были достаточно умны, чтобы оградить себя дверью от абсолютной монархии, мы оказались все-таки настолько безрассудны, что ключ от этой двери дали королю.

Предубеждение англичан в пользу их собственного правительства в лице короля, лордов и Палаты общин проистекает в такой же, если не в большей степени от их национальной гордости, что и от разума. Личность, несомненно, находится в большей безопасности в Англии, чем в некоторых других странах; но воля короля является таким же законом на британской земле, как и во Франции; с той лишь разницей, что, не исходя прямо из его королевских уст, она сообщается народу в грозной форме парламентского акта. Ибо участь Карла Первого сделала королей лишь более коварными, но не более справедливыми.

Поэтому, отложив в сторону всю национальную гордость и пристрастие к формам и традициям, надо прямо сказать правду – только благодаря конституции самого народа, но не конституции правительства, королевская власть в Англии не так деспотична, как в Турции.

Исследование конституционных ошибок в английской форме правления в настоящее время крайне необходимо; подобно тому, как мы никогда не можем быть справедливыми по отношению к другим, пока сами находимся под влиянием какой-то преобладающей склонности, точно так же мы не способны на справедливость к самим себе, пока остаемся во власти закоренелого предрассудка. И как человек, привязанный к проститутке, не способен выбрать и оценить жену, любое предпочтение порочной государственной конституции сделает нас неспособными распознать хорошую [конституцию].

О монархии и престолонаследии

Поскольку все люди от природы равны по происхождению, равенство это могло быть нарушено лишь впоследствии, различия между богатыми и бедными вполне можно понять, и не прибегая к таким неприятным и неблагозвучным словам, как угнетение и алчность. Угнетение часто является следствием, но редко или почти никогда – средством достижения богатства. И хотя скупость предохраняет человека от нужды, она обычно делает его слишком робким, чтобы стать богатым.

Но существует другое и более значительное различие, для которого нельзя подыскать ни естественной, ни религиозной причины: это разделение людей на монархов и подданных. Мужской и женский род – это природное различие, добрый и злой – это различия, идущие с небес, но как появился на земле человеческий род, столь превознесенный над всеми остальными и выделяемый подобно некоему новому виду [животных] – этим стоит заняться и выяснить, способствуют ли эти люди счастью или бедствиям человечества.

В ранние эпохи [существования] мира, согласно хронологии [Священного] Писания, королей не было; вследствие этого не было и войн; гордость королей – вот что ввергает человечество в междоусобицы. Голландия без короля больше наслаждалась миром за последнее столетие, чем какое-либо из монархических государств Европы. Древность подтверждает ту же мысль, ибо спокойствие сельской жизни первых патриархов несет в себе нечто отрадное, что исчезает, когда мы обращаемся к истории Иудейского царства.

Царская власть впервые была введена в мир язычниками, у которых этот обычай позаимствовали дети Израиля. То было самое ловкое из ухищрений дьявола для насаждения идолопоклонства. Язычники воздавали божественные почести своим умершим царям, – христианский же мир улучшил этот обычай, воздавая их своим здравствующим государям. Как нечестиво звучит титул «священное величество» по отношению к червю, который при всем своем великолепии превращается в пыль!

Такое возвышение одного над всеми не может основываться на правах природного равенства, оно не может быть также основано на авторитете Священного Писания, так как воля Всемогущего, объявленная Гедеоном и пророком Самуилом, явно не одобряет правления с помощью царей. Все антимонархические части писания обходились и

перетолковывались в монархических государствах, но они, несомненно, заслуживают внимания стран, правительствам которых еще предстоит сформироваться. «Воздать кесарю кесарево» – это учение Писания для судопроизводства, а вовсе не поддержка монархического образа правления, так как у иудеев в то время царя не было, и они находились в положении римских вассалов.

Около трех тысяч лет прошло с тех пор, как Моисей объяснил сотворение мира, прежде чем иудеи в своем национальном заблуждении стали домогаться царя. До этого их форма правления (за исключением особых случаев вмешательства Всемогущего) была своего рода республикой, управляемой судьей и старейшинами племен. Царей у них не было, и считалось грехом присваивать этот титул кому-либо, кроме Царя Небесного. Если человек серьезно поразмыслит над идолопоклонством, предметом которого являются королевские особы, ему не придется удивляться, что Всемогущий, всегда ревниво оберегающий свою честь, не одобрил форму правления, столь нечестиво посягающую на права небес.

В Писании монархия считается одним из грехов евреев, за которое их ожидает проклятие. История этого дела стоит внимания.

Когда израильтяне находились под гнетом мидян, Гедеон выступил против последних с небольшим войском и благодаря воле Божией победа решилась в его пользу. Евреи, вдохновленные успехом, приписывая эту победу военному руководству Гедеона, предложили ему стать царем, говоря: «Владей нами и сын твой и сын сына твоего». В этом был огромный соблазн установления не только царства, но и престолонаследия, но Гедеон в благочестии своей души ответил: «Ни я не буду владеть вами, ни мой сын не будет владеть вами; Господь да владеет вами». Нельзя сказать яснее. Гедеон не отклоняет чести, но отрицает их право оказывать ее. Он также не льстит надуманным изъявлением своей благодарности, но в убедительной манере пророка укоряет их в недостаточной любви к их подлинному владыке – Царю Небесному.

Спустя сто тридцать лет они снова совершили ту же ошибку. Страсть евреев к языческому идолопоклонству просто непостижима. Вот что произошло, когда заметили дурное поведение двух сыновей Самуила, которым доверили какие-то мирские дела. Иудеи с криком ворвались к Самуилу, говоря: *«Вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов»*. И тут мы можем лишь заметить, что их намерения были дурны, так как им хотелось быть похожими на другие народы, то есть на язычников, тогда как их подлинная слава состояла в том, чтобы быть как можно более непохожими на эти народы. *«И не понравилось слово сие Самуилу, когда они сказали: дай нам царя, чтобы он судил нас. И молился Самуил Господу. И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; как они поступали с того дня, в который Я вывел их из Египта, и до сего дня, оставляли Меня и*

служили иным богам, так поступают они и с тобою; итак послушай голоса их; только представь им и объяви, им права царя, который будет царствовать над ними», т. е. не какого-то особого царя, а вообще земных царей, которых так добивался Израиль. И несмотря на большой промежуток времени и разницу в обычаях, их образ действий все еще в моде. *«И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя, и сказал: вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его»* (это описание совпадает с нынешним способом произвести впечатление на людей); *«и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его и жали хлеб его и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его; и дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы»* (это описание показывает расходы и роскошь, а также и гнет царей), *«и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евреям своим и слугам своим»* (По всему мы видим, что взяточничество, продажность и фаворитизм являются неизменными пороками царей); *«и рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела; от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами; и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе, и не будет Господь отвечать вам тогда»*. Этим и объясняется продолжительность существования монархии; и характер немногих добрых царей, живших с тех пор, не способен освятить это звание или загладить греховность его происхождения; высокие похвалы Давиду несколько не имеют его в виду официально как царя, но лишь как человека, угодного Богу. *«Но народ не согласился послушаться голоса Самуила и сказал: Нет, пусть царь будет над нами, и мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны, наши»*. Самуил продолжал их уговаривать, но тщетно. Он укорял их в неблагодарности, но все было бесполезно. И видя, что они совершенно охвачены безрассудством, он воскликнул – «я воззову к Господу, и пошлет Он гром и дождь (тогда это было наказанием, так как стояло время жатвы), и вы узнаете и увидите, как велик грех, который вы сделали пред очами Господа, прося себе царя. И воззвал Самуил к Господу, и Господь послал гром и дождь в тот день, и пришел весь народ в большой страх от Господа и Самуила. И сказал народ Самуилу: помолись о рабах твоих пред Господом Богом твоим, чтобы не умереть нам; ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя». Слова писания ясны и понятны. Они не допускают никаких двусмысленных толкований. Воистину Всемогущий выразил здесь свой протест против монархического правления, или же Писание лживо. И есть полное основание полагать, что королевская

власть не менее духовенства повинна в утаивании Писания от народа в католических странах, ибо всякая монархия есть не что иное, как политическое папство.

Зло монархии мы дополнили злом престолонаследия, и если первое есть ущерб и унижение для нас самих, то второе, будучи возведенным в закон, есть оскорбление и обман потомства. Ибо все люди по происхождению равны, и ни у кого не может быть прирожденного права давать своей семье преимущество перед всеми другими, и хотя сам человек мог заслужить известную долю почестей от своих современников, однако его потомки могут быть вовсе недостойны наследовать их. Одним из самых сильных естественных доказательств нелепости прав престолонаследия является то, что их не одобряет природа, иначе она так часто не обращала бы их в насмешку, преподнося человечеству осла вместо льва.

Во-вторых, поскольку вначале никто не мог пользоваться иными общественными почестями, кроме тех, какие были ему оказаны, постольку те, кто воздавал ему эти почести, не имели власти отчуждать права потомства; и хотя они могли сказать: «Мы избрали тебя править нами», они не могли, не нанося явной несправедливости своим детям, сказать: «Да будут ваши дети и дети ваших детей вечно царствовать над нашими [детьми]», ибо такой неразумный, несправедливый и неестественный уговор (вполне вероятно) мог при ближайшем преемнике отдать их под власть плута или глупца. Большинство мудрых людей в душе всегда относилось к наследственным правам с презрением, однако это одно из тех зол, которое однажды установив, не легко упразднить: многие подчиняются из страха, другие – из суеверия, а наиболее могущественные делят с королем награбленное у остальных.

Полагают, будто нынешние царские роды во всем мире почтенного происхождения; тогда как более, чем вероятно, что, будь мы в состоянии сорвать темный покров древности и проследить их историю до самого начала, мы бы обнаружили, что первые цари нисколько не лучше главаря разбойничьей шайки, чье дикое поведение и превосходство в коварстве принесли ему звание первого среди грабителей, и который, умножая свою власть и расширяя пределы своих набегов, устрашал мирных и беззащитных с тем, чтобы они покупали свою безопасность частыми приношениями. Однако избравшим его не могло прийти в голову дать права наследования его потомкам, ибо такое вечное исключение их самих было несовместимо с теми принципами вольности и беззакония, которые они исповедовали в жизни. Поэтому престолонаследие в раннюю пору существования монархии не могло иметь места в качестве предмета домогательств, но лишь как нечто случайное и дополнительное; но так как от тех дней не сохранилось почти или вовсе никаких записей, а традиционная история полна вымысла, то было очень легко, по прошествии немногих поколений, придумать какую-либо суеверную небылицу, удачно приуроченную к определенному времени – вроде истории Магомета – и таким образом

впихнуть порядок престолонаследия в глотку народа. Быть может, неурядицы, грозившие или, казалось, грозившие в случае кончины вождя и избрания нового (ведь выборы среди разбойников не могли отличаться большим порядком), побудили многих поначалу потакать наследственным притязаниям, в силу чего получилось, как это и случалось с тех пор, что допущенное сперва в виде удобства, впоследствии потребовалось как право.

Англия со времен завоевания знала несколько хороших монархов, стонала же она под властью значительно большего числа дурных; и уж ни один здравомыслящий человек не скажет, что их ссылка на Вильгельма Завоевателя особенно почтенна. Французский ублюдок, высадившийся во главе вооруженных бандитов и воцарившийся в Англии вопреки согласию ее жителей, является, скажем прямо, крайне мерзким и низким пращуром. В таком происхождении, конечно, нет ничего божественного. Однако нет нужды тратить много времени на доказательство нелепости прав престолонаследия: если имеются люди настолько слабые, что способны в них поверить, пусть они поклоняются вперемешку ослу и льву и прославляют их. Я не стану ни подражать их смирению, ни смущать их благочестия.

И всё-таки я рад был бы узнать, как, по их мнению, впервые появились короли? Вопрос допускает лишь один из трех ответов, а именно: или по жребию, или по выбору, или по узурпации. Если первый король был взят по жребию, то это создает прецедент для следующего, что исключает престолонаследие. Саул стал царем по жребию, однако власть от него не перешла по наследству и из обстоятельств дела не видно, чтобы такое намерение вообще существовало. Если же первый царь какой-либо страны был избран – это также создает прецедент для следующего; ибо утверждение, что действие первых выборщиков навеки лишает все грядущие поколения права избрания не только царя, но и царской семьи, не имеет параллели ни в Писании, ни вне его, кроме разве учения о первородном грехе, которое полагает, что свободная воля всех людей утрачена с Адамом, а от такого сравнения (другого же нет) порядок престолонаследия ничего не выигрывает. Так, от Адама все грешили, а от первых выборщиков все повиновались; в одном случае все человечество подчинено сатане, а в другом – царской власти; как наша невинность была утрачена в первом случае, так наша независимость – во втором. И так как в обоих случаях нас лишают права вновь обрести прежнее состояние и преимущества, то отсюда несомненно вытекает, что первородный грех и престолонаследие близки друг другу. Позорное сходство! Бесславная связь! Но даже самый изощренный софист не придумал бы лучшего уподобления.

Что касается узурпации, то вряд ли найдется человек столь безрассудный, чтобы защищать подобный образ действий; а то, что Вильгельм Завоеватель был узурпатором, есть неопровержимый факт. Ясно, что древность английской монархии не выдерживает проверки.

Впрочем, не столько абсурдность, сколько пагубность престолонаследия затрагивает человечество. Если бы оно обеспечило чередование добрых и мудрых людей, то было бы отмечено печатью божественного авторитета, но поскольку оно открывает дорогу глупым, дурным и неспособным, то и несет с собой угнетение. В самом деле, люди, считающие себя рожденными царствовать, а других рожденными повиноваться, быстро наглеют. Отрезанный от остального человечества, их ум отравляется самомнением, мир, в котором они действуют, столь ощутимо отличается от мира в целом, что у них почти нет возможности узнать его подлинные интересы и, унаследовав бразды правления, они сплошь и рядом бывают самыми невежественными и ничтожными людьми в своих владениях.

Другое зло, которым чревато престолонаследие, состоит в том, что трон может унаследовать несовершеннолетний любого возраста; в течение всего этого времени регентство, прикрываясь именем короля, имеет любую возможность и соблазн обманывать его доверие. Такое же национальное бедствие наступает, когда престарелый и немощный король достигает последней стадии человеческой слабости. В обоих этих случаях народ становится жертвой любого проходимца, способного с успехом пользоваться безумством младенчества или старости.

Наиболее правдоподобный довод, когда-либо выдвигавшийся в пользу порядка престолонаследия, это тот, что он предохраняет нацию от гражданских войн; будь это правда, такое соображение имело бы вес, однако это самая грубая ложь, когда-либо внушавшаяся человечеству. Вся история Англии опровергает ее. Тридцать королей и двое несовершеннолетних правило в этом заблудшем королевстве после завоевания, и за это время произошло не менее восьми гражданских войн (включая революцию) и девятнадцати мятежей. Итак, вместо того, чтобы творить мир, оно [престолонаследие] посягает против него и разрушает само основание, на котором, казалось бы, покоится.

Борьба за власть и престолонаследие между домами Йорка и Ланкастера на долгие годы обрекла Англию на кровопролития. Двенадцать крупных сражений, не считая стычек и осад, разыгралось между Генрихом и Эдуардом. Дважды Генрих попадал в плен к Эдуарду, а тот в свою очередь – к Генриху. И столь неверен исход войны и настроение нации, когда в основе столкновения лежат одни личные интересы, что Генрих из тюрьмы был с триумфом препровожден во дворец, а Эдуард был вынужден из дворца отправиться в изгнание; но так как внезапные смены настроения редко бывают прочны, то Генрих в свою очередь был свергнут с престола, а Эдуард вновь призван ему на смену. Парламент же всегда становился на сторону сильнейшего.

Борьба эта началась в правление Генриха VI и не вполне затихла вплоть до Генриха VII, в лице которого [обе] фамилии объединились. [Борьба] продолжалась 67 лет, а именно с 1422 до 1489 г.

Короче говоря, монархия и престолонаследие покрыли кровью и пеплом не только то или иное королевство, а весь мир. Это та форма правления, против которой свидетельствует слово Божие и за которой следует кровь.

Если же мы присмотримся к обязанностям королей, то увидим, что в некоторых странах им нечего делать. Проведя свою жизнь без удовольствия для себя и без пользы для народа, они сходят со сцены, предоставляя своим наследникам вступать на тот же праздный путь. В абсолютных монархиях вся тяжесть гражданских и военных дел ложится на короля; сыны Израилевы, требуя себе царя, домогались того, чтобы тот судил их и ходил перед ними и вел их войны. Но в странах, где король – ни судья, ни военачальник, как в Англии, можно лишь недоумевать, в чем состоят его обязанности.

Чем ближе форма правления к республике, тем меньше дела у короля. Довольно трудно найти подходящее имя для английской формы правления. Сэр Вильгельм Мередит называет ее Республикой, но в ее теперешнем состоянии она не заслуживает такого имени, потому что растлевающее влияние короны, имеющей в своем распоряжении все должностные места, так основательно подчинило себе силу и доблесть Палаты общин (республиканский элемент конституции), что правительство Англии является почти столь же монархическим, как во Франции или Испании. Люди часто расходятся из-за названий, не понимая их. Ведь это республиканскую, но не монархическую часть Конституции Англии прославляют англичане, а именно – свободу выбора Палаты общин из своей среды. И не трудно увидеть, что с падением республиканских добродетелей наступает рабство. Потому-то и несостоятельна Конституция Англии, что монархия отравила республику, а корона поглотила Палату общин.

В Англии король только и делает, что воюет и раздает должности; иначе говоря, разоряет нацию и сеет в ней ссоры. Хорошенькое занятие для человека, получающего в год восемьсот тысяч фунтов стерлингов и вдобавок боготворимого! Один честный человек дороже для общества и для Господа, чем все коронованные негодяи, когда-либо жившие на земле.

Мысли о нынешнем состоянии американских дел

На следующих страницах я привожу лишь простые факты, ясные доводы и отстаиваю здравый смысл. Мне нечего заранее доказывать читателю, я хочу лишь, чтобы он освободился от предубеждений и предрассудков и дозволил своему разуму и чувству решать самим за себя, чтобы он опирался или по крайней мере не отрекался от своей подлинной человеческой природы и великодушно поднялся в своих взглядах много выше пределов сегодняшнего дня. На тему о борьбе между Англией и Америкой написаны целые фолианты. По различным мотивам и с разными намерениями люди всех званий вступали в полемику, но все было бесплодно и период дебатов закончился. Оружие как

последнее средство решает сейчас спор. На него пал выбор короля, и [американский] континент принял этот вызов.

О покойном Мр. Пэлхэме (который хотя и был способным министром, однако не без недостатков) рассказывали, что, будучи подвергнут нападкам в Палате общин за временный характер своих мер, он заметил: «На мой век их хватит». Если бы столь пагубная и недостойная мысль овладела колониями в настоящем споре, грядущее поколение с ненавистью вспоминало бы имена предков.

Никогда еще солнце не светило более достойному делу. Это вопрос не какого-нибудь города, графства, провинции или королевства, это вопрос целого континента, составляющего по крайней мере одну восьмую часть обитаемого мира. Это не вопрос дня, года или эпохи; в борьбу фактически вовлечено потомство, и оно до скончания века будет в той или иной степени подвергаться влиянию настоящих событий. Теперь настало время заложить семя континентального союза, семя веры и чести. Сейчас малейшая трещина будет подобна имени, выгравированному булавкой на нежной коре молодого дуба; нанесенное повреждение росло бы вместе с деревом и потомство читало бы уже надпись из громадных букв.

Когда дело перешло от споров к оружию, наступила новая эра в политике и возник новый ход мысли. Все планы, предложения и т. п. до девятнадцатого апреля, т. е. до начала военных действий подобны прошлогоднему календарю, отслужившему свое и теперь устаревшему и ненужному. Что бы в то время ни выдвигалось защитниками разных сторон в споре, все заканчивалось одним и тем же, т. е. союзом с Великобританией. Единственное разногласие между партиями заключалось в методе осуществления этого решения. Одни предлагали насилие, другие – дружбу; кончилось же тем, что первое предложение потерпело крах, а второе утратило свое влияние.

Поскольку много говорилось о преимуществах примирения, которое подобно сладостной мечте ушло и оставило нас в прежнем положении, вполне уместно проверить доводы другой стороны и исследовать хотя бы часть того многообразного материального ущерба, который терпят колонии и всегда будут терпеть до тех пор, пока существует их связь с Великобританией и зависимость от нее. Необходимо изучить эту связь и зависимость в свете законов природы и здравого смысла, чтобы понять, на что нам рассчитывать при отделении и что нас ожидает, если мы останемся зависимыми. Я слышал утверждения некоторых о том, что поскольку Америка процветала при своей прежней связи с Великобританией, то такая связь необходима для ее счастья в будущем и всегда будет приносить те же плоды. Ничто не может быть ошибочнее доводов подобного рода. Таким же образом можно утверждать, что козь скоро дитя поправлялось от молока, то ему вообще не нужно мяса, или что первые двадцать лет нашей жизни должны стать примером и для последующего двадцатилетия. Но даже такое допущение заходит

дальше, чем нужно, ибо я положительно утверждаю, что Америка процветала бы в такой же степени и по всей вероятности даже гораздо больше, если бы никакое европейское государство не обращало на нее внимания. Америка обогатила себя, продавая Европе предметы первой необходимости, и сбыт им всегда будет обеспечен, пока Европа не оставит привычку к еде.

Но ведь она [Англия] защищала нас, говорят некоторые. Допустим, что она владела нами полностью, это верно, что она защищала континент за наш счет так же, как и за свой собственный, но она защищала бы и Турцию из тех же соображений, т.е. ради коммерции и власти.

Увы! Мы долгое время находились во власти старых предрассудков и приносили большие жертвы своим суевериям. Мы гордились покровительством Великобритании, не учитывая того, что к этому ее побуждал интерес, но не привязанность, и что она защищала нас от наших врагов, не ради нас самих, но от своих врагов и ради самой себя, от тех, кто не был с нами в ссоре ни по каким другим причинам, но кто всегда будет нашим врагом по той же причине. Пусть бы только Великобритания отказалась от своих притязаний на континент или пусть бы континент сбросил с себя зависимость, и мы бы жили в мире с Францией и с Испанией, даже если бы эти страны и находились в войне с Британией. Бедствия последней Ганноверской войны должны были предостеречь нас от союзов.

Недавно в парламенте утверждалось, что колонии не связаны друг с другом, иначе как через метрополию, т. е. что Пенсильвания и Джерси и все остальные являются колониями-сестрами по линии Англии; это, конечно, весьма окольный путь доказательства родства, но зато ближайший и единственно верный путь доказательства неприязни (или враждебного состояния, если можно так выразиться). Франция и Испания никогда не были и возможно, никогда не будут врагами нам как американцам, но лишь как подданным Великобритании.

Но Британия – наша мать, говорят некоторые. Тогда тем более позорно ее поведение. Даже звери не пожирают своих детенышей, даже дикари не нападают на своих родных; вот почему такое утверждение, если оно верно, оборачивается по отношению к ней упреком; но, оказывается, оно не верно или верно лишь отчасти: слова «родина» или «родина-мать» иезуитски использовались королем и его туземцами с низким папистским умыслом повлиять на наши легковверные и слабые умы. Отечество Америки – это Европа, а не Англия. Новый свет стал убежищем для гонимых приверженцев гражданской и религиозной свободы из всех частей Европы. Сюда бежали они не от нежных материнских объятий, но от жестокости чудовища, и в отношении Англии это настолько верно, что та тирания, которая выгнала из дому первых эмигрантов, все еще преследует их потомков.

Мы здесь, на своей обширной части земного шара, забываем узкие пределы трехсот шестидесяти миль (протяженность Англии) и даем куда больший простор нашим

симпатиям; мы считаем своим братом каждого христианина Европы и гордимся благородством чувств.

Отрадно наблюдать, как по мере расширения нашего знакомства с миром мы постепенно преодолеваем силу местных предрассудков. Человек, родившийся в любом городе Англии, разделенном на церковные приходы, естественно, больше всего станет обращаться со своими собратьями – прихожанами (у них во многих случаях будут общие интересы) и величать их соседями; встретив же одного из них в нескольких милях от дома, человек этот составит узкое понятие, возникшее от проживания на одной улице, и приветствует его как своего «городского»; если человек выезжает за пределы своего графства и встречает своего соседа в другом [графстве], он забывает мелкие деления на улицы и города и называет его земляком; но если в своих заграничных поездках люди эти сойдутся вместе во Франции или в любой другой части Европы, то их объединит уже более широкое понятие англичан. И в силу того же справедливого рассуждения все европейцы встречаются в Америке или в любой другой части земного шара как земляки; ведь Англия, Голландия, Германия или Швеция по отношению к целому миру занимают то же место, но лишь в большем масштабе, что улица, город и графство – в более мелком; эти понятия слишком узки для умов с континентальным кругозором. Лишь менее одной трети населения, даже в этой провинции [Пенсильвания], – английского происхождения. Вот почему я отвергаю приложение слов «отчизна» или «родина-мать» к одной только Англии как ложное, себялюбивое, узкое и неблагородное.

Но допустим, что мы все английского происхождения, что из этого следует? Ничего. Британия, сделавшись теперь открытым врагом, уничтожила тем самым всякое иное имя и название; сказать, что примирение является нашим долгом, поистине смехотворно. Первый король Англии, из ныне царствующего рода [Вильгельм Завоеватель], был француз и половина пэров Англии происходят из той же страны, следовательно, рассуждая таким образом, Франция должна управлять Англией.

Много говорилось об объединенной мощи Британии и колоний; о том, что, будучи в союзе, они могут бросить вызов всему миру. Но это простая самонадеянность; военное счастье переменчиво, а фразы эти ничего не значат, ибо мы никогда не допустим, чтобы континент наш обезлюдил ради оказания помощи британскому оружию в Азии, Африке или Европе.

Кроме того, с какой стати нам меряться силами со всем светом? Наша задача – торговля, а если ее вести как следует, то это обеспечит нам мир и дружбу со всей Европой, потому что вся Европа заинтересована в беспрепятственной торговле с Америкой. Ее торговля всегда будет служить ей защитой, а бедность недр золотом и серебром предохранит от захватчиков.

Я призываю самых горячих защитников политики примирения показать хотя бы одно преимущество, какое континент может получить от связи с Великобританией. Я повторяю этот вызов; таких преимуществ нет. Хлеб наш найдет свой сбыт на любом европейском рынке, а за привозные товары нужно платить, где бы мы их ни покупали.

Неудобства же и убытки, какие мы терпим от этой связи, неисчислимы; и долг наш перед всем человечеством, как и перед самими собой, велит нам расторгнуть союз: ибо всякое подчинение Великобритании или зависимость от нее грозят непосредственно втянуть наш континент в европейские войны и распри, и ссорят нас с нациями, которые иначе искали бы нашей дружбы и на которых у нас нет ни зла, ни жалоб. Поскольку Европа является нашим рынком, нам не следует вступать в предпочтительную связь с какой-либо ее частью. Истинный интерес Америки – избегать европейских раздоров, но этого она никогда не сможет сделать, пока, в силу своей зависимости от Британии, она служит довеском на весах британской политики.

Европа слишком густо засажена королевствами, чтобы долго жить в мире, и всякий раз, когда между Англией и любой иностранной державой возникает война, торговля Америки гибнет по причине ее связи с Британией. Очередная война может обернуться не так, как последняя, и тогда нынешние адвокаты примирения будут ратовать за отделение, так как нейтралитет в этом случае послужит более надежным конвоем, чем военный корабль. Все, что есть верного и разумного, молит об отделении. Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют: «Пора расстаться». Даже то расстояние, на какое Всемогущий удалил Англию от Америки, есть сильное и естественное доказательство того, что власть одной над другой никогда не была Божиим умыслом. И время, в которое был открыт континент, и обстоятельства его заселения, подкрепляют вес нашего довода. Реформации предшествовало открытие Америки: словно Всемогущий милостиво вознамерился открыть убежище гонимым грядущих времен, когда дома у них не станет ни друзей, ни безопасности.

Власть Великобритании над этим континентом – это форма правления, которая рано или поздно должна иметь конец. И, заглядывая в будущее, проницательный ум не найдет для себя радости, ибо он питает тягостное и твердое убеждение, что то, что он называет «существующей конституцией», есть всего лишь временное [состояние]. Как родителей нас не может радовать мысль о том, что это правление недостаточно долговечно и не способно обеспечить чего бы то ни было из того, что мы хотим завещать потомству. Простое рассуждение убеждает нас, что раз мы вводим в долги будущее поколение, то мы обязаны и трудиться для него, иначе наше отношение к нему подло и жалко. Чтобы найти верный путь к выполнению своего долга, нам следует взять на себя заботу о наших детях и укрепить свое положение на несколько лет вперед. С этой возвышенной позиции

нам откроется перспектива, которую скрывают от нашего взора некоторые имеющиеся страхи и предрассудки.

Хотя мне бы хотелось избежать лишних оскорблений, однако я склонен полагать, что всех сторонников доктрины примирения можно распределить по следующим категориям: заинтересованные лица, которым нельзя доверять, слабые, которые не могут видеть, предубежденные, которые не хотят видеть, и особый род умеренных людей, думающих о Европе лучше, нежели она этого заслуживает; эта последняя категория людей в результате своего необоснованного суждения станет причиной больших бедствий для континента, чем первые три.

Многие имеют счастье жить далеко от места сегодняшних невзгод; зло еще не настолько близко к их порогу, чтобы почувствовать, насколько непрочное обладание собственностью в Америке. Но вообразим на несколько мгновений, что мы в Бостоне; это место страданий и скорби образумит нас и научит раз и навсегда порвать с державой, которой мы не можем доверять. Жители этого несчастного города, лишь несколько месяцев тому назад пребывавшие в спокойствии и изобилии, теперь не имеют другого выбора, как сидеть по домам и умирать с голоду или идти просить милостыню. Попадая под огонь своих друзей, если они остаются в городе, и подвергаясь грабежу солдатни, если они его покидают, в их нынешнем положении эти люди суть пленники без надежды на избавление, а при генеральном штурме, предпринятом для их освобождения, на них обрушилась бы ярость обеих армий.

Люди пассивные сносят обиды Великобритании и, все еще уповая на лучшее, способны взывать – приди, приди, мы вновь будем друзьями, несмотря ни на что. Но вникните в страсти и чувства человечества; проверьте доктрину примирения на пробном камне природы и тогда скажите мне, сможете ли вы после этого любить, почитать и верно служить державе, пришедшей с огнем и мечом в вашу страну? Если вы не способны на все это, тогда вы только обманываете себя и своей медлительностью несете гибель потомству. В будущем ваша связь с Британией, которую вы не можете ни любить, ни уважать, окажется вынужденной и противоестественной; созданная лишь ради текущих выгод, она в скором времени выльется в повторное бедствие, более ужасное, чем первое. Но если вы скажете, что все же способны забыть обиды, тогда я спрашиваю – сожжен ли ваш дом? Уничтожено ли на ваших глазах ваше достояние? Лишены ли ваша жена и дети хлеба и угла, чтобы преклонить голову? Потеряли ли вы родственника или ребенка, остались ли вы сами одиноко доживать свою разбитую жизнь? Если нет, то вы и не судья тем, кто перенес это. Но если да и вы все еще способны пожать руки убийцам, тогда вы недостойны носить имя мужа, отца, друга или возлюбленного, и какие бы у вас ни были чин или звание в жизни, в вас сердце труса и дух сикофанта.

Это вовсе не подстрекательство или преувеличение, но лишь оценка [происходящего], посредством тех чувств и привязанностей, которые оправданы самой природой и без коих мы были бы неспособны ни выполнять свой гражданский долг, ни наслаждаться радостями жизни. Я не стремлюсь рисовать ужасы для возбуждения мести, но хочу пробудить нас от пагубной и малодушной спячки, с тем чтобы мы могли решительно добиваться твердо намеченной цели. Не под силу Британии или Европе завоевать Америку, если Америка сама не даст себя завоевать медлительностью и робостью. Нынешняя зима стоит целой эпохи, если ее правильно использовать, но если мы упустим это время или пренебрежем им, несчастье падет на весь континент; человек, по вине которого будет потеряно это столь драгоценное и полезное время, кто бы, кем бы и где бы он ни был, заслуживает любого наказания.

Предположение, что континент сможет долго оставаться в подчинении какой-либо внешней власти, противоречит рассудку, общему порядку вещей и всем примерам предшествующих веков. В Британии даже самые крайние оптимисты не думают этого. Даже величайшее напряжение человеческой мудрости не может в настоящее время придумать план, который бы мог без отделения обещать континенту хотя бы год безопасности. Примирение – это теперь обманчивая мечта. Сама природа определила теперь разрыв, и никакое искусство не может больше помочь, ибо, как мудро сказал Мильтон, «истинное примирение невозможно там, где столь глубоки раны смертельной ненависти».

Все бескровные способы достижения мира оказались бесплодными. Наши мольбы отвергались с презрением, и это убедило нас в том, что ничто так не льстит тщеславию королей, не потакает их упрямству, как повторные петиции, – мероприятие это, как ни одно другое, помогло установлению в Европе королевского абсолютизма. Свидетельство тому – Дания и Швеция. Поэтому, раз ничто кроме драки не поможет, ради Бога отделимся и окончательно помешаем грядущим поколениям резать друг другу горло, прикрываясь оскверненными и бессмысленными словами о сынах одной отчизны.

Сказать, что они никогда вновь не пойдут на это, – пустая фантазия; так мы полагали при отмене закона о гербовом сборе, однако год или два образумили нас; можно с таким же успехом предположить, что народы, однажды потерпевшие поражение, никогда не возобновят ссору.

Что касается дел управления, то не с силах Британии явить справедливость нашему континенту; дело это для власти, которая столь удалена от нас и столь плохо нас знает, скоро окажется слишком тяжким и сложным; ибо если она не может нас покорить, она не может и управлять нами. Постоянные поездки за три или четыре тысячи миль с докладом или петицией, ожидание по четыре или пять месяцев ответа, который в свою очередь потребует еще пяти-шести месяцев разъяснений, – все это через несколько лет будет

выглядеть безрассудным ребячеством. Было время, когда такой порядок годился, но сейчас пора покончить с ним.

Мелкие, неспособные к самозащите острова – подходящий объект для взятия их правительствами под свою защиту; но есть нечто абсурдное в предположении, что континент будет вечно находиться под управлением острова. Никогда природа не создавала спутника большего, чем сама планета; и поскольку Англия и Америка в их отношении друг к другу отрицают всеобщий закон природы, ясно, что они принадлежат разным системам. Англия – Европе, Америка – самой себе.

Не гордость, не принадлежность к партии, не перенесенная обида побуждают меня отстаивать доктрину отделения и независимости; я глубоко и искренно убежден, что это отвечает подлинным интересам континента, что все, кроме этого, есть просто кое-как положенная заплата, не способная обеспечить благоденствия, что все иное означает лишь передачу меча нашим детям и отступление в такое время, когда не хватает лишь самой малости, чтобы доставить нашему континенту мировую славу.

Так как Британия не обнаружила ни малейшей склонности к компромиссу, то мы можем быть уверены, что невозможно [мирным путем] достичь условий, достойных быть принятыми континентом, или чего-либо, что могло бы возместить уже понесенные нами жертвы людьми и деньгами.

Предмет борьбы всегда должен находиться в надлежащей пропорции к затраченным усилиям. Удаление Норса или всей ненавистой клики есть дело, не стоящее израсходованных нами миллионов. Временная приостановка торговли сопровождалась для нас жертвами более чем достаточными, чтобы оправдать отмену всех парламентских актов, на которые мы жалуемся, если бы мы добились такой отмены; но если всему континенту приходится взяться за оружие, если каждый должен стать солдатом, то едва ли стоит нам терять время на борьбу против одного лишь презренного министерства. Да, дорого, дорого платим мы за отмену актов, если это все, за что мы боремся; ибо, честно говоря, большое безумство платить ценой Банкер-Хилла за закон, [а не] за страну. Я всегда считал независимость этого континента событием, которое рано или поздно должно наступить, и судя по быстрому прогрессу континента в последнее время, событие это не заставит себя долго ждать. Вот почему, когда [уж] начались военные действия, спорить о деле, которое со временем само бы уладилось, не стоило, если только мы не решили взяться всерьез: поступить иначе было бы все равно, что разоряться на ведение процесса о злоупотреблениях арендатора, срок аренды которого уже кончается. Никто не был более горячим сторонником примирения, нежели я сам, до рокового 19 апреля 1775 года, но с тех пор, как события этого дня стали известны, я навсегда отверг жестокого и мрачного фараона Англии и презираю негодяя, который, притязая на звание отца своего

народа, может безучастно слушать, как этот народ режут, и спокойно спать, имея на совести его кровь.

Но допустим, что мы помирились, к чему бы это привело? Я отвечаю – к гибели континента. И по следующим причинам.

Во-первых. Так как верховная власть останется все-таки в руках короля, ему будет принадлежать право вето на все законодательные акты континента. А так как он показал себя закоренелым врагом свободы и обнаружил жажду неограниченной власти, то подобает ли ему [право] говорить нашим колониям: вы не издадите законов, иначе как с моего одобрения?! И найдется ли американец, столь невежественный, чтобы не знать, что согласно так называемой нынешней конституции этот континент не может издавать законов, кроме тех, на которые последовало согласие короля; и сыщется ли человек, столь недалекий, чтобы не видеть того, что (учитывая то, что случилось) король не потерпит здесь никаких законов кроме тех, какие отвечают его целям? Нас можно столь же крепко поработить отсутствием законов, [принятых] в Америке, сколь и подчинением законам, изданным для нас в Англии. После так называемого примирения можно ли сомневаться, что вся власть короны будет направлена на то, чтобы держать этот континент в возможно более приниженном, жалком положении? Вместо того чтобы идти вперед, мы пойдем назад, будь то с вечными распрями или с дурацкими петициями. Мы и так уже [выросли] больше, чем того желал бы король, не постарается ли он впредь нас укоротить? Если свести все дело к одному вопросу, то я спрашиваю – способна ли власть, враждебная нашему процветанию, управлять нами?

Кто бы ни ответил [на этот вопрос] отрицательно, тот сторонник независимости, ибо независимость сводится к тому, будем ли мы сами издавать свои законы или король – наизлейший враг, какого только имеет или может иметь наш континент, будет говорить нам – никаких других законов кроме тех, что угодны мне.

Но ведь [и] в Англии, скажете вы, король имеет право вето, и народ там не может издавать законов без его согласия. С точки зрения права и порядка есть нечто смехотворное в том, что молодой человек двадцати одного года (как бывало не раз) заявляет нескольким миллионам людей старше и мудрее его: «Я запрещаю вам иметь тот или иной закон». Однако в данном случае я воздерживаюсь от такого хода возражений, хотя никогда не перестану разоблачать абсурдность этого [порядка]; отвечу только, что Англия – местожительство короля, Америка же нет, и это совершенно меняет дело. Вследствие этого право вето английского короля имеет для американцев в десять раз более опасный и роковой характер, чем в Англии; ибо он едва ли откажет в согласии на закон, имеющий в виду всемерное усиление обороны Англии, но никогда не потерпит принятия такого закона в Америке.

В системе британской политики Америка играет лишь второразрядную роль. Англия соображает с благом нашей страны не больше, чем это отвечает ее собственным замыслам. Поэтому забота о своих интересах побуждает ее препятствовать нашему развитию всякий раз, когда оно не сулит ей выгоды или хотя бы в малейшей степени ей мешает. В хорошеньком положении оказались бы мы при таком правлении из вторых рук, учитывая все, что произошло! От перемены названия люди не превращаются из врагов в друзей, и с целью показать, что ныне примирение опасно, я утверждаю, что в настоящее время было бы в интересах самого короля отменить акты парламента, чтобы только упрочить снова свое положение в качестве верховного правителя провинций и чтобы в конце концов хитростью и разными ухищрениями достичь того, чего он не в состоянии сделать в короткое время силой. Примирение и гибель сродни друг другу.

Во-вторых. Поскольку даже лучшие условия, на которые мы можем надеяться, могут быть не чем иным, как только временным выходом или же правлением – опекой, которое может продлиться только до совершеннолетия колоний, постольку общий характер и положение вещей в этот промежуточный период будут неопределенными и неутешительными. Состоятельные эмигранты не захотят ехать в страну, чья форма правления висит на волоске и которая постоянно находится на краю волнений и беспорядков, а множество ее нынешних обитателей использует этот перерыв, чтобы распорядиться своим имуществом и покинуть континент.

Но наиболее сильный из всех доводов состоит в том, что ничто, кроме независимости, т.е. [собственной] формы правления для континента, не сможет сохранить ему мир и уберечь от гражданских войн. Меня в настоящее время страшит примирение с Британией, ибо более чем вероятно, что за ним последует в том или ином месте восстание, последствия которого могут оказаться куда более пагубными, чем все козни Британии.

Британским варварством уже разорены тысячи людей (тысячи других, вероятно, постигнет та же участь). У них иные чувства, чем у нас, никак не пострадавших. Все, что у них есть теперь, это свобода; то, чем они прежде наслаждались, принесено ей в жертву; им нечего больше терять, а потому они презирают подчинение. Кроме того, общее настроение колоний по отношению к британскому правительству будет подобно настроению юноши, который уже почти достиг совершеннолетия: им дела до нас не будет. Правительство же, которое не в состоянии сохранить мир, вообще никуда не годно, – и в таком случае мы тратим наши деньги впустую. Разрешите спросить, что может сделать Британия, чья власть будет существовать только на бумаге, если на другой день после примирения вспыхнет мятеж? Я слышал от некоторых, многие из которых, я уверен, говорили, не подумав, что они страшатся независимости, опасаясь, что она повлечет за собой гражданские войны. Редко наши первые мысли бывают действительно правильными, так обстоит дело и в данном случае, ибо в десять раз опаснее искусственная связь, чем

независимость. Я ставлю себя на место пострадавшего и заявляю, что если бы меня выгнали из дома и разорили, то, как человек чувствительный к несправедливости, я бы никогда не смог удовлетвориться доктриной примирения или считать себя связанным ею. Колонии выказали такой дух добропорядочности и послушания континентальному правительству, что всякий разумный человек может быть спокоен и счастлив на этот счет. Никто не может найти своим опасениям иных оснований, кроме поистине ребяческих и смешных, а именно, что одна колония будет стремиться к превосходству над другой.

Там, где нет различий, не может быть и превосходства; совершенное равенство не допускает соблазна. Все республики Европы (и можно сказать, всегда) находятся в мире. Голландия и Швейцария обходятся без войн, как внешних, так и гражданских. Монархические правительства – те действительно никогда долго не остаются в покое; сама корона служит соблазном для предприимчивых негодяев внутри страны, а крайняя степень тщеславия и высокомерия, постоянно сопутствующая королевской власти, доводит до разрыва отношений с иностранными державами в тех случаях, когда республиканские правительства, основанные на более естественных принципах, мирно уладили бы недоразумения.

Если уж действительно существует причина для опасений в отношении независимости, так это отсутствие по сей день разработанного плана. Люди не видят пути к ней. Вот почему для подхода к этому делу, я предлагаю нижеследующие наметки; при этом я должен скромно признать, что сам я не имею о них иного мнения, кроме того, что они могут послужить средством к выдвижению чего-либо лучшего. Если бы можно было собрать вместе разрозненные мысли отдельных лиц, они бы нередко дали материал для мудрых и способных людей, которые бы употребили их с пользой для дела.

Пусть ассамблеи собираются ежегодно и имеют только одного президента, [пусть] представительство будет более равным, пусть они ведают сугубо внутренними делами и подчиняются власти Континентального Конгресса.

Пусть каждая колония будет разумно разделена на шесть, восемь или десять дистриктов, каждый дистрикт пусть посылает соответствующее число делегатов в конгресс, с тем чтобы каждая колония посылала по крайней мере тридцать. Общее число делегатов в конгрессе будет составлять по меньшей мере 390. Пусть каждый конгресс заседает и выбирает президента по следующему методу. Когда делегаты в сборе, пусть из всех тринадцати колоний отбирается по жребию одна, после чего конгресс выберет путем тайного голосования президента из числа делегатов этой провинции. На следующем конгрессе пусть в жеребьевке участвуют только двенадцать с исключением той колонии, от которой был уже избран президент на прошлом конгрессе. И так будет продолжаться до тех пор, пока все тринадцать не дождутся своей очереди. А для того чтобы силу закона получало лишь то, что вполне справедливо, большинство должно состоять не менее чем

из трех пятых конгресса. Того, кто стал бы сеять смуту в правительстве столь справедливо созданном, постигла бы судьба Люцифера.

Но так как особая щекотливость вопроса состоит в том, от кого или каким образом это начинание должно исходить, и поскольку наиболее подходящим и последовательным кажется, что с этим должен выступить какой-либо орган, промежуточный между управляемыми и управляющими, т.е. между конгрессом и народом, то пусть будет созвана континентальная конференция следующим образом и со следующей целью:

[Пусть это будет] комитет из двадцати шести членов конгресса, по два от каждой колонии. Два члена от каждой ассамблеи или провинциального конвента, и пять представителей народа в целом, избранных в столице или главном городе каждой провинции от лица всей провинции и стольким количеством людей, имеющих право голоса, сколько сочтут нужным явиться со всех концов провинции для этой цели; или, если это более удобно, представители могут быть избраны в двух или трех ее наиболее населенных частях. В лице конференции, составленной таким образом, будут объединены два великих деловых принципа: знание и сила. Члены конгресса, ассамблеи или конвентов, уже имея опыт в государственных делах, окажутся способными и полезными советниками, и это [собрание], будучи уполномочено народом, будет обладать подлинно законной властью.

Делом участников конференции будет выработать континентальную Хартию, или Хартию Соединенных колоний [соответственно тому, что в Англии называют Великой Хартией вольностей], которая определит количество и порядок избрания членов конгресса, членов ассамблеи, а также сроки их заседаний, и разграничит их дела и юрисдикцию, всегда имея в виду, что сила наша – в континенте, а не в [отдельных] провинциях. [Хартия] обеспечит свободу и собственность всем людям и превыше всего свободу вероисповедания согласно велениям совести, с включением таких вопросов, какие должны содержаться в хартии. После чего упомянутая конференция немедленно должна быть распущена, и органы, избранные соответственно указанной хартии, станут законодателями и правителями континента в данное время: чьи мир и счастье да охраняет Бог. Аминь.

Если какие-либо люди соберутся в будущем в качестве делегатов для этой или подобной цели, я предложил бы их вниманию следующие выдержки из книги мудрого наблюдателя государственных дел – Драгонетти. «Наука политики, – говорит он, – заключается в том, чтобы определить истинную меру счастья и свободы. Благодарность в веках заслужили бы те люди, которые бы открыли способ правления, обеспечивающий наибольшую сумму личного счастья с наименьшими затратами для всей нации» (Драгонетти. «Добродетели и поощрения»).

Но где же, говорят некоторые, король Америки? Я скажу тебе, друг, он царствует над нами, но не сеет гибель среди людей, подобно коронованному зверю Великобритании. Впрочем, чтобы нам не иметь недостатка даже в земных почестях, пусть будет

торжественно назначен день для провозглашения хартии; пусть она будет вынесена и установлена на божественном законе, на слове Божиим; пусть на нее возложат корону, по которой мир мог бы узнать, насколько мы одобряем монархию, – королем в Америке является закон. Ибо как в абсолютистских государствах король является законом, так и в свободных странах закон должен быть королем и не должно быть никакого другого. Но чтобы впоследствии не возникло каких-либо злоупотреблений, пусть в заключение церемонии корона будет разбита вдребезги и рассеяна среди народа, которому она принадлежит по праву.

Нам принадлежит неотъемлемое право иметь собственное правительство, и всякий, кто всерьез поразмыслит над непрочною человеческих дел, придет к убеждению, что куда разумнее и безопаснее хладнокровно и обдуманно выработать собственную конституцию, пока это в нашей власти, нежели доверить столь значительное дело времени и случаю. Если мы упустим это сейчас, то впоследствии найдется какой-нибудь Мазаньелло, который, возглавив народное волнение, сумеет объединить отчаявшихся и недовольных, захватит власть и в конце концов подобно потоку сметет свободы континента. Если бы правление Америки вновь перешло в руки Британии, шаткость положения была бы соблазном для какого-нибудь отчаянного авантюриста испытать свое счастье. И какую помощь в этом случае могла бы оказать Британия? Прежде чем она услышала бы эту новость, роковое дело могло уже свершиться и мы сами подобно несчастным бриттам страдали бы под гнетом завоевателя. Вы, которые сейчас противитесь независимости, не ведаете того, что творите: сохраняя пустующим место для правительства, вы отворяете двери вечной тирании. Тысячи и десятки тысяч сочли бы за честь изгнать с континента ту варварскую и дьявольскую силу, которая подняла против нас индейцев и негров. В жестокости виновны обе стороны – наша жестокость груба, их – вероломна.

Ведь нелепо и просто безумно говорить о дружбе с теми, кому доверять запрещает нам разум и кого ненавидеть учат нас раны от тысяч обид. Каждый день стирает немногие еще имеющиеся остатки родства между нами. И можно ли надеяться, что по мере угасания наших родственных отношений будут расти наши симпатии или что мы легче пойдем на соглашение, когда у нас будет вдесятеро больше причин к ссоре?

Вы, которые говорите нам о гармонии и примирении, разве можете вы вернуть нам ушедшее время? Разве можете вы падшей женщине возратить ее прежнее целомудрие? Так же не сможете вы примирить Британию с Америкой. Последняя нить теперь порвана, народ Англии выступает против нас с петициями. Существуют обиды, которые природа не может простить: она перестала бы быть сама собой, если бы сделала это. Скорее любовник простит похитителя своей любимой, чем континент – британских убийц. Всевышний вселил в нас неистребимое тяготение к добру и мудрости. Они-то и сохраняют Его образ в наших сердцах. Они-то и отличают нас от стада животных. Будь мы глухи к

голосу добрых чувств, распались бы общественные связи, справедливость на земле была бы вырвана с корнем или существовала бы лишь в виде исключения. Грабитель и убийца часто оставались бы безнаказанными, если бы нанесенные нам оскорбления не побуждали нас к справедливости.

О вы, которые любите человечество! Вы, кто отваживается противостоять не только тирании, но и тирану, выйдите вперед! Каждый клочок Старого света подавлен угнетением. Свободу травят по всему свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой, Англия же потребовала ее высылки. О, примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества.

О нынешних возможностях Америки, а также некоторые другие размышления

Ни в Англии, ни в Америке я никогда не встречал человека, который бы не признавал того, что отделение этих стран рано или поздно должно произойти. И вместе с тем трудно привести пример меньшей проницательности с нашей стороны, чем при попытках описать то, что мы называем готовностью или способностью континента к независимости.

Так как все согласны с этим мероприятием и расходятся лишь в сроках, то с целью устранить ошибки давайте сделаем общий обзор событий и попытаемся по возможности найти истинное время. Ходить за ним далеко не нужно, вопрос решается сразу, потому что время нашло нас само. Общее согласие, великолепное сочетание всех обстоятельств служат тому подтверждением.

Наша великая сила не в числе, но в единстве, однако теперь нас достаточно, чтобы отразить силы всего мира. В настоящее время континент располагает наибольшим количеством вооруженных и обученных солдат среди всех держав мира; он достиг как раз такой ступени могущества, когда ни одна колония не способна защититься в одиночку, но объединенное целое способно на все. Наши сухопутные силы более чем достаточны, что же касается морских, то мы не можем не знать того факта, что Британия никогда не допустила бы постройки американского военного судна, пока континент оставался бы в ее руках. Следовательно, и через сто лет мы в этой области не продвинулись бы дальше, чем сейчас, а в сущности даже отстали бы, так как строевой лес в стране с каждым днем убывает, а то, что под конец останется, будет далеко и малодоступно.

Будь континент густо заселен, его страдания при существующем положении были бы невыносимы. Чем больше мы бы имели морских портов, тем больше нам пришлось бы защищать и терять. Наша численность в настоящее время настолько удачно совпадает с нашими потребностями, что ни одному человеку не надобно оставаться без дела. Сокращение промыслов создает армию, а нужды армии порождают новые промыслы.

Долгов у нас нет, и какие бы соглашения в этом смысле мы ни заключали, все они послужат славным напоминанием о нашей добродетели. Если бы мы только могли оставить потомству упорядоченную форму правления и независимую собственную конституцию, такая сделка, чего бы она ни стоила, обойдется дешево. Но расходовать миллионы ради того, чтобы добиться отмены лишь нескольких гнусных законов и падения одного лишь нынешнего министерства, не стоит тяжести труда и крайне жестоко по отношению к потомству; ведь это возложит на их плечи огромную задачу и долги, от которых они не получают никаких выгод. Такая мысль недостойна порядочного человека и есть верный признак черствой души и мелкого политиканства.

Долги, которые мы можем сделать, не заслуживают наших опасений, будь только выполнена сама задача. Ни одна нация не должна жить без долгов. Национальный долг служит национальной связью, и, если он не отягощен процентами, это не повод для жалоб. Британия угнетена долгами, превышающими 140 млн. фунтов стерлингов, за которые она выплачивает проценты свыше четырех миллионов. А в качестве компенсации за этот долг она имеет большой флот. Америка же не имеет ни долгов, ни флота. Между тем за двадцатую часть английского национального долга она могла бы иметь столь же большой флот. Флот Англии в настоящее время не стоит более трех с половиной миллионов фунтов.

Первое и второе издания этого памфлета были опубликованы без следующих вычислений, которые теперь приводятся как доказательство правильности вышеуказанной оценки флота.

Издержки на строительство корабля с разной скоростью хода и оснащение мачтами, реями, парусами и всеми снастями вместе с восьмимесячным запасом рациона для боцманов и плотников, согласно расчету Мр. Бэрчетта, морского министра [суть следующие]:

Для судна в 100 пушек 35553 фунт.

«»	«»	90	«»	29886	«»
«»	«»	80	«»	23638	«»
«»	«»	70	«»	17785	«»
«»	«»	60	«»	14197	«»
«»	«»	50	«»	10606	«»
«»	«»	40	«»	7558	«»
«»	«»	30	«»	5846	«»

Отсюда легко подсчитать ценность или, скорее, стоимость всего британского флота в 1757 г., когда он был своей славы и состоял из следующего количества и пушек:

Корабли	Пушки	Стоимость одного корабля	Стоимость всех кораблей
6	100	55553 фун.	213318 фун.
12	90	29886 «»	358632 «»
12	80	23638 «»	283656 «»
43	70	17785 «»	764755 «»
35	60	14197 «»	496895 «»
40	50	10605 «»	424240 «»
45	40	7558 «»	340110 «»
58	20	3710 «»	215180 «»
85 корветов, бомб [ардирских судов] и бранде			
В среднем:		2000 «»	170000 «»
Стоимость:			3266786 фун.
Остается на пушки:			233214 «»
Всего:			3500000 фун.

Ни одна страна в мире так удачно не расположена и не способна по своим внутренним возможностям к строительству флота, как Америка. Деготь, строительный лес, железо и пенька – ее естественная продукция. Нам ни с чем не нужно обращаться за границу. Между тем голландцы, наживающие большие прибыли сдачей в аренду своих военных кораблей испанцам и португальцам, вынуждены ввозить большинство используемых ими материалов. Мы должны рассматривать строительство флота как доходную статью, как естественное производство нашей страны. Это наилучший способ вложения денег. Готовый флот ценится дороже, чем обошлось его строительство. Это тот замечательный пункт государственной политики, где нужды коммерции и обороны совпадают. Итак, будем строить. Если флот нам не понадобится, мы сможем его продать и таким образом сменить нашу бумажную валюту на звонкое золото и серебро.

В вопросе укомплектования флота обычно допускаются большие ошибки: нет необходимости, чтобы матросы составляли четвертую часть команды.

Грозный капер Капитан Смерть выдерживал самые жаркие схватки с любым кораблем в прошлую войну, не имея на борту и двадцати матросов, хотя его полный штатный состав превышал двести человек. Несколько толковых и общительных матросов быстро обучат обычной работе на корабле достаточное количество старательных новичков. Поэтому теперь мы, как никогда, способны взяться за морские дела: наш лес не используется, рыболовные промыслы блокированы, наши матросы и кораблестроители не имеют работы. Еще сорок лет назад военные корабли с 70 и 80 орудиями строились в Новой Англии, почему же не делать того же теперь? Кораблестроение – это величайшая гордость Америки, и со временем она превзойдет в этом [деле] весь мир. Большинство великих восточных империй чаще всего удалены от моря, следовательно возможность их конкуренции с нами исключена. Африка пребывает в стадии варварства; в Европе ни одна держава не имеет ни такого берегового протяжения, ни таких внутренних запасов материалов, [как наша]. Там, где природа дала одно, она отказала в другом; только в Америке природа проявила двойную щедрость. Обширная Российская империя почти отрезана от моря; поэтому ее бескрайние леса, ее деготь, железо и пенька служат лишь предметами торговли.

С точки зрения безопасности, следует ли нам оставаться без флота? Мы теперь не тот маленький народ, каким мы были пятьдесят лет назад. В то время мы могли доверить наше имущество улицам или, вернее, полям и спокойно спать без замков и засовов на своих дверях и окнах. Теперь другое дело, и по мере того, как увеличивается наше имущество, должны улучшаться наши средства обороны. Двенадцать месяцев тому назад простой пират мог подняться вверх по Делавару и потребовать от города Филадельфии контрибуции на сумму, какая ему заблагорассудилось; то же самое могло случиться и с остальными поселениями. Более того, любой сорвиголоу на бриге с четырнадцатью или шестнадцатью пушками мог ограбить весь континент и вывезти полмиллиона денег. Эти обстоятельства и требуют нашего внимания и указывают на необходимость военно-морской обороны.

Некоторые, возможно, скажут, что после того, как мы примиримся с Британией, она и будет нас защищать. Можно ли быть столь недалекими, чтобы рассчитывать на то, что она станет держать военный флот в наших гаванях для этой цели? Здравый смысл подсказывает нам, что государство, которое стремилось подчинить нас себе, менее всех прочих годится для того, чтобы нас защищать. Покорение может совершиться под видом дружбы, и мы сами, после долгого и храброго сопротивления, в конечном счете обманом можем быть ввергнуты в рабство. А если британские корабли не пускать в наши гавани, тогда спрашивается, каким образом Британия сможет нас оборонять? Флот, удаленный за три или четыре тысячи миль от места обороны, мало на что полезен, а при внезапном

нападении и вовсе ни на что. Следовательно, если нам предстоит в будущем заботиться о своей защите, почему не сделать это самим? Почему надо предоставлять это другим?

Английский список военных судов длинен и грозен, но [лишь] менее десятой части их в любое время годны к службе, многие вовсе не существуют, хотя названия их пышно украшают список, даже если от этих судов осталась лишь доска; и менее пятой части пригодных к службе может быть собрано одновременно в одном месте. Восточная Индия и Вест-Индия, Средиземное море, Африка и другие части света, на которые распространяются притязания Британии, предъявляют большие требования к ее флоту. Из смеси предрассудков и невнимания мы вывели ложное представление об английском флоте, о нем говорили так, как если бы нам предстояло столкнуться со всем флотом сразу, и поэтому предполагали, что мы должны иметь такой же большой флот, чего мы не в состоянии осуществить немедленно. Этим фактом воспользовалась группа скрытых тори с тем, чтобы обескуражить наше начинание. Ничто не является более далеким от истины: если бы Америка располагала только двадцатой долей морских сил Британии, она бы далеко превзошла ее, потому что мы не имеем и не претендуем ни на чьи чужеземные владения, все наши силы были бы употреблены у наших родных берегов, где мы бы получили в конечном счете преимущество два к одному над теми, кто должен был бы переплыть три-четыре тысячи миль, прежде чем атаковать нас, и то же расстояние обратно, чтобы обновить снаряжение и команду. И хотя Британия своим флотом не дает ходу нашей торговле с Европой, мы также препятствуем ее торговле с Вест-Индией, которая, находясь по соседству с континентом, всецело находится в его власти.

Можно было бы найти какой-нибудь способ сохранить военно-морские силы в мирное время, если бы мы сочли излишним держать постоянный флот. Если бы купцам давались премии за постройку и использование кораблей, снабженных двадцатью, тридцатью, сорока и пятьюдесятью орудиями (премии должны соответствовать потере в грузе, которую несет купец), то пятьдесят или шестьдесят таких кораблей с несколькими сторожевыми судами на постоянной службе составляли бы достаточный военно-морской флот, и это не обременяло бы нас неприятностями, вызывающими столь громкие жалобы в Англии, где флот в мирное время вынужден гнить в доках. Объединить усилия коммерции и обороны – вот здравая политика, ибо, когда наша мощь и наши богатства играют на руку друг другу, нам нечего опасаться никаких внешних врагов.

Почти все необходимое для обороны есть у нас в изобилии; конопля произрастает у нас, даже с избытком, так что мы не будем терпеть недостатка в снастях. Наше железо превосходит железо других стран. Наше ручное оружие не уступит никакому в мире. Пушек мы можем отлить сколько захотим. Селитру и порох мы производим повседневно. Наши знания ежечасно совершенствуются. Решимость присуща нашему характеру, и мужество никогда еще не покидало нас. Следовательно, чего нам не хватает? Почему мы

колеблемся? От Британии нам нечего ждать, кроме [своей] гибели. Если ее вновь допустят править Америкой, тогда на нашем континенте не стоит жить. Вражда будет возникать постоянно, мятежи – происходить все время, и кто их будет подавлять? Кто захочет рисковать жизнью ради возвращения своих соотечественников под иго чужеземцев? Спор между Пенсильванией и Коннектикутом из-за некоторых незаселенных земель свидетельствует о беспомощности британского правительства и вполне доказывает, что ничто, кроме континентальной власти, не может управлять делами континента.

Другая причина, почему настоящее время наиболее предпочтительно, состоит в том, что чем меньше наша численность, тем больше имеется еще незанятой земли, которая вместо того чтобы быть раздаренной королем его недостойным приспешникам, может быть в дальнейшем употреблена не только на погашение существующего долга, но и для постоянной поддержки правительства. Ни одна нация на земле не имеет такого преимущества.

Так называемое младенческое состояние колоний является доводом не против независимости, а в пользу ее. Мы достаточно многочисленны, будь нас больше, мы могли бы быть менее едины. Над этим вопросом стоит поразмыслить: чем плотнее населена страна, тем меньше ее войска. В численности военных сил древние народы намного превосходили современные. Причина этому ясна: так как промыслы возникают как следствие населенности, они начинают без остатка поглощать внимание людей. Коммерция снижает как патриотический, так и воинский дух. История достаточно учит нас, что самые смелые достижения всегда осуществлялись в период несовершеннолетия нации. С развитием коммерции Англия утратила свое мужество. Город Лондон, несмотря на многочисленность его жителей, сносит постоянные оскорбления с терпением труса. Чем больше люди могут потерять, тем меньше они склонны рисковать. Богачи обычно – рабы страха и подчиняются власти двора с дрожащей двуличностью болонки.

Молодость – вот время посева добрых нравов в нации, как и в отдельных людях. Через полстолетия, быть может, уже будет трудно или даже невозможно образовать единое правительство на континенте. Широкое разнообразие интересов, вызванное развитием торговли и ростом населения, создало бы сумятицу. Одна колония выступала бы против другой. Каждая, будь она в состоянии, пренебрегала бы помощью другой, и пока гордецы и глупцы упивались бы своей мелочной рознью, мудрые горевали бы о том, что союз не образовался раньше. Поэтому настоящее время и есть подходящее время для его установления. Чувство близости, зарождающееся в детстве, и дружба, возникающая в беде, самые прочные и неизменные чувства. Нашему нынешнему союзу обе эти черты присущи: мы молоды, и мы испытали невзгоды, но наше единодушие противостояло трудностям; мы создали памятную эпоху, которой потомство будет гордиться.

Настоящее время является также и тем особым временем, которое бывает в жизни нации лишь однажды – это время становления ее как государства. Большинство наций упустило эту возможность и вследствие того вынуждено было принимать законы от своих победителей вместо того, чтобы создавать их для себя самим. У них сначала был король, а уж потом форма правления, тогда как статьи или хартия государственного устройства должны создаваться сперва, а люди для исполнения этих статей – должны назначаться потом. Пусть ошибки других народов послужат нам уроком, давайте воспользуемся открывшейся возможностью – начать правление с нужного конца.

Когда Вильгельм Завоеватель покорил Англию, он подал ей закон на острие меча; до тех пор, пока мы не согласимся с тем, чтобы наши правительственные кресла были заняты лицами, облеченными законным авторитетом, нам всегда будет грозить опасность, что на это место усядется какой-нибудь удачливый негодяй, который поступит с нами так же, [как Вильгельм]; где тогда будет наша свобода? Где будет наше имущество?

Что касается религии, то я считаю неременной обязанностью правительства защищать всех честных людей, ее исповедующих, и насколько мне известно, никакого другого дела правительству до этого нет. Пусть человек отбросит ту душевную узость, ту эгоистичность принципов, с которыми ханжи всех вероисповеданий так неохотно расстаются, – он тотчас же освободится от своих страхов на этот счет. Подозрительность – спутник низких душ, гибель для всякого здорового общества. Что до меня, то я глубоко верю в то, что различные религиозные убеждения существуют среди нас по воле Всемогушего. Это дает нам большой простор для [проявления] наших христианских добродетелей; если бы все мы думали одинаково, нашим религиозным наклонностям не на чем было бы испытать себя; исходя из этого либерального принципа, я взираю на различные вероисповедания, существующие среди нас, как на детей одной семьи, отличающихся, так сказать, лишь своими христианскими именами.

Выше я высказал несколько мыслей относительно необходимости континентальной хартии (ибо я осмеливаюсь предлагать лишь наметки, но отнюдь не планы), и здесь я позволю себе еще раз напомнить об этом предмете: я имею в виду, что хартию должно рассматривать как торжественное обязательство, которое [общество как] целое берет на себя для защиты каждой своей отдельной части, в ее правах, будь ли то вероисповедание, свобода выбора занятий или собственность. Прочное соглашение и верный расчет способствуют долгой дружбе.

Выше я отметил также необходимость широкого и равного представительства, и нет другого политического вопроса, который бы заслуживал большого внимания с нашей стороны. И малое число избирателей, и малое число представителей одинаково опасны. Но если число представителей не только мало, но и неравно, опасность возрастает. Как пример приведу следующий факт: когда петиция участников [Пенсильванской] ассоциации

рассматривалась палатой Ассамблеи Пенсильвании, на заседании присутствовали только двадцать восемь членов (палаты); все депутаты от графства Бакс в количестве восьми человек голосовали против нее и, если бы семь от Честера сделали то же, власть над целой провинцией оказалась бы в руках всего лишь двух графств – и подобная опасность грозит ей всегда. Ничем не оправданная затяжка, подобно той, какую создала палата на своем последнем заседании с целью добиться незаконной власти над депутатами этой провинции, должна служить предостережением для всего народа, как выпускать власть из своих рук. Для депутатов был составлен ряд инструкций, чьи разумность и деловитость не принесли бы чести даже школьнику, но, будучи после этого одобрены немногими, весьма немногими, они [эти инструкции] окольным путем были внесены в палату и приняты там от имени всей колонии. Если бы вся колония знала, с каким недобрым чувством эта палата пошла на некоторые необходимые общественные мероприятия, колонисты, ни минуты не колеблясь, сочли бы ее недостойной такого доверия.

Неотложная нужда делает приемлемыми многие вещи, которые, если бы они затянулись, переросли бы в угнетение. Целесообразность и право – разные вещи. Когда бедствия Америки требовали [взаимной] консультации, то не было способа столь быстрого и в то же время столь подходящего для этой цели, кроме как назначить представителей из нескольких ассамблей; и мудрость, с которой они действовали, предохранила этот континент от гибели. Но так как более чем вероятно, что мы никогда не останемся без конгресса, то каждый ревнитель доброго порядка должен признать, что способ избрания членов в этот орган заслуживает рассмотрения. Я спрашиваю тех, кто занимается изучением человечества, разве совмещение [прав] представительства и избрания не слишком большая власть для членов одного и того же органа? Когда мы составляем планы для потомства, нам следует помнить, что добродетель не передается по наследству.

От наших врагов – вот от кого мы часто получаем прекрасные уроки, и часто истина вдруг открывается нам благодаря их ошибкам. Мистер Корнуолл (один из лордов Казначейства) с презрением отнесся к петиции нью-йоркской ассамблеи, потому что эта палата, по его словам, состояла всего из двадцати шести членов, каковое ничтожное количество – доказывал он – неприлично выставить от имени всех. Благодарим его за эту невольную честность.

В заключение скажу, что, как ни странно это может показаться некоторым и[ли] как ни воспротивятся они этим соображениям, – не имеет значения, зато множество убедительных и веских доводов можно привести в пользу того, что ничто не уладит наши дела быстрее, чем открытая и решительная Декларация независимости. Некоторые из них [доводов] следующие.

Во-первых, обычай наций таков, что когда две из них воюют, то другие державы, не вовлеченные в ссору, выступают в качестве посредников и выясняют предварительные условия мира. Но пока Америка называет себя подданной Великобритании, ни одна держава, как бы она хорошо ни была расположена, не сможет предложить своего посредничества. Поэтому в нашем настоящем положении мы можем враждовать вечно.

Во-вторых, неблагоприятно предполагать, что Франция и Испания окажут нам какую-либо помощь, если мы имеем в виду воспользоваться этой помощью лишь с целью починить брешь и укрепить связь между Британией и Америкой, от последствий этого пострадали бы сами указанные державы.

В-третьих, до тех пор пока мы заявляем себя подданными Британии, в глазах чужеземных наций мы должны выглядеть мятежниками. Прецедент этот несколько опасен для их спокойствия – в самом деле, люди, именующие себя подданными, берутся за оружие. Мы здесь – у себя дома – можем понять этот парадокс, но сама идея сочетания [вооруженного] сопротивления с подданством требует значительно более тонкого понимания, чем обычное.

В-четвертых, если бы манифест был издан и послан иностранным дворам, с изложением невзгод, которые мы терпели, и наших мирных, но бесплодных усилий добиться справедливости; и с одновременным заявлением, что, будучи долее не в силах сохранить свое благосостояние и спокойствие перед лицом жестокого отношения [к нам] британского двора, мы были поставлены перед необходимостью порвать с нею [с Британией] все связи; и с одновременным заверением всех названных дворов в нашем миролюбивом расположении к ним и желании завязать с ними торговлю; [если бы такой манифест был издан], то он принес бы нашему континенту более благоприятные результаты, чем если бы целый корабль был нагружен петициями, [адресованными] Британии.

Называясь британскими подданными, мы не можем быть ни принятыми, ни услышанными за границей. Обычай всех дворов [говорят] против нас, и так будет продолжаться до тех пор, пока, достигнув независимости, мы не станем в один ряд с другими нациями.

Эти действия с первого взгляда могут показаться необычными и трудными, но, как и другие шаги, уже предпринятые нами, они через некоторое время станут обычными и [даже] приятными; до тех пор, пока независимость не объявлена, континент будет чувствовать себя в положении человека, который со дня на день откладывает неприятное дело, но при этом, зная, что оно должно быть выполнено, торопится поскорее его начать и стремится покончить с ним, будучи постоянно преследуем мыслями о его необходимости.

Дополнение к «здравому смыслу»

После опубликования первого издания этого памфлета или вернее в день, когда он вышел в нашем городе [Филадельфии], стала известна речь короля. Если дух

пророчества руководил появлением этого произведения, то он не мог произвести его на свет в более удачный и нужный момент. Кроважность одного [произведения] указывает на необходимость следовать идеям другого. Люди читали [последнее] из чувства мести. И речь [короля], вместо того чтобы утешить, проложила путь мужественным принципам независимости.

Церемонная почтительность и даже простое молчание, из каких бы мотивов они ни исходили, бывают вредны, когда они выражают хотя бы малейшую степень сочувствия низким и дурным поступкам. Следовательно, если принять это положение, то естественно следует, что королевская речь, будучи образцом законченной подлости, заслуживала и до сих пор заслуживает всеобщего проклятья ее Конгрессом и народом. Однако, поскольку спокойствие народа у себя в стране в значительной степени зависит от чистоты того, что правильнее будет назвать национальными нравами, подчас бывает лучше пройти мимо некоторых вещей в презрительном молчании, нежели пустить в ход такие новые способы выражения неприязни, какие могли бы хоть что-то изменить [к худшему] в этом хранителе нашего мира и безопасности. И, быть может, главным образом благодаря этой благоразумной деликатности, королевская речь до настоящего момента не подверглась публичной экзекуции. Эта речь, если только ее можно так назвать, не что иное, как преднамеренный и наглый поклеп против истины, общего блага и существования человечества; это церемонная и напыщенная попытка требовать человеческих жертв в угоду спеси тиранов. Впрочем, это всеобщее избиение человечества – одна из привилегий королей и верный плод их [существования]; ибо, коль скоро природа не признает их, они не признают ее; и, будучи нашим собственным созданием, не признают нас и становятся богами своих создателей. Эта речь обладает одним хорошим качеством в том отношении, что она не рассчитана на обман и мы уже не можем обмануться, даже если бы хотели этого. В ней отражены неприкрытые жестокость и тиранство. Она не оставляет в нас никаких сомнений. Каждая строка убеждает тут же при чтении в том, что нагой невежественный индеец, охотящийся в лесах за добычей, менее дик и жесток, нежели король Британии.

Сэр Джон Дэлримпл, предполагаемый автор плаксивого иезуитского сочинения, обманно названного «Обращением народа Англии к населению Америки», вероятно из пустого предположения, что здешних людей можно утешить великолепием и самым видом короля, дал в этом произведении (хотя это весьма неумно с его стороны) описание подлинного характера нынешнего короля.

«Но, – говорит автор, – если вы склонны возносить похвалы правительству, на которое мы не жалуемся (имеется в виду [правительство] маркиза Рокингама во время отмены акта о гербовом сборе), то весьма несправедливо с вашей стороны лишать этих [похвал] того

государя, только лишь кивок головы которого позволил им что-либо предпринять. Вот высшая степень торизма!

Перед нами идолопоклонство без маски: и тот, кто может спокойно слушать и воспринимать подобные доктрины, лишил себя права на то, чтобы считаться разумным – это изменник рода людского, и к нему следует относиться как к человеку, кто не только потерял свое человеческое достоинство, но сам опустился ниже состояния животного и презренным червем ползает по земле.

Однако то, что говорит и делает король Англии, имеет теперь весьма малое значение; он злостно нарушил все моральные и человеческие обязательства, попрап природу и совесть и своим неизменно присущим ему духом высокомерия и жестокости снискал к себе всеобщую ненависть. Именно теперь в интересах Америки обеспечить себя. Она имеет уже большую и молодую семью и ее обязанность – о ней позаботиться, а не растрачивать ее состояние на поддержку власти, которая стала укором для людей и христиан. Вы, чье дело блюсти нравы нации, какой бы секты или вероисповедания вы ни были, и вы, которые являетесь более непосредственно хранителями общественной свободы, если вы хотите предохранить вашу родную страну от европейской порчи, вы должны втайне желать отделения. Но, оставляя моральную сторону [дела] для личных размышлений, я в своих дальнейших замечаниях ограничусь, главным образом, следующими вопросами.

Во-первых, что в интересах Америки отделиться от Британии.

Во-вторых, какой из планов наиболее легок и осуществим: примирение или независимость с несколькими попутными замечаниями?

В подтверждение первого [тезиса] я бы мог, если бы считал это нужным, привести мнения некоторых наиболее способных и наиболее опытных людей нашего континента, чьи чувства в этом вопросе еще неизвестны широкой публике. Воистину это положение самоочевидно, ибо ни одна нация, [находясь] в состоянии чужеземной зависимости, ограниченная в своей торговле, скованная и стесненная в своей законодательной власти, никогда не сможет достигнуть материального превосходства. Америка не знает еще, что такое изобилие, и хотя прогресс, которого она достигла, не имеет себе равных в истории других народов, тем не менее это только начало по сравнению с тем, к чему она могла бы прийти, если бы имела в своих руках, как ей и подобает, законодательную власть. В настоящее время Англия спесиво жаждет того, что не принесло бы ей добра, даже если бы она и достигла своей цели; континент же колеблется в деле, которое, если пренебречь им, приведет его к окончательной гибели. Благо Англии – не в завоевании Америки, а в торговле с ней, и последняя могла бы успешно продолжаться, если бы эти страны были такими же независимыми друг от друга, как Франция и Испания; ведь по многим товарам ни та, ни другая не могут получить лучшего рынка. Независимость нашей страны от

Британии или от любой другой – вот что является сейчас главной и единственной целью, за которую стоит бороться и которая подобно всем другим истинам, открытым в силу необходимости, будет выступать все яснее и тверже с каждым днем.

Во-первых, потому что к этому все равно придут рано или поздно.

Во-вторых, потому что, чем дольше это откладывать, тем сложнее будет осуществить.

Я часто как на публичных встречах, так и в частных беседах забавлялся тем, что отмечал про себя явные ошибки тех, кто говорит, не подумав. Из многих мною слышанных заблуждений, наиболее обычным кажется следующее, а именно: что, если бы этот разрыв произошел через сорок или пятьдесят лет, а не теперь, наш континент был бы скорее способен сбросить с себя эту зависимость. На это я отвечаю, что в настоящее время наше военное искусство проистекает из опыта, полученного в последней войне, но через 40–50 лет оно было бы совершенно утрачено. Континент к тому времени не имел бы не только генерала, но даже офицера, и мы или те, кто сменит нас, оказались бы столь же невежественны в воинских делах, как древние индейцы. И если внимательно рассмотреть хотя бы одно только это положение, оно послужит бесспорным доказательством того, что настоящее время предпочтительнее всех других. Довод таков: по окончании последней войны у нас был опыт, но не хватало людей, спустя же сорок – пятьдесят лет у нас будет вдоволь людей, но [людей] без опыта; поэтому надлежащим моментом и должен быть какой-то определенный момент между этими двумя крайностями, в котором бы сохранилось достаточное количество одного и в то же время был достигнут надлежащий рост другого: таким моментом и является настоящее время.

Читатель извинит меня за это отступление, поскольку оно прямо не относится к вопросу, с которого я начал и к которому я возвращаюсь снова следующим своим положением, а именно: если бы дела с Британией уладились и она осталась бы правящей и верховной властью Америки, что, судя по тому, как складываются в настоящее время обстоятельства, совершенно невероятно, мы бы лишились необходимых средств для погашения долгов, какие у нас имеются или могут быть. Стоимость отдаленных земель, которых некоторые провинции тайно лишаются из-за несправедливого расширения границ Канады, оцененная всего по пяти фунтов стерлингов за сотню акров, превосходит двадцать пять миллионов в пенсильванской валюте; а квит-ренты, по одному пенни серебром с акра, достигают двух миллионов ежегодно.

Продажей этих-то земель и можно погасить долг, никого не обременяя, а сохраненные на них квит-ренты будут постоянно уменьшать и со временем и целиком возместят ежегодные расходы правительства. В какой срок выплачивается долг, не имеет существенного значения, лишь бы земли, будучи проданными, использовались для его погашения, исполнение же всего этого континент в настоящее время поручил бы конгрессу как своему доверенному.

Теперь я перехожу ко второму пункту, а именно, какой из двух планов самый легкий и осуществимый – примирение или независимость, с несколькими попутными замечаниями. Не так-то легко переспорить того, кто руководствуется естественным ходом вещей, и на основании этого я даю общий ответ: так как независимость действительно является единственным простым путем и заключена в нас самих, а примирение есть дело крайне запутанное и сложное, в которое непременно встрянет вероломный и вздорный [королевский] двор, то возможно лишь одно решение.

Настоящее положение Америки действительно вызывает тревогу у каждого мыслящего человека. Без закона, без правительства, без всякой иной формы власти кроме той, что дарована из любезности и основана на ней; связанная беспримерной солидарностью чувств, которая, однако, подвержена изменению и которую каждый скрытый враг стремится разрушить. Наше настоящее положение – это законодательство без закона; мудрость без плана; конституция без названия и что самое странное – полная независимость, рвущаяся к зависимости. Случай беспримерный, никогда ранее не существовавший, и кто скажет, каков будет исход? Ничья собственность не обеспечена при нынешнем распущенном состоянии. Разум народа оставлен на произвол судьбы, и, не видя перед собой определенной цели, он преследует [цели], подсказанные воображением или молвой. Нет ничего преступного, не существует такой вещи, как измена, поэтому каждый считает, что волен действовать, как ему заблагорассудится. Тори не осмелились бы выступать столь дерзко, если бы они знали, что за свои действия они поплатились бы жизнью по законам государства. Следовало бы провести линию разграничения между английскими солдатами, взятыми в бою, и жителями Америки, захваченными с оружием в руках. Первые – это пленники, в то время как вторые – изменники. Одни пусть поплатятся свободой, другие головой.

Несмотря на нашу мудрость, в некоторых наших действиях есть явная слабость, поощряющая разногласия. Континентальный пояс слишком слабо стянут; и если не принять мер вовремя, будет слишком поздно сделать что-либо, и мы окажемся в положении, при котором уже станут недостижимы и примирение, и независимость. Король и его никчемные приверженцы заняты своей старой игрой – они раскалывают континент, и среди нас, издателей, хватает таких, кто занят распространением правдоподобной лжи. Изощренное лицемерное письмо, которое появилось несколько месяцев назад в двух нью-йоркских газетах, а также в двух других, служит доказательством того, что есть люди, которым недостает и ума и честности.

Легко прятаться по щелям и углам и болтать о примирении. Но осознают ли такие люди всерьез, как сложна эта задача и какой опасностью он грозит, если континент расколется по этому вопросу? Принимают ли они во внимание все разнообразие групп людей, чье положение и обстоятельства, как и их собственные, должны быть при этом учтены?

Входят ли они в положение пострадавших, уже все потерявших людей, или в состояние солдата, бросившего все ради защиты своей страны? Если их необдуманная умеренность приспособлена лишь к их собственному личному положению и не принимает во внимание [положения] других, ход событий убедит их в том, что «они решают без хозяина».

Верните нас, говорят некоторые, к положению, какое существовало у нас в 1763 г. На это я скажу, что теперь не во власти Британии пойти на это, да она этого и не предложит. Но если бы даже такая возможность существовала и если бы это требование было бы удовлетворено, тогда у меня возникает естественный вопрос: как заставить столь продажный вероломный двор сдержать свои обязательства? Другой парламент и даже этот самый может в будущем забрать назад это обязательство под предлогом того, что оно было насильственно получено или же неразумно даровано; где тогда мы найдем справедливость? Нельзя судиться с народами, пушки – вот адвокаты короны, и не меч правосудия, но меч войны решает тяжбу. Чтобы вернуться к 1763 году, недостаточно восстановить только прежние законы, но необходимо также восстановить наше былое состояние; наши сожженные и разрушенные города [должны быть] вновь отстроены, наши частные убытки – возмещены, наши государственные долги (сделанные для обороны), погашены. В противном случае положение наше будет в миллион раз хуже, нежели в тот завидный период. Если бы такое требование было бы выполнено год назад, оно бы завоевало сердце и душу континента, но теперь уже слишком поздно. «Рубикон перейден».

Кроме того, прибегнуть к оружию просто для того, чтобы силой добиться отмены какого-нибудь финансового закона, кажется противным Божиему закону и так же претит человеческим чувствам, как с оружием в руках принуждать к повиновению этому [закону]. Цель, с обеих сторон, не оправдывает средства, ибо ценность человеческих жизней слишком велика, чтобы губить их ради таких пустяков. Насилие, причиненное и грозящее нам; разрушение нашего имущества вооруженной силой; вторжение в нашу страну с огнем и мечом – вот что дает нам основание с чистой совестью пустить в ход оружие; и в момент, когда этот способ защиты стал необходим, всякое повиновение Британии должно прекратиться, и началом эры независимости Америки должно считать и провозгласить первый мушкетный выстрел, направленный против нее. Эта линия является последовательной. Она не начертана ни капризом, ни честолюбием, но порождена целью. Закончу свои замечания следующими своевременными и благонамеренными советами: мы должны понять, что есть три разных пути, которыми в будущем можно осуществить независимость, и что один из этих трех рано или поздно сужден Америке; а именно посредством законного волеизъявления народа в конгрессе, посредством военной силы или [выступления] черни. Но не всегда наши солдаты могут оказаться гражданами, а толпа – собранием разумных людей; добродетель, как я уже отмечал, не является ни

наследственной, ни вечной. Если независимость будет осуществлена первым путем, то для нас откроются все возможности создать самую благородную, самую чистую конституцию на земле. В нашей власти начать строить мир заново. Со времен Ноя до настоящего времени не было положения, подобно существующему. Рождение нового мира не за горами, и племя, быть может, столь же многочисленное, как население всей Европы, получит свою долю свободы благодаря событиям нескольких месяцев. Мысль эта бросает в трепет и, с этой точки зрения, какими ничтожными, какими смешными выглядят мелкие пустяковые придирки немногих слабых или пристрастных людей, когда их сравниваешь с делом мирового значения.

Если мы пренебрежем нынешним благоприятным, зовущим к действию моментом и независимость будет в дальнейшем осуществлена любыми другими средствами, ответственность за последствия будем нести мы сами или, скорее, те, кто в силу предрассудков и душевной узости обычно противится этим мерам, не изучив и не поразмыслив над ними. Существуют такие доводы в поддержку независимости, о которых людям следовало скорее подумать про себя, чем публично их обсуждать. Мы теперь должны не спорить, будем ли мы независимыми или не будем, но всячески стремиться осуществить эту независимость на прочной, надежной и достойной основе, и нас скорее должно беспокоить то, что к этому еще не преступлено. Каждый день убеждает нас в необходимости [независимости]. Даже тори (если такие существа еще остались среди нас) должны больше всех способствовать этому: подобно тому, как на первых порах устройство [корреспондентских] комитетов ограждало их от народной ярости, так разумная и прочно установленная форма правления будет единственным верным средством их защиты в дальнейшем. Поэтому, если они не обладают достаточной добродетелью, чтобы быть вигами, они должны иметь достаточно благоразумия, чтобы желать независимости. Короче говоря, независимость является единственной связью, которая нас объединяет и сплачивает. Тогда мы увидим нашу Цель, наш слух будет законно закрыт для всяких происков хитрого и жестокого врага. У нас тогда будет подходящая основа для переговоров с Британией, ибо есть соображения в пользу того, что честолюбие королевского двора будет меньше уязвлено переговорами об условиях мира с Американскими Штатами, чем [переговорами] об условиях примирения с теми, кого Британия именует «мятежными подданными». Это наша медлительность поддерживает в ней надежду на покорение, наше недомыслие только способствует продлению войны. Поскольку мы, не достигнув положительных результатов, приостановили нашу торговлю, чтобы получить облегчение наших тягот, давайте попытаемся теперь пойти другим независимым путем и облегчим их сами, а затем предложим открыть торговлю. Торговые и здравомыслящие круги Англии еще будут с нами, потому что мир и торговля

предпочтительнее войны без торговли. Если же это предложение не будет принято, можно будет обратиться к другим дворам.

На этих основах я строю решение вопроса. И поскольку еще не было предложено никакого опровержения идей, содержащихся в прежних изданиях настоящего памфлета, это служит негативным доказательством того, что либо их невозможно опровергнуть, либо партия их сторонников является слишком многочисленной, чтобы ей можно было противостоять. Поэтому вместо того, чтобы с подозрением или сомнением следить друг за другом, пусть каждый из нас протянет своему соседу руку сердечной дружбы и совместно подведет черту, которая подобно акту забвения похоронит все прежние распри. Истребим именованья вигов и тори, и пусть среди нас не слышно будет другого [наименования], кроме как добрых граждан, открытых и верных друзей и отважных защитников прав человека и [прав] свободных и независимых Штатов Америки.

Американский кризис

**Цикл памфлетов «Американский кризис» был создан Пейном в годы Войны за независимость (1776–1783). Первые памфлеты цикла появились в самые тяжелые для американской армии дни, когда английские войска взяли Нью-Йорк. Согласно легенде, первый памфлет был написан Пейном у костра на барабане и, зачитанный автором перед строем, поднял дух терпевших поражение солдат и офицеров. Все памфлеты Пейн подписывал псевдонимом «Здравый смысл».*

Печатается по: Томас Пейн. Избранные сочинения / Пер. Е.И. Елиной (VII) и Ф.Ф. Вермель (VIII, IX, X, XIII). М., 1959.

VII

К английскому народу

В серьезных жизненных делах бывают периоды, когда пустые обещания – жестоки, а обман равносителен гибели; и в конце концов безразлично, обманывают ли люди самих себя или, по обоюдному согласию, лгут друг другу. Чтобы убедиться, что уже в течение длительного времени Англия находится во власти обмана или ошибки, достаточно взглянуть на то ужасное положение, в котором она неожиданно очутилась; власть эта оказалась столь сильна, что о принятии каких-либо мер для предотвращения постигшего страну несчастья, сама возможность которого и в голову никому не приходила, не позаботились и даже не подумали.

В парламенте считали, что успешное сопротивление всего американского народа, капитуляция Бургоина и война с Францией существуют лишь в мечтах недовольной

оппозиции, в [ее] болезненном воображении. Такая возможность всерьез не принималась, и даже простое упоминание о ней вызывало в кабинете смех. Однако веселье это оказалось недолговечным! Все предсказания оправдались, ни одно обещание не было выполнено. Политика, сопровождающаяся непрерывными неудачами, которым нельзя найти никакого оправдания, должна наверняка заключать в сущности своей нечто порочное. А этого вполне достаточно, чтобы вызвать подозрения даже у наиболее легковых и заставить призадуматься самых твердолобых. На самом деле, или в вашем распоряжении было недостаточно средств, или же вы плохо продумали свои действия; или виной всему плохое исполнение, или же задуманное дело нереально; выражаясь яснее, либо вы бездарны, либо само небо против вас. Иначе почему вы не одержали над нами победу? Кто или что помешало вам? Ведь вы располагали всеми возможностями, каких только могли пожелать, и вам удалось подготовиться так хорошо, как только вы того хотели.

Флот и армия благополучно прибыли в Америку. Удача неизменно сопутствовала вам. Ни одна иностранная держава не вмешивалась, пока не прошел срок, который вы сами назначили для окончательной победы. Оппозиция, как в парламенте, так и вне его, не смогла расстроить ваши планы, замедлить их исполнение или ослабить вашу решимость. Она лишь предсказала вашу судьбу. Планы, предлагаемые министрами, принимались с таким энтузиазмом, словно их единодушно поддерживал весь народ. Все, что было нужно, спрашивалось, а все, что спрашивалось, – предоставлялось.

Вы послали [в Америку] самую большую армию, которую смогли собрать в то время, и обстановка для отправки войск была самая благоприятная. Вы жили тогда в мире со всеми странами, кроме нас; ваш высокий престиж у всех европейских дворов еще не был поколеблен нами. Отвлекая нас разговорами о мирных уполномоченных, вы обманули наше доверие, собрали многочисленную армию и почти внезапно напали на нас. Войск у вас оказалось гораздо больше, чем мы предполагали, а мы смогли выставить против вас лишь небольшую, плохо вооруженную и слабо дисциплинированную армию. Кроме того, она просуществовала недолго и через несколько месяцев после вашего нападения распалась совершенно. Нам предстояло создать правительство, согласовать мероприятия, обучить армию, ввезти или произвести все необходимое. Наша политика отказа от импорта истощила наши запасы, а ваше господство на море нарушало снабжение [извне]. Мы были [никому] неведомым народом, не имели политических связей и не знали о настроениях иностранных держав. Могли ли вы мечтать о более благоприятном для вас стечении обстоятельств? Но теперь все это уже в прошлом, и вы очутились в смешном положении. Ведь такие необыкновенно благоприятные условия никогда не смогут повториться, разве только из глубин океана вдруг поднимется еще один континент.

Если что-либо способно послужить уроком для самонадеянности, так это обстоятельства настоящей войны. Если бы Англия потерпела поражение от руки любой европейской державы, то гордость ее была бы утешена сознанием мощи своих победителей; но в данном случае ее побили те, к кому она всегда питала глубокое презрение; на этот раз ее высокое мнение о себе обернулось против нее самой и еще более усугубило ее позор. Если люди переносят несчастье и страдания, не задумываясь над ними и не стремясь ничего изменить, то они проходят для них совершенно бесследно. Однако, подобно ядам, несчастья могут приносить известную пользу, и есть болезни, от которых нет других лекарств. Англия обнаружила преступную глупость, объявив себя непобедимой; она забыла при этом, что добрую треть своих ресурсов выкачивала из страны, с которой она сейчас вступила в войну. Рука Англии сравнивалась с рукой Всевышнего, а в последнее время Англия вела себя так, словно весь мир существует лишь ей на забаву. Вместо того чтобы быть проводником цивилизации, Англия своей политикой способствовала одичанию человечества. Прикрываясь пустым и бессмысленным лозунгом «защитника веры», Англия, подобно индейцам, объявила войну религии человечества. Зверства англичан в Ост-Индии никогда не будут забыты! Знаменательно, что продукт, привезенный из этой несчастной страны, разжег в Америке пожар войны за отмщение разрушителям. Цепь тянется дальше, и притом с каким-то загадочным сходством как в преступлении, так и в наказании. Последнее вытекает из первого, [и] время и судьба [еще] послужат тому прекрасной иллюстрацией.

При отсутствии информации неведение становится законным оправданием, поэтому хочется верить, что английский народ поощряет жестокость не сознательно, а по недоразумению. Живя на острове, окруженном морем, англичане не знают ужасов войны и не представляют себе поведение своих собственных армий. Они не видят, а значит, и не чувствуют. Они говорят то, что слышат, и верят в это, и, привыкнув только к своим собственным источникам новостей, они получают эти новости уже очищенными от какого бы то ни было упоминания о зверствах и приносившими ко вкусу нации благодаря стараниям London Gazette. Англичан заставляют верить, что их генералы и солдаты не похожи на генералов и солдат других армий, что их нельзя назвать ни грубыми, ни жестокими, поэтому люди считают их такими, какими им хотелось бы их видеть. Они стыдятся думать о них. Иначе и поддерживают свою уверенность ради самоуспокоения. Было время, когда и я находился под влиянием этих предрассудков и рассуждал на основе тех же заблуждений; жизнь и горький, мучительный опыт открыли мне глаза. Я не знаю, как вели себя английские войска прежде, но мне хорошо известно, как они ведут себя сейчас. Их поведение отличается низостью, жестокостью, высокомерием и распутством. Такое поведение английских войск уже само по себе можно считать достаточно веской причиной для отделения американского народа от Англии.

Сфера политики в Англии гораздо обширнее, чем сфера информации. Люди имеют право на собственное суждение, и хотя они не в состоянии опровергнуть сведения в London Gazette, все же они вольны иметь о них любое мнение. Но несчастье состоит в том, что в отношении Америки господствует всеобщее невежество. Кабинет и меньшинство ошибались оба: кабинет с самого начала, а меньшинство только в последнее время. Правильная политика требует, чтобы [нужное] мероприятие проводилось в нужное время. Ошибка в том или другом губит все дело в целом. Так, кабинет отклонил планы, предлагаемые меньшинством, в тот момент, когда их можно было осуществить, и решил поддержать их только тогда, когда они уже стали нереальными. Сначала кабинет осуществлял неправильные мероприятия, а потом момент для них оказался неподходящим, и в конце концов все замкнулось в заколдованном кругу.

Я вступил на американскую землю за несколько месяцев до начала военных действий. В то время народ был настроен так, что его можно было вести на веревке и управлять с помощью дудки. Правда, уже тогда американцы были зорки и проницательны в своих подозрениях, однако твердо стояли за союз с Англией, и всякие разговоры, направленные против этого, считали предательством. Они уважали английский народ, хотя и были недовольны его правительством. Их недовольство не перерастало в возмущение, и они всецело стояли за примирение. Я сам всегда был невысокого мнения об английском кабинете и все-таки не предполагал, что он прибегнет к мерам столь крайним и жестоким, как военные действия. Но еще больше я был поражен тем, что народ Англии поддержал свое правительство в этом безумном начинании. Возникший спор казался мне своего рода судебной тяжбой, в которой стороны придут к [определенному] решению либо пойдут на мировую. О независимости или войне я даже и не думал. Весь мир не убедил бы меня тогда, что я стану солдатом или писателем. Если имелись у меня какие-то способности к тому и другому, то они были глубоко скрыты и, возможно, так бы и остались неизвестны, если бы нужда эпохи не извлекла их на свет и не пустила в ход. Я имел свои жизненные планы и, считая себя счастливым, желал счастья всем. Но когда вокруг меня, в стране, на землю которой я только что вступил, вспыхнул пожар, настал час действовать. Пришло время действовать каждому. Тем, кто жил в Америке, было что защищать; тем, которые только что приехали, было на что надеяться; призыв был равно обращен ко всем, у всех была одна забота. Ведь в стране, где все в свое время были пришельцами, разница в несколько лет проживания вовсе не означала разницы в правах.

Когда начались военные действия, у американцев возникли новые подозрения, в свое время разделявшиеся немногими, но, как показало будущее, оказавшиеся вполне обоснованными. Я имею в виду «тайное и твердое намерение британского кабинета во что бы то ни стало присоединить Америку к английской короне в качестве завоеванной страны». Если признать это главной целью английского правительства, то общая линия

поведения кабинета, при всей своей исходной ошибочности и губительных последствиях, тем не менее едина и последовательна в [отдельных] своих частях. Это [предположение] применимо в каждом отдельном случае и разрешает любое недоумение. Но если поставить на его место сбор налогов или что-либо другое, то цель и средства оказываются крайне несоразмерными. Только вся земля и богатство страны в целом могут служить эквивалентом для миллионов, израсходованных кабинетом. Никакие поборы с американцев не окупят их. Ведь чтобы покрыть израсходованные суммы и проценты на них, не хватит и двадцати лет при годовом доходе в 2 млн. фунтов стерлингов.

Ни на минуту не сомневаясь в своей победе, кабинет не делал никаких попыток мирно урегулировать конфликт. Напротив, исходя из этого убеждения, все делалось для того, чтобы вынудить американцев подняться на всеобщее восстание, а затем, раздавив их силой оружия, пожать богатый урожай в виде всеобщей конфискации и навсегда заставить их замолчать. При английском дворе расплодилось так много прихлебателей, что стало не хватать средств на их содержание. Богатства Ост-Индии уже истощились, а расточительность правительства требовала открытия новых источников [дохода], и таким источником могла явиться только побежденная и конфискованная Америка. Другого пути у них не было. Все прочие каналы иссякли, а мотовство, подобно горькому пьянице, требовало все новых и новых возлияний.

Если английские министры не согласны признать, что таковы были их замыслы, то пусть признаются, к чему же все-таки они стремились. Ибо или они обманули нас, сделав вид, что домогаются собственности, которую они и не собирались присвоить, или же нас, истратив баснословную сумму на неосуществимое дело. Я уже говорил, что налоги не стоили того, чтобы сражаться за них с оружием в руках. И любое формальное подчинение, на которое могла бы пойти [в этом вопросе] Америка, оказалось бы просто смешным по сравнению со столь тяжкими затратами. Поэтому вероятнее всего, что в конце концов правительству придется искать оправдание своей политике в своем вероломстве и открыто заявить, что с самого начала оно замышляло захват Америки. Тогда английскому народу неплохо было бы поразмыслить над тем, какую пользу принес бы ему успех [этого дела].

По общему мнению, лишь в редких случаях победы окупают затраченные на них средства, поэтому люди знают, что война не может служить средством обогащения. Если какая-либо страна подверглась нападению и вторжению врага, и на карту поставлено само ее существование, то народ должен подняться на свою защиту и спасение, но со всех других точек зрения и по любым другим причинам война позорна и отвратительна. Однако вернемся к обсуждаемому вопросу.

Предполагается, что, завоевывая новые территории, страна-победительница расширяет свою торговлю и свое господство. Но ни то, ни другое не могло быть ни целью, ни следствием настоящей войны. Прежде вы наслаждались всей полнотой торговли и победа не только бы не увеличила ее объем, а наоборот, уменьшила бы его; ведь война привела бы к сокращению числа и богатства жителей.

Вы господствовали в Америке так, как вы обычно это делаете, и не имели оснований жаловаться на нее за нарушение взаимных обязательств или за посягательство на установившиеся обычаи – торговые, политические или территориальные. К началу военных действий и страна и торговля принадлежали вам таким же образом и в той же форме, что и сто лет назад. История знает случаи, когда государства прибегали к захватническим войнам с целью ослабить своих конкурентов или, по крайней мере, уравнивать с ними свои силы. Но и это не могло входить в ваши планы. Здесь [в Америке] не притязали ни на какой международный авторитет, у вас [даже] не было подозрений на этот счет, мы же не признавали за собой такого авторитета и не мечтали о нем. Что же в таком случае заставило вас начать войну? И к чему могла привести эта авантюра? В случае победы вы приобрели бы то, что уже имели, но в гораздо худшем состоянии, в случае поражения вы, затратив огромные средства, потеряли бы то, что смогли бы сохранить, не тратя ни фартинга.

Так же как ссоры невыгодны для деловых людей, так и войны не могут отвечать интересам торгующего государства. Государство, развязывающее войну против страны, с которой оно поддерживает торговые отношения, напоминает лавочника, натравливающего бульдога на входящего к нему покупателя. Безумство подобного поступка понятно всякому, у кого есть хоть капля здравого смысла, и это в полной мере приложимо и в первом случае. Народам, занимающимся пиратством, войны могут приносить определенные выгоды, так как они не ведут торговли, не имеют товаров, и им нечего терять. Другое дело Англия: ведь помимо прекращения торговли на время войны, она рискует потерять гораздо больше своей собственности, чем захватить чужой. Выступая в парламенте, некоторые английские министры делали попытку оправдать размеры потерь ссылкой на размеры ее торговли. Поистине жалкая попытка! Ведь именно это должно было служить доводом в пользу того, чтобы самой не начинать войну. Американское побережье контролирует вест-индскую торговлю почти столь же эффективно, как африканское побережье – торговлю через [Гибралтарский] пролив. Отсюда вывод – Англия может торговать с Вест-Индией только в том случае, если Америка не будет чинить ей препятствий, подобно тому как во втором случае торговля невозможна для нее без прохода через Средиземное море.

Не оставляет сомнений то, что с коммерческой точки зрения война совершенно не отвечает интересам английского народа, поэтому мне, как и любому здравомыслящему

человеку, непонятно, почему англичане уже так долго поддерживают ее, не считаясь ни с самоочевиднейшей истиной, ни с национальными интересами. Меня могут обвинить в том, что, живя в Америке, я пишу это из корысти. На это я отвечаю, что мои принципы всеобщие. Мне дорог весь мир, а не какая-то часть его, и если моя точка зрения верна, то неважно, от кого и откуда она исходит. Воззвание ваших [мирных] уполномоченных мы поместили в своих газетах, и я не сомневаюсь, что настоящее сочинение найдет место в ваших [газетах]. Справедливость требует оказывать услугу за услугу.

Заканчивая эту часть своего обращения, мне хочется упомянуть еще об одном обстоятельстве, относительно которого, по-моему, у английского народа существует неправильное представление. После этого я перейду к другим вопросам.

В мире существует такая идея, как идея национальной чести, и ложное понимание ее часто служит причиной войны. В христианском и философском смысле человечество все еще находится на стадии индивидуальной цивилизации и как совокупность наций сохраняет всю свою природную грубость. [В этих условиях] мир на основе договора есть лишь прекращение насилия вместо исправления [самых] нравов. Это лишь замена недостающего принципа, который будет отсутствовать до тех пор, пока идея национальной чести не будет правильно понята. Каждый человек в отдельности считает себя христианином, а нацию в целом можно сравнить с язычниками, римлянами и т. д. Напомню вам заявление, сделанное в Палате общин покойным адмиралом Сондерсом, и притом в мирное время: «Даже если мы превратим Мадрид в пепелище, это не искупит вины испанцев, укравших рулевое колесо с английского корвета». Не говоря о том, что это заявление не обнаруживает ни христианских чувств, ни высоких моральных принципов его автора, оно лишено даже простой благопристойности. Разве приличествует нации говорить таким языком? В частной жизни мы называем такую речь скандальной, и высокий ранг не может ничего изменить в ее оценке. По-моему, чрезвычайно легко определить, что следует понимать под честью нации: лучшие черты отдельного человека должны в то же время быть и лучшими чертами целой нации, и всякий раз, когда характер последней оказывается ниже первого, подлинное величие [нации] умалается.

Свои рассуждения о чести нации я привел с целью приложить их к Великобритании. В ее представление о чести нации не входят такие понятия, как милосердие, безграничное человеколюбие; она не отказывается от грубых инстинктов, которые лишают человека права носить это высокое имя и ставят его в один ряд с животными. Свой гнев или милость Англия расточает в зависимости от того, из какой вы страны, какую религию вы исповедуете и какой собственностью владеете. Свою национальную честь Англия видит в унижении других наций. По ее мнению, чтобы считаться великой нацией, не нужно быть ни христианином, ни философом, ни джентльменом, достаточно угрожать с грубостью

медведя и пожирать со свирепостью льва. Быть может, это звучит резко и невежливо, но это чистейшая правда, что тем более прискорбно.

Здесь мною упомянуты лишь общие принципы поведения Англии. По отношению к Америке она, вообще, не придерживалась никаких принципов. Своим поведением в Америке она сама разрушила репутацию, которую стремилась себе создать. Англия выступила под именем отечества, или матери-родины. А со словом мать ассоциируются самые глубокие и сильные чувства человеческого сердца: любовь, нежность, прощение. Смысл этого политического термина понятен каждой матери и каждому ребенку, и мне нечего распространяться по этому поводу, так как сама природа здесь пришла мне на помощь.

А разве ваше поведение в Америке оправдало титул, который вы сами себе присвоили? Грубостью и жестокостью своего национального характера вы доказали свою непоследовательность и противоестественность. По-видимому, у вас совершенно неправильное представление о чести нации, если вы думаете, что мир может восхищаться недостатком человечности или что национальная честь заключается в силе ненависти, неумолимости нрава или жестокости мщения.

Мне бы очень хотелось убедить вас со всей горячностью, на какую я только способен, что ссора с нами шла вразрез с вашими собственными интересами и что вы никогда не начали бы против нас войну, если бы имели правильное представление о своей национальной чести. Ничто так не украшает человека, как величие души, и если бы вы учли это обстоятельство, то вели бы себя в Америке как раз обратно тому, как вы поступили в действительности, и убедили бы весь мир в благородстве своих намерений. Кроме того, в последней войне, правда, не без нашей помощи, вы завоевали себе громкое имя. Вас знали и боялись, и вы поступили бы очень мудро, если бы продолжали поддерживать в мире этот страх перед вами. Вам это могущество ничего не стоило. Оно давало вам все преимущества реальной силы. ореол этой славы делал вас сильнее, чем все будущие армии и флоты. Залогом сохранения вашей славы было молчание, и вам ни за что не следовало будить человечество, но лишь сидеть тихо. Будь вы подлинными политиками, вы смогли бы черпать силу и величие нации из этой магической славы.

Разрушив эти чары, вы поступили очень глупо, а еще глупее было то, как вы это сделали. Самсон лишь выдал свою тайну, а вы пошли дальше: сами обрили свою голову и необдуманно выбросили волосы. Америка была теми волосами, что служили источником очарования, владевшего миром. Вам ни с кем не следовало искать ссоры, и меньше всего с Америкой. Вам нечего было опасаться любых уступок. Не рискуя своей репутацией, вы могли пойти ей навстречу даже тогда, когда ее требования были не совсем оправданы. Очарованная вашей славой Европа видела бы в этом проявление вашей доброты, а опьяненная подачкой Америка продолжала бы дремать в своих оковах.

Однако господа, верховодящие в Сен-Джемсе, не имеют ни малейшего представления о таком подходе политической философии к человеческим страстям для уяснения наиболее вероятного поведения людей. Всю свою политику они строят на подкупе и все будущие возможности определяют, исходя из знакомых прецедентов. Что-либо новое для них совершенно непонятно, и пока они ищут какую-нибудь аналогию, они проигрывают. Способности лорда Менсфильда не выше способностей софиста. Он понимает хитрости природы, но не ее красоту. Взирая на человечество сквозь холодную призму закона, он не пытается проникнуть в более теплые глубины духа. Что до лорда Норса, то ему сильно повезло, раз у него философии больше, чем чувства: толчки он переносит, как волчок, и только лучше спит от них. Получаемые удары укрепляют его, ибо когда его стегают за прегрешения, он продолжает вращаться. В политике – он хороший счетовод, а во всем остальном – ничто.

Есть одно обстоятельство, на которое лорд Норс, являясь финансистом, должен был обратить внимание, и я удивлен, что он до сих пор этого не сделал. Дело в том, что Англия и Америка по-разному переносят бремя расходов. Как ни странно, Англия не может угнаться за Америкой в этом отношении. Из-за странной путаницы в расчетах английский народ принимает свою бедность за богатство, рассматривая национальный долг как часть национального богатства. Англичане в этом смысле напоминают человека, который, заложив имение, добавляет полученную сумму к полной цене этого имения и воображает, что, взяв деньги в долг, разбогател. Именно так обстоит дело с Англией. К началу войны долг английского правительства составлял 135 млн. фунтов стерлингов, и хотя лица, которым оно задолжало, были вправе считать причитающуюся им долю своей частной собственностью, для нации в целом это было равнозначно бедности. Долги, как общественные, так и частные, нельзя делать беспредельно: если долг так велик, что весь годовой доход должен пойти на уплату процентов, то не следует делать новые долги; это так же бесспорно, как и то, что если человек уплачивает по долговым обязательствам проценты, равные годовому доходу с его имения, то кредиту его приходит конец. Положение Англии сейчас таково, что проценты, которые она выплачивает по долговым обязательствам, составляют по меньшей мере половину ее национального дохода; таким образом, из 10 млн. доходов от налоговых поступлений только 5 млн. она может считать своими.

В прямо противоположном положении находится Америка: она вступила в войну, не будучи обремененной долгами. Чтобы вести войну, Америка не прибегала ни к налогам, ни к займу под проценты, но сама создавала деньги. И до настоящего времени разница между Англией и Америкой столь велика, что новые налоги обогатили бы нас, а вас бы разорили. Даже когда мы растратим все созданные нами деньги, у нас не будет долгов, мы останемся столь же богатыми, что и в начале, и все время пока нам приходится

делать это [тратить свои деньги], не будем замечать разницы, потому что по мере уменьшения количества будет расти ценность.

Во всем мире Америка является единственной страной, способной легко выносить бремя военных расходов. Это объясняется не только тем, что к началу войны у нее не было долгов, но и тем, что Америка – это молодая страна с беспредельными возможностями развития, имеющая огромные просторы неиспользованных земель, в то время как Англия достигла пределов своего роста и развития, и в запасе у нее нет ни свободных земель, ни собственности. Америку можно сравнить с молодым наследником, который вступает во владение большим и многообещающим имением; Англия же напоминает старика, все шансы которого исчерпаны и чье имение заложено за полцены.

Во втором «Кризисе», который, как мне стало известно, был перепечатан и в Англии, я сделал попытку доказать, что ваши планы покорения Америки неосуществимы. Я перечислил ряд событий, которые, по моему мнению, должны были произойти, и взял на себя смелость предсказать, какими они чреваты последствиями. Заключение мои оказались верными, потому что были выведены не искусственным, а естественным путем. Ведь я был в гуще событий, хорошо знал политику Америки, ее силы и ресурсы; конгресс, армия и народ удостоили меня своей дружбой за те посильные услуги, которые я оказывал Америке. Я всегда считал, что их дело – правое. Я это знаю и чувствую и, будучи убежден в этом, никогда не руководствуюсь соображениями личной выгоды или убытка. Я стремился к тому, чтобы обе стороны правильно поняли суть дела, и мне казалось, что я сослужу службу и тем и другим, доказав одним невозможность победы, а другим невозможность поражения. Большинство доводов, которые кабинет выдвигает в поддержку войны, говорят как раз против нее, а планы, с помощью которых министры надеялись добиться победы, могли принести лишь поражение. Они начали не с того конца, их невежество просто удивительно, и будь вы на моем месте, вы бы сами это увидели. Возможно, эти министры и пользуются вашим доверием, но я убежден, что в конгрессе они бы играли очень посредственную роль. Я знаю, что такое Англия и что такое Америка, поэтому я могу оценить происходящие события лучше, чем король или любой из его министров.

В этом номере «Кризиса» передо мной стояла задача показать недальновидность английской политики и вред, причиняемый войной. Я стремился выдвинуть ряд новых положений, а те, что уже высказывались раньше, я постарался улучшить и изложить в более ясной и убедительной манере. Я уверен, что ваше поражение неминуемо, как сама судьба. Америка для вас недоступна. По меньшей мере она вам ровня, ее независимость не зависит от вашего согласия, и ваше оружие не может ей помешать. Короче говоря, вы бессмысленно тратите силы и сами себя разоряете без всякой надежды [на успех].

Предположим, что вы одержали победу. Какие выгоды принесла бы эта победа вашему обществу и вам как отдельным лицам – купцам, промышленникам, военным? Оказывается, никто об этом и не думал. Увлеченные военной горячкой, внимая грому победы, вы не подумали над тем, во что обойдется война и каковы будут ее последствия. Теперь вам приходится расплачиваться; даже самые бедные из вас должны внести свою лепту, поэтому ваш долг и ваше право – серьезно подойти к оценке создавшегося положения. В случае победы Америка была бы разделена на части и роздана фаворитам короля, а вам бы, конечно, ничего, не досталось. Даже налоги не были бы снижены, потому что Америка не в состоянии чем-либо облегчить вашу участь. Мы богаты благодаря собственной изобретательности, но, попав под вашу власть, мы бы перестали ее проявлять. Наши бумажные деньги не представляют для вас никакого интереса, а серебра и золота у нас нет. В последней войне Англия одержала ряд побед, но разве это привело к снижению налогов? Напротив, вас обложили новыми налогами, чтобы покрыть расходы, понесенные в войне. И так всегда.

К парламенту я хочу обратиться отдельно. Члены парламента считали себя партнерами льва по охоте и рассчитывали на участие в разделе добычи, но в этом-то их как законодателей всего вернее и ждало разочарование. Дело это совершенно новое, поэтому отсюда неминуемо возникли бы непредвиденные осложнения. Война началась под предлогом того, что английский парламент предъявил претензии на законодательную власть в Америке. Но армия принадлежит королю, и потому в случае победы она смела бы все притязания законодателей, так как захваченные и присоединенные территории не подвластны парламенту. С таких стран налоги взимаются в силу прерогативы, а не по закону. Несколько лет тому назад на Гренадских островах была сделана такая же попытка, которая не увенчалась успехом лишь потому, что король заранее отказался от своих притязаний. Таким образом, парламент все это время поддерживал меры, направленные, по его мнению, на установление его собственной власти, но в итоге верх все равно одержала бы прерогатива. Это могло бы привести к новым любопытным противоречиям между парламентом и короной. Король заявил бы, что армия покорила Америку для него, а не для парламента, на что парламент мог возразить, что раз Америка не была иностранным государством, а лишь взбунтовавшейся колонией, то ее следует рассматривать не как вновь завоеванную, а как усмиренную страну. Так, отказываясь признать это определение («завоеванная»), парламент продолжал бы настаивать на своих притязаниях. Король, в свою очередь, стал бы доказывать, что, чем бы ни была Америка на первых порах, провозгласив декларацию независимости и заключив договор с Францией, она стала иностранным государством и вступила в область международного права, оказавшись таким образом вне компетенции парламента. Однако и в этом случае

парламент мог бы утверждать, что поскольку он никогда не отрекался от своих прав на Америку, они и не могли быть отняты.

Тогда король мог бы заявить, что хотя права парламента и не могут быть отняты, они могут быть вытеснены как низшие и что имел ли место отказ от прав на предмет или же отнятие самого предмета у тех, кто предъявил на него права, все равно последовало разделение; Америка, побежденная после заключения [ею] договора с Францией, является во всех смыслах и отношениях королевским завоеванием. Парламент как законный представитель народа мог протестовать против термина «низший», ссылаясь на древность власти, что привело бы к целому ряду весьма интересных и обоснованных вопросов:

1. Что является первоисточником власти и почестей в любой стране?
2. Не принадлежит ли прерогатива народу?
3. Существует ли такая вещь, как английская конституция?
4. Какая народу польза от короля?
5. Не был ли тот, кто придумал королевскую власть, врагом человечества?
6. Как может человек, не приносящий никакой пользы, тратить без стыда по миллиону в год, и нельзя ли этим деньгам найти лучшее применение?
7. Не лучше ли он [король] мертвый, чем живой?
8. Не является ли конгресс, построенный по типу американского, самой удачной и прочной формой правления во всем мире?

И много других [вопросов] в том же роде.

Иными словами, спор из-за дележа добычи мог бы привести к расколу целой нации, ибо ничто не является более обычным, чем согласие при завоевании победы и раздоры при дележе добычи. Поэтому можно считать счастливым обстоятельством то, что наши победы предотвратили назревавший раскол английской нации.

Если бы притязания парламента были отклонены, что наиболее вероятно, то не сбылись бы и ожидания нации; налоги в этом случае взимались бы от имени короля, без участия парламента, и поступления от них, если бы таковые вообще были налицо, шли бы в частные руки, а не в государственную казну. Они не только не уменьшили бы бремя налогов [с англичан], но даже и не пополняли бы казну, служа лишь карманными деньгами королю.

Размышляя об этом, я все больше радуюсь слепоте и недомыслию своих земляков; их мудрость не отличается проницательностью, а их усилия – целеустремленностью.

Я также обращаюсь к великому оплоту английской нации – к ее купцам и промышленникам. Ваши интересы требуют того, чтобы Америка была самостоятельной, а не завоеванной страной. Завоевание ее разорит, она обеднеет, вследствие чего торговля ее сократится, кредитоспособность окажется сомнительной. Независимая же Америка

будет цветущей, а из этого процветания вырастут ваши прибыли. Для вас все равно, кто управляет Америкой, если ваши изделия находят там сбыт. Отдельные товары естественно будут ввозиться из других стран, и это вполне справедливо. Но благодаря огромному притоку переселенцев, вызванному состоянием мира и независимости, спрос на другие [товары] повысится, и в конечном счете вы обогатитесь. Ведь американская торговля совершенно свободна и всегда такой останется. Америка не уступит свою торговлю ни одной нации. Она не сделала этого для своих друзей и тем более не сделает для врагов, хотя ваши недальновидные политики способны, в надежде этим угодить вам, время от времени тщетно делать [нам] подобные предложения. Лучше всего торговля процветает, когда она свободна, и попытка сковать ее есть дурная политика. В основе нашего договора с Францией лежат самые либеральные и благородные принципы; и французы, своим отношением к Америке, показали себя философами, политиками и джентльменами. К кабинету министров я также обращаюсь. Благодаря вам, господа, страна пришла к катастрофе, от которой вы не в состоянии ее спасти. И все ваши попытки в этом направлении так же смешны, как отвратительны были ваши планы, втянувшие ее [в войну]. Уполномоченные, собирающиеся уезжать, вероятно передадут вам эти строки, а также мой шестой номер, который я адресовал им. Таким образом, они увозят с собой больше здравого смысла, чем привезли к нам, да и у вас самих его станет больше, чем было ко времени их отправки.

Обратившись к вам порознь, я хочу в заключение обратиться к вам в целом. Дорога без поворотов кажется длинной. Шестнадцать лет непрерывных неудач и ошибок вполне достаточны для любого народа. Предполагая, что война между вами и Францией еще не объявлена, я беру на себя смелость подсказать вам такую линию поведения, которая легко бы вывела вас из всех осложнений. Я уже намекал на нее прежде, и поэтому сейчас не буду слишком многословен.

Допустим, что вплоть до сегодняшнего дня никто в Европе не знал о существовании Америки, и вот мистер Бенкс и доктор Солендер впервые открыли ее во время одного из своих кругосветных путешествий и застали такой, какая она есть сейчас, со своей промышленностью, войском, народонаселением и цивилизацией. Хотелось бы знать, как вы бы стали к ней относиться, потому что так же вам и должно действовать сейчас. Проблема и ее решение одинаковы, и одна верная линия параллельна другой. Это применимо ко всем возможным обстоятельствам, что позволяет свести политику к простому рассуждению и сверх того дает вам, в предвосхищении ваших выгод, такой способ познания, от простоты которого становится радостно на душе. Представьте только себе, что вы наткнулись на Америку и с искренним восхищением взираете на нее, – и тогда путь, политически правильный, откроется перед вами.

При желании рисовать контрасты я бы без особого труда мог противопоставить ваше нынешнее поведение тому, как бы вы поступили в том случае, и такая картина заставила бы вас сильно покраснеть. Однако когда разгораются страсти самолюбия, лучшая философия состоит в том, чтобы привести человека в хорошее настроение, чем нападать на него в плохом. По этой причине я лишь констатирую факты и предоставляю вам размышлять над ними.

Вернемся к вопросу о политике. Следует признать, что интересы Англии требовали предложить и поощрять независимость Америки сразу же вслед за заключением последнего мира, ибо расходы, понесенные тогда Англией для защиты Америки как своего владения, должны были убедить ее в необходимости изменить положение этой страны. Это был единственный способ предотвратить будущие войны и не допустить новых расходов, единственный способ вести торговлю, не беря на себя бремени верховной власти. Кроме того, называя себя матерью-родиной, Англия должна была понять своевременность, целесообразность и преимущества отделения Америки. Ведь когда в частной жизни дети, вырастая, уходят от родителей и обосновываются самостоятельно, они тем самым как бы расширяют границы семьи в целом и обеспечивают ее интересы. Точно так же и в отношении колоний, достигших зрелости, следует держаться той же политики, и это повлечет за собой те же последствия. Ничто так не портит отношений между родителями и детьми, как проживание в чрезмерной близости друг к другу и слишком долгая отсрочка отделения. Родители не должны навязывать свою волю взрослым детям, которые сравнялись со своими родителями, т.е. сами обзавелись семьей. Такие дети, хотя и готовы получить от родителей совет, не согласны подчиняться их власти. Замечу, что мои рассуждения о родителях и детях совсем не означают, что я признаю за Англией право называться родиной-матерью. Этим именем, если кого и можно назвать, так только Европу в целом, первые же переселенцы из Англии были загнаны сюда преследованиями. Я употребляю этот термин лишь в интересах политики, чтобы, исходя из него, подсказать, в чем состоят ваши интересы.

Когда вы увидели, какой богатой и сильной стала Америка благодаря трудолюбию своего народа, вам следовало самим предложить ей независимость и заключить с ней выгодный союз. В этом случае вы получили бы гораздо больше реальных выгод и могли рассчитывать на куда большие военные, людские и морские ресурсы Америки, чем при вашем слабом и вздорном управлении ею. Короче говоря, если бы вы разбирались в правильном ведении семейных дел, вы бы научились, как управлять государством. Но вместо того чтобы избрать этот легкий и естественный путь, вы стали совершать самые невероятные, просто дикие поступки, и дело кончилось тем, что, повинувшись необузданному и глупому кормчему, вы разбили свой корабль у самого берега.

Я рассказал, какую линию вы должны были проводить, а теперь коснусь вопроса, почему это не было сделано. Прожорливые придворные гусеницы преследовали цели отличные от ваших и противоположные им. Вам была выгодна независимость Америки, союз с ней: вы бы продолжали торговать с ней и могли бы даже увеличить эту торговлю, так как для ряда товаров у обеих стран не найдется лучшего рынка. Америка стала бы защищать себя сама и не стоила бы вам ровно ничего, а это могло привести к соответственному снижению налогов. Однако, несмотря на это, интересы целой нации натолкнулись на нежелание [короля] вычеркнуть несколько должностей из дворцового расписания. Известие о потере 13 провинций со всеми их придатками здесь и в Англии потрясло слух голодного придворного. Ваш нынешний король и правительство приведут вас к гибели. Лучше вам пойти на риск революции и созвать конгресс, чем давать себя вести от безумия к отчаянию и от отчаяния к гибели. Последуйте примеру Америки – и вы получите свободу.

Перехожу теперь к последней части – о войне с Францией. Вот уж чего ни один человек, будь он в здравом уме, вам не посоветует, а все добрые люди постарались бы ее предотвратить. Объявит ли вам войну Франция, не мне здесь об этом говорить или намекать, даже и знай я это; но с вашей стороны было бы безумием выступить первыми. Кризис сейчас вполне назрел, но мир легко сохранить, было бы только желание. Что ни говорите, а Франция по отношению к вам вела себя очень порядочно. Она была бы несправедлива к самой себе, если бы поступила не так, как задумала. Приняв наше предложение о заключении союза, она вежливо поставила вас об этом в известность. Она не стала скрытничать и проявила большую деликатность, когда, открыто заявив о своей решимости выполнить обязательство по этому договору, предоставила вам напасть первыми. Америка со своей стороны показала всему миру свою непоколебимость. Безоружная и неподготовленная, не имея еще определенного государственного устройства, она в одиночку поднялась против нации, господствовавшей на половине земного шара. Величие подвига требует уважения, и даже вы, при всей своей досаде, вынуждены удивляться и восхищаться [Америкой].

На этом я останавливаю ход своих доказательств и заканчиваю свое обращение. Примите его как подарок, с пожеланием всех благ. Мне всегда хотелось посвятить вам один из своих «Кризисов», [но я ждал] когда время действительно приведет к кризису и когда я сам буду в настроении написать, вы же – в состоянии прочесть его. Такое время настало, а вместе с ним и возможность передачи, ибо уполномоченные – бедняги уполномоченные! – объявив, что «еще сорок дней – и Ниневия будет разрушена», напрасно прождали этого дня и теперь, ропща на Господа Бога, возвращаются под свое растение. Самое худшее, что я могу им пожелать, это чтобы оно не засохло над их головами и чтобы им не пришлось путешествовать во чреве китовом.

Здравый смысл. Филадельфия, 21 ноября 1778 г.

P. S. Хотя по безмятежности своего духа я закончил шуткой, сейчас я вынужден напомнить уполномоченным нечто серьезное и заслуживающее внимания с их стороны. Авторитет их проистекает из парламентского акта, который так же описывает и ограничивает их официальные права. Полученные ими полномочия, следовательно, суть не что иное, как перечисление этих прав и облачение их этими правами, или [иными словами] назначение и указание лиц, которым надлежит эти права осуществлять. Если бы их полномочия включали нечто противоречащее или превышающее тот писанный закон, из которого они проистекают и которым связаны, то, согласно английской конституции, это было бы изменой со стороны короны и король навлек бы на себя обвинение в государственном преступлении. Вот почему король не осмелился включить в [подписанные им] полномочия то, что вы включили в свое воззвание, т.е. он не осмелился в этих полномочиях дать вам право жечь и уничтожать что-либо в Америке. Ведь вы и в силу акта, и в силу полномочий являетесь уполномоченными по восстановлению мира, и способы достижения этого там обозначены. Ваше последнее воззвание подписано вами как уполномоченными в силу этого акта. Ответственность за содержание воззвания вы возлагаете на парламент. Однако в самом тексте вы говорите о таких делах, которые противоречат духу и букве акта и которые даже король не осмелился внести в ваши полномочия. Учтите, господа, что обстановка в Англии слишком щекотливая, чтобы вам идти на риск. Вы подотчетны парламенту за буквальное исполнение указанного акта. Своей головой вы заплатите за нарушение его, а вы, безусловно, это сделали, превысив свои полномочия. Я по-дружески советую вам держаться в рамках [закона], если не хотите очутиться в когтях у льва или во чреве у кита.

Строго говоря, хотя сэр Гарри Клинтон и генерал, но он несет ответственность наравне с другими уполномоченными. Прежде всего, он подчинен [парламентскому] акту. Ссылка на то, что он генерал, не может оправдать его как уполномоченного, иначе пришлось бы согласиться с правом короны пренебрегать актом парламента. Господа уполномоченные, вы поставили себя в премилое и весьма критическое положение, тем более что обстановка в Англии тревожная. Берегитесь! Вспомните времена Карла I. Лод и Стаффорд погибли, цепляясь за надежду, подобную вашей.

Я показал, какой опасностью для вас самих чревато ваше воззвание; теперь я хочу доказать вам, насколько оно глупо. Средства [которые вы предлагаете,] противоречат вашему замыслу: вы грозите разорить Америку, чтобы сделать ее бесполезным приобретением в качестве союзника Франции. Но ведь чем сильнее – отвечаю я – вы ее разрушите (сомневаюсь, чтобы вам удалось это сделать), тем большую ценность будет

иметь для Франции этот союз. Разрушить можно только жилища и имущество, а это значит увеличить американский спрос на французские материалы и товары. Ибо нужды одной нации, если она свободна и кредитоспособна, естественно создают богатства для другой нации. А так как вы не сможете ни разорить страну, ни помешать росту урожая, вы этим увеличите вывоз нашей продукции в счет платежей, что послужит для нас новым источником богатства. Иными словами, вы не могли придумать лучшего плана для обогащения своих врагов.

З[дравый] с[мысл].

Американский кризис

VIII

Обращение к народу Англии

«Веруя (говорит король Англии в своей речи от прошлого ноября) в Божественное провидение и справедливость моего дела, я твердо решил продолжать войну всеми средствами и приложить все усилия, дабы вынудить наших врагов к справедливым условиям мира и соглашения». На это заявление Соединенные Штаты Америки и союзные державы Европы ответят: если Британия хочет войны, она получит ее в полной мере.

Почти пять лет истекло с начала военных действий, а каждый поход, вследствие постепенного истощения сил, снижает вашу способность к победе, не вызывая у вас никаких серьезных раздумий относительно своего положения и своей судьбы. Как в чрезмерно затянувшейся чахотке, вы чувствуете остатки жизни и ошибочно принимаете их за выздоровление. Новые планы, подобно новым лекарствам, порождали новые надежды и продлевали недуг, вместо того чтобы исцелить его. Смена генералов, подобно смене врачей, служила лишь для того, чтобы поощрять угодливость и создавать новые предлоги для новых сумасбродств.

«Разве может Британия потерпеть неудачу?», спесиво вопрошали при осуществлении всякого мероприятия. «Любая ее воля – это судьба», утверждали с торжественностью убежденных пророков. И хотя на этот вопрос постоянно следовал разочаровывающий ответ, а предсказания срывались из-за неудач, оскорбительные действия [с вашей стороны] не прекращались и список ваших национальных прегрешений пополнялся. Стремясь убедить весь мир в своем могуществе, Британия посчитала разрушение орудием величия и вообразила, подобно индейцам, что слава нации зависит от числа [снятых ею] скальпов и от причиненных ею страданий.

Огонь, меч и нужда, насколько могло посеять их британское оружие, были распространены с неистовой жестокостью по всему американскому побережью. И так как вы находились вдали от этого места страданий и вам нечего было ни терять ни бояться, то эти сведения доходили до вас подобно древнему сказанию, восприятие которого ослаблено давностью происшедшего, так что самая тяжелая скорбь обращается в предмет занимательной беседы.

Настоящая статья – вторая, обращена, быть может, напрасно к народу Англии. Считать, что совет будет принят после того, как не подействовал [даже] пример, или что наставления последуют после того, как предостережение было осмеяно, значило бы питать надежду, вызванную отчаянием. Но когда время выбьет чекан всеобщего распространения на фактах, столь долго вами осмеивавшихся, когда неопровержимое свидетельство накопившихся потерь, подобно писанию, начертанному на стене, помножит отчаяние на ужас, тогда, терзаясь страданиями, вы научитесь сочувствовать другим, сочувствуя самим себе.

Триумфальное появление объединенного флота на Ла-Манше у входа в ваши гавани, а также экспедиция капитана Поля Джонсона к западным и восточным берегам Англии и Шотландии, поставив вашу страну под непосредственную угрозу, послужит вам более поучительным уроком бедствий вторжения и донесет до вашего сознания более правдивую картину смятения и отчаяния, нежели это может сделать самая совершенная риторика или самое смелое воображение.

До сих пор вы несли военные расходы, но не испытывали бедствий войны. Ваши разочарования не сопровождались непосредственными страданиями и свои потери вы воспринимали лишь рассудком. Как при отдаленном пожаре, вы не слышали даже крика, не испытывали опасности, не видели хаоса. Для вас все было чуждо, кроме налогов, необходимых на поддержку всего этого. Вы не знали, что такое быть разбуженным в полночь вследствие появления на улицах вооруженного врага. Вам были незнакомы страдания спасающейся бегством семьи, тысячи постоянно возникающих забот и скорбь нежности. Видеть женщин и детей, бредущих в суровую зиму с разбитыми остатками некогда добротной домашней обстановки и ищущих убежища в каждом сарае или хижине, – обо всем этом вы и понятия не имели. Вы не знали, что значит стоять и смотреть, как рубят на топливо ваше имущество, как ваше постельное белье рвут на куски, чтобы упаковать награбленное. Горе других, подобно ненастной ночи, усугубляло приятность вашей собственной безопасности. Вы даже наслаждались этой бурей, созерцая разницу положения, и то, что вселяло скорбь в сердца тысяч людей, служило лишь для того, чтобы усилить [в вас] своего рода гордое спокойствие. А ведь все это – всего лишь незначительные испытания войны, если сравнить их с резней и убийствами, страданиями в военных госпиталях или с городами, объатыми пламенем.

Предчувствуя беду, народ Америки укрепил свой дух против всякого рода ударов, которые вы могли нанести. Американцы предпочли покинуть свои очаги, оставив их на разорение, и искать нового местожительства, нежели покориться. Они приучили себя к несчастьям, прежде чем они пришли, и несли свою участь с меньшей горечью; справедливость их дела была постоянным источником утешения, а надежда на конечную победу, никогда не оставлявшая их, служила облегчением бремени и услаждала чашу, которую им суждено было испытать.

Но когда вы познаете на себе их беды и вторжение перекинется на землю вторгавшихся, у вас не будет ни их диких просторов, куда можно скрыться, ни их [правого] дела, которое послужило бы вам утешением, ни их надежды, которая поддерживала бы вас. Их несчастья не усугублялись угрызениями [совести]. Они не навлекли их на себя. Напротив, они всячески старались их избежать, и с целью предотвратить войну даже пошли дальше, чем это позволяло достоинство конгресса. Национальная честь и выгоды независимости не были в начале спора целью борьбы с их стороны, и лишь в последний момент они решились на это мероприятие. При таких обстоятельствах они естественно и со всей серьезностью уповали на провидение. Возлагаемые ими ожидания были ясны, и если бы они не сбылись, то восторжествовало бы неверие.

Но ваше положение прямо противоположно. Вы испытываете все, к чему стремились. Более того, если бы вы намеренно творили зло с целью унаследовать его самим, вы не могли бы более прочно закрепить это свое право. Ваши жалобы не пробуждают жалости в мире. Вы не сочувствовали другим и сами не заслуживаете сочувствия. Природа безучастна к случаям, подобным вашему, напротив, она отворачивается от них с неудовольствием и покидает на произвол карающей судьбы. Вы можете теперь подавать петиции в какой хотите суд, но поскольку речь идет об Америке, никто не станет вас слушать. Политика Европы, склонность всех ее умов обуздать дурное честолюбие и призвать жестокость к ответу сплоченно выступают против вас. А там, где природа и выгода подкрепляют друг друга, сговор их слишком тесен, чтобы его можно было разрушить.

Поставьте только себя на место других, а других поставьте на свое место, и тогда вы получите ясное представление обо всем. Если бы Франция поступила со всеми колониями так же, как вы, тогда вы бы заклеили ее всякими позорящими эпитетами, но если бы вы, подобно Франции, пришли на помощь борющемуся народу, вся Европа вторила бы вашим собственным рукоплесканиям. Однако, обуянные страстью борьбы, вы видите явления в неверном свете и приходите к выводам, не отвечающим ни чьим интересам, кроме ваших собственных. Вас удивляет, что Америка не вступает с вами в союз, чтобы навязать себе часть ваших налогов и свести себя на положение безоговорочного подчинения. Вас поражает, что южные державы Европы не помогают вам в завоевании страны, которая

впоследствии должна быть обращена против них самих, и что северные государства не помогают вашему водворению в Америке, которая вследствие отделения уже вкушает выгоды от сбыта корабельных материалов. Вы, кажется, удивлены тем, что Голландия не оказывает вам своей помощи, дабы поддержать ваше владычество на море, тогда как ее собственная торговля страдает от вашего навигационного законодательства, и тем, что какая бы то ни было страна преследует свои собственные интересы, в то время как ваши находятся под угрозой.

Такой разгул дикого безумья и столь же несправедливая, как и неразумная ненависть привели вас, подобно [библейскому] фараону, к несчастьям, не вызывающим жалости, и между тем как важность этой распри увековечит ваш позор, флаг Америки разнесет его по всему миру. Естественные чувства каждого разумного существа будут против вас и, где бы ни рассказывали про это, вам не будет ни прощения, ни утешения. С ненасытной душой и беспощадной рукой вы разорили мир, чтобы добиться власти, а затем потерять ее, и в то время, как в безумии алчности и честолюбия восток и запад были обречены [вами] на подчинение и кабалу, вы вскоре сами получили в награду своей нации горечь поражения.

Каждый из вас должен дрожать при мысли о войне у себя в стране. Перспектива эта для вас значительно более ужасна, чем для Америки. Здесь партия, которая была против мероприятий континента, состояла в общем из своего рода нейтралов, не увеличивавших мощь ни той, ни другой армии. Здесь не было никого столь лишенного разума и чувства, чтобы домогаться «безоговорочного подчинения», поэтому ни один человек в Америке не мог быть в принципе согласен с вами. Некоторые из малодушия могли предпочесть это невзгодам и опасностям, связанным с сопротивлением, но то настроение, которое толкнуло их на такой выбор, сделало их непригодными к выступлению за или против нас. Но Англия расколота на партии, преисполненные равной решительностью. Идея, породившая войну, разобщает нацию. Их враждебность находится на высшей ступени возбуждения, и обе стороны, в связи с призывом волонтеров, имеют в руках оружие. Никакое человеческое предвидение не в состоянии распознать, никакой вывод не может быть сделан насчет дальнейшего хода войны, после того, как она разгорится в связи с вторжением. В настоящее время состояние Англии не благоприятствует ее сплочению в борьбе за общее дело; она не имеет надежд на завоевания за рубежом и ни на что, кроме роста расходов у себя дома; все, что принадлежит ей, поставлено на карту в оборонительном сражении, и чем дальше, тем хуже ей приходится.

В жизни нации бывают положения, когда решение о мире или о войне, [принятое] в отрыве от всех других соображений, может быть политически верным или ошибочным. Когда от войны нельзя потерять ничего, что не было бы потеряно и без нее, тогда война является верной политикой для данной страны, и в таком положении была Америка в начале

враждебных действий; но когда войной нельзя достигнуть большей безопасности, чем это может быть достигнуто миром, тогда дело принимает противоположный оборот, и таково в настоящее время положение Англии.

Что Америка недостижима для завоевания – это факт, доказанный опытом и подтвержденный временем, и если мы это признаем, что же тогда, я спрашиваю, является предметом спора? Если честь состояла бы в яростном самоуничтожении – если национальное самоубийство составляло бы высшую ступень национальной славы, то вы могли бы погибнуть, ни у кого не вызывая зависти и не имея себе равных, во всей гордости своего преступного блаженства. Но когда стихнет ураган войны и на смену разбушевавшимся страстям придут спокойные размышления, или когда те, кто пережил ее бешенство, получают от вас в наследство долги и бедствия, когда ежегодного дохода едва хватит на покрытие процентов по долгам, а против бедствий вообще не будет никакого средства исцеления, тогда возникнут совершенно иные мысли, которые усугубят горечь при воспоминании о прежних безумствах. Когда разум свободен от ярости, он не находит удовольствия в созерцании неистовой вражды. Нездоровое мышление, безусловно, вытекающее из поведения, подобно вашему, лишает и способности к наслаждению, и чувства отвращения; и хотя, подобно человеку в припадке, вы не ощущаете нанесенных в борьбе ран и не отличаете силу от недуга, – слабость тем не менее будет пропорциональна испытанному насилию, а чувство боли будет возрастать по мере выздоровления.

Америке совершенно безразлично, кому или чьей политике вы обязаны вашим сегодняшним жалким положением. Пусть невольно, они способствовали тому, чтобы возвысить ее над собой, и она в спокойствии победы отказывается от расследования. Вопрос сейчас не столько в том, кто начал войну, сколько в том, кто ее продолжает. Факт, что во всех странах существуют люди, для которых состояние войны является источником богатства, несомненен. Такие личности естественно размножаются в гнилости смутного времени и, вскармливаясь на недуге, гибнут вместе с ним или, пропитанные зловонием, отходят во мрак.

Но существует несколько ошибочных понятий, которым вы также обязаны некоторой долей ваших несчастий и которые, если их далее придерживаться, лишь увеличат ваши тревоги и потери. Среди джентльменов меньшинства сохраняется мнение, что мероприятия, которые Америка отказалась бы принять от нынешнего министерства, она приветствовала бы, [если бы эти мероприятия проводились], под их руководством. Об эту скалу разбил бы свой корабль лорд Чэтэм, если бы он добрался до руля, и некоторые из переживших его людей идут таким же курсом. Подобные рассуждения имели некоторые основания в младенческую пору распри, но теперь они служат лишь цели продления

войны, в которой границы спора, установленные силой оружия и гарантированные договорами, не должны изменяться или подменяться мелочными обстоятельствами.

Министерство и многие из меньшинства теряют время в спорах по вопросу, с которым они ничего не могут поделать, а именно: будет ли Америка независима или нет. Тогда как единственный вопрос, который они могут решить, – это дать ли им на это свое согласие или нет. Они путают военный вопрос с политическим и теперь пытаются добиться голосованием того, что они утратили в сражении. Скажи они, что Америка не будет независимой, это будет означать не более, чем если бы они голосовали против предначертания судьбы; скажи они, что она будет независима, от этого она не приобретет большей независимости, чем прежде. Вопросы, по которым принятые решения не могут быть выполнены, лишь доказывают бессмысленность [их] обсуждения и слабость его участников.

Издавна привыкнув называть Америку своей собственностью, вы полагаете, что ею управляют те же предрассудки и тщеславие, что и вами самими. Из-за того, что вы установили особую церковь, исключаящую все другие, вы воображаете, что Америка должна сделать то же самое, и поскольку вы, с вашей враждебной ко всем узостью ума, лелеяли вражду против Франции и Испании, вы предполагаете, что [наш] союз с ними будет далек от подлинной дружбы. Подражая вам в своем мировоззрении, Америка прежде мыслила по вашим указаниям, но теперь, чувствуя себя свободной и избавившись от ваших предрассудков, она мыслит и действует по-иному. Часто случается, что с той же силой, с какой в нас воспитывали по неизвестным нам причинам неприязнь к каким-либо личностям и странам, мы горим теперь желанием избавиться от этого заблуждения и считаем, что необходимо что-то сделать, дабы его загладить, полны желания оказать всяческое содействие делу дружбы, чтобы искупить несправедливость ошибки.

Но, быть может, в обширности территории стран таится нечто такое, что незаметно влияет на мышление всего народа. Душа островитянина замкнута в туманных границах водного рубежа, и все то, что существует за этим пределом, является для него лишь предметом прибыли и любопытства, но не дружбы. Его остров для него это – весь мир и, пустив там корни, он все свои интересы сосредоточивает на нем; между тем люди, населяющие континент и имеющие перед собой более широкий горизонт, тем самым приобретают более широкий умственный кругозор и, таким образом, лучше познавая весь мир, идут в своих мыслях дальше, а широта их взглядов охватывает все большее пространство. Короче говоря, когда мы в зрелом возрасте, наш разум, по-видимому, следует измерять величиной наших стран, так же как он измерялся величиной родного местечка, когда мы были детьми; и до тех пор, пока что-либо не случится и не высвободит нас из этого предубеждения, мы, сами того не сознавая, находимся у него в подчинении.

В дополнение можно отметить, что люди, изучающие какую-либо всеобщую науку, принципы которой общеизвестны или общеприняты и применяются для общей пользы без различия во всех странах, творят тем самым больше добра, чем люди, изучающие лишь национальные ремесла и изобретения. Натурфилософия, математика и астрономия выводят разум из [пределов одной] страны на простор мироздания и изощряют в соответствии с этим простором. Честь и гордость Ньютона состояли не в том, что он был англичанином, а в том, что он был философом: небо освободило его от предубеждений островитянина, а наука развила его духовные качества столь же безгранично, как его ученые изыскания.

Здравый смысл. Филадельфия, март 1780 г.

Американский кризис

IX

Если бы Америка добивалась своих преимуществ хотя бы с наполовину меньшей энергией, чем та, с какой она сопротивлялась своим несчастьям, она бы уже давно вкусила победу и мир, но убаюканная на лоне тихого покоя, Америка жила надеждами, и только бедствия толкнули ее к действиям. Не столь важно, хитрость или искренность вынудили врага на исходе прошлого года к видимости мира. Достаточно того, что мы видим, как это сказалось на нашей политике, и что в нас растет возмущение обманом.

Война, которую ведет Америка, это война, вызванная естественными побуждениями. Мужественные в страданиях, спокойные в победе, любящие подремать на отдыхе, американцы в любых условиях великодушно расположены к миру. В зависимости от изменяющихся обстоятельств они проявляют то опасное спокойствие, то самую горячую деятельность. Все страсти, кроме отчаяния, были проявлены в выполнении своего долга; и враг настолько ошибался в наших способностях и настроениях, что, когда он считал нас побежденными, мы оказывались победителями. Обширность территории Соединенных Штатов и разнообразие их естественных богатств, общность нашего дела, быстрое действие чувств и единство взглядов во всяком затруднительном положении порождали нечто такое, что милостью провидения и энергией наших собственных усилий мгновенно решало дело всей кампании. Мы никогда намеренно не добивались победы, но вырывали ее и мужественно возмещали за один час неудачи целого сезона.

Участь Чарлстона, так же как и бедствия, имевшие место в 1776 г., вызвали, наконец, подъем духа и зажгли пламя, которое, быть может, никаким другим событием не могло быть раздуто. Если враги распускали лживые слухи, они этим неразумно возбуждали

нашу активность, но если они сообщали нам правду, то невольно оказывали нам услугу. Мы возвращались от тягот войны, руки наши были опущены, мы были склонны в то время к размышлениям, покою и праздности. Все так положились на Чарлстон, что по всей Америке распространилась апатия. Мы считали, что дело сделано, конфликт разрешен, вопрос улажен, все то, что осталось незавершенным, казалось нам, должно было последовать само собой. В этом состоянии опасной расслабленности мы были доступны для вредоносного вражеского влияния, и поскольку никакая общая опасность не привлекала наше внимание, мы постепенно гасили тот пыл, с которым начинали [борьбу], и мало-помалу утрачивали доблесть, служившую нам защитой.

Как бы ни была тяжела утрата Чарлстона, если она всех нас пробудит ото сна, в который мы были погружены в течение последних двенадцати месяцев, и вновь вернет нам силу духа прошлых дней, то это даст преимущества, которые будут гораздо значительнее, чем утрата. Америка всегда есть то, чем она сама себя считает. Руководимая настроениями и действуя по собственному разумению, она по своему желанию становится то победительницей, то жертвой.

Не завоеванием городов, не случайным захватом гарнизонов можно покорить такую обширную страну, как Америка. Поражение одной части [тела] никак нельзя облегчить напряжением другой, и для противника нет такого положения, которое не принесло бы нам тех же преимуществ, каких он сам добивается. Разделяя свои силы, враг ставит под удар каждую свою позицию. Этот способ ведения войны несет в себе признание слабости и основан скорее на отчаянии, чем на уверенности в победе.

Упадок в лагере врага явствует не только из его операций, но и из его планов. В плане нападения Чарлстон вначале был лишь объектом второстепенного значения, но теперь, поскольку враги оказались не в состоянии преуспеть где-либо в другом месте, он стал главным предметом их усилий. Если бы они в 1776 г. организовали свой грандиозный поход против той части континента, где армии не было или где она была недостаточно велика, для того, чтобы противостоять им, это бы создало в Европе впечатление трусости. Но, испытывая из года в год неудачи в своих усилиях здесь, а также на востоке и на севере, они отказались от своего генерального плана и благоразумно ограничились тем, что было им доступно, трубя о славе, дабы скрыть свой позор.

Но такими частичными усилиями континент завоевать нельзя. Пытаться это делать позорно для них, терпеть это – позорно для нас. Теперь настало самое время положить конец тяготам войны, которая для одной стороны стала бесцельной, а на другой вдохновляется всеми чувствами чести, выгоды, безопасности и счастья. Если мы и дальше будем терпеть их присутствие среди нас, мы станем такими же дурными, как они. Общение с пороком для нас более опасно, чем меч. Нация, закаленная в практике зла, умеет лучше извлекать из него выгоду, нежели молодая страна, которая впервые

вступила на путь порока. Нам не сравняться с ними в отношении выгод, извлекаемых из зла, ни им с нами в отношении принципов, во имя которых мы мужественно боремся. Наши первые дни были днями нашей чести. Они определяют лицо Америки, где бы ни рассказывалась история ее войн, и сознавая это, мы должны мудро и сплоченно идти по этому хорошо известному нам пути. Ход войны часто бывает для отдельных личностей так же гибелен, как исход ее – для всей нации; и не только необходимо, чтобы мы располагали достаточной силой, дабы довести войну до победного конца, но чтобы своевременными усилиями могли обеспечить свою безопасность и во время ее. Нынешняя кампания даст такие возможности, которые нам никогда прежде не представлялись, и независимо от того, держится ли Чарлстон или нет, подготовка к этому походу в равной мере необходима. В первом случае это будет означать только неудачу врага, но не поражение. Вся победа, на какую может рассчитывать осажденный город, – это не быть захваченным; вынудить врага снять осаду означает победу для осажденного. Но должна существовать вероятность, почти граничащая с уверенностью, которая бы оправдывала вылазку гарнизона для нападения на отступающего [противника]. Следовательно, если бы Чарлстон не был взят и враг снял бы осаду, любая другая часть континента должна была бы приготовиться встретить его, и наоборот, если бы Чарлстон был захвачен, те же приготовления явились бы необходимыми, чтобы возместить потерю и добиться положения, при котором мы были бы в состоянии действовать совместно с нашими союзниками, как только они придут.

Мы теперь сражаемся не одни, как это было в 1776 г. Англия в силу своих коварных замыслов против Америки не только не объявила войну Франции и Испании, но, чтобы еще лучше добиваться своих целей здесь, не дала этим державам повода для военных действий и избегает [задевать] их, чтобы погубить нас. Она бы скорее допустила, чтобы Франция захватила острова Вест-Индии, а принадлежащие ей южные поселения были забраны Испанией, нежели отказаться от цели, достижение которой насытит ее чувство мести. Такое поведение со стороны Британии показало, что Франция поступила правильно, послав морские и сухопутные силы для совместных действий с Америкой [здесь] на месте. Их прибытие не может быть слишком отдаленным, а бесчинства врага – [сколько-нибудь] продолжительными. Создание армии и обеспечение ее припасами – вот два дела, которые наиболее необходимо выполнить, пленение же одной из вражеских дивизий вернет Америке мир и изобилие.

Такой кризис, как данный, чреватый важными последствиями, зовет всю страну к единству и напряженным усилиям. Все, кто способен внести хотя бы скромную лепту в дело общего блага, не должны бездействовать теперь, и даже шепота возражений не должно быть слышно. Настоятельность всего дела и важность его последствий не допускают ни медлительности со стороны друга, ни извинения со стороны врага. Жалеть средства

теперь было бы пределом сумасбродства, а считаться с существующим благополучием значило бы пожертвовать им, может быть, навсегда.

Америка, богатая патриотизмом и товарами, не испытывает недостатка ни в солдатах, ни в припасах, когда их требует серьезная необходимость. Медленное поступление налогов вследствие трудностей сбора и понижение их ценности еще до сдачи в казначейство во многих случаях создали затруднения для правительства, что было хитро истолковано врагом как знак общего упадка всей страны. Тем не менее, как бы это ни казалось затруднительным на первый взгляд, все это может быть не только исправлено, но и обращено в прямую выгоду; ибо не играет роли, будет ли определенное число мужчин или рота ополченцев (а в этой стране каждый мужчина – ополченец) обязаны по закону прислать рекрута за свой счет или для этой цели с них будет взиматься налог, а солдаты будут после этого наниматься правительством. Если и существует какая-нибудь разница, то первый вариант и дешевле и лучше, ибо сберегает расходы по сбору этих налогов и быстрее обеспечивает вступление солдата в строй, нежели ранее применявшиеся способы вербовки; исходя из такого положения, в этом штате был принят закон, призывающий в рекруты по два человека от каждой роты ополченцев, что увеличит мощь страны более чем на тысячу солдат.

Но пламя, охватившее этот город после сообщения из Нью-Йорка о потере Чарлстона, не только делает ему честь, но подобно яркой вспышке 1776 г. раздует пламя из искр, рассеянных по всей Америке. Доблесть страны можно определить по храбрости ее солдат и по общему складу его жителей, но уверенность в успехе лучше всего раскрывается в активных действиях людей состоятельных; и когда дух инициативы становится столь всеобщим, что охватывает сразу все слои общества, тогда и только тогда война может именоваться поистине народной войной.

В 1776 г. пыл активной части населения сдерживался подлинным мятежом одних и холодностью других. Но в данном случае основа страны – люди собственности твердо поддерживают народное дело. Купцы, торговцы и ведущие граждане города [Филадельфии] создали общество с целью принимать и поддерживать новые деньги штата по курсу золота и серебра – это мероприятие, делающее им честь, будет также в их интересах, так как сделает операции этой компании эффективными и удобными.

Этим их усилия не ограничились. Начата также добровольная подписка с целью увеличения фонда звонкой монеты для выплаты поощрительных премий новобранцам, которые составят необходимое пополнение для пенсильванского участка. Враги отмечали, что все в Америке делается под давлением правительства; но когда они увидят отдельных лиц, оказывающих добровольную помощь и участвующих в проведении общественных мероприятий совместно с правительственными властями, то убедятся в

том, что за дело Америки стоит не малая группа, но широкие слои людей имущих и народа.

При оказанной таким образом помощи и поддержке [в Америке] исчезнет недовольство, и высохшая глава тирании окончательно отомрет. Бесчинства врага будут короткими, ограниченными и, как все подобные действия в прошлом, приведут к победе над ним.

Здравый смысл. Филадельфия, 9 июня 1780 г.

P. S. В то время, когда я писал этот номер «Кризиса», некоторые верили в потерю Чарлстона, но большинство было уверено в обратном. Теперь на этот счет не должно быть сомнения. Чарлстон пал, и я полагаю, что причиной этого был недостаток в боеприпасах. Человек, не сочувствующий теперь благородному, самому лучшему и высокому делу, которое когда-либо отстаивала страна, и отказывающийся приложить соответствующие усилия, не достоин больше вести благополучное существование среди народа, решившего стать свободным.

Американский кризис

X

О речи короля Англии

Из всех невинных страстей, волнующих человеческий разум, наиболее распространенным является любопытство. Все человечество охвачено им, и оно вызывает у нас желание знать обо всем, равно как о том, что касается нас, так и о том, что не касается.

Хотя Америка недостижима для всяких попыток ее поработить, а ее повседневно возрастающие авторитет и богатство не дают оснований для тревоги, она все же осталась во власти любопытства; прихоть узнать о речи человека, спесиво угрожающего поставить ее на колени, явно сочеталась у нее со спокойной уверенностью, совершенно безразличной к содержанию самой речи. О ней справлялись с улыбкой, читали со смехом и отвергали с презрением.

Но так как даже врагу следует отдать дань справедливости, то нужно сказать, что он хорошо справился с этой речью, насколько это могло позволить ему затруднительное положение [Англии]. И хотя едва ли хоть одна строка правдива в ней, за исключением печальной истории Корнуэльса, речь эта все же способна ввести в заблуждение обманутую Палату общин и народ Англии, на которых она и была рассчитана.

«Война, – говорится в речи, – все еще, к несчастью, затягивается по вине неуголимого честолюбия, которое побудило наших врагов начать ее и которое все еще препятствует

мне в моих искренних стремлениях и энергичных усилиях, направленных к восстановлению общественного спокойствия».

Как легко злоупотреблять истиной и словами, когда люди в своей закоренелой испорченности научились пренебрегать справедливостью. Тот самый человек, кто начал войну и с самым угрюмым высокомерием отказался отвечать и даже слушать смиреннейшую из всех петиций, кто поощрял своих офицеров и свою армию к самой дикой жестокости и к самым бессовестным грабежам, кто, с одной стороны, подстрекал индейцев, а с другой – негров и призывал любую помощь дьявола в своих деяниях, теперь с показным сожалением смеет бить нас нашим же оружием, приписывая нам собственное злодейство. Все это может сравниться лишь с низостью произнесшего эти слова.

«В благородной ошибке больше мужества, нежели в подлой правоте», это выражение я некогда употребил в одном случае, и это в равной мере применимо теперь. Мы испытываем нечто похожее на уважение к последовательности даже в ошибках. Мы оплакиваем добродетель, соvrащенную на путь порока, но порок, который прикидывается добродетелью, особенно отвратителен. Среди различного рода притворства, преподанного лицемерием и усвоенного людьми, ничто не вызывает большего омерзения, чем вид опечаленного порока, изворачивающегося с помощью явной лжи, дабы принять облик благочестия, на который у него нет никакого права.

«Но, говорится в речи, я не оправдал бы доверия, коим облечен монарх свободного народа, не отплатил бы по достоинству моим подданным за их неизменную и горячую преданность моей личности, семье и правительству, если бы согласился пожертвовать либо ради моего собственного стремления к миру, либо ради временного облегчения их участи «теми существенными правами и коренными интересами», от поддержания и сохранения которых должно главным образом зависеть будущее могущество и безопасность этой страны».

Человек, чье невежество и упрямство вовлекало и продолжает вовлекать нацию в самую безнадежную и расточительную из всех войн, теперь смеет подло льстить ей, именую свободным народом, и ставить свое преступление себе в заслугу, прикрываясь их существенными правами и коренными интересами народа. Воистину это способно опозорить даже испорченную натуру. Чего же он боится? Не того ли, что они отошлют его назад в Ганновер? Почему же сикофант дополняет здесь лицемера и человек, претендующий на власть, опускается до уровня смиренного и покорного сочинителя докладных записок?

О том, что представляют собой эти существенные права и коренные интересы, от которых будущее могущество и безопасность Англии должны главным образом зависеть, нет даже намека. Это не более чем слова, воздействующие лишь на слух и только на это рассчитанные.

Но если эти слова имеют хоть какое-нибудь отношение к Америке, то они равносильны позорному признанию, что Англия, которая когда-то претендовала на роль ее протектора, теперь стала от нее зависеть. Британский король и министерство постоянно выставляют то огромное значение, которое Америка имеет для Англии, с целью подстегнуть нацию к продолжению войны. Однако, на какую бы почву эта идея ни опиралась, она должна была бы побудить их не начинать войны и, следовательно, продолжая так действовать, они покрывают себя позором, ибо приводимые ими доводы являются прямым осуждением их прежней политики.

«Благоприятное положение дел в Ост-Индии, – говорится в речи, – и благополучное прибытие многочисленных торговых судов в мое королевство должны принести вам удовлетворение».

Тот факт, что дела не везде обстоят совсем так же плохо, как в Америке, может отчасти послужить причиной для успокоения, но уж никак не для торжества. Лучше иметь одну сломанную ногу, чем две, но все же это не источник радости: и пусть даже дела в Ост-Индии выглядят всегда так же благоприятно, они все же хуже, чем в начале, и у них нет перспективы когда-либо улучшиться. Впрочем, надо было еще сообщить о печальной истории с Корнуэльсом, и ее следовало предварить сладчайшим вступлением.

«Но в течение этого года, – говорится далее в речи, – мои неутомимые усилия сохранить обширные владения моей короны не сопровождались успехом, равным справедливости и благородству моих намерений». Пусть мир судит о том, в чем состояли справедливость и благородство вступления в войну с Америкой; неслыханное варварство, с которым она велась, не должно быть стерто из памяти ханжескими сетованиями лицемера.

«И с великой тревогой я сообщаю вам, что военные события оказались весьма неблагоприятны для моего оружия в Виргинии и закончились потерей моих войск в этой провинции». Что же до нас, то мы сожалеем, что не всех их постигла та же участь.

«С моей стороны было сделано все необходимое, – говорится в речи, – чтобы подавить дух мятежа, который наши враги сумели разжечь и поддержать в колониях, и чтобы вернуть моим обманутым подданным в Америке то счастье и процветание, которое они имели в прошлом благодаря должному повиновению законам».

Выражение «обманутые подданные» стало настолько пошлым и презренным и это тем более, что мы видим, как эти подданные берут в плен сразу целые армии, что здравомыслящий человек из одного желания не быть осмеянным воздержался бы от его употребления. Но самая наглая ложь в этой части [речи] – это сведение процветания Америки к неверным причинам. Истинным источником процветания Америки были исключительное трудолюбие ее поселенцев и их потомков, их тяжелый труд и упорная работа. Прежняя тирания Англии помогла заселить Америку, а доблесть пришельцев преобразила ее. Спросите человека, который расчистил путь в глуши своим топором и

теперь владеет землей, обогащающей его, и он поведает вам, как трудился он, не покладая рук в поте лица своего, с благословения небес. Пусть только Британия предоставит Америку самой себе – она ничего другого не просит. Она достигла величия без ведома и вопреки воле Англии и имеет право на беспрепятственное пользование благами созданного ею богатства.

«Я прикажу, – говорится в речи, – представить вам сметы будущего года. Я полагаюсь на вашу мудрость и гражданский дух в деле изыскания тех средств, каких потребует состояние наших дел. Среди многих тяжелых последствий, связанных с продолжением нынешней войны, я искреннейшим образом сожалею о дополнительном бремени, которое неизбежно возложит она на моих верных подданных».

Странно, почему нации приходится пройти столь тяжелый и извилистый путь и расходовать такую массу средств, чтобы приобрести ту долю благоразумья, на которую хватило бы и часа размышления. Конечное торжество Америки над каждой попыткой острова победить ее было столь же естественно заложено в самой природе вещей, как будущее превосходство исполина над карликом проступает уже в его младенческих чертах. В какой мере само провидение, имея в виду цели, которых никакая человеческая мудрость не могла предвидеть, допустило такие необычайные ошибки, это остается пока тайной, сокрытой в лоне времени, и должно оставаться таковой до тех пор, пока грядущее не произведет его на свет.

«В ведении этой великой и важной борьбы, – говорится в речи, – которой мы заняты, я сохраняю твердую веру в покровительство Божественного провидения, а также полное убеждение в правоте моего дела. Я не сомневаюсь, что с помощью и поддержкой моего парламента доблестью моего флота и армии, в мощном, объединенном и воодушевленном напряжении способностей и ресурсов моего народа, я смогу восстановить благоденствия надежного и почетного мира для всех моих владений».

Король Англии является одним из самых легковверных [людей] в мире. В начале этой борьбы он провел закон, лишавший Америку защиты английской короны, и хотя провидение на протяжении семи лет лишало короля своего покровительства, этот человек еще до сих пор ни в чем не сомневается. Подобно фараону на краю Красного моря, он, сам того не замечая, поспешно устремляется в пучину, которая смыкается над его головой.

Я считаю, будет разумно предположить, что эта часть речи составлялась до поступления известий о взятии в плен Корнуэльса, ибо она, конечно, не имеет никакого отношения к действительному положению [англичан] во время ее произнесения. Но как бы то ни было, для нас это не имеет значения. Наша линия тверда. Наш жребий брошен, и Америка, дитя судьбы, подходит к своей зрелости. Нам ничего не остается, как только, действуя смело и быстро, быть готовыми к войне или к миру. Америка слишком велика, чтобы уступать, и

слишком благородна, чтобы наносить оскорбления; тверда в несчастье и великодушна в победе; сохраним же незапятнанной приобретенную нами репутацию, дабы показать грядущим векам пример несравненного величия духа. В деле и значении Америки есть нечто приковавшее к ней внимание всего человечества. Мир видел ее мужество. Ее свободолюбие, ее рвение в защите свободы, правота ее требований и постоянство ее мужества завоевали ей уважение Европы и обеспечили ей поддержку самой мощной державы этой части света.

Теперь ее положение таково, что куда бы она ни бросила свой взгляд – в прошлое, настоящее или будущее – везде возникают новые доводы, убеждающие ее в том, что она права. В ее поведении по отношению к врагу нет никакой затаенной злобы. В ее душе не осталось чувства [причиненной] несправедливости. Нетронутая честолюбием и чуждая стремления к мести, она в своем развитии была отмечена провидением, которое на каждой ступени борьбы благословляло ее успехом.

Но пусть Америка не питает себя обманчивой надеждой и не считает дело сделанным. Малейшее упущение в приготовлениях и малейшая нерадивость в исполнении приведет только к продлению войны и увеличению расходов. Если наши враги способны находить утешение в несчастье и черпать силы из чувства отчаяния, то насколько же больше надлежит это делать нам: ведь с победой мы завоюем континент, и в наших руках уже залог успеха.

Сделав в предыдущей части свои замечания по нескольким вопросам, содержащимся в этой речи, я перейду теперь к замечаниям по вопросам, которых она не содержит.

В ней нет ни слова относительно союзов. Либо несправедливость Британии слишком разительна, либо ее положение слишком отчаянно, либо то и другое вместе, чтобы какая-нибудь соседняя держава могла прийти к ней на помощь. В начале конфликта, когда Англии приходилось воевать только с Америкой, она получала наемные войска из Гессена и других мелких германских государств; на протяжении почти трех лет Америка, молодая, неопытная, недисциплинированная и необеспеченная, боролась против британской мощи, поддержанной двадцатью тысячами иностранных войск, и захватила в плен целую армию. Память об этом должна вселять в нас уверенность и величие духа и провести нас через все остающиеся трудности, сохраняя в нас чувство удовлетворения и бодрости. Что значат мелкие страдания сегодняшнего дня в сравнении с тяжелыми испытаниями минувшего? Было время, когда все наши дома и очаги находились под угрозой, когда каждый час был часом тревоги и волнений, когда рассудок, измученный беспокойством, не знал отдыха, и все, кроме надежды и силы духа, покидало нас.

Полезно оглянуться на эти события, чтобы возродить в памяти времена тревоги и картины тяжких страданий, ушедших в прошлое. Тогда каждая расходная статья казалась незначительной перед страхом быть побежденными и позором быть покоренными. Мы не

торговались по пустякам и не возражали против необходимых и неизбежных расходов на оборону. Каждый нес свою долю страданий и смотрел вперед с надеждой на счастливые дни и спокойную жизнь.

Возможно, самые большие опасности, которым может быть подвергнута любая страна, возникают из своего рода мелочности, которая иногда незаметно овладевает духом, считающим, что опасность миновала. И эта опасная ситуация характерна в настоящее время для весьма своеобразного кризиса Америки. Что бы она прежде отдала, дабы быть уверенной в том, что ее сегодняшнее положение будет таким, какое оно есть? И все-таки, мы, кажется, не придаем этому [положению] должной ценности и не принимаем необходимых энергичных мер, чтобы его упрочить. Мы знаем, что без трудностей и расходов ни нас не будут оборонять, ни мы сами себя не сможем защитить. Мы не имеем права ждать этого и не должны к этому стремиться. Мы – народ, который в силу своего положения отличается от всего мира. Мы сплотились на общей почве общественного блага и, каково бы ни было наше бремя, мы несем его в наших собственных интересах, на свой страх и риск.

Несчастье и опыт научили нас системе и методу; мероприятия для ведения войны подчинены власти и порядку. Доля каждого штата установлена, и я намерен в будущей статье показать, каков их объем, а также необходимость и преимущества энергичного выполнения своей доли.

А пока я закончу эту статью примером британского милосердия, из Истории Англии Смолетта, том XI, стр. 239, напечатанной в Лондоне. Это покажет, насколько мрачно положение закабаленного народа и насколько одна только действенная оборона есть залог безопасности.

Мы все знаем, что род Стюартов и Ганноверский дом боролись за английскую корону. Род Стюартов стоял на первом месте по линии престолонаследия, но успех выпал дому Ганновера.

В июле 1745 г. Карл, сын изгнанного короля, высадился в Шотландии, собрал небольшую армию, во всяком случае не превышавшую пяти или шести тысяч человек, и совершил несколько попыток восстановить свои права. Покойный герцог Кемберлендский, дядя нынешнего короля Англии, был послан против Карла и 16 апреля следующего года разбил его наголову в Шотландии, под Кэллоденом.

Успех и власть – это единственные положения, при которых можно проявить милосердие, те же, кто проявляет жестокость, одержав победу, могут с такой же легкостью проявить другие низменные пороки.

«Тотчас же после решающей битвы под Кэллоденом герцог Кемберлендский овладел Инвернессом, где тридцать шесть дезертиров, осужденных военным трибуналом, были приговорены к казни. Затем он откомандировал несколько отрядов с целью опустошения

этого района. Один из отрядов задержал леди Макинтош, и в качестве пленной отослал ее в Инвернесс, разграбил ее дом и угнал скот, несмотря на то, что ее муж был в то время на правительственной службе. Замок лорда Ловат был разрушен. Французские пленные были высланы в Карлейль и Пэнрит; Килмарнок, Балмерино, Кромарти и его сын лорд Маклеод были отправлены морем в Лондон, а те, кто занимал более низкое положение, были заключены в разные тюрьмы. Маркиз Туллибардин вместе с братом графа Дэнмор и Маррэем, секретарем претендента, были схвачены и перевезены в лондонский Тауэр, куда был заключен по подозрению [и] эрл Тракуэр; а старший сын лорда Ловат был заточен в Эдинбургский замок. Словом, все тюрьмы Великобритании, от столицы до севера, были заполнены этими несчастными пленниками, и огромное число их собралось в корабельных трюмах, где они погибали самым жалким образом из-за недостатка воздуха и моциона. Некоторые вожди мятежников бежали на двух французских фрегатах, которые подошли к берегу Лохабера примерно в конце апреля и вступили в бой с тремя кораблями Его Британского величества, заставив их отступить. Другие сели на корабль, стоявший у берега Бюкэна, на котором отправились в Норвегию, а оттуда в Швецию. В мае герцог Кемберлендский продвинулся со своей армией в [шотландские] горы, вплоть до форта Эгастус, где он расположился лагерем и выслал повсюду отряды с целью выследить беглецов и опустошить страну огнем и мечом. Замки в Кленгари и Лочизэль были разграблены и сожжены, каждый дом, лачугу или жилище без различия постигала та же судьба, весь скот и съестные припасы были вывезены. Мужчины или расстреливались в горах подобно диким животным, или умерщвлялись холодным оружием даже без подобия суда. Женщины, присутствующие при зверских убийствах своих мужей и отцов, были подвергнуты грубому насилию, а затем изгнаны нагими вместе со своими детьми на голодную смерть в бесплодных полях.

Целую семью заперли в амбаре и сожгли дотла. Те, кто осуществлял эту месть, проявили такое усердие в выполнении своего дела, что через несколько дней в пределах пятидесяти миль нельзя было найти ни дома, ни хижины, ни человека, ни животного; повсюду царили разрушение, молчание и отчаяние».

Я привел здесь читателю один из наиболее потрясающих случаев жестокости для того, чтобы он запомнил и глубоко осознал, какие тяжелые бедствия и разрушения обрушились бы на него, если бы Англия подчинила себе Америку. Я сделал это также для того, чтобы показать и дать ему почувствовать, насколько важно, ради его личной безопасности, чести, интересов и благополучия всего общества, не упускать и не откладывать ни одного мероприятия, необходимого для обеспечения безопасности земли, на которой мы имеем счастье жить.

Американский кризис

Размышления о мире и о возможных преимуществах его

«Времена испытаний для человеческих душ» прошли. Величайшая и глубочайшая революция, которую когда-либо знал мир, славно и благополучно завершилась.

Но переход от больших опасностей к состоянию полной безопасности, от грохота войны к спокойствию мирного времени, хотя его и сладостно себе представить, требует постепенного успокоения чувств, чтобы его совершить. Даже тишина способна ошеломить, когда она обрушивается на нас слишком внезапно. Если бы яростный и долго продолжающийся ураган вдруг мгновенно прекратился, он бы вызвал у нас состояние скорее изумления, нежели радости, и раньше, чем мы смогли бы вкусить блаженство покоя, потребовалось бы некоторое время для того, чтобы можно было прийти в себя. Только в некоторых случаях разум способен к восприятию внезапных переходов: он получает удовольствие от размышлений и сравнений, а для их действия нужно время, прежде чем вполне созреет вкус к новым зрелищам.

В данном случае могучее величие цели, различные превратности испытанной судьбы, множество и размер опасностей, которые мы испытали или избегли, высота, на которой мы теперь стоим, и широкие горизонты, [открывшиеся] перед нами, все это как бы сговорилось, чтобы внушить нам созерцательность.

Поняв, что в наших силах сделать мир счастливым и научить человечество искусству быть счастливым, показать на всемирных подмостках доселе неизвестное действующее лицо и иметь, так сказать, новое творение вверенным в наши руки, – все это честь, требующая размышлений и заслуживающая как самого высокого признания, так и самой глубокой благодарности.

Следовательно, в этой передышке, пока затихает шторм и разум, долго находившийся в состоянии возбуждения, возвращается к покою, оглянемся на пройденный путь и из опыта прошлого вынесем урок для наших будущих дел.

В самом деле, ни одна страна не имела такого множества благоприятных возможностей для счастья, как наша. Ее вступление в жизнь, подобно наступлению ясного утра, было безоблачным и многообещающим. Ее дело было правым, принципы ее справедливы и либеральны. Нрав ее – спокоен и тверд. В своих деяниях она руководствуется наилучшими примерами, и все вокруг нее носит отпечаток достоинства. Не всякая страна (возможно в мире и нет другой такой) может гордиться столь прекрасным происхождением. Даже первое заселение Америки отвечает характеру [нынешней] революции. Римская империя – некогда гордая повелительница мира – первоначально являла собой банду головорезов. Грабежи и хищения принесли ей богатство, а угнетение

миллионов людей принесло ей величие. Но Америке никогда не придется стыдиться своего происхождения и способов, благодаря которым она стала империей.

Следовательно, памятуя о прошлом и сделав из него правильные выводы, Америка должна испытывать чувство, наиболее похвальное из всех честолюбивых чувств, а именно: стремление умножить добрую славу, с которой она вступила в жизнь. Мир видел ее величие в беде, в борьбе с растущими трудностями, без малейшей мысли отступить перед ними; [мир видел ее] смело и гордо встречавшей надвигавшиеся бедствия и все более решительной по мере того, как усиливался шторм. Все эти похвалы она воистину заслужила, ибо сила ее духа оправдала ее репутацию. Так пусть же мир увидит, что она способна достичь и удержать процветание, и что в мирное время она столь же честна, сколь отважна в минуту войны.

Теперь она нисходит к состоянию спокойной домашней жизни. Не для того чтобы предаваться разочарованию под сенью кипарисов, а чтобы на своей собственной земле и под сенью виноградных лоз вкушать сладость своих деяний и вознаграждение за свой тяжелый труд. И пусть в этом положении она никогда не забывает, что доброе имя нации так же важно, как ее независимость; что доброму имени присуще обаяние, способное очаровывать весь мир и заставить даже врагов быть любезными; что оно придает достоинство, которое нередко превосходит могущество и внушает почтение там, где отступают пышность и роскошь.

Если по какой-либо причине малейшему пятну случилось бы пасть на революцию, которая до скончания времен должна оказывать честь эпохе, совершившей ее, и которая сделала для просвещения всего мира и распространения свободолюбия и либеральных взглядов среди человечества больше, чем какое-либо другое человеческое событие (если можно так выразиться), предшествующее ей, то это было бы обстоятельством, достойным вечного сожаления, и о нем нельзя было бы забыть.

Одно из немаловажных бедствий продолжительной войны это то, что она лишает разум способности проявлять те добрые чувства, которые в другое время казались столь приятными. Беспреданное созерцание горя притупляет более благородные чувства, и необходимость терпеть это зрелище делает его привычным. Равным образом, многие нравственные обязательства общества ослабевают, пока привычка действовать под влиянием необходимости не становится оправданием в тех случаях, когда на самом деле речь идет о преступлении. Но как только нация по достоинству оценит свою репутацию, она проявит целомудренную справедливость, оберегая ее. Никто никогда не начинал свое существование с более добрым именем, чем Америка, и она обязана больше, чем кто-либо, сохранить его.

Едва ли заслуживают даже упоминания долги Америки, если сравнить их с делом, которое она выиграла, и с вытекающими из этого преимуществами. Америка получила

возможность сделать свой выбор и жить так, как ей угодно. Целый мир в ее руках, она избавилась от чужеземного владычества, которое монополизировало ее торговлю, нарушало ее законодательство и сдерживало ее процветание. Борьба закончена, что и должно было однажды совершиться, и быть может, [закончена] в самое благоприятное для этого время. Вместо деспотического хозяина Америка обрела союзника, чье примерное величие и всеобщая широта взглядов получили признание даже ее врагов.

С помощью благ мирной жизни, независимости и свободной торговли, штаты как каждый в отдельности, так и все вместе будут иметь время и возможность урегулировать и упорядочить свои внутренние дела и сделать клевету бессильной набросить малейшую тень на их честь. Доброе имя [нации] значительно легче сохранить, чем восстановить, и тот человек, если таковой найдется, который из-за своих дурных наклонностей или по душевной низости приложит свою руку, чтобы очернить это доброе имя, тем самым наносит рану, которую никогда не сможет исцелить.

Поскольку нами заложено наследие для потомков, то пусть это наследие перейдет к ним с соблюдением всех условий честной передачи. Это будет стоить так немного, по сравнению с достоинством штатов, величием цели и ценой доброго имени, что сделка окажется выгодной.

Но что всего сильнее должно запечатлеться в мыслящем, проницательном уме, что поглощает и облегчает все меньшие заботы – это союз штатов. От него зависит великая слава нашей нации. Это он должен дать нам авторитет за границей и безопасность дома. Только благодаря ему нас знают и могут знать в мире как нацию. Флаг Соединенных Штатов – вот что обеспечит нашим кораблям и нашей торговле безопасность в море и в чужом порту. Под этим флагом нам надлежит получить право прохода в Средиземное море. Все наши договоры, будь то союзнические, мирные или торговые, заключаются под суверенитетом Соединенных Штатов, и Европа знает нас только под этим именем и названием.

Разделение империи на штаты сделано только для нашего собственного удобства, но за границей это различие прекращается. Дела каждого штата носят местный характер. Они не идут дальше его самого. И даже все достояние самого богатого из них было бы недостаточно для охраны суверенитета от иноземного нападения. Короче говоря, у нас нет другого национального суверенитета, кроме как в качестве Соединенных Штатов. Для нас было бы даже губительно, если бы мы его имели, ибо его слишком дорого было бы поддерживать и невозможно защищать. Отдельные личности или отдельные штаты могут называть себя, как им нравится, но миру, в особенности миру врагов, не внушить почтения [одним] звучанием имени. Суверенитет должен обладать силой защитить все части, образующие и составляющие его; и как Соединенные Штаты, мы на высоте этого названия, в ином же случае – нет. Наш союз, хорошо управляемый и сцементированный –

это наиболее дешевый путь к величию и наиболее легкий – к могуществу, это наиболее удачное решение формы правления, соответствующее условиям Америки. Это объясняется тем, что Союз берет от каждого штата то, что, будучи недостаточным [для каждого штата в отдельности], тем самым и бесполезно для него, но в совокупности служит для всех.

Голландские штаты – это несчастный пример последствий индивидуального суверенитета. Их разобщенное состояние подвергает их многочисленным козням врагов, причиняет потери и бедствия; и почти полная невозможность принять согласованное решение, а затем привести его в исполнение служит для них и оказалась бы для нас источником бесконечных несчастий.

С конфедерацией штатов дело обстоит, как с индивидами в обществе; чем-то надо поступиться для того, чтобы обеспечить целое. Занимая такую позицию, мы выигрываем тем, что отдаем и получаем годовой процент, превышающий капитал. Малейшее проявление неуважения к нашему союзу, этому великому оплоту нашей свободы и безопасности, всегда вызывает у меня чувство боли. Этот союз – святая святых конституции Америки, каждому следует им гордиться и о нем заботиться больше всего. Наша гражданская принадлежность к Соединенным Штатам определяет собой наше национальное лицо. Наша гражданская принадлежность к отдельному штату является лишь нашим местным отличием. По последнему признаку нас отличают у себя дома, по первому – во всем мире. Наше великое звание – американцы. Наше второстепенное звание меняется в зависимости от местности.

Насколько хватало моих сил, все они были направлены к примирению различных чувств, к сплочению и единству духа страны. С целью лучше помочь этой созидательной работе революции, я избегал всех доходных и почетных мест как в штате, где я живу, так и в Соединенных Штатах. Я держался в стороне от всех партий или партийных связей и также пренебрегал всеми частными и мелкими заботами. И когда мы примем во внимание огромную работу, сделанную нами, и в полной мере почувствуем – как мы это должны чувствовать – ее истинное значение, тогда мы увидим, что мелкие распри и неблагоприятные столкновения личного свойства в такой же мере бесчестят нашу репутацию, как и вредят нашему спокойствию.

Борьба за дело Америки превратила меня в литератора. Сила, с которой это дело овладело моим разумом, и опасное положение, в котором, по моему мнению, находилась страна, склонявшаяся к невозможному и противоестественному примирению с теми, кто жаждал подчинить ее себе, вместо того, чтобы идти по единственно верному пути, который только мог сплотить и спасти ее, – по пути провозглашения независимости, все это не позволило мне молчать. И если я в течение более семи лет оказал ей какую-либо услугу, я также кое-что добавил к доброму имени литературы, свободно и бескорыстно

используя перо в великой борьбе человечества и показывая, что можно творить, не продаваясь.

Независимость всегда представлялась мне осуществимой и вероятной при условии, если в стране можно создать и сохранить твердое общественное мнение в ее поддержку. Мир не знает примера, когда бы народ, столь большой, преданный устаревшему образу мысли и живший в таких разнообразных условиях, так быстро и действенно воспринял политические изменения, как [это имело место] в вопросе о независимости, и который бы пронес свои идеи столь незыблемыми сквозь череду удач и невзгод, пока его дело не увенчалось успехом.

Но, поскольку военные действия закончились и каждый солдат готовится к возвращению домой для более счастливой жизни, я прекращаю рассмотрение этого предмета. Самым искренним образом я следил за ним от начала до конца, на всех его поворотах и извилинах, и в какой бы стране мне ни довелось жить в будущем, я постоянно буду испытывать, чувство истинной гордости за долю моего участия в нем, а также благодарность природе и провидению за то, что они дали мне силы принести человечеству некоторую пользу.

Здравый смысл. Филадельфия, 19 августа 1783 г.

АЛЕКСАНДР ГАМИЛЬТОН (1755–1804)

Приехав в Америку в 1772 г., Гамильтон сразу же включился в политическую борьбу как сторонник независимости американских колоний и быстро стал известен своими памфлетами. Поле Войны за независимость Гамильтон в статьях и памфлетах пропагандировал идею сильного централизованного государства.

В 1787–1788 гг. Гамильтон в соавторстве с Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джеем создал цикл статей под общим названием «Федералист». Статьи регулярно публиковались в нью-йоркских газетах под псевдонимом *Публий*. Их целью было убедить избирателей штата Нью-Йорк в необходимости проголосовать за Конституцию. Из 85 статей Гамильтону принадлежит пятьдесят одна, он писал по четыре статьи в неделю.

Гамильтон не переставал писать статьи, памфлеты, эссе на злободневные темы, даже будучи министром финансов в правительстве президента Адамса.

ДЖЕЙМС МЭДИСОН (1751–1836)

Мэдисон был одним из самых оригинальных мыслителей своей эпохи. Он стал одним из главных авторов Конституции США. В «Федералист» Мэдисон написал двадцать девять статей, которые явились не только важным средством в политической борьбе, но и самым глубоким комментарием к американской Конституции.

Защитив Конституцию, Мэдисон вскоре разошелся во взглядах с Гамильтоном. Мэдисон стал лидером республиканской партии, Гамильтон – федералистской. В 1801–1809 гг. Мэдисон был государственным секретарем, а с 1809 по 1817 г. – четвертым по счету президентом США.

Федералист № 1^[5]

**Цикл статей под общим названием «Федералист» был задуман А. Гамильтоном в октябре 1787 г., чтобы объяснить жителям штата Нью-Йорк преимущества Конституции.*

Гамильтон, Мэдисон и Джей публиковали статьи под общим псевдонимом «Публий». Первые семь статей были опубликованы в нью-йоркской газете Independent Journal. Затем публикации стали чередоваться: по вторникам в New York Packet, по средам и субботам – в «Independent Journal», по четвергам – в Daily Advertiser. Всего вышло 85 статей-эссе.

Печатается по: Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея / Пер. Н. Яковлева (1, 69, 70, 71), Э. Осиневой (2), М. Шерешевской (10, 51). М., 1983.

Александр Гамильтон

Октября 27, 1787 г.

К народу штата Нью-Йорк

После того как вы на собственном опыте убедились в неэффективности федерального правления, вам предлагается рассмотреть новую конституцию для Соединенных Штатов Америки. Предмет, значимость которого самоочевидна; речь идет не больше не меньше, как о существовании Союза, безопасности и благополучии входящих в него частей, о судьбе во многих отношениях самой интересной в мире империи. Часто отмечалось, что, по-видимому, народу нашей страны суждено своим поведением и примером решить важнейший вопрос: способны ли сообщества людей в результате раздумий и по собственному выбору действительно учреждать хорошее правление или они навсегда обречены волей случая или насилия получать свои политические конституции? Если это замечание хоть в какой-то мере правильно, тогда кризисный период, который мы переживаем, можно считать временем, когда нужно принять решение, и неверный выбор нашей роли вполне можно счесть бедой для всего человечества.

Мысль об этом умножит филантропические побуждения патриотизма, что усилит озабоченность этим событием всех разумных и добрых людей. Воистину мы будем счастливы, если наш выбор продиктует точная оценка наших истинных интересов, не осложненная и не омраченная предрассудками, не связанными с общественным благом. Но этого легче страстно желать, чем серьезно ожидать. План, предложенный на наше рассмотрение, затрагивает очень много особых интересов, обновляет множество местных установлений, что не может не затронуть в ходе обсуждения массу посторонних предметов, а также взглядов, страстей и предрассудков, далеко не способствующих открытию истины. Среди самых больших препятствий, которые должна встретить новая конституция, можно без труда разглядеть очевидные интересы определенного класса людей в каждом штате, опасющихся уменьшения их власти, доходов и выгод, получаемых от занимаемых ими должностей в учреждениях штата, а также извращенные амбиции другого класса людей, либо рассчитывающих разжиться в обстановке смятения, воцарившегося в стране, либо ласкающих себя надеждой, что перспективы подняться вверх при разделении империи на несколько местных конфедераций куда выше, чем при союзе, где правит одно правительство. Я не намереваюсь, однако, заниматься рассуждениями такого рода. Я прекрасно понимаю, что было бы безрассудно списывать без разбора в оппозицию любую группу людей (только по той причине, что в силу занимаемого ими положения они оказываются под подозрением) из эгоистических или честолобивых соображений. Беспристрастие обязывает нас признать, что даже такие люди могут руководствоваться честными намерениями; и нет сомнений в том, что большая часть уже проявившихся возражений или тех, которые проявятся в дальнейшем, будет проистекать из побуждений по крайней мере честных, если не уважаемых, будет честными заблуждениями умов, сбитых с толку завистью и страхами. В сущности, столь многочисленны и серьезны причины, которые придают ложную предвзятость суждению, что мы часто видим мудрых и добрых людей как среди правых, так и среди неправых по делам первостепенного значения для общества. Это обстоятельство при должном учете дает урок сдержанности тем, кто в любом споре сверхуверен в своей правоте. И другой урок осторожности можно извлечь, поразмыслив о том, что мы не всегда уверены в большей чистоте принципов, оказывающихся правыми, чем их противников. Амбиции, алчность, личная враждебность, партийная оппозиция и многие другие мотивы, не похвальнее перечисленных, могут воздействовать как на тех, кто стоит за правое решение вопроса, так и на тех, кто против. Даже если бы не существовало этих побудительных причин к сдержанности, ничто не может быть более опрометчивым, чем дух нетерпимости, всегда отмечающий политические партии. В политике, как и в религии, в равной степени абсурдно находить сторонников огнем и мечом. В обоих случаях ереси редко излечиваются преследованиями.

Однако как бы ни были справедливы эти соображения, у нас уже есть достаточно указаний на то, что именно это случится в наших, как бывало во всех прежних, великих национальных дебатах. На свободу вырвется поток злых и злоумышленных страстей. Если судить по поведению противоборствующих партий, нам следует заключить, что они взаимно надеются выказать справедливость своих суждений и увеличить количество обращенных в пользу их дела громогласностью заявлений и желчью филиппик. Просвещенное рвение к тому, чтобы правление осуществлялось энергично и эффективно, заклеивают как плод характера, склонного к деспотической власти и враждебности принципам свободы. Чрезмерная ревность по поводу угрозы правам народа, в чем по большей части виноват ум, а не сердце, будет изображаться как притворство и фальшь, приманка для получения популярности за счет общественного блага. С одной стороны, забудут, что ревность обычно сопутствует страстной любви, а благородное стремление к свободе очень подвержено заражению духом узкого и нелиберального недоверия. С другой стороны, будет также забыто, что сильное правление необходимо для обеспечения безопасности свободы; что здравому и просвещенному мнению их интересы нельзя разделить, а опасные амбиции чаще скрываются за благовидной маской радетеля о правах народа, чем за пугающими стремлениями к введению твердого и эффективного правления. История учит нас, что первое куда более верная дорога к деспотизму, чем второе, и среди тех, кто уничтожал свободу в республиках, подавляющее большинство начинали свою карьеру, заигрывая с народом, будучи Демагогами, а затем превращались в Тиранов.

Этими своими предварительными замечаниями, мои сограждане, я намереваюсь предостеречь вас против любых попыток, откуда бы они ни исходили, оказать влияние на ваше решение в деле величайшей значимости для вашего благосостояния доводами, не продиктованными правдой. Вы, несомненно, заметили по сути моих замечаний, что они исходят из источника, не недружественного к новой конституции. Да, мои соотечественники, должен сказать вам, что после тщательного рассмотрения я не сомневаюсь – в ваших интересах принять ее. Я убежден, что это самый верный путь для обеспечения вашей свободы, вашего достоинства и вашего счастья. Я не сделаю оговорок, у меня их нет. Я не буду забавлять вас видимостью размышлений, ибо я уже решил. Я искренне раскрою вам мои убеждения и покажу основы, на которых они зиждутся. В осознании добрых намерений я презираю двусмысленность. Однако хватит умножать рассуждения на этот счет. Мои мотивы должны остаться в моей груди, но моя аргументация доступна всем, и все могут судить о ней. Она будет представлена по крайней мере в духе уважения к истине.

Я предполагаю в серии статей рассмотреть следующие интересные частные вопросы; польза *Союза для вашего политического процветания; недостаточность нынешней*

конфедерации для сохранения Союза; необходимость правительства, по крайней мере, столь же энергичного, как предложения для достижения этой цели; соответствие предложенной конституции истинным принципам республиканского правления; ее аналогия с конституцией вашего собственного штата – и наконец, дополнительная гарантия, которую даст ее принятие сохранению этого образа правления, свободы и собственности.

В процессе рассуждений я попытаюсь дать удовлетворительный ответ на все возражения, которые появятся и в какой-то мере заслужат ваше внимание.

Быть может, будет сочтено излишним выдвигать аргументы для доказательства пользы Союза, что, вне сомнения, запечатлено в сердцах многих людей во всех штатах и, как можно предположить, не имеет противников. Однако мы уже знаем, что в кружках недругов новой конституции тайком шепчутся, что тринадцать штатов занимают слишком большое пространство для введения одной общей системы и посему по необходимости должно создать отдельные конфедерации, являющиеся частями, отличными от целого. Эта доктрина, по всей вероятности, будет постепенно пропагандироваться, пока не соберет достаточного количества почитателей, чтобы ее можно было открыто отстаивать. Для тех, кто в состоянии шире взглянуть на вещи, нет более очевидной альтернативы принятию новой конституции, чем расчленение Союза. Поэтому полезно начать с рассмотрения преимуществ предлагаемого Союза, неизбежных бед и возможных опасностей, которым подвергнется каждый штат в случае его роспуска. Этот вопрос я и рассмотрю в моем следующем обращении.

Публий

Федералист № 2

Джон Джей

Октября 31, 1787 г.

К народу штата Нью-Йорк

Когда народ Америки поймет, что он призван решить вопрос, которому по своим последствиям суждено стать одним из важнейших, когда-либо встававших перед ним, то станет ясно, что ему надлежит подойти к этому вопросу весьма серьезно и рассмотреть его со всех сторон.

Нет ничего более очевидного, чем настоятельная необходимость иметь правительство. Не подлежит сомнению и то, что народ должен передать ему, как только оно будет учреждено, часть своих естественных прав, с тем чтобы наделить его необходимой властью. Поэтому стоит подумать о том, что больше соответствует интересам американского народа – останется ли он единой нацией, с одним федеральным

правительством или разделится на отдельные конфедерации, наделив руководство каждой из них теми же властными функциями, которые предлагается отдать единому национальному правительству.

До недавнего времени господствовало мнение о том, что процветание народа Америки зависит от неукоснительного сохранения единства. Помыслы, молитвы и усилия лучших и мудрейших наших граждан были постоянно направлены на достижение этой цели. Теперь появляются политики, утверждающие, что это мнение ошибочно и вместо того, чтобы обрести безопасность и счастье в Союзе, мы якобы должны искать его в разделении штатов на отдельные конфедерации или суверенные образования. Сколь необычной ни показалась бы эта новая доктрина, у нее все же находятся сторонники, выступавшие прежде против нее теперь высказываются «за». Каковы бы ни были доводы и мотивы, вызвавшие перемену в настроениях и речах этих господ, было бы крайне неразумно, если бы массы признали эти новые политические принципы, не будучи полностью уверены в том, что они основываются на истине и политической мудрости.

Мне не раз доставляло удовольствие думать о том, что независимая Америка не составлена из отдельных, удаленных друг от друга территорий, но представляет собой одну, единую, плодородную, широко раскинувшуюся страну, которую унаследовали наши западные сыны свободы. Провидение особым образом благословило ее, ниспослав на радость и пользу ее обитателей разнообразие почв и произрастающих на ней плодов, а также бесчисленные реки, текущие по ее просторам. Судоходные реки и озера образуют цепь вдоль ее границ, словно связывая ее в одно целое, а самые величественные реки в мире, текущие на удобном расстоянии друг от друга, подобно широким дорогам, связывают дружественные народы, помогая им осуществлять обмен и доставку различных товаров. Я также часто с удовольствием отмечал, что Провидению угодно было ниспослать эту единую страну единому народу, который происходит от одних предков, говорит на одном языке, исповедует одну религию, привержен одним и тем же принципам правления, следует одинаковым обычаям и традициям, народу, который в результате совместных усилий, борясь плечом к плечу в долгой и кровавой войне, завоевал свободу и независимость.

Эта страна и этот народ, похоже, были созданы друг для друга. По-видимому, план Провидения в том и состоял, чтобы наследие столь богатое и достойное братской семьи народов, соединенных крепчайшими узами, никогда не дробилось на враждебные, соперничающие между собой государства.

Сходные чувства до недавнего времени преобладали среди всех слоев населения. По сути дела, мы были одним народом, причем каждый гражданин, где бы он ни находился, пользовался одинаковыми правами, преимуществами, а также защитой государства. Как

единая нация мы вели войну и заключали мир, побеждали общих врагов, образовывали союзы и заключали договоры с иностранными государствами.

Осознание ценности и выгод союза вынудило народ в самом начале войны создать федеральное правительство в интересах его сохранения и упрочения. Правительство было образовано, как только народ ощутил себя политической силой; даже раньше, когда наши жилища были охвачены огнем, многие граждане истекали кровью, а война и принесенные ею разрушения не оставляли времени для спокойных размышлений и серьезной подготовки, которые обычно предшествуют образованию мудрого и сбалансированного правительства для свободного народа. Нет ничего удивительного в том, что правительство, образованное в столь тяжкое время, на деле оказалось далеко не идеальным и не вполне отвечало цели, для которой было создано.

Наш просвещенный народ понял, в чем несовершенство правительства, и сожалеет о нем. Будучи не меньшими сторонниками союза, чем свободы, люди видели опасность, которая грозила прежде всего союзу и лишь затем свободе; убедившись в том, что должным образом защитить союз и свободу можно, лишь создав более совершенное, чем прежде, федеральное правительство, они единодушно согласились созвать недавно прошедший конституционный конвент с тем, чтобы рассмотреть этот важный вопрос.

Трудная задача стояла перед конвентом, членами которого стали люди, пользовавшиеся доверием сограждан, причем многие из них уже были широко известны благодаря своему патриотизму и высоким нравственным качествам, проявленным во времена, когда умы и сердца людей подвергались тяжким испытаниям. В мирное время, когда их уже ничто не отвлекало, они посвятили многие месяцы обсуждению конституции, их спокойной ежедневной работе никто не мешал. Они не испытывали страха перед властями, на них не влияли никакие страсти, кроме любви к родине. Наконец, они подготовили и рекомендовали народу ставший плодом их совместных обсуждений и единодушно одобренный ими проект.

Признаем: проект этот именно рекомендован, а не навязан. Не забудем также, что нам рекомендуют не механически одобрить или механически отвергнуть его, а спокойно и честно рассмотреть, чего требуют важность и значимость предмета и чего он, безусловно, заслуживает. Однако (как было отмечено в предыдущем письме) при всей желательности этого трудно рассчитывать на то, что его рассмотрение и изучение будут проходить именно так. Прошлый опыт учит нас не слишком обольщаться надеждами. Еще не забылось, как чувство близкой опасности, для которого были все основания, заставило американцев созвать памятный Континентальный конгресс в 1774 году. Конгресс рекомендовал избравшему его народу некоторые меры, мудрость которых была очевидна. Но в памяти еще свежи воспоминания о том, что вскоре появилось множество памфлетов и публикаций в еженедельных газетах, в которых эти самые меры

критиковались. Многие правительственные чиновники, преследовавшие свои личные интересы, а также те, кто неверно оценивали последствия, или находились под влиянием прежних связей, или же стремились к целям, несовместимым с общественным благом, – все они были неутомимы в попытках убедить народ отвергнуть продиктованные патриотическим чувством рекомендации конгресса. Многие были введены в заблуждение или сами обманулись, но подавляющее большинство рассудило здраво и теперь счастливо от сознания того, что поступило именно так.

Они сочли, что конгресс состоит из многих умнейших и опытнейших людей, которые, приехав из разных концов страны, принесли с собой и передали друг другу массу полезной информации. В течение времени, которое они провели вместе, они обсуждали вопрос о том, в чем подлинные интересы страны, и, естественно, должны были получить довольно точное об этом представление. Каждый из них заботился о свободе общества и его процветании, поэтому не только из чувства долга, но по велению совести они предлагали меры, которые по зрелом размышлении сочли действительно разумными и желательными.

Тогда эти и подобные соображения убедили народ довериться мудрости конгресса и согласиться с его решением. Он последовал рекомендациям конгресса, несмотря на различные ухищрения и попытки его разубедить и помешать осуществлению решения. Но если у всего народа было достаточно причин доверять конгрессу, большинство делегатов которого были мало известны и еще не проявили себя, то тем более у него причин сейчас уважать мнения и рекомендации конституционного конвента, ибо хорошо известно, что несколько самых видных делегатов того конгресса, впоследствии проявивших себя и снискавших заслуженное уважение благодаря патриотизму и талантам – а это люди весьма искушенные в политике, – являлись также и членами конституционного конвента, в работу которого они привнесли свои знания и опыт.

Стоит заметить, что делегаты не только первого, но и всех последующих конгрессов, равно как и недавно проходившего конституционного конвента, неизменно сходились с американским народом во мнении о том, что процветание Америки зависит от ее единства. Сохранение Союза и упрочение его были той великой целью, которую преследовал народ Америки, избирая конвент. Ту же цель преследует и проект, который конвент призвал принять. Какими же соображениями и благами целями руководствуются те, кто в данный момент пытаются приуменьшить важность Союза? Почему нам говорят, что три-четыре конфедерации лучше одной? Я глубоко убежден, что мнение народа на сей счет было верным, что повсеместная и единодушная поддержка, которую он оказывает делу сохранения Союза, имеет под собой веские основания и объясняется благородными мотивами. Я попытаюсь подробнее остановиться на этом в следующих статьях. Те, кто поддерживают идею образования ряда отдельных конфедераций вместо

предложенного настоящим конвентом проекта, возможно, предвидят, что отказ от него подвергнет Союз серьезной опасности. Возможность подобного исхода велика, и я искренне желаю, чтобы каждый добрый гражданин отчетливо понимал: когда Союз распадется, Америка с полным основанием может воскликнуть словами поэта: «ПРОЩАЙ, ПРОЩАЙ, ВСЕ МОЕ ВЕЛИЧИЕ!»

Публий

Федералист № 10

Джеймс Мэдисон

Ноября 22, 1787 г.

К народу штата Нью-Йорк

Среди многочисленных преимуществ, которые сулит нам хорошо учрежденный Союз, ни одно не заслуживает более пристального рассмотрения, чем присущая ему способность сокрушать и умерять разгул крамольных сообществ. Ничто так не тревожит сторонника народных правительств касательно их характера и судьбы, как мысль о предрасположении народовластия к сему опасному злу. И для того он не преминет должным образом оценить любой проект, который, не нарушая принципов, коим наш друг привержен, предлагает надежное от этой язвы средство. Неустойчивость, несправедливость и сумятица в делах, коими заражены общественные представительства, поистине являются смертельными болезнями, повсеместно приводившими народные правительства к гибели, равно как были и остаются теми излюбленными и плодотворными темами, в которых враги свободы черпают наиболее правдоподобные доводы для своих филиппик. И хотя ценные усовершенствования, внесенные американскими конституциями в образцы народного правления, как древние, так и нынешние, вызывают справедливое восхищение, было бы недопустимым пристрастием утверждать, будто они полностью устранили опасность подобного рода, как бы мы того ни желали и ни ждали. Наиразумнейшие и добродетельнейшие наши граждане, исповедующие твердую веру в общественную и личную свободу, повсеместно сетуют на то, что правительства наши слишком неустойчивы, что за распрями соперничающих партий забывают об общественном благе и что меры, ими принимаемые, слишком часто грешат против правил справедливости и прав меньшинства, тем паче что вводятся превосходящей силой заинтересованного и властного большинства. Сколь горячо ни желали бы мы, чтобы эти сетования оказались неосновательны, свидетельства известных фактов не позволяют нам отрицать, что они в немалой степени справедливы. И хотя беспристрастное рассмотрение положения наших дел обнаруживает, что вину за

некоторые свалившиеся на нас несчастья ошибочно возлагают на действия наших правительств, в то же время нельзя не обнаружить, что и только другими причинами не объяснить тяжелейшие наши беды, в особенности же все возрастающее и уже господствующее недоверие к общественным учреждениям и страх за права личности, повсеместно охватившие наших граждан и выражаемые ими с одного конца континента до другого. Оба эти явления вызваны главным образом, если не целиком, шаткостью и несправедливостью, которыми дух крамолы окрасил наше общественное правление.

Под крамолой, или крамольным сообществом, я разумею некое число граждан – независимо от того, составляет ли оно большую или меньшую часть целого, – которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества.

Существуют два способа излечиться от этого зла. Первый – устранить причины, его порождающие; второй – умерять его воздействия.

В свою очередь существуют два способа устранения причин, порождающих крамольные сообщества: первый – уничтожить саму свободу, необходимую для их существования; второй – внушить всем гражданам одни и те же мысли, одни и те же увлечения, одни и те же интересы.

Нельзя лучше определить первое из названных средств, чем сказать про него, что оно хуже самой болезни. Свобода для крамольных сообществ все равно что воздух для пламени – пища, без которой они немедленно иссякнут. Но было бы величайшей глупостью уничтожить свободу единственно потому, что она питает крамолу, равно как желать уничтожения воздуха, без которого нет жизни для всего сущего, единственно потому, что он раздувает разрушительное пламя.

Второе средство столь же непрактично, сколь первое неразумно. До тех пор, пока человеческий разум склонен ошибаться, а человек не ограничен в пользовании им, неизбежны различные мнения. До тех пор пока сохраняется связь между разумом и себялюбием, мнения и увлечения будут взаимно влиять друг на друга и последние будут воздействовать на первые. Разнообразие присущих человеку способностей также является непреодолимым препятствием, не допускающим единообразия интересов.

Защита способностей и дарований – первая забота правительства. От защиты различных и неравных способностей приобретения собственности непосредственно зависят различные по степени и характеру формы собственности, а из воздействия их на чувства и воззрения соответствующих собственников проистекает разделение общества по различным интересам и партиям.

Таким образом, скрытые причины крамолы заложены в природе человека, и мы зрим, как они повсеместно, хотя и в различной степени, вызывают действия, совместные с различными обстоятельствами гражданского общества. Страсть к различным мнениям

касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца, в свою очередь делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага. Предрасположение к взаимной вражде столь сильно в человеке, что даже там, где для нее нет существенных оснований, достаточно незначительных и поверхностных различий, чтобы возбудить в людях недоброжелательство друг к другу и ввергнуть их в жесточайшие распри. При этом самым обычным и стойким источником разгула крамолы всегда было различное и неравное распределение собственности. Те, кто ею владеет, и те, у кого ее нет, всегда составляют в обществе группы с противоположными интересами. Те, кто является кредиторами, и те, кто состоит в должниках, равным образом противостоят друг другу. У цивилизованных народов необходимо возникают интересы землевладельцев, интересы промышленников, интересы торговцев, интересы банкиров и многих других меньших по значению групп, разделяя общество на различные классы, которыми движут различные чувства и взгляды. Урегулирование этих многообразных и противостоящих интересов и составляет равную задачу современного законодательства, неизбежно окрашивая партийным и групповым духом все необходимые и повседневные действия правительства.

Ни одному человеку не дозволено быть судьей в собственном деле, поскольку владеющие им интересы, несомненно, повлияют на его решения и, вполне вероятно, растлят его честность.

В равной степени и, пожалуй, даже с большим основанием, группе людей также неуместно выступать одновременно и в качестве судей, и в качестве тяжущихся сторон. А между тем разве многие важнейшие законодательные акты, как и многие судебные решения, касающиеся прав не только отдельных лиц, но и целых обществ, не принимаются различными группами законодателей, являющимися защитниками и поборниками тех самых дел, по которым выносятся решения? Разве предложен закон о частных долгах? Ведь это тяжба, где на одной стороне кредиторы, а на другой должники. Суду надлежит отнестись непредвзято как к той, так и к другой стороне. Однако сами судьи неизбежно выступают тяжущимися сторонами, и верх берет та сторона, которая насчитывает больше приверженцев, иными словами, является более мощным сообществом. Следует ли поощрять, и в какой степени, местных промышленников за счет утеснения иностранных? Это вопросы, которые по-разному решат земледельцы и промышленники, и, скорее всего, ни те ни другие не станут руководствоваться справедливостью или общественным благом. Распределение налогов пропорционально различным видам собственности является актом, требующим, по всей видимости, верха

беспристрастности, однако вряд ли найдется другой закон, который открывал бы больше возможностей главенствующей партии, подвергая ее искушению попать справедливость. Ведь каждый шиллинг, которым сверх положенного они облагают меньшинство, – это шиллинг, оставшийся в собственном кармане.

Напрасно утверждать, будто просвещенные государственные мужи способны примирить эти сталкивающиеся интересы и заставить служить их общественному благу. Просвещенные мужи не всегда стоят у кормила. К тому же во многих случаях подобное примирение вообще невозможно осуществить, не приняв во внимание косвенные и дальние последствия, которые куда важнее непосредственного интереса, извлекаемого одной из сторон в ущерб другой либо всеобщего блага.

Стало быть, мы приходим к заключению, что причины, порождающие крамолу, невозможно истребить и спасение от нее следует искать в средствах, умеряющих ее *воздействие*.

Если крамольная группировка включает в себя менее большинства граждан, спасением от нее является сам принцип республиканского правления, позволяющий справиться с вредоносными взглядами посредством простого голосования. Крамольники могут нападать на власти, они могут вносить смуту в общество, но им будет не под силу осуществлять и маскировать свои бесчинства, прикрываясь положениями, провозглашенными конституцией. Если же крамола охватывает большинство, тогда форма народного правления дает ей возможность принести в жертву ее главному увлечению или интересу как общественное благо, так и права другой части граждан. А потому высокая цель, стоящая перед нашим исследованием, – обезопасить общественное благо и права личности от поползновений подобного сообщества и в то же время сохранить дух и форму народного правления. Позволю себе добавить, что эта же цель является высшим desideratum, которым единственно эта форма правления может быть избавлена от позорного пятна, столь долго ею носимого, и представлена человечеству как заслуживающая уважения и внедрения.

Какими средствами достичь этой цели? Очевидно, тут пригодно одно из двух. Надобно либо препятствовать тому, чтобы большинство граждан одновременно подчинялось одному и тому же увлечению или интересу, либо, если такое увлечение или интерес уже овладели этим большинством, используя многочисленность сообщества и местные обстоятельства, сделать невозможным сговор и осуществление планов притеснения. При этом следует помнить, что, как хорошо известно, если порыв к действию и возможность действия совпадают, ни на нравственные, ни на религиозные начала как средство сдерживания полагаться не приходится. Они оказывают тем меньшее влияние на справедливость и насилие в отношении отдельных лиц и тем скорее утрачивают силу

воздействия, чем многочисленнее охваченная крамолой толпа, – иными словами, тем менее эффективны, чем более их эффективность становится необходимой.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что чистая демократия, под каковой я разумею общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично, не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой. Общее увлечение или интерес почти во всех случаях будет владеть большинством, а поскольку широковежательность и единомыслие обуславливаются формой правления, нет ничего, что помешало бы расправиться со слабой стороной или каким-нибудь неугодным лицом. Вот почему демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью. Политики от теории, ратующие за этот образ правления, ошибочно полагали, что, осчастливив человечество равенством в политических правах, они тем самым полностью уравниют и сгладят все различия в отношении владения собственностью, как и в мыслях и увлечениях.

Республика, под которой я разумею правительство, составленное согласно представительной системе, открывает иные перспективы и сулит искомые нами целительные средства. Рассмотрим по пунктам, чем республика отличается от чистой демократии, и тогда нам станет ясно, каковы природа этих целительных средств и сила воздействия, которую они должны обрести благодаря союзу штатов.

Два главных пункта, составляющих отличие демократии от республики, таковы: первый состоит в том, что правление в республике передается небольшому числу граждан, которых остальные избирают своими полномочными представителями; второй – в большем числе граждан и большем пространстве, на которые республика простирает свое правление. Следствием первого отличия является, с одной стороны, то, что общественные взгляды в республике возвышеннее и шире, ибо просеиваются отборным органом, состоящим из граждан, чья мудрость позволяет наилучшим образом определить интересы страны, а любовь к отчизне и справедливости с наибольшей вероятностью не допустит принести их в жертву сиюминутным и своекорыстным соображениям. При республиканских порядках общественное мнение, выражаемое представителями народа, скорее окажется сообразным общественному благу, чем при демократических, где оно выражается самим народом, собираемым для этой цели. С другой стороны, следствие может быть и обратным. В силу интриг, подкупа и других средств представителями народа могут оказаться лица, склонные к расколу, приверженные местным предрассудкам или таящие зловещие умыслы, и, победив на выборах, эти лица затем предадут интересы народа. Отсюда встает вопрос: какие республики – малые или крупные

– лучше приспособлены для избрания истинных радетелей о народном благе. Два очевидных довода дают ответ в пользу последних.

Прежде всего заметим, что, как бы мала ни была республика, число избранных представителей должно быть достаточным, чтобы они могли охранять ее от преступных замыслов кучки заговорщиков, и, как бы велика она ни была, число представителей не должно превышать того, которое позволяет охранять ее от сумятицы, вносимой толпой. Стало быть, число представителей в обоих случаях не может быть прямо пропорционально числу избирателей и является большим по отношению к числу граждан в малой республике. Отсюда следует, что, поскольку отношение числа достойных лиц к общему числу граждан в крупной республике не меньше, чем в малой, первая предоставляет лучшие возможности для отбора и большую вероятность, что он будет сделан правильно.

Далее, поскольку в крупной республике каждый представитель избирается большим количеством голосов, чем в малой, кандидату, не заслуживающему избрания, будет не в пример труднее успешно прибегать к злокозненным трюкам, без коих слишком часто не обходятся выборы; волеизъявление граждан пройдет более свободно, и избиратели с большей вероятностью окажут предпочтение лицам, обладающим самыми привлекательными свойствами, равно как наиболее широко известной и устоявшейся репутацией.

Не будем скрывать, что здесь, как и в большинстве других случаев, существует золотая середина, по обе стороны которой обнаруживаются неизбежные подвохи. Чрезмерно увеличивая число избирателей на одного представителя, мы обрекаем его на недостаточную осведомленность по части местных обстоятельств и интересов, равно как, чрезмерно уменьшая это число, обрекаем представителя на чересчур тесную зависимость от оных и тем самым лишаем его способности охватывать и защищать важные и всенародные интересы. В этом отношении федеральная конституция являет собой удачное решение: важные и всеобщие интересы передаются в ведение всенародных законодателей, а местные и частные – законодателям штатов.

Другое отличие состоит в том, что полномочия представителей в республиканском правительстве воплощают волю большего числа граждан и распространяются на большее пространство, чем в правительстве демократическом; и именно это обстоятельство делает хитросплетения крамольных сообществ менее опасными при первом, чем при последнем. Чем малочисленнее общество, тем скуднее в нем число явных партий и интересов, его составляющих, тем чаще большинство граждан оказываются приверженцами одной партии, а чем меньше число лиц, составляющих такое большинство, и чем меньше территория, на которой они размещаются, тем легче им договориться между собой и осуществить свои утеснительные замыслы. Расширьте

сферу действий, и у вас появится большее разнообразие партий и интересов; значительно уменьшится вероятность того, что у большинства возникнет общий повод покушаться на права остальных граждан, а если таковой наличествует, всем, кто его признает, будет труднее объединить свои силы и действовать заодно.

Отсюда со всей ясностью проистекает, что в деле обуздания крамолы крупная республика обладает перед малой теми же преимуществами, какие республика имеет перед демократией, и то же самое следует сказать о союзе штатов по отношению к отдельным штатам, в него входящим. Состоит ли это преимущество в возможности избирать представителями тех граждан, чьи просвещенные взгляды и добродетели позволяют им возвыситься над местными предрассудками и несправедливыми замыслами? Не станем отрицать, что представительство Соединенных Штатов с большей вероятностью будет обладать этими необходимыми достоинствами. Состоит ли это преимущество в большей гарантии безопасности граждан как следствие большего разнообразия партий в противовес положению, когда какая-то одна партия может в силу численного превосходства притеснять остальных? В равной степени возрастает ли безопасность граждан благодаря увеличению разнообразия партий в пределах Союза? Наконец, составляет ли преимущество то, что больше препятствий встает на пути сговора и осуществления тайных желаний несправедливого и заинтересованного большинства? И в этом опять-таки уже сами огромные пространства, занимаемые Союзом, дают нам ощутимые преимущества.

Предводители крамольных сообществ могут зажечь пламя в пределах того непосредственного штата, где пользуются влиянием, но вряд ли им будет под силу распространить пожар на остальные штаты; та или иная религиозная секта может вырождаться в политическую клику на какой-то части федерации, но множество разнообразных сект, существующих на огромных пространствах Союза, защитят наши общенациональные собрания от опасностей, исходящих из этого дурного источника; яростная пропаганда бумажных денег, вопли об отмене долгов, о равном распределении собственности и прочие недостойные и злоумышленные проекты будут куда менее способны поразить весь состав Союза, точно так же как подобные недуги скорее поразят отдельные районы и округа, нежели целый штат.

Таким образом, в самой огромности территории и достодожной структуре Союза зрим мы республиканское средство от недугов, которым чаще всего подвержены республиканские правительства. А потому в той же степени, в какой радуемся мы и гордимся, нося звание республиканцев, должно нам всеми силами лелеять в себе дух и поддерживать звание федералистов.

Публий

Федералист № 51 [50]
Джеймс Мэдисон
(совместно с Александром Гамильтоном)

Февраля 6, 1788 г.

К народу штата Нью-Йорк

Что же нам все-таки придумать, чтобы на практике обеспечить необходимое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, записанное в конституции? Единственный ответ, который можно на это дать: пусть, раз уж все внешние меры оказываются недостаточными, восполним изъян, создав такую внутреннюю структуру правления, чтобы составляющие ее части сами стали средством удерживать каждую на отведенном ей месте. Не берусь полностью развить эту важнейшую мысль, но осмелюсь высказать несколько общих соображений, которые, возможно, прольют на нее достаточный свет и помогут нам составить более правильное суждение о принципах и структуре правления, какими они намечены в проекте конвента.

Чтобы заложить прочный фундамент под институт раздельных и автономных ветвей власти, что в определенной степени повсеместно полагают важнейшим условием для сохранения свободы, очевидно, требуется, чтобы каждая власть обладала собственной волей и, следственно, строилась на такой основе, когда представляющие ее должностные лица имеют как можно меньше касательства к назначению должностных лиц на службе другой. При строгом соблюдении данного принципа необходимо, чтобы все назначения на высшие должности в исполнительных, законодательных и судебных органах исходили из первоисточника власти – от народа и шли по не сообщающимся друг с другом каналам. Возможно, такой план построения отдельных органов на практике окажется менее сложным, чем это представляется в уме. Хотя некоторые сложности, равно как и дополнительные расходы, тут неизбежны. Придется поэтому пойти на некоторые отклонения от этого принципа. В особенности нецелесообразно настаивать на строгом его соблюдении применительно к судебному ведомству: во-первых, поскольку судье потребны особые качества, первейшим условием при предоставлении сей должности должна быть такая форма отбора, которая наилучшим образом эти качества обеспечит; во-вторых, поскольку назначение на должность в судебном ведомстве является бессрочным, что, несомненно, быстро искоренит чувство зависимости от тех, кем она пожалована.

В равной степени очевидно, что лица на службе каждого из ведомств должны как можно меньше зависеть от лиц на службе других по части выгод, предоставляемых их служебным положением. Если бы глава исполнительной власти или судьи находились в этом отношении в зависимости от законодателей, ни о какой свободе действий не могло быть и речи; их независимость была бы чисто номинальной.

Но главная гарантия против постепенного сосредоточения разных родов власти в одном из ее ведомств в том, чтобы у лиц, ведающих тем или иным органом власти, были необходимые конституционные средства и личные мотивы противостоять вторжениям со стороны других. В этом, как и в других, случае должны быть предусмотрены меры защиты, способные отвести угрозу посягательств. Честолюбие должно противостоять честолюбию. Интересы главы ведомства должны быть связаны с его конституционными правами, действующими в данном органе власти. Пожалуй, подобные маневры, к которым приходится прибегать, дабы помешать злоупотреблениям властью, не красят человеческую природу. Но разве сама необходимость в правлении красит человеческую природу? Будь люди ангелами, ни в каком правлении не было бы нужды. Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством – внешнем или внутреннем – не было бы нужды. Но при создании правления, в котором люди будут вести людьми, главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой. Зависимость от народа, безусловно, прежде всего обеспечивает надзор над правительством, но опыт учит человечество: дополнительные предосторожности тут отнюдь нелишни.

Эту игру на противоположных и соперничающих интересах, за недостатком лучших побуждений, можно проследить на всей системе человеческих взаимоотношений, частных, равно как и общественных. Особенно отчетливо она видна на всех ступенях иерархической лестницы власти, где постоянной целью является разделять и расставлять должности таким образом, чтобы каждое занимающее их лицо могло надзирать над другим, чтобы личный интерес каждого чиновника служил охраной общественных прав. При распределении высших постов в государстве эти изобретенные благоразумием ухищрения не менее необходимы.

Однако невозможно дать каждому ведомству равные средства для самозащиты. При республиканской форме правления законодательная власть неизбежно оказывается господствующей. Но от этого зла есть лекарство: разделить ее на разные ветви и, избрав туда представителей различными способами, положить в основу деятельности каждой разные принципы, настолько мало связанные друг с другом, насколько это допустимо при общих обязанностях и общей зависимости от народа. Не исключено, что окажется необходимым принять и дальнейшие предосторожности против опасных поползновений. Если солидный вес законодательной власти требует ее разделить, слабость исполнительной, напротив, требует ее укрепить. На первый взгляд естественной защитой от законодателей может служить для главы исполнительной власти право вето. Однако это, пожалуй, оружие не вполне безопасное и само по себе еще недостаточное. В обыкновенных случаях его, возможно, не станут употреблять с должной твердостью, а в

чрезвычайных – оно может быть вероломно изъято. Но нельзя ли восполнить этот изъян, которым страдает право вето, установив какую-нибудь заранее оговоренную связь между более слабым ведомством и более слабой ветвью в более сильном, благодаря чему эта более слабая ветвь станет поддерживать конституционные права исполнительной власти, не слишком ущемляя при этом права собственного ведомства?

Если принципы, на которых основаны эти суждения, верны – а я полагаю, что так оно и есть, – то, применив их как критерий к конституциям нескольких штатов и к федеральной конституции, мы обнаружим, что, если последняя не полностью с ними согласуется, первые тем паче и вовсе не способны выдержать подобное испытание.

Сверх того, к федеральной системе Америки в особенности относятся два соображения, в свете которых эта система оказывается крайне интересной для рассмотрения.

Первое. В одной отдельной республике вся власть, отчуждаемая от себя народом, передается одному отдельному правительству, а разделение его на автономные и раздельные ведомства служит защитой от узурпации. В объединенной республике, каковой являются Соединенные Штаты, власть, отчуждаемая от себя народом, сначала распределяется между двумя автономными правительствами, а затем та ее часть, которая поступает в распоряжение каждого из них, повторно распределяется между автономными и раздельными ведомствами. Таким образом, безопасность прав народа гарантируется вдвойне. Правительства будут надзирать друг за другом, и вместе с тем каждое – надзирать за собой.

Второе. Для республики очень важно не только охранять общество от притеснений со стороны правителей, но и охранять одну его часть от несправедливости со стороны другой. У различных классов граждан неизбежно существуют различные интересы. Если общий интерес объединит большинство, права меньшинства могут оказаться под угрозой. Против этого зла есть только два средства: первое – создать силу, независимую от большинства, то есть от самого общества, второе – разбить общество на такое большое число отдельных групп граждан, какое сделает любое объединение ради несправедливых целей маловероятным и, пожалуй, даже неосуществимым. Первое средство чаще в ходу у правителей, получивших власть по наследству или самих ее взявших. Защита эта не слишком надежна: сила, не зависящая от общества, может равно поддержать как несправедливые взгляды большинства, так и законные интересы меньшинства, а то и ополчиться против обоих. Второе средство будет воплощено в федеральной республике Соединенные Штаты. Пока вся власть в ней исходит и зависит от общества, само общество разделится на столько частей, интересов и групп, что правам отдельных граждан или меньшинства вряд ли сможет угрожать объединившееся заинтересованное большинство. При свободном правлении гражданские права должны быть в такой же безопасности, как и права религиозные. В первом случае их безопасность обеспечивается

множеством интересов, во втором – множеством сект. В обоих случаях степень безопасности будет зависеть от числа различных интересов и числа сект, а это в свою очередь зависит от размеров территории страны и численности населения, подчиняющегося одному и тому же правительству. С этой точки зрения подлинная федеральная система может быть особенно рекомендована всем искренним и верным друзьям республиканского правления. Ибо ясно, что по мере того, как территория Союза будет слагаться из вступающих в него небольших конфедераций или штатов, деспотическому большинству будет все легче и легче объединяться, а возможность республиканского правления обезопасить права каждого гражданина – уменьшаться, и, следственно, необходимо пропорционально укреплять положение и независимость членов правительства, которым одним дано обеспечить эту безопасность. Целью правления является справедливость. Справедливость – цель гражданского общества. И к этой цели оно всегда стремилось и будет стремиться, пока ее не достигнет или пока в стремлении к ней не утратит самой свободы. В обществе, устроенном так, что более сильной партии ничего не стоит сплотиться и утеснить более слабую, вполне может, по правде говоря, воцариться анархия – точно так же, как в природе, где более слабое существо не защищено от насилия со стороны более сильного. И так же как в последнем случае даже более сильным их положение постоянной неуверенности подсказывает выход в том, чтобы подчиниться власти, которая будет защищать и слабых, и их самих, так же и в гражданском обществе более мощные клики или партии постепенно, движимые тем же мотивом, придут к желанию иметь правительство, которое возьмет под свою охрану все партии, более слабые, равно как и более сильные. Нет сомнения, что, если штат Род-Айленд, выйдя из конфедерации, окажется предоставленным самому себе, шаткость прав, не обеспеченных при народном правлении на такой небольшой территории, приведет к постоянному произволу со стороны крамольного большинства, и очень скоро править штатом призовут власть, полностью независимую от народа, – призовет то самое большинство, чье неумелое правление доказало ее необходимость. В огромной по территории республике Соединенные Штаты, при обилии в ней различных интересов, партий и религиозных сект, вряд ли возможно объединение большинства, взятого от всего общества в целом, с какой-либо иной целью, кроме утверждения справедливости и достижения всеобщего блага. Таким образом, почти отпадает опасность для малой партии оказаться под пятой большой, а раз так, то почти отпадает и повод обеспечивать безопасность малой партии, вводя в правительство силы, независимые от большой партии или, иными словами, независимые от самого общества. Столь же безусловно, как, впрочем, и важно, хотя высказывались и противоположные мнения, следующее: чем больше общество – при условии, что оно существует в реальной среде, – тем оно способнее к самоуправлению. А к счастью, для *дела республики* эта

реальная сфера может быть расширена до огромных размеров, если не бояться разумных преобразований и некоторого отклонения от *федерального принципа*.

Публий

Федералист № 69 [68]

Александр Гамильтон

Марта 14, 1788 г.

К народу штата Нью-Йорк

Теперь я перейду к рассмотрению реальных прерогатив на предложенном посту президента, как они обозначены в плане конвента. Это даст возможность решительным образом показать несправедливость сделанных в отношении его представлений.

Наше внимание прежде всего привлекает то обстоятельство, что исполнительная власть, за считанными исключениями, вверяется одному лицу. Едва ли стоит по этому вопросу проводить какие-нибудь сравнения, ибо если в этом отношении существует сходство с королем Великобритании, то и не меньшее сходство с турецким султаном, татарским ханом, правителем Рима или губернатором штата Нью-Йорк.

Президент должен избираться сроком на *четыре* года и подлежит переизбранию столько раз, сколько сочтет необходимым народ Соединенных Штатов оказывать ему доверие. В этих условиях существует полнейшее несходство между ним и королем Великобритании, который является *наследственным* монархом, обладая короной как родовым имуществом, переходящим навсегда его наследнику; но есть близкая аналогия между ним и губернатором штата Нью-Йорк, избираемым на три года и переизбираемым без ограничений или перерывов. Если мы примем в соображение, насколько меньше времени потребуется для создания опасного влияния в одном штате, чем для создания подобного влияния во всех Соединенных Штатах, нам следует заключить, что срока в *четыре* года для главного должностного лица Союза следует меньше опасаться, чем срока в три года для соответствующего должностного лица в одном штате.

Президент Соединенных Штатов будет подлежать суду в порядке импичмента за измену, получение взяток и другие тяжкие преступления; в случае осуждения отстраняется от должности, а затем подлежит суду и наказанию в обычном судебном порядке. Личность короля Великобритании священна и неприкосновенна – нет конституционного суда, перед которым он ответствен, нет для него наказания, которому он может быть подвергнут, вне национального революционного кризиса. С учетом этих деликатных и важных обстоятельств и личной ответственности президент конфедеративной Америки находится не в лучшем положении, чем губернатор штата Нью-Йорк, и в худшем, чем губернаторы штатов Виргиния и Делавэр.

Президент будет иметь право вернуть для пересмотра билль, принятый обеими палатами законодательного собрания. Но возвращенный билль становится законом, если после такого пересмотра он утвержден двумя третями голосов в обеих палатах. Король Великобритании имеет абсолютное право отвергать акты обеих палат парламента. Не использование этого права в течение длительного времени отнюдь не означает, что оно не существует; и это следует целиком отнести к тому, что корона нашла средства заменить власть влиянием или искусством обеспечения большинства в одной или другой палате, избегая необходимости использования прерогативы, которую можно редко пустить в дело, не рискуя вызвать то или иное общественное волнение. Ограниченное право президента отвергать серьезно отличается от абсолютного права отвергать британского суверена и точно совпадает с полномочиями ревизионного совета штата Нью-Йорк, куда по конституции входит губернатор. В этом отношении право президента превосходит право губернатора штата Нью-Йорк, ибо первый единолично обладает тем, что второй разделяет с канцлером и судьями. Но оно полностью совпадает с правом губернатора штата Массачусетс, в конституции которого содержится эта статья, явившаяся, по всей видимости, образцом для творчества конвента.

Президент «является главнокомандующим армии и флота Соединенных Штатов и ополчения отдельных штатов, когда оно призывается на действительную службу Соединенных Штатов. Он имеет право отсрочки исполнения приговоров, а также помилования за преступления, совершенные против Соединенных Штатов, за исключением случаев осуждения в порядке импичмента; рекомендовать на усмотрение Конгресса такие меры, которые сочтет необходимыми и полезными; в экстренных случаях он созывает обе палаты или одну из них, а в случае разногласий между палатами по *поводу времени отсрочки сессий* сам переносит их на такое время, какое сочтет необходимым; обеспечивает точное соблюдение законов и определяет полномочия всех должностных лиц Соединенных Штатов». В большинстве этих конкретных прав власть президента в равной степени походит на власть короля Великобритании и губернатора штата Нью-Йорк. Самые существенные различия сводятся к следующему: президент только время от времени командует той частью ополчения страны, которую законодатели призовут на действительную службу Союза. Король Великобритании и губернатор штата Нью-Йорк всегда полностью командуют всем ополчением в пределах их юрисдикции. По этой статье, следовательно, прерогатива президента уступает прерогативе как монарха, так и губернатора. Во-вторых, президент является главнокомандующим армии и флота Соединенных Штатов. В этом отношении его власть номинально такая же, как у короля Великобритании, но по существу много уступает ей. Она не простирается дальше верховного командования и руководства армией и флотом в качестве первого генерала и адмирала конфедерации, в то время как король Великобритании полномочен *объявлять*

войну, *создавать и регулировать* флоты и армии, все эти полномочия по рассматриваемой конституции принадлежат законодательной власти. Губернатор штата Нью-Йорк, с другой стороны, наделен по конституции штата командованием его ополчением и флотом. Но в конституциях ряда штатов ясно указывается, что их губернаторы также являются главнокомандующими как армии, так и флота, и может вполне возникнуть вопрос, не предоставляют ли конституции штатов, в особенности Нью-Гэмпшира и Массачусетса, в этом отношении большие права своим губернаторам, чем может претендовать президент Соединенных Штатов. В-третьих, право президента на помилование распространяется на все дела, кроме *решаемых в порядке импичмента*. Губернатор штата Нью-Йорк может помиловать во всех случаях, даже в делах по импичменту, за исключением государственной измены и умышленного убийства. Не является ли власть губернатора в соответствии с этой статьей, по оценке политических последствий, большей, чем власть президента? Все заговоры и интриги против правительства, которые еще не дозрели до государственной измены, ныне защищены от любого наказания введением института помилования. Если губернатор штата Нью-Йорк встанет во главе такого заговора от вызревания замысла до настоящих боевых действий, он может обеспечить полную безнаказанность своим соучастникам и последователям. С другой стороны, президент Союза, хотя и вправе помиловать при обычном судопроизводстве даже за государственную измену, но никоим образом не сможет прикрыть нарушителя от преследования и осуждения в порядке импичмента. Не окажется ли перспектива полного освобождения от наказания за все предварительные шаги большим соблазном упорствовать в затеянном предприятии против общественной свободы, чем перспектива только избавления от казни и конфискации имущества, если конечное выполнение замысла – призыв к оружию – потерпит неудачу? Окажет ли это хоть какое-нибудь воздействие, если принять в соображение, что человек, способный дать упомянутое избавление, может быть связанным последствиями этой меры, и достанет ли у него сил в результате ее применения обеспечить желаемую безнаказанность? Чтобы лучше судить об этом деле, необходимо припомнить, что в предлагаемой конституции состав государственной измены ограничен – «возбуждение войны против них (Соединенных Штатов), присоединение к их врагам, оказание им помощи и услуг»; по законам штата Нью-Йорк это преступление определено теми же рамками. В-четвертых, президент может только отсрочить проведение сессии национального законодательного собрания в единственном случае разногласий по поводу времени отсрочки. Британский монарх может назначать перерыв в работе или даже распускать парламент. Губернатор штата Нью-Йорк также может прерывать работу законодательного собрания штата на ограниченный период; эту прерогативу в определенных обстоятельствах можно использовать для очень важных целей.

Президент должен иметь право по совету и с согласия сената заключать договоры при условии согласия двух третей присутствующих сенаторов. Король Великобритании является единственным и абсолютным представителем нации во всех внешних делах. Он может по собственной воле заключать договоры о мире, торговле, союзе и все другие, самые различные. Утверждают, что его власть в этом отношении неполная, его соглашения с иностранными державами подлежат пересмотру и требуется ратификация парламентом. Но, на мой взгляд, об этой доктрине и не слыхивали, пока ее не огласили в этой связи. Каждый юрист того королевства и каждый осведомленный о его конституции принимает как установленный факт – прерогатива заключать договоры всецело принадлежит короне; соглашения, заключенные королевской властью, отличаются самая большая юридическая сила и совершенство, независимо от любых других санкций. Верно, что парламент иногда изменяет существующие законы с целью приспособления их к условиям нового договора, и это могло дать повод изображать описанное сотрудничество как необходимое для обеспечения обязательной действительности договора. Но парламентское вмешательство происходит по другой причине: необходимо приспособить самую тонкую и сложную систему таможенных и торговых законов к изменениям, вносимым в них договором, и применить новые положения и меры предосторожности в новых условиях, не допустив расстройств этого механизма. Следовательно, в этом отношении нет никакого сравнения между намечаемыми правами президента и существующей властью британского суверена. Один может единолично делать то, для чего другому нужно согласие палаты законодательного собрания. В этом случае, разумеется, полномочия федерального президента превосходят таковые главы исполнительной власти любого штата. Это естественное следствие того, что исключительно Союз обладает частью «уверенной власти, имеющей касательство к договорам. Только в случае роспуска конфедерации возник бы вопрос, не являются ли губернаторы отдельных штатов единственными обладателями этой деликатной и важной прерогативы.

Президент также должен быть уполномочен принимать послов и других государственных представителей. Хотя это право – богатейшая тема для риторики, речь в большей степени идет о достоинстве, чем о власти. Сама церемония не оказывает влияния на деятельность правительства, и значительно удобнее проводить ее таким образом, чем созывать законодательное собрание или одну из его палат по случаю прибытия каждого иностранного представителя, хотя бы он просто являлся на замену предшественника.

Президент назначает по совету и с согласия сената послов и других государственных представителей, судей Верховного суда и вообще всех должностных лиц Соединенных Штатов, должности которых установлены законом и для назначения которых в конституции не предусмотрено иного порядка. Король Великобритании подчеркнуто и на

деле распределяет дары чести. Он не только назначает на должности, но и создает их. Он может по своему желанию даровать дворянские титулы и повышать по службе громадное количество лиц духовного звания. В этом отношении власть президента значительно уступает власти британского короля, не равна она и возможностям губернатора штата Нью-Йорк, если интерпретировать смысл конституции штата практикой ее применения. Право назначения в нашем штате принадлежит совету, состоящему из губернатора и четырех членов сената, избираемых ассамблеей. Губернатор *претендует* и часто исполняет право назначения и *обязан* голосовать в случае, если голоса разделяются поровну. Если он действительно имеет право выдвижения, тогда его власть в этом отношении равна президентской и его голос оказывается решающим при равенстве голосов. При национальном правительстве, если голоса в сенате разделятся, нельзя провести никакого назначения, а в правительстве штата Нью-Йорк при аналогичной ситуации в совете губернатор может перевесить чашу весов и подтвердить собственное выдвижение. Если мы сравним огласку, всегда сопровождающую все назначения президента и палат национального законодательного собрания, с конфиденциальным характером этих процедур, проводимых губернатором штата Нью-Йорк, который запирается в секретной квартире самое большее в обществе четырех, а часто только двух лиц, и если мы одновременно представим, насколько легче оказывать влияние на немногочисленный совет по назначениям, чем на отнюдь не малолюдный национальный сенат, – мы без колебаний заключим: права губернатора нашего штата при распределении должностей на практике значительно превосходят аналогичные права президента Союза.

Отсюда следует, что, за исключением совпадающей власти президента при заключении договоров, трудно установить, обладает ли он в целом большими или меньшими правами, чем губернатор штата Нью-Йорк. Отсюда следует, еще более категорически, – нет сходства в параллелях, которые пытались провести между ним и королем Великобритании. Но для еще большего прояснения контраста в этом отношении полезно сгруппировать основные различия.

Президент Соединенных Штатов будет должностным лицом, избираемым народом на *четыре* года. Король Великобритании – постоянный и *наследственный* правитель. Один может быть подвергнут наказанию и предан позору, персона другого священна и неприкосновенна. Один налагает *ограниченное* вето на акты законодательной власти, вето другого – *абсолютно*. Один имеет право командовать армией и флотом нации, другой в дополнение к этому может *объявлять* войну, *создавать* и *регулировать* флоты и армии собственной властью. Один имеет совпадающее с соответствующим правом законодательного собрания право заключать договоры, другой является единственным *обладателем* права заключения договоров. Один будет обладать аналогичным

совпадающим правом при назначении на должности, другой проводит все назначения единолично. Один совсем не может даровать привилегий, другой может превращать чужеземцев в натурализованных иностранцев, простолюдинов – в дворян, учреждать компании со всеми надлежащими правами. Один не может вводить правил, касающихся торговли или валюты нации, другой в ряде отношений – арбитр торговли и в этом качестве может организовывать рынки и ярмарки, регулировать веса и меры, на ограниченное время вводить эмбарго, чеканить монету, разрешать или запрещать хождение иностранных денег. Один не имеет отношения к делам духовным, другой – верховный глава и святой отец национальной церкви! Так какой ответ мы дадим пытающимся убедить нас, что столь несходные феномены походят друг на друга? Такой же, как утверждающим, что правление, все полномочия которого зависят от электората и слуг народа, избираемых на определенное время, есть аристократия, монархия и деспотия.

Публий

Федералист № 70 [69]

Александр Гамильтон

Марта 15, 1788 г.

К народу штата Нью-Йорк

Существует суждение, и не без сторонников, что дееспособный президент несовместим с духом республиканского правления. Просвещенные доброжелатели этой формы правления должны по крайней мере надеяться на то, что суждение это лишено основания, ибо они никак не могут признать его справедливость, не осудив одновременно свои собственные принципы. Дееспособность президента – главная черта, которая характеризует хорошее правительство. Это жизненно важно для защиты сообщества от посягательств иностранных держав. И не менее важно для должного функционирования законов, для защиты собственности от незаконных и своевольных объединений, которые иногда мешают отправлению правосудия, для обеспечения безопасности свободы против интриг и войны амбиций, фракций и анархии. Каждый хоть немного знакомый с историей Рима знает, как часто республике приходилось искать спасения в абсолютной власти одного носившего могущественный титул диктатора, обеспечивавшего защиту как против интриг амбициозных индивидуумов, стремившихся к установлению тирании, и целых мятежных классов сообщества, поведение которых грозило вообще уничтожить любое правительство, так и против внешних врагов, вынашивающих планы завоевания и разрушения Рима.

Нет необходимости, однако, умножать аргументы или примеры по этому вопросу. Слабый президент означает слабое функционирование правительства. Слабое функционирование означает всего-навсего плохое функционирование. А неважно претворяемое в жизнь правление, что бы это ни значило теоретически, практически означает плохое правление. Не требуется доказательств, и с этим согласятся все разумные люди, что необходимо иметь дееспособного президента. Остается выяснить составные части этой дееспособности и как их сочетать с другими составными частями, создающими безопасность в республиканском смысле. И в какой мере это сочетание отличает план, доложенный конвентом?

Составляющие дееспособности президента: во-первых, единство, во-вторых, продолжительность пребывания на посту, в-третьих, достаточные ресурсы для его поддержки, в-четвертых, компетентность власти.

Обстоятельства, обеспечивающие безопасность в республиканском смысле; во-первых, должная опора на народ, во-вторых, должная ответственность.

Больше всех прославленные здравостью суждений и справедливостью воззрений политики и государственные деятели высказались в пользу одного президента и многочисленного законодательного собрания. Они с полным основанием считали дееспособность самым необходимым качеством первого, наиболее применимым для единоличной власти, и с таким же основанием рассматривали многочисленное законодательное собрание наиболее приспособленным для обсуждений, держателем мудрости и наилучшим образом рассчитанным на завоевание доверия народа, обеспечение его привилегий и интересов.

Единство неоспоримо порождает дееспособность. Решительность, активность, скрытность и быстрота обычно характеризуют поступки одного человека куда в большей степени, чем действия любой группы людей, а по мере роста ее численности названные качества убывают.

Единство может быть уничтожено двумя способами; передачей власти двум или большему числу должностных лиц, обладающих равным достоинством и авторитетом, или вручением ее якобы одному человеку, но находящемуся полностью или частично под контролем других, возможно сотрудничающих с ним в качестве советников. Примером первого способа служит наличие двух консулов в Риме, второго – конституции нескольких штатов. Только Нью-Йорк и Нью-Джерси, если я правильно запомнил, являются штатами, полностью вверившими исполнительную власть одному человеку. Оба способа уничтожения единства исполнительной власти имеют своих сторонников, но приверженцы исполнительного совета более многочисленны. Против тех и других можно выдвинуть если не одни и те же, то сходные возражения, и поэтому их по большей части нужно рассматривать вместе.

Опыт других наций дает очень мало поучительного по этому вопросу. Если он чему-нибудь и учит, то не обольщаться плюрализмом исполнительной власти. Мы знаем, что ахейцы, пойдя на эксперимент с двумя преторами, ликвидировали одного. В истории Рима много примеров нанесения ущерба республике разногласиями между консулами и между военными трибунами, которых временами заменяли консулами. Однако история Рима не дает доказательств особых преимуществ, которые государство извлекало из плюрализма этих должностных лиц. То, что разногласия между ними не были более частыми или более фатальными, изумляет, если не учитывать своеобразие обстоятельств, в которых почти постоянно находилась республика, и проводившуюся консулами осмотрительную политику, вызванную этими обстоятельствами, когда они разделяли функции правления между собой. Патриции постоянно вели борьбу с плебеями за сохранение своих родовых привилегий и достоинства, а консулы, обычно выбиравшиеся из первых, объединяли личные интересы с защитой привилегий своей корпорации. В дополнение к этим мотивам в пользу единства по мере того, как республика силой оружия значительно расширила границы своей империи, у консулов вошло в обычай разделять административные функции между собой, бросая жребий; один из них оставался в Риме править городом и его окрестностями, а другой верховодил в отдаленной провинции. Эта процедура, несомненно, имела громадное значение, предотвращая столкновения и соперничество, которые в других обстоятельствах возмутили бы покой республики.

Оставив запутанный лабиринт исторических исследований и обратившись только к диктатам разума и здравого смысла, мы обнаружим куда больше причин отвергнуть, а не одобрять плюрализм в исполнительной власти, под какой бы личиной он ни таился.

Когда двое или большее число людей берутся за любое совместное предприятие или занятие, всегда возникает опасность разногласий. Если речь идет об общественном доверии или должности, облекающей их равным достоинством и авторитетом, существует особая опасность соперничества и даже враждебности. По этой причине, а особенно по совокупности их всех, должны возникнуть острейшие противоречия. Когда это происходит, снижается респектабельность, ослабляется власть, расстраиваются планы и действия тех, кого они разделяют. Если же прискорбно затрагивается всем этим высшая плюралистическая исполнительная власть страны, то проведение важнейших мер правительства в самых критических для государства обстоятельствах будет затруднено или сорвано. И что еще хуже, это может расколоть общество на самые буйные и непримиримые фракции, питающие приверженность к разным людям, из которых состоит высшая исполнительная власть.

Люди часто выступают против той или иной меры, ибо не принимали участия в ее подготовке или из-за того, что она готовилась теми, кто им не нравится. Но если с ними советовались, а затем не согласились, тогда оппозиция, по их мнению, становится

неотъемлемым долгом самоуважению. Они, по-видимому, почитают для себя делом чести и утверждения личной непогрешимости сорвать торжество принятого вопреки их мнению решения. Честные и великодушные люди уже имели слишком много возможностей с ужасом заметить, до каких отчаянных поступков иногда доводит такой настрой и как часто коренные интересы общества приносятся в жертву тщеславию, высокомерию и упрямству индивидуумов, достаточно заметных, чтобы их страсти и капризы интересовали человечество. Быть может, вопрос, ныне вставший перед публикой, – прискорбное доказательство результатов этой презренной слабости, или, скорее, отвратительных пороков человеческой натуры.

Согласно принципам свободного правительства, с только что указанными неудобствами приходится смириться при формировании законодательной власти, но не нужно и, следовательно, неразумно вводить их в конституцию исполнительной власти. Здесь они наиболее пагубны. В законодательном органе стремительность принятия решений чаще зло, чем добро. Различие во мнениях и столкновение партий в этой ветви правительства хотя иногда и препятствуют полезным планам, тем не менее чаще способствуют размышлениям и осмотрительности, пресечению крайностей большинства. Но когда решение принято, оппозиции приходит конец. Решение – закон, и сопротивление ему наказуемо. Но никакие благоприятные обстоятельства не заменят и не загладят невыгоды несогласия в исполнительной власти. Они ясны и определены, нет пункта, перед которым они перестанут действовать. Они служат препятствием и ослабляют с начала до конца осуществление планов или мер в области, их касающейся. Они постоянно противоречат качествам исполнительной власти, являющимся самыми необходимыми ее составными частями, – силе и скорости, – причем не приносят никаких благ в виде компенсации. Во время войны, когда энергичность исполнительной власти является залогом национальной безопасности, от плюрализма власти можно ожидать любой опасности.

Следует признать, что эти замечания применимы главным образом в первом случае, а именно – при наличии плюрализма должностных лиц, обладающих равным достоинством и авторитетом; сторонников этого образа действия немного. Замечания эти в какой-то степени значимы, а подчас и весьма весомы, для проекта учреждения совета, согласие которого конституционно необходимо для действий показной исполнительной власти. Искусный сговор в этом совете способен расстроить и ослабить всю систему администрации. При отсутствии такого сговора одного разнообразия взглядов и мнений окажется достаточным придать выполнению функций исполнительной власти привычную слабость и медлительность.

Одно из самых серьезных возражений против плюрализма исполнительной власти, применимое как к последнему, так и к первому плану, заключается в том, что таким

образом скрываются промахи и ликвидируется ответственность. Ответственность несут двояко: порицание и наказание. Первая – важнейшая из двух, особенно в отношении должностей, замещаемых путем выборов. Человек, облеченный общественным доверием, много чаще утрачивает его, но не превращается в отвратительного типа, подлежащего наказанию по закону. Многолюдье в исполнительной власти в обоих случаях затрудняет поиски виновных. В обстановке взаимных обвинений часто становится невозможным определить, кого именно винить или наказывать за губительную меру или их множество. Идет переключение с одного на другого с такой ловкостью, с такими правдоподобными предложениями, что общественное мнение остается в неведении об истинном виновнике. Обстоятельства, которые могли привести к какой-нибудь национальной неудаче или бедствию, иной раз очень сложны, порой в событиях принимает самое различное участие ряд лиц. И хотя мы в целом отчетливо видим – имело место скверное управление, тем не менее нельзя не указать, кто именно виновен в причиненном зле.

«Мой совет взял надо мной верх. Совет раздирали такие разногласия, что оказалось невозможным добиться лучшего решения по этому вопросу». Эти и подобные отговорки всегда под рукой, правдивые или надуманные. А кто возьмется потрудиться или взвалить на себя бремя тщательного исследования тайных пружин сделки? Найдется ли гражданин, обладающий достаточным рвением, чтобы взять на себя неблагодарную задачу, если партии столкнутся, а ведь, не правда ли, так легко двусмысленно истолковать происходящее, что станет невозможным определить их истинное поведение? В единственном случае, когда губернатор нашего штата действует совместно с советом, т.е. при назначении на должности, мы видели вред этого как раз в вопросе, ныне рассматриваемом. Были сделаны скандальные назначения на важные посты. В некоторых случаях они оказались столь вопиющими, что ВСЕ ПАРТИИ согласились – это неправильно. После расследования губернатор возложил вину на совет, который со своей стороны нашел вину губернатора в выдвижении кандидатур. Пока так и не могут решить, под чьим влиянием защита интересов спорящих была передана в неквалифицированные и явно неподходящие руки, я пощажу конкретных лиц и не буду входить в детали.

Из изложенных соображений явствует, что плюрализм исполнительной власти лишает народ двух величайших мер безопасности, которыми он может располагать для успешного применения делегированной власти. Во-первых, сдерживания со стороны общественного мнения, которое утрачивает свою эффективность в результате того, что порицание за плохую политику приходится делить среди ряда лиц и непонятно, кто именно должен быть осужден; и, во-вторых, возможности легко и ясно выявить проступки доверенных лиц, чтобы либо снять их с постов, либо наказать, если они того заслуживают. Король в Англии – постоянное должностное лицо, и ради обеспечения общественного мира введено правило: он не несет ответственности за свое правление, а его osoba

священна. В этом королевстве было бы мудрейшим шагом придать королю конституционный совет, который будет нести ответственность перед народом за свои советы. Без этого исполнительная власть не несет никакой ответственности – положение недопустимое при свободном правлении. Но даже в этом случае король не связан решениями своего совета, хотя там ответственны за свои рекомендации. Он абсолютный хозяин своей политики, в выполнении функций на своей должности и может по собственному усмотрению считаться или не считаться с приданным ему советом.

В республике каждое должностное лицо лично ответственно за поведение на своем посту, и поэтому причина, по которой английская конституция диктует уместность совета, не только теряет силу, но и обращается против самого этого института. В английской монархии совет подменяет ответственность, которую запрещено нести главному должностному лицу, и в какой-то степени служит заложником национальной юстиции за его хорошее поведение. В американской республике он послужит уничтожению или значительному снижению намеченной и необходимой ответственности самого президента.

Идея учреждения при главных лицах исполнительной власти, в общем представленная в конституциях штатов, заимствована из республиканской аксиомы, в соответствии с которой считается, что безопаснее вверить власть нескольким, чем одному. Если аксиому сочтут применимой в этом случае, я утверждаю: преимущества на этой стороне не уравновесят многочисленные невыгоды на противоположной. В этом вопросе я соглашусь с писателем, которого прославленный Юниус именует «глубоким, обстоятельным и искусным», а именно: «Исполнительную власть легче ограничивать, когда она находится в руках одного». Куда более безопасно, когда существует единственный объект для подозрений и проявления бдительности народа, одним словом – умножение людей исполнительной власти скорее опасно, а не благоприятно для свободы.

Небольшое рассуждение убедит нас, что меры безопасности, которые пытаются установить умножением исполнительной власти, недостижимы. Нужно привлечь такое количество людей, что окажется трудно организовать их, они станут источником опасности, а не безопасности. Объединение репутаций и влияния нескольких индивидуумов представляет большую угрозу свободе, чем репутация и влияние любого из них порознь. Когда власть, следовательно, попадает в руки такой небольшой группы людей, что искусному лидеру нетрудно объединить их интересы и взгляды в совместном предприятии, ею легче злоупотреблять и она приобретает куда более опасный характер, чем в руках одного человека. Уже по причине его одиночества за ним следили бы более тщательно и с большей готовностью подозревали, а он бы не смог приобрести такого влияния, какое бы имел в союзе с другими. Децемвиров в Риме, чье название указывает на их число, боялись больше как узурпаторов, чем если бы таковым был ОДИН из них.

Никто и не думает предлагать больший по численности исполнительный орган, называется состав совета от шести до двенадцати членов. Числа эти не так велики, чтобы допустить, что в этом составе легко достигнуть сговора, а такого сговора Америке нужно больше опасаться, чем амбиций одного индивидуума. Совет при должностном лице, который сам несет ответственность за свои поступки, в целом не более чем препятствие для его добрых намерений, а чаще орудие и поставщик соучастников в дурных начинаниях и почти всегда прикрывает его ошибки.

Не буду останавливаться на расходах, хотя очевидно, что если в совет входит достаточное количество членов для обеспечения его основной цели, то жалование членов, которым придется бросить свои дома и жить в резиденции правительства, составит в росписи государственных расходов сумму слишком серьезную, чтобы ее тратить на предприятие сомнительной пользы.

Добавлю еще, что до появления конституции мне редко приходилось встречать думающего человека из любого штата, который не признавал бы на основе опыта, что ЕДИНСТВО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА в штате Нью-Йорк – одно из лучших положений нашей конституции.

Публий

Федералист № 71 [70]

Александр Гамильтон

Марта 18, 1788 г.

К народу штата Нью-Йорк

О сроке пребывания в должности говорилось как о втором потребном условии усиления исполнительной власти. Это касается двух вещей: личной твердости президента при осуществлении его конституционных полномочий и стабильности системы администрации под его эгидой. Что касается первой, то должно быть очевидно – чем продолжительнее пребывание в должности, тем больше вероятность проявления этого важного преимущества. Человеку в общем свойственно ценить то, чем он располагает, в зависимости от возможности или невозможности его удержать; он менее привязан к имеющемуся у него на основании краткосрочного или неопределенного права собственности, чем в случае, если это право распространяется на длительный срок и точно определено. Он, конечно, с большей готовностью пойдет на риск в первом случае, чем во втором. Это замечание не менее применимо к политическим привилегиям, почетному званию или доверенному посту, чем к обычной собственности. Отсюда следует, что человек, исполняющий обязанности президента и осознающий, что он

должен в кратчайший срок сложить свои полномочия, будет очень мало заинтересован, чтобы рискнуть подвергнуться серьезному порицанию, или попасть в затруднительное положение в результате независимого применения своих полномочий, или противостоять недобрым настроениям, хотя бы и преходящим, охватившим или значительную часть народа, или даже господствующую фракцию в законодательном органе. Если же случится так, что он, *может быть*, сложит их, если не продолжит свое пребывание на посту в результате новых выборов и если захочет пребывать на нем, то его желания и опасения решительным образом подорвут его честность, подточат стойкость. В любом случае он окажется слабым и нерешительным на своем посту.

Некоторые склонны считать раболепную уступчивость президента доминирующим течением как в сообществе, так и в законодательном органе его наилучшей рекомендацией. Но такие люди очень приблизительно представляют как цели учреждения правительств, так и истинные средства, с помощью которых обеспечивается общественное благополучие. Республиканский принцип требует, чтобы чувство осознанной общности руководило поступками тех, кому вверено ведение дел общества; однако он не требует безоговорочного служения любому порыву страстей или любому преходящему порыву, исходящему от хитроумных людей, принимающих свои предрассудки за интересы общества. Совершенно справедливо, что люди обычно стремятся к ОБЩЕСТВЕННОМУ БЛАГУ. Они часто при этом ошибаются. Но их же здравый смысл возмутится против льстеца, утверждающего, что они всегда правильно выбирают *средства* его достижения. Жизнь учит их, что и они сами не застрахованы от ошибок; удивляет разве то, что их мало, а ведь людей одолевают своими хитростями паразиты и сикофанты, громогласно вопят честолюбцы, преследуют алчные авантюристы, изводят те, кто обладает большим доверием, чем заслужил, и те, кто стремится обладать им, а не заслужить. Когда интересы людей расходятся с их склонностями, долг лиц, назначенных быть хранителями этих интересов, воздержаться от преходящих заблуждений, дать время и возможности для хладнокровных и уравновешенных размышлений. Можно привести случаи, когда такое поведение спасало от самых фатальных последствий собственных ошибок и возводились памятники на века в знак благодарности тем, кто обладал смелостью и великодушием служить с риском вызвать недовольство.

Но как бы мы ни были склонны настаивать на неограниченном угодничестве исполнительной власти перед стремлениями народа, у нас не найдется оснований настаивать на таком же угодничестве перед настроением законодательного собрания. Оно может иногда выступать в оппозиции к исполнительной власти; в другие времена народ может быть полностью нейтрален. В любом случае, разумеется, желательно, чтобы президент дерзал проводить свою точку зрения энергично и добивался решений.

Правило, по которому признается разумным разделение различных властей, равным образом учит: при этом они остаются независимыми друг от друга. Чего ради отделять исполнительную или судебную власть от законодательной, если обе – исполнительная и судебная – власти так сконструированы, что находятся в абсолютной зависимости от законодательной власти? Подобное разделение должно быть чисто номинальным и не может достичь целей, ради которых затеяно. Одно дело – подчиняться законам и другое – зависеть от законодательного органа. Первое соответствует, второе нарушает коренные принципы хорошего правления, и каковы бы ни были формы конституции, вся власть сосредоточивается в одних руках. Тенденция законодательной власти поглощать все остальные полностью показана и проиллюстрирована примерами в некоторых из предшествующих статей. В чисто республиканских правительствах эта тенденция почти непреодолима. Представители народа в народной ассамблее иногда воображают, что они и есть народ, проявляя сильные симптомы раздражения и отвращения при малейшем признаке оппозиции из любых других кругов, как будто осуществление прав исполнительной или судебной властями нарушает их привилегии и подрывает их достоинство. Они, по-видимому, часто предрасположены осуществлять высокомерный контроль над другими департаментами, а поскольку на их стороне обычно народ, они всегда действуют с такой силой, что другим членам правительства крайне трудно сохранить баланс конституции.

Вероятно, могут спросить, каким это образом краткосрочное пребывание у власти может затронуть независимость исполнительной власти от законодательной, если одна не имеет права назначать или смещать другую? Один ответ на вопрос можно вывести из уже упомянутого принципа о слабом интересе к краткосрочному преимуществу и о том, как мало такой срок побуждает претерпеть серьезные неудобства или идти на риск. Другой ответ, вероятно, более определенный, хотя и менее убедительный, заключается в учете влияния законодательного органа на людей, могущих быть использованными для предотвращения переизбрания человека, который стойким сопротивлением любому зловещему плану этого органа стал ненавистным в его глазах.

Могут также спросить, соответствует ли четырехгодичный срок поставленной цели, а если нет, не будет ли меньший срок рекомендуем для обеспечения большей безопасности против честолюбивых замыслов и по этой причине предпочтительнее более длительного периода, который все же слишком короток для приобретения желательной твердости и независимости президента?

Нельзя утверждать, что четырехгодичный или любой другой ограниченный срок полностью соответствует предложенной цели, но он приближает к ней настолько, что это окажет серьезное влияние на дух и характер правительства. Между началом и окончанием такого периода всегда есть значительный интервал, в течение которого

перспектива ухода с должности будет достаточно отдаленной, чтобы не оказывать неподходящего влияния на человека, наделенного приличной порцией стойкости. В течение этого интервала он с достаточными основаниями сможет пообещать себе, что ему до окончания срока хватит времени убедить сообщество в правильности мер, которые он собирается проводить. Хотя, возможно, по мере приближения новых выборов, когда публика выразит свое отношение к его политике, уверенность и вместе с ней твердость этого человека пойдут на убыль, обе стороны, однако, найдут поддержку в возможностях, которые дало ему пребывание в должности и связанное с ним уважение и доброе отношение избирателей. Тогда он сможет поставить на карту безопасность, вместе с доказательствами своей мудрости и честности, с уважением и привязанностью своих сограждан. Коль скоро, с одной стороны, срок в четыре года будет содействовать твердости президента в мере, достаточной для превращения ее в ценнейшую составную часть института, то, с другой – он будет недостаточно длительным, чтобы оправдать тревогу по поводу общественной свободы. Если английская палата общин, скромно начав с простого права соглашаться или не соглашаться с введением нового налога, большими шагами сократила прерогативы короны и привилегии дворянства до размеров, по ее мнению, совместимых с принципами свободного правления, то одновременно и подняла свой статус и значимость, став равной палатой парламента. Если палата общин в одном случае сумела ликвидировать как монархию, так и аристократию, возобладать над всеми древнейшими установлениями, над государственной церковью, если она сумела заставить недавно монарха трепетать перед перспективой ее нововведений, тогда чего бояться избранного на четыре года должностного лица с полномочиями, определенными для поста президента Соединенных Штатов? Чего, кроме того, что задача, предусмотренная конституцией, окажется ему не по плечу? Мне остается только добавить, что, если срок его пребывания в должности окажется таким, чтобы оставить в сомнении его твердость, это сомнение несовместимо с опасениями по поводу его собственных поползновений.

ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789–1794)

ЖАН ПОЛЬ МАРАТ (1743–1793)

Дар Отечеству

Речь первая

Речь вторая

Речь третья

Речь четвертая

Речь пятая

ЖАН ПОЛЬ МАРАТ

(1743–1793)

Марат родился во французской деревне Будри на границе с Швейцарией в большой семье. Он с детства хотел прославиться и в поисках известности пытался заниматься науками, литературой. Тяжелая нервная болезнь едва не привела Марата к смерти, но начавшаяся революция вернула ему силы. С сентября 1789 г. он стал выпускать в Париже газету «Друг народа», где, подписываясь одноименным псевдонимом, вел поиски потенциальных врагов революции, призывал к насилию и террору. На посту депутата конвента Марат снискал известность как пламенный оратор.

Марату принадлежит большая заслуга в развитии теории печати. Он был убит террористкой и после смерти почитался революционерами как мученик свободы.

Дар Отечеству

**«Дар Отечеству» – сборник фиктивных речей, выпущенный Маратом в Париже анонимно в начале 1789 г. Главный смысл речей – удар по абсолютизму Людовика XVI. Позднее Марат написал «Добавление к Дару Отечеству», где продолжил критику государственного строя.*

Печатается по: Жан Поль Марат. Избранные произведения: В 3-х томах / Пер. С. Кана. Т. 1. М., 1956.

Речь первая

Дорогие сограждане!

Дело сделано. Престиж правительства сведен на нет. Вот они, эти-де министры, ославленные за бездарность, презираемые за хищничество ненавистные своим произволом, заклеянные общественным негодованием. Предатели народа – своего властелина, предатели страны, они своими преступлениями подорвали авторитет власти и привели государство на край гибели.

Еще недавно их подлые приспешники нагло твердили, что *монархи обязаны своей властью лишь Господу Богу и собственному мечу, что они такие же хозяева своим подданным, как пастух своим овцам, что народ следует морить голодом, чтобы он дал жить им самим, что необходимо его ослепить, чтобы заставить повиноваться, и что, наконец, он тем покорнее, чем его сильнее угнетают.* Безумцы! Они не ведали, что всякое терпение имеет пределы, что отважный народ, измученный страданиями, неизменно

стремится сбросить ярмо, что стоны отчаяния могут смениться приступами ярости и что, наконец, призывы к свободе всегда готовы подняться из пламени восстания.

Благодаря просвещению философией уже прошло то время, когда отупевший в своем невежестве человек считал себя рабом. Приспешники тирании, стыдящиеся собственных пагубных убеждений, хранят молчание; зато со всех сторон раздаются голоса мудрых, указывающих монархам, что *в каждом государстве высшая власть принадлежит всему народу в целом, что именно народ является истинным источником всякой законной власти, что сами государи поставлены следить за исправным выполнением законов, которым они и сами подчинены, что их собственное могущество зиждется лишь на соблюдении справедливости, которую они обязаны, оказывать даже самому последнему из своих подданных.* Утешительные истины! Зачем только о них скоро забывают в счастливые времена и вспоминают лишь в годину бедствий?

Но что за потрясающее душу зрелище встает перед нашими очами! О родина моя! Ненасытные хищники терзали твоё тело, и руки варваров вонзали мечи в твою грудь: я все еще вижу тебя ослабленной утратами, изнуренной голодом, покрытой ранами и залитой кровью.

Давно уже, изнемогая под тяжестью своих бедствий, ты скорбишь в тиши. И только безмерность страданий вырвала, наконец, из твоей груди крики отчаяния. Они дошли до слуха твоего короля, и его сердце преисполнилось сострадания. Он сам узрел твои раны, и душа его содрогнулась. Теперь он спешит к тебе на помощь. Он глубоко возмущен поступками своих вероломных служителей, употребивших во зло доверенную им власть, и стремится положить предел преступной дерзости тех, кто соблазнился бы их примером. Он сам хочет защитить тебя от их ярости.

Ты будешь счастлива, если благостные намерения короля не окажутся тщетными вследствие происков врагов твоего покоя. Еще более счастлива, если грудь твою не разорвут на части твои же собственные дети. Одни – наглые сибариты – дают обеты нищеты и в то же время в вихре светских удовольствий расхищают достояние бедняков, дают обеты смирения и в то же время требуют лстящих их тщеславию отличий, называют себя служителями Господа – миротворца и в то же время повсеместно разжигают пламя раздора и вражды. Другие – смехотворные паладины, – стремясь (в припадке умоисступления) запугать монарха и предлагая ему свою помощь для расправы над тобой, призывали на твою голову разорение и гибель. Но, вооруженная верой в свои силы, ты укротила грозу и подавила эти преступные партии тяжестью доводов разума. Одна из партий уже пришла в смятение вследствие примера доблести, явленного одним почтенным прелатом. Но пойти по его стопам у нее самой не хватает сил. Партия эта хранит молчание и ожидает решения своей судьбы от самого хода событий, в то время как другая, униженная примером доблестного поведения отдельных знаменитых мужей,

скрывает свои неправомерные притязания и стремится обмануть тебя притворным великодушием.

О французы! Вашим страданиям конец, если вы устали их терпеть: вы свободны, если у вас есть мужество быть свободными. Вся Европа рукоплещет справедливости вашего дела. Убеденные законностью ваших прав, сами враги ваши перестали противиться всяким требованиям. Люди эти, далекие от того, чтобы теперь отказываться от участия в несении расходов государства, из которого до сих пор они лишь тянули кровь, готовы единолично погасить государственную задолженность, лишь бы вы сами отказались от намерения освятить ваши требования в Национальном собрании. Погасить всю задолженность единолично? Но в состоянии ли они это сделать? И откуда возьмут они средства, чтобы заполнить пропасть? Самонадеянные спасители! Найдется ли среди них самих хоть сотня людей, не разоренных роскошной жизнью, расточительностью, азартной игрой, разбоем их собственных управляющих? Найдется ли среди них сотня людей, не обремененных долгами? Взгляните на их земли, находящиеся под судебными запретами, запущенные или продающиеся; взгляните на их имения, находящиеся в руках судебных исполнителей или под опекой. Но даже и в том случае, если бы они и не обманывали самих себя, если бы они действительно могли, действительно хотели по собственному желанию освободить правительство от задолженности, и в этом случае их пышная жертва явилась бы лишь временной мерой, тогда как государство нуждается в мерах надежных и постоянных. Берегитесь же расставленных ими сетей. Они готовы расстаться одновременно с любой суммой, лишь бы затем не платить всю жизнь. Раскошелившись однажды, они сохранили бы за собой поле сражения, навеки ослабили бы вас, утяжелили ваши цепи и продолжали бы отъедаться на вашем поте и упиваться вашей кровью.

Они порешили не признавать вас главным сословием нации, и хотя своих прежних речей они теперь не произносят, их поведение ничуть не изменилось. Не видя в природе никого, кроме самих себя, они считают себя за целую нацию. Пусть же они навсегда примут только на себя одних все расходы государства; пусть поддерживают и защищают его, заботятся о его процветании, пусть возделывают поля, возводят города, разрабатывают рудники, устраивают мастерские, управляют мануфактурами, ведут торговлю, отправляют правосудие, обучают молодежь, спускают корабли, снаряжают флот и набирают армии. Вы же, несчастные граждане, бегите прочь из пределов неблагодарного отечества, обязанного вам всем и одновременно отвергающего вас. Но куда же завлекло меня мое святое рвение? Нет, нет, граждане, не покидайте своих очагов, почувствуйте свою силу. Это вы составляете мощь и богатство государства. Король, возглавляющий вас, всегда останется могущественнейшим государем вселенной; без вас же он, находясь во главе дворянства и духовенства, всегда будет лишь простым сеньором среди своих вассалов. В этом случае король уподобился бы тем мелким князьям империи, которые вынуждены

вымаливать себе покровительство у могущественного соседа из страха, что тот их поглотит, и вскоре уже перестал бы считаться одним из великих государей. Да что я говорю? Без вас Франция, орошенная вашим потом и вашими слезами, лишилась бы своей жатвы и превратилась в пустыню. Без вас иссяк бы самый источник ее плодородия и сам король умер бы с голоду. Пусть они чванливо хвастаются своими подвигами, своей службой: чего стоят их подвиги в сравнении с вашими? Мог бы король, вынужденный выбирать между ими и вами, колебаться хоть одно мгновение? Однако, благодарение небу, он не очутится перед подобной тягостной крайностью, и нация не будет раздавлена, раздроблена, уничтожена. Свет разума постепенно рассеет тьму, застилающую очи ваших врагов; поразмыслив и взвесив собственные истинные интересы, перестанут они ополчаться против справедливости. О мои сограждане! Сама чрезмерность ваших страданий заставила вас осознать необходимость исцеления. Вам представляется теперь единственный случай, чтобы вновь вступить в свои права. Познайте же, наконец, цену свободы, поймите же, наконец, ценность мгновения. Пусть мудрость направляет все ваши шаги, но оставайтесь непреклонными. Какие бы преимущества ни обещали вам, пусть даже ваши враги согласятся взвалить на одних себя всю тяжесть налогового бремени, отказывайтесь от всего, пока права ваши не будут раз навсегда закреплены. В Национальном собрании, вот где должны вы торжественно их утвердить и освятить навеки.

На что только не имеете вы права притязать и в чем только не нуждаетесь? В том состоянии, в котором я вас теперь застаю, вам следует не только требовать всего необходимого, чтобы прокормиться, одеться, обзавестись жилищем, воспитать и надлежащим образом поставить своих детей на ноги; вам следует, кроме того, обеспечить свою личную свободу от покушений со стороны произвола министров, утвердить свою невиновность перед лицом несправедливых судей; отстоять честь своих жен и дочерей от посягательств титулованных насильников, а свое собственное доброе имя – от нападок влиятельных клеветников; добиться правосудия в тяжбах с могущественными притеснителями и, наконец, создать благоприятные условия для развития собственных способностей и достижения счастья. Это – ваш долг перед самими собой, перед вашими детьми, перед родиной и королем. Это – единственное средство сделать нацию цветущей, уважаемой и грозной, а также поднять на вершину славы имя французов.

Речь вторая

Нет, мои дорогие соотечественники, не существует такого средства, которое враги ваши не применили бы с целью избежать созыва высокого собрания, того собрания, в котором сами вы приобретете права гражданства. Каждый день они расставляют для вас все

новые сети. Вчера они попытались вас поработить, а сегодня селятся вас разделить: бесплодные попытки, до тех пор пока добродетель с вами.

Уже все классы третьего сословия, объединенные общими интересами, сблизилась и общаются друг с другом. Мои дорогие соотечественники, обратите внимание на собственные силы и сделайте это не столько ради их измерения (они неисчислимы и непреодолимы), сколько ради опознания тех из ваших братьев, кто готовится вам изменить, и тех, на кого вы действительно можете положиться.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия финансистов; но эти состоятельные люди слишком благоразумны, чтобы, украсив себя пустыми титулами, сделаться общим посмешищем; чтобы стать заодно с классом людей, связанных с ними лишь жаждой золота;

чтобы примкнуть к партии, презирающей их самих, тиранические притязания которой им к тому же слишком хорошо известны.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия новоиспеченных дворян, людей короля, городских муниципальных чиновников. Но эти уважаемые лица слишком высоко стоят над предрассудками мелочного тщеславия, чтобы не гордиться званием гражданина, чтобы отойти от почитающих их собратьев и занять место в партии, тиранические притязания которой они столько раз на себе испытывали.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия адвокатов, судебных чиновников низших инстанций. Но эти непреклонные защитники невинности, эти мстители закона не знают никакого иного благородства, кроме благородства чувств: их, верных своим убеждениям, не удастся увидеть в партии, чьим тираническим притязаниям они столь часто противодействуют.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия священников, но эти почтенные слуги религии, знающие, что все люди братья, и постоянно проповедующие им смирение, не станут похваляться светскими отличиями, отвергаемыми Евангелием. Они не пойдут за партией, чьи тиранические притязания они ежедневно оплакивают.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия писателей, ученых, философов, но эти бесценные люди, вся жизнь которых – в том, чтобы нести вам просвещение и внушить сознание собственных прав, кто так ревностно отстаивает ваше дело и столь хорошо показывает, что людей отличают лишь таланты и добродетели, разве могут они стать презренными отступниками и принять сторону партии, на тиранические притязания которой они сами же ополчились?

Таким образом, третье сословие Франции состоит из класса слуг, из классов чернорабочих, мастеровых, ремесленников, торговцев, предпринимателей, негоциантов, сельских хозяев, землевладельцев и рантье, не имеющих титула, учителей, людей искусства, хирургов и медиков, писателей, ученых, юристов, низших судебных

чиновников, служителей алтаря, а также войска и флота: неисчислимый и непобедимый легион, включающий и просвещение, и дарование, и силу, и добродетель.

Во главе его становятся те великодушные и благородные дворяне, чиновники, сеньоры, прелаты, князья, что забывают о своих привилегиях и служат вашему делу, довольствуясь званием простых граждан.

Во главе его должны были бы также стоять те, с давних пор весьма пылкие, сенаторы, что притязают быть отцами народа и творцами благодетельных законов; однако парламенты покинули третье сословие, и третье сословие в свою очередь покидает их.

Что теряет оно от этого? Сенаторов упрекают в том, что они всегда мало заботились о народе, но всегда крайне завидовали некоторым привилегиям и почестям патрициев.

Их упрекают в том, что они, выдавая себя в городе защитниками угнетенных, в деревне сами притесняют слабого, имеющего несчастье быть их соседом.

Их упрекают в том, что никому и никогда нельзя было добиться от них правосудия даже против ничтожнейшего из их членов.

Их упрекают в том, что они отвергли поземельный налог только из боязни разделить с другими часть общественных тягот.

Их упрекают в том, что они подняли свой голос против произвольных приказов об арестах тогда лишь, когда те обрушились на них самих.

Их упрекают в том, что они потребовали созыва Генеральных штатов лишь для утверждения новых налогов, а также в том, что они выдают самих себя вкупе с пэрами и высшим духовенством Генеральные штаты, лишь только заходит речь о допущении туда третьего сословия.

Их упрекают в том, что они побудили третье сословие отстаивать свои права, но сами заглушили его голос, едва только сословие это пожелало, чтобы его требования были услышаны.

Их упрекают в том, что они, втайне подстрекая к мятежам, сами выносили постановления против народа.

Их упрекают в том, что они, беспрестанно требуя освобождения двух своих членов, произвольно арестованных, один только раз выказали готовность отомстить за многочисленных граждан, убитых войсками.

Их упрекают в том, что сначала они требовали свободы печати, надеясь на восхваления, а затем добивались ее отмены, боясь порицаний.

Их упрекают в том, что они, смотря по обстоятельствам, поворачивались то к народу, то к правительству, стремясь превратить поочередно монарха и народ в орудие своей ярости против тех, кто противился их тайным и честолюбивым замыслам и планам.

Их упрекают в том, что они стремятся к независимости и противодействуют королю лишь в надежде в один прекрасный день разделить с ним власть.

Их упрекают вместе с тем в несносном духе кастовости, в отвратительной пристрастности. Их обвиняют, наконец в честолюбии, неповиновении, бунтарстве, несправедливости, тирании; и они не делают даже попытки оправдаться в чем-либо. Что подумать об этом молчании? Стоит только сопоставить их прекрасные речи и отвратительное поведение; их нравственные правила, столь мягкие в теории и столь грубые на практике; их политику, столь мудрую с виду и столь вероломную на деле; бездну смирения у них на устах и тьму гордыни в сердцах; такую человечность в правилах и такую жестокость в действиях; столь умеренных людей и столь честолюбивых чиновников; столь неподкупных судей и столь несправедливые приговоры, – стоит только сопоставить все это, и, поистине, не будешь знать, что думать. Трогательное звание отцов народа, которым они так хвастливо прикрываются, представляется теперь лишь потешным прозвищем, в насмешку обозначающим людей опасных, бесчеловечных и себялюбивых.

Речь третья

Я всегда с горечью вспоминаю мало разумную радость публики по поводу назначения министром архиепископа тулузского. «Это – человек большого ума, больших способностей», с восторгом твердили тогда со всех сторон, черпая отсюда самые радужные надежды. Но достаточно ли быть умным человеком, чтобы находиться во главе правительственной власти, если отсутствуют способности, необходимые государственному мужу, если нет опыта ведения государственных дел? Да и где, спрашивается, этот бойкий прелат сумел приобрести сведения, необходимые для первого министра? Не в кругах же светского общества, не в будуарах галантных женщин и в интригах двора?

Кроме того, если бы даже он и располагал всеми отсутствующими у него дарованиями, одних талантов было бы далеко не достаточно – необходимы еще и нравственные качества; да и чего можно было ожидать от законченного придворного шаркуна, от одного из тех людей, душой которых постоянно владеют честолюбие, алчность и скаредность, а ремеслом которых являются лживость, коварство, хищничество и измены?

Зловещие предзнаменования! И надо же было, чтобы события оправдали их столь быстро! Вы видели сами, да, вы видели сами, как этот ненасытный расхититель начал свою деятельность в министерстве с утоления своей жажды золота, с присвоения народного достояния, а затем, когда голодающий народ запросил хлеба, сорвал с него и последние лохмотья. Однако иллюзия эта, благодаря какому-то беспримерному стечению обстоятельств, продолжала жить до самых последних дней. А что касается самого министра, то он, осознав собственную неспособность и убоявшись надвигающейся грозы, бежал из страны, оставив новую зияющую пропасть, в которую только что низверг нацию.

Дорогие мои сограждане, пусть прошлое послужит вам уроком на будущее; вооружитесь же благоразумием и при выборе своих представителей в Национальное собрание будьте столь же строгими, как при выборах министра.

Удаляйте с политической арены неблагоразумную и пылкую молодежь, а также людей, известных своим легкомыслием и веселой жизнью, людей, склонных к мотовству, роскоши, разврату, скарденности и честолюбию.

Знания и добродетели – вот качества, необходимые представителю третьего сословия. Возводите же в это звание лишь здравомыслящих и испытанно честных людей, в способностях которых невозможно сомневаться; людей, ревностно относящихся к общественному благу, опытных в делах, чьи интересы неотделимы от ваших собственных; людей серьезных, зрелых годами, или же тех, у кого почтенная старость венчает безупречную жизнь. И, наконец, чтобы уберечь их добродетель от всякого соблазна, избирайте людей, не знающих, благодаря своему состоянию или заработку, нужды; людей независимых по роду своей деятельности или таких, чьи должности не зависят ни от благорасположения высочайших особ, ни от покровительства вельможи или министра.

От того, кто будет избран вашим представителем, зависит ваше счастье, ваше спасение. Забота о сохранении ваших состояний, свободы и чести; любовь к вашему семейству, к родине, к королю; религия и слава государства объединяются в настоящее время для того, чтобы воззвать к вашему благоразумию и вашей добродетели. Когда затронуты подобные крупные интересы, осмелятся ли мелкие страсти возвысить свой голос? Берегитесь, как бы, пренебрегая мудрыми советами и прислушиваясь к соблазнительным речам, вы собственными руками не вырыли пропасть у своих ног. Берегитесь, как бы собственные ваши дети не упрекнули вас позднее в том, что вы сами выковали им цепи, и как бы они, рыдая над горькими плодами порабощения и жалуясь на свои мучения, не стали проклинать продажность своих отцов.

Речь четвертая

Благополучие отдельных держав, как и благополучие частных лиц, зависит от мудрости правительства; продажное министерство столь же быстро доводит до разорения самое процветающее государство, как какой-нибудь расточитель пускает на ветер достояние зажиточного семейства. Печальная истина, недавно представшая перед нами во всей своей суровости!

Могло показаться, что за последние двадцать лет исчез куда-то гений – покровитель Франции и, чтобы наказать народ за слепое послушание, безвозвратно предал его в руки министров, бездарных, тупых и хищных.

Если начать с того из них, кто разорил столько подданных и подорвал национальный кредит, нарушая обязательства, взятые на себя монархами, можно сказать, что само заблуждение и безумие руководили их выбором.

Разве во главе военного ведомства не видели мы Сарданапала, лишенного опыта, знаний, таланта? Он только то и делал, что представлял, торговал должностями и любезничал с потаскухами.

Разве не видели мы в морском ведомстве человека, не имевшего об этом деле ни малейшего понятия, отроду не выдавшего ни корабля, ни моря, человека, прошедшего свою школу матроса, маневрируя картонным корабликом в лохани с водой, человека, наконец, не имевшего никаких оснований для распоряжения нашим флотом, для руководства его боевыми действиями, для обороны наших островов и для поощрения нашей торговли, кроме разве что своего умения потешать двор скандальными городскими сплетнями да ловкости, выказанной при поимке мошенников и плутов?

Разве не видели мы в министерстве финансов двух законников, состарившихся на судебных тяжбах, знакомых лишь с юридическими формальностями и не способных даже сосчитать до трех? Разве не видели мы там исполненного тщеславием интригана, обремененного долгами, провинциального лихоимца, напыщенного растратчика без совести и стыда?

Разве не видели мы во главе министерства престарелого шута, единственный талант которого состоял в умении развлекать государя, а единственное занятие – в злоупотреблении властью ради того, чтобы потакать своим мелким страстям и выдвигать своих протеже? Разве не видели мы там честолобивого попа, известного своим чванством, проницательностью и хищениями, единственное достоинство которого составляли гибкость, хитрость, интриги и мотовство?

Разве не видели мы во главе судебного ведомства и высшим распорядителем королевской типографии чиновника, обвиненного в распространении пасквилей против королевы?

Баловни фаворитизма, сколь достойными подобного родителя проявили они себя! Но увы!

Разве мы были более счастливы с теми, чей выбор казался вполне разумным?

Взгляните на этого политического склочника, пропитавшегося у мусульман ядом деспотизма. Едва успев занять свое место, этот заклятый враг свободы замыслил стереть ее с лица земли и удушить в самой колыбели. Удары, нанесенные им нации, оставили глубокие раны – они все еще кровоточат и, возможно, будут кровоточить всегда.

С целью сокрушить Англию он сеял смуту в ее колониях и втравил Францию в несчастную войну, истощившую ее финансы и навеки ее ослабившую. Проворный в разжигании распри у тех народов, которые собирался поработить, он мало тревожился о том, не перекинется ли огонь к нам и не увлекут ли они нас в своем крушении. Лишенный

прозорливости, вдумчивости, проницательности, он не имел никакого представления о скрытых силах, всегда приберегаемых свободным народом, об энергии, развиваемой им при отпоре врагу, и о той мудрости, которой народ искупает мимолетное свое безумие; ему неведомо было великое искусство читать в грядущем и рассчитывать ход событий; видя лишь удары, наносимые им самим, он не замечал ударов, которые должны были поразить нас самих. Ограничив все свои замыслы стремлением повредить другим, он довел нас до истощения, стараясь вырвать у наших врагов Америку. При этом, однако, он даже не помыслил о том, чтобы сблизить ее с нами и тем позволить нам позднее пожать плоды этого союза. Да что я говорю? Он сделал все, чтобы вызвать к нам ненависть. Повстанцы бросались нам в объятия; но вместо того чтобы явить нас в их глазах верными и преданными друзьями, он явил нас авантюристами, не знающими ни совести, ни чести. Им не хватало военного снаряжения; вместо того чтобы доверить заботу об их снабжении честным негодьям, он поручил это гнусному интригану, некоему Бомарше, светскому человеку, как бы созданному для того, чтобы покрыть позором нацию и отнять у нее плоды стольких жертв.

Исчерпав наши силы ради унижения наших соперников, он разорил нас заключением торгового договора с ними: договора губительного, доведшего у нас англоманию до высшей точки, подточившего нашу промышленность и повергшего в нищету бесчисленное множество ценных работников.

С голландцами он повел себя так же, как с англичанами, и эти новые столкновения окончательно подорвали как силы, так и политический престиж нации. Чтобы лишить Англию поддержки со стороны Голландии, он возбудил в Соединенных провинциях волнения, поднял могущественную партию против штатгальтера и силился его уничтожить. Столь же непроницательный, сколь и неугомонный, он упустил из внимания все средства, имевшиеся у партии, которую он рассчитывал сокрушить. Фридрих II, бывший в то время уже на краю могилы, боясь скомпрометировать свои лавры, пытался исправить дело путем переговоров. Соображение это не могло удержать его преемника, несомненно, сильно привязанного к любимой сестре, не говоря уже о государственных интересах, толкавших пруссаков, голландцев и англичан к сближению друг с другом, к объединению своих сил и укреплению взаимных связей. Ровно ничего даже не было предусмотрено на случай разрыва: ни плана боевых операций, ни готовой армии, ни пограничных военных складов, ни денежных сбережений на случай войны; далекий от того, чтобы озаботиться приведением финансов в порядок, он сам способствовал их расточению. Состояние бессилия, в которое была ввергнута Франция, соблазнило ее врагов и толкнуло их к нанесению решительного удара. Двадцать семь тысяч пруссаков в одну ночь проникли на территорию Голландии. При их приближении мятежники пускаются в бегство, ворота распахиваются, и возвращенный на престол штатгальтер становится

могущественнее, чем когда-либо. Вскоре его ненависть к Франции, дружественные чувства к Англии, его признательность Пруссии создают и скрепляют Тройственный союз, – союз роковой для [нашей] нации, который довел бы ее до края гибели, если бы провидение в своем милосердии не сковало вражеские силы непогодой, а также слабоумием Георга III.

О родина моя, милая родина! Ты, которую природа так щедро осыпала своими дарами! Какова же теперь твоя участь, когда лишь милость двора и интрига определяют выбор твоих вождей и когда тебе приходится завидовать народам даже тех диких стран, которые небо как будто бы совершенно обездолило! Ты, некогда стоявшая во главе благоденствующих и грозных народов, сколь же ты теперь унижена! Ты почти что потеряла уже свое место в политической системе Европы и без сил, без воли, без опоры отдана, беззащитная, на поток и разграбление своим врагам. В их власти безнаказанно насмехаться над твоими бедствиями, раздирать тебя на части и заставить исчезнуть из круга великих держав. И как будто тяжесть твоих страданий еще не достаточно велика, новые бедствия угрожают тебе: корпорации, которым поручено исполнение законов, стремятся к независимости; дворянство и духовенство отделяются от тебя, собственные твои дет готовятся растерзать тебя, предав всем ужасам гражданской войны. При виде стольких бедствий сколь жгучее раскаяние должно наполнить сердце тех, кто наградил тебя такими недостойными правителями! Твой вождь, разбуженный криками раздора, в испуге обращает к тебе свои взоры; горько сожалеет он о том, что возложил заботу об управлении государством на вероломных министров; он сожалеет о том, что они злоупотребили его авторитетом, и желал бы один взять в свои руки бразды правления; но отягощенный многочисленностью правительственных обязанностей и тяжестью общественных дел, он чувствует, что для выполнения священных обязанностей государя сил одного смертного не достаточно. Он чувствует, что деспотизм, который всегда в тягость и самому себе, кончает всеобщим разрушением и что умеренный образ правления во времена тревог и волнений служит прибежищем даже самому деспоту. Он чувствует, что для возвращения нации ее бывшего блеска и могущества необходимо вернуть ей свободу и восстановить ее права; он понимает, как важно для короля, которого министры-честолюбцы стремятся занять пустыми развлечениями, а льстецы стремятся развратить, сколь важно для него окружить себя только способными и честными министрами; он знает, сколь затруднительно самому королю разыскать в своем королевстве людей, наиболее достойных его доверия, и сколь редко в условиях развращенного двора истина может найти дорогу к трону; он знает, что только одна она может помочь ему сделать правильный выбор и что только среди свободного народа можно услышать ее голос; он чувствует, зная слабость человеческой природы, что даже наиболее добродетельный министр не сможет так ревностно радеть о благе народа и славе государя, как сама

нация; он понимает, что единственное средство для спасения страны состоит в возложении заботы о ее спасении на представителей самого народа и в предоставлении им права надзора за расхождением общественных средств; он понимает все это и желает, чтобы народ вечно наслаждался этими бесценными благами.

Да благословен будет лучший из королей! Надежда возрождается в наших сердцах. Отвратим же наши взоры от наших утрат и обратим их к нашим возможностям. Нет, нет, могущественные враги не разделят между собой нашего достояния, а не знающие жалости партии не разорвут нашу грудь. Прочь от нас, раздоры и смуты. Пусть духовенство и дворянство не перестают пользоваться своими почетными преимуществами, но пусть все сословия государства сблизятся между собой, пусть объединит всех нас забота об общем благе, пусть разум рассудит наши взаимные притязания и вечная справедливость установит наши права и пусть, наконец, звание *гражданин* сплотит навсегда разрозненные члены державы.

Речь пятая

Конституция французской монархии не имеет основных законов, прочного фундамента, а между тем ей нужно непоколебимое основание, способное служить ей вечной опорой. В Национальном собрании, священном источнике всякой законной власти, вот где она ее обретет.

Все пропало, мои дорогие соотечественники, если народные представители не начнут с утверждения своего суверенитета и своей независимости от любой человеческой власти. Для этого необходимо, чтобы Генеральные штаты, надлежащим образом избранные, собрались в соответствии со своим правом в установленном для их заседания месте и чтобы они собирались в дальнейшем не реже одного раза в три года.

Народ, в лице своих представителей, являясь законным сувереном и верховным законодателем, один должен вырабатывать основные законы государства, вносить изменения в конституцию и следить за сохранностью своего творения. Это перед нею, следовательно, должны нести ответственность министры: министр иностранных дел – за заключение договоров и союзов, противных общественному благу; военный и морской – за военные действия, опасные для общественной свободы; министр финансов – за растрату общественных средств; министр внутренних дел – за государственные перевороты. Это нации надлежит требовать удовлетворения народных жалоб, отставки неспособных министров, наказания министров развращенных. Ей самой принадлежит право определять предмет своих занятий и порядок своих заседаний. *В этом состоит первый и основной закон королевства*, без которого Генеральные штаты превратились бы в пустой призрак. Если бы они созывались в случае тяжелых бедствий, для изыскания средств погашения государственного долга, их кратковременное существование зависело бы от

воли правительства; их суверенная власть сводилась бы тогда к весьма убогому преимуществу съезжаться по призыву канцлера со всех концов королевства, чтобы пополнить государственную казну содержимым карманов своих же собственных избирателей и тем способствовать безумствам администрации, хищничеству придворных, растратам министров и плутням различных мелких служащих. Для того чтобы упрочить собственное положение, им, таким образом, следует утверждать налоги не более чем на одно трехлетие.

Если я приурочил время их созыва к этому сроку, то для того, чтобы их сессии не стали ни слишком частыми, а потому обременительными, ни слишком редкими, а потому перегруженными ввиду накопления большого числа нерешенных дел.

Поскольку Генеральные штаты могут заботиться о благе государства, лишь когда они собраны, необходимо, чтобы они избрали особый комитет, постоянно заседающий в их отсутствие. Комитету этому должно быть поручено следить за выполнением конституции и соблюдением законов; требовать удовлетворения общественных жалоб и устранения злоупотреблений; протестовать против любых нарушений свободы и т. д.

Он должен состоять из небольшого числа лиц, но обязательно включать людей, отличающихся своими познаниями и нравственными качествами; а для того чтобы комитет этот никогда не поддавался соблазну подкупа, ни одному из его членов не будет дозволено принимать какие-либо иные назначения и комитету придется давать отчет о своих действиях. *В этом состоит второй основной закон королевства.*

Несколько собравшихся вместе человек никогда не смогут следить за положением дел во всем государстве и оповещаться о нарушениях закона, если до них не доходят жалобы угнетенных. Но каким образом жалобы этих несчастных, запуганных своими притеснителями, доведенных до нищеты, лишенных всякой поддержки или томящихся в тюрьмах, дойдут до них иначе, нежели при посредстве людей, достаточно смелых и благородных, чтобы предать их гласности? Необходима, следовательно, свобода печати. *Это – третий основной закон королевства.*

Тут я слышу, как приспешники деспотизма, шарлатанства и порока возвышают свой голос против подобного, страшного для них закона. Чтобы заглушить их вопли, я отвечу им здесь одним лишь простым сопоставлением.

Ведь во Франции, где без согласия книжной палаты и утверждения цензора нельзя даже напечатать, что в полдень светло, печатью злоупотребляют больше, чем в любой другой стране. Какое огромное число непристойных книг тайком выпускается у нас ежедневно! Подобное явление – редкость в Англии, где свободно печатается, что угодно, такая редкость, что на сотню этих грязных произведений, изданных в Париже, вряд ли появляется одно в Лондоне.

Во Франции печать не только служит распространению пороков, но и становится орудием клеветы в руках злонамеренных людей. Взгляните на огромное число возмутительных пасквилей, без конца ходящих по рукам и не щадящих ни трона, ни заслуг, ни добродетели. Все это злоупотребления, беспримерные в Англии, где анонимные писания не производят никакого впечатления, где разоблаченная клевета неизменно наказуется и где каждый может открыто выступить против своих врагов, коль скоро на его стороне истина, подтверждаемая доказательствами.

Во Франции печать, кроме того, еще служит орудием притеснений в руках влиятельных лиц, корпораций и самих цензоров с их приятелями. Что если захотят раздавить какого-нибудь бесхитростного человека, не имеющего связей и лишенного поддержки? Его сперва обливают грязью в пасквиле, затем не дают возможности оправдаться в печати, пользуясь для этого давлением властей на журналистов и владельцев типографий, что случается довольно часто. Или же еще чаще случается, что оклеветанный долгое время томится, ожидая разрешения поместить опровержение, в котором ему вначале отказывают, и которое ему в конце концов дают, когда уже прошло время напоминать об этом публике. Подобное явление невозможно в Англии, где невинный всегда имеет возможность заставить себя выслушать, где законы всегда направлены против притеснения и где само общество всегда стоит на стороне притесняемых.

Во Франции, наконец, печать является еще и средством обольщения в руках влиятельных, занимающих высокие должности, людей и богатых интриганов. Хотят ли провести какой-нибудь разорительный (для страны) проект? Чтобы навязать этот проект обществу, его восторженно расхваливают в печати, затыкая при этом рот критике. Вещь неслыханная в Англии, где любой гражданин имеет право оспаривать взгляды самих министров, подробно разбирать их проекты и всенародно их разоблачать.

Ко всем этим вопиющим безобразиям следует добавить еще одно, имеющее широко распространенные и печальные последствия. Дело в том, что печать во Франции потворствует деспотизму академий, постоянно занятых преследованиями тех выдающихся и талантливых людей, которые затмевают их собственных членов. Академии стремятся увековечить заблуждения, помешать распространению новых истин, удержать общество в состоянии невежества и лишить его плодов полезных открытий, ибо сами они никаких открытий не делают. Нередко бывает, что то или иное научное общество особенно ревниво относится к какому-нибудь замечательному изобретению. В этом случае оно входит в соглашение с цензорами и журналистами, и несчастный изобретатель, жертвовавший своим сном, здоровьем и состоянием ради прогресса науки, безуспешно бьется над тем, чтобы ознакомить публику со своим трудом. Вещь немыслимая в Англии, где каждый волен отстаивать свои права и разоблачать ученых шарлатанов.

Стоит ли говорить об этом? Во Франции протитуирование печати дошло до того, что сами цензоры пользуются печатными произведениями, чтобы расправляться с врагами или помогать друзьям.

Что же еще добавить ко всему сказанному, чтобы пресечь вопли тех, кто силится увековечить эту мерзость?

Если печать будет свободна, нечего будет опасаться злоупотреблений: чтобы избежать распущенности, достаточно обязать автора подписывать своим именем то, что он публикует, и сделать его ответственным за все сообщаемые им неверные или необоснованные сведения. Всех владельцев типографий под страхом потери разрешения на право издания следует обязать не печатать никаких анонимных сочинений и, наконец, сурово наказывать тех книготорговцев и разносчиков, которые будут уличены в продаже подпольной литературы.

Если от свободы печати нельзя ожидать никаких злоупотреблений, то каких только выгод ни сулит она нам? Как только она будет установлена, всякий честный гражданин станет следить за соблюдением законов и удержит в границах долга людей, которым поручено их исполнение. В том же случае, если законы будут нарушены, всякий смелый человек забьет тревогу и потребует общественной кары для виновных.

Сколько отвратительных беззаконий будет таким образом предотвращено, сколько отменено несправедливых приговоров, сколько губительных проектов оставлено!

Но преимущества свободы печати не ограничиваются только этим: она сразу же покончит со всем злом, вытекающим из деятельности королевских цензоров – этих машин, изобретенных с целью душить крик свободы против тирании, невинности – против угнетения, разума – против фанатизма, науки – против шарлатанства; этих машин, выдуманных для того, чтобы помешать взлету мысли, проявлению таланта и гения.

После того как суверенитет нации и общественная свобода утверждены, необходимо упрочить свободу каждого гражданина путем отмены приказов о произвольном аресте и запрещения произвола. И если, в случае грозящей государству опасности, государь все же должен будет, во избежание проволочек, связанных с судопроизводством, употребить собственную власть, он все же обязан будет через определенный срок передать дела об арестованных по его приказу лицах на рассмотрение судебной палаты. *Это – четвертый основной закон королевства.*

Но еще далеко не достаточно оградить личную свободу граждан от произвола; для увенчания великого дела законности необходимо еще оградить невинность граждан от невежества и лихоимства судей.

Уголовный кодекс является оплотом невинности, ибо невозможно покарать человека, когда нельзя вменить ему в преступление дозволенные действия; но для этого нужны неподкупные и беспристрастные судьи. А это в свою очередь заставляет с особенной

силой почувствовать настоятельную необходимость коренной переделки наших уголовных законов и преобразования наших судов.

Три основных довода должны привести к упразднению наших судебных палат.

Первый из них состоит в том, что судьи, ведущие следствие при закрытых дверях, имеют возможность по своему произволу оправдать виновного и осудить невинного.

Второй – в том, что у пожизненных судей со временем от постоянного лицемерия преступлений черствеют души, и они, если у них вначале и был мягкий и человеческий характер, от ежедневного присутствия при пытках в конце концов привыкают к жестокости. А что если они по природе легкомысленны или черствы! Что если они купили себе право располагать жизнью себе подобных. Недаром же французские парламенты справедливо слывут кровавыми судилищами.

Третий довод состоит в том, что судьям по назначению не достаёт знаний, необходимых для исполнения тонких судебных обязанностей, и они неизбежно проникаются корпоративным духом, столь враждебным правосудию, что зачастую сам государь не может добиться от них удовлетворения. Наши парламенты дали тому тысячи примеров. Чтобы привести здесь один из них, самый свежий, я напомним о решении парижского парламента по поводу пасквилей, направленных против королевы. Кто может еще сомневаться в том, что, не будь один из президентов парламента замешан в этом деле, сообщники его были бы признаны виновными?

Стоит ли говорить здесь о том отвратительном сговоре парламента, который получил известность в целом ряде случаев и, в частности, в деле несчастного Лалли. Найдется ли более возмутительное зрелище, чем заговор высших судебных чинов королевства, направленный против справедливости, заговор магистратов, готовых скорее обречь на топор палача столько невинных жертв, нежели закрыть собственные сердца для голоса своекорыстия и самолюбия!

Пришло время раз и навсегда покончить со всеми этими гнусными беззакониями.

Наилучшим средством подсесть их под самый корень было бы заимствовать уголовное законодательство у Англии.

Но если у нас и не будет введен суд присяжных, пусть все же судебное следствие ведется открыто, пусть обвиняемый имеет защитника, а перед его родственниками и друзьями раскроются двери тюрьмы; пусть не обходятся с ним как с преступником до того, как ему самому не будет доказано его преступление, и пусть сам приговор выносится открыто перед лицом земли и неба. *Таков пятый основной закон королевства.*

Наконец, после принятия решений по всем этим большим вопросам, пусть займется налогами, о чем мне остается сказать лишь немного: а именно, что их распределение должно сообразоваться с имущественным положением. *Это шестой основной закон королевства.*

Таковы, дорогие мои сограждане, те основные законы, которые должны образовать фундамент конституции и обеспечить вам счастье. Это – священные законы, запечатленные самой природой в сердцах мудрецов, утешительный голос которых говорит сердцам всех добродетельных людей.

И кто же попытается подняться против них, если не эти министры-честолюбцы, боящиеся света разума, порочные прелаты, насмехающиеся над святостью, несправедливые судьи, бегущие правосудия, или же мошенники, дрожащие при одной только мысли, что им придется отказаться от хищничества и стать порядочными людьми?

Пусть же эти враги родины вопят сколько им угодно, о новшествах, о низвержении монархии. Мы ответим, что вовсе не вводим никаких новшеств и не помышляем о ниспровержении трона; мы стремимся лишь вернуть правительственную власть в ее первоначальное состояние, исправив ее коренные пороки, способные навсегда погубить и самого государя, и его подданных.

Если уж приходится в наш просвещенный век брать за образец творение веков варварских и дело рук разбойников, то кто же не знает, что при основании монархии верховная власть принадлежала народному собранию, а король являлся лишь вождем войска и вершителем правосудия? И если, благодаря длительному злоупотреблению властью, врученной ему с целью принуждать подданных уважать законы, дерзкие министры поставили самого короля выше последних, то это случилось лишь в результате ряда покушений и преступлений, ибо как же может самодержавная власть притязать на благословение свыше? Не будет, следовательно, умалением августейших prerogatives короны отрицать за королем право разорять народы угнетать подданных. Но какой же государь может домогаться таких привилегий? Какой же государь осмелится их потребовать?

И можно ли сомневаться в том, что Людовик XVI, столь много сделавший, чтобы помочь повстанцам разбить оковы, сам станет приветствовать благородные усилия народа покончить с рабством, его твердую решимость восстановить свою свободу; разве только король станет притязать на то, что ему одному принадлежит право угнетения народа? Это безумное притязание, которое король с его добрым сердцем с ужасом отвергнет.

Итак, собственные интересы короля, безопасность его короны и привязанность к нему его подданных – вот сильнейшие доводы, вынуждающие Людовика XVI утвердить *основные законы, королевства*. Добавим к этому его любовь к управляемым им народам, ревность к общественному благу и сладость покоя, которую он вкусит, возложив контроль за деятельностью министерства на совет нации, помышляющий единственно о благоденствии государства и славе монарха.

Если, против всякой справедливости и всякого вероятия, правительство, подчинившись влиянию коварных советчиков, отказалось бы торжественно утвердить указанные

основные законы, без которых Франция никогда не возродится, у народа еще останется решающее средство, чтобы его образумить. Это – отказать ему во всякой поддержке, воспретить во всех провинциях взимание налогов, сурово преследуя нарушителей этого приказа. Осмелится ли правительство взволновать все умы несправедливым отказом, который может разжечь гражданскую войну и привести к ниспровержению трона? Решится ли оно толкнуть иностранные державы к тому, чтобы поступить с Францией, как сама она поступила с повстанцами? Ужасающий пример, который оно постоянно должно держать перед глазами, тем более ужасающий, что Англия в то время располагала еще армиями, чтобы двинуть их против своих колоний, в то время как французскому правительству некого заставить идти против народа. Внезапное отступничество отняло бы у него всех воинов-граждан, всех воинов, достойных уважения, которые отказались бы убивать своих братьев. Да и откуда взяло бы оно средства оплатить оставшихся ему верными гнусных наемников?

Благодарение небу, нам нечего опасаться этого несчастья: нынешнее министерство состоит из людей мудрых и добродетельных. Озабоченные сами бедствиями народа, они искренне желают, чтобы дело справедливости, наконец, совершилось.

В ожидании того желанного дня, когда народ, предавшись радости, сможет воскликнуть: «Я свободен», какое восхитительное волнение течет в моих жилах и охватывает мое сердце!

О родина моя, я вижу тебя уже преображенной! Где эти несчастные, изнуренные голодом, лишенные приюта и крова, отданные во власть отчаяния, которых ты, казалось, отталкиваешь от своей груди? Где эти обездоленные, полуголые, истомленные, бледные и тощие, бывало населявшие твои города и селения? Где эти бесчисленные стаи сборщиков-лихоимцев, которые опустошали твои поля, подстерегали у твоих застав и грабили твои провинции?

Народ не стонет больше под тяжким бременем королевских налогов. Крестьянин располагает уже хлебом и кровом и дышит свободно; рабочий разделяет его судьбу, ремесленник не терпит больше нужды, и ревностный служитель церкви не прозябает в бедности.

Из храма свободы бьют тысячи плодоносных источников. Во всех сословиях царит достаток, стремление к благосостоянию охватывает все сердца. Каждый уверен в том, что пожнет плоды своего труда, и изо всех сил стремится отличиться. Искусства совершенствуются, торговля процветает, земля обогащает своих владельцев, познавших изобилие; и множество супругов, ранее из страха нищеты жертвовавших своим потомством, не боятся более дарить отчизне младенцев.

Сколько новых благодеяний ниспослано в ответ на твои мольбы! Отвратительные законы уступили место законам справедливым, но непреклонным. Преступление не может уже

более рассчитывать на безнаказанность, а невинность, уверенная в своей безопасности, начинает внушать мир, испуганные злодеи помышляют о том, чтобы сделаться честными людьми, и мрачные подземелья не оглашаются более глухими стонами множества преступников, приведенных туда отчаянием.

Голос мудрости заставил скряться всех этих бездарных администраторов, этих опустошителей, взяточников, грабителей, раздиравших тебя на части; этих продажных судей, торговавших правосудием или заставлявших его служить своим преступным страстям; этих подлых клеветников, удручавших добродетель; этих наглых спекулянтов, обкрадывавших доверчивых простаков; этих праздных интриганов, вырывавших заслуженное воздаяние из рук трудолюбия и таланта. Достойные люди уже выдвигаются вперед, таланты пробивают себе дорогу, посвящают себя общественному благу и оспаривают друг у друга честь способствовать процветанию родины.

Нет более неуместных предпочтений, и монарх со всех сторон приближает к себе людей высоких личных достоинств.

От алтарей он удаляет порочных попов; он не желает больше, чтобы хлеб бедняка становился добычей тех, кто изготавливает предметы роскоши, добычей галантных женщин и проституток; он требует от проповедников Евангелия нравственности и рвения. Какое благолепие царит в храмах! Их служители не предаются больше наслаждениям и сладострастию; добродетель и просвещение отличают их.

Многочисленное дворянство, ранее в рассеянии и праздности ожидавшее милостей из рук государя, словно какого-то наследства, пробуждается теперь от своего летаргического сна. Оно отказывается от своей беспечности, и пристыженное заслугами других, менее высоких классов, также стремится к их приобретению, предается занятиям, поощряет искусства и науки и не желает покоя, пока в свой черед не добьется славы.

Сколько выдающихся подданных занимает различные должности! Армия и флот возглавляются доблестью и талантом; в судах блистают неподкупность и знания; в академиях – любовь к знанию, дух исследования, наука, гений. Национальное собрание, замечательное патриотизмом, благородным рвением, становится колыбелью множества государственных мужей; и монарх, с трудом находивший ранее хотя бы одного подданного, достойного доверия, теперь затруднен лишь выбором из числа тех, кого называет ему голос общественного мнения для каждой отрасли управления: все они вполне способны защищать ответственные посты, все стремятся послужить родине и королю.

Милое мое отечество! Наконец-то я увижу твоих детей в одной дружной семье, увижу их вкушающими благодатный мир под священной сенью законов, живущими в достатке и согласии, одушевленными любовью к общественному благу и счастливыми твоим

благополучием! Я увижу их сплотившимися в один просвещенный народ, справедливый, процветающий, грозный и непобедимый, а ее обожаемого вождя – на вершине славы!

Кто из вас, о мои сограждане, не затрепещет от радости при виде столь трогательного зрелища?

Кто из вас не разделит моих восторгов? Но что за печальная мысль внезапно врывается в мое сознание? Не обольщайтесь: счастье, одна мысль о котором несет вам очарование, явится наградой лишь за мудрость и мужество ваши. Если же вам их не достанет, то очарование это рассеется как сон, а вслед за тем ужасное пробуждение снова застанет вас в нищете и оковах. Да поможет же тот священный огонь свободы, что всегда горел у меня в груди, зажечь и вас. Да поможет он вам удвоить усилия и слить всех добрых французов и единую душу и сердце!